

ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ
УЧЕНИК ВЕДЬМЫ
ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ
ЛЕТОПИСЬ ПЕРВАЯ

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ

ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ

УЧЕНИК ВЕДЬМЫ

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

ББК 84 7 США
Б 77

Перевод с английского Татьяны Кухты

«The elves and the otterskin»

© 1981 by Elizabeth H. Boyer

Бойе Э.

Б 77 Ученик ведьмы: Роман / Пер. с англ. — СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 464 с. — («Легенды Скарпсея». Летопись первая).

ISBN 5 7684 0054 0

«Легенды Скарпсея» открывают нам сказочно героический мир скандинавской мифологии, одухотворенный фантазией известной американской писательницы Элизабет Бойе, — мир, населенный светлыми альвами и черными гномами, ведьмами и драконами

Коварный волшебник Лоример, вызванный черной магией из своей торфяной могилы, собирается разжечь войну между народами альвов и черных гномов Волею случая оказавшимся на его пути пятерым альвам предстоит пройти полный опасностей путь, но в нем обретут они свою силу

Для победы над колдуном им нужен герой из мира людей — человек, способный овладеть мечом Элидагрима, успокоившимся в древней могиле викингов

И этим человеком выпало стать Ивару — ученику ведьмы

ISBN 5-7684-0054-0

© Кухта Т, перевод, 1996
© Борозенец П, дизайн, 1996
© «Азбука» — «Терра», 1996

Глава I

о вторым сыном бедного рыбака расправа коротка, мрачно размышлял Ивар, трясясь в ветхой повозке. Конь, тянувший повозку, годами был старше Ивара, а сама повозка явно принадлежала одному из первых людей, в незапамятные времена высадившихся на побережье Скарпсея. Покосясь на владелицу этих достопочтенных древностей, Ивар заключил, что более дряхлой и злобной карги он в жизни не видывал — даже если забыть о том, что перед ним знаменитая ведьма с Белого Холма. Точно прочтя его мысли, старуха метнула на него острый взгляд, и юноша поспешно хлестнул истрепанными вожжами старую клячу, тщетно надеясь, что хоть это немного прибавит ей ходу. Кляча лишь шевельнула ухом и с привычным презрением выкатила левый глаз. Правый глаз у клячи отсутствовал — пригодился, должно быть, в какой-нибудь мерзкой колдовской стряпне старухи Бирны.

«Запродать меня в ученье к ведьме!»

Ивар испустил тяжкий вздох и ссутулился, упиваясь своей обидой. Да уж, именно такое везение и преследовало всю жизнь его батюшку, Хоскульда из Безрыбья. Настоящая удача давно покинула Хоскульда; отчаявшись выправить свою хромую судьбу, он теперь уныло дрейфовал от несчастья к несчастью, точно лодка без руля в ощерившемся подводными камнями фиорде.

Жена и семеро детей, а также родичи Хоскульда представляли собой бесполезный груз этой «лодки».

Началась эта гнусная история вполне безобидно. Хоскульд и Торгерд, как обычно, бранились из-за недостатка еды, дров, одежды и избытка голодных, холодных и неодетых членов семейства. Вернее, бранилась Торгерд, а Хоскульд, облокотившись на каминную полку, мрачно размышлял о чем-то своем. Младшие отпрыски катались по полу, резвясь, точно медвежата, и не обращая внимания ни на родителей, ни на ущерб, который их возня наносила скудной домашней обстановке. Ивар и его старший брат Свейн обменивались встревоженными взглядами. Если будущая зима выдаться такой же, как минувшая, вряд ли их семья дотянет до весны.

Хоскульд наконец соизволил откликнуться на особо язвительное оскорбление своей доброй женщины.

— Я уже все решил, — заявил он. — Весной, едва растает лед, я отправлюсь в поход с викингами, и тогда уж у нас не будет недостатка ни в еде, ни в золоте.

— Ты — и с викингами? — отозвалась Торгерд. — Ха! А мы, пока суд да дело, должны разучиться есть? Если мне придется и этой зимой просить съестное у своих братьев...

— У нас же есть вождь! — поспешно перебил Хоскульд. — Старина Брейскалди не даст нам подохнуть с голоду, если мы отработаем свое пропитание. А у нас, между прочим, два крепких сына, вполне годных, чтобы пасти его овец, кормить коней и так далее...

Торгерд злобно огрызнулась, заглушив разочарованный стон Ивара. Свейн предостерегающе

ткнул брата локтем в бок, — мать пришла в расположение духа, которое они втихомолку называли состоянием берсерка, потому что оно отличалось вспышками самой бешеной ярости. Ивар, однако, со злостью прошипел на ухо старшему брату:

— Не стану я опять всю зиму спину гнуть на старого скрягу! Ты же знаешь, загоняет нас до смерти. — Он обхватил ладонями подбородок и с ненавистью глянул на свои изношенные башмаки, из которых во все стороны торчали пальцы. — Ух, чего бы я ни дал, только б смыться подальше от Безрыбья! Все что угодно. Жаль, что я не чуток постарше, — ушел бы в викинги.

— Так тебе мать и разрешила!

Они не сразу услышали в пылу перебранки, что в дверь стучат, да и вдобавок пятеро маленьких разбойников, возясь друг с другом, опрокинули стол и разбили кувшин со сливками. Эта катастрофа мгновенно отрезвила всех.

— Сливки! — взвизгнула Торгерд. — Последний кувшин!

— Не беда, — «успокоил» ее Хоскульд, — корова и так почти что сухостойная, так что молочком мы еще долго не побалуемся.

Торгерд воздела руки к потолку.

— Ну и муженек у меня! — воскликнула она, готовясь произнести всю тираду, которая обычно следовала за этими словами, когда дверь внезапно распахнулась и в дом вошла старуха.

— День добрый, — промолвила она, одним взглядом окинув комнату и особо задержавшись на Свейне и Иваре. — Да благословят боги и этот дом, и все, что в нем, а то, похоже, в последнее время они вас подзабыли. Я бы сказала, что от этого жилища так и разит невезеньем.

От лужи сливок, подползавшей к ее башмакам, поплыл по комнате кислый запах.

Торгерд заметалась, захлопотала, залепетала, усаживая нежданную гостью в кресло, предлагая ей напиться и приглашая заночевать. От Безрыбья до ближайшего селения вверх или вниз по берегу был добрый день пути. Гостей и путников всегда охотно привечали в доме, даже если семья на следующий день постилась, а Ивар и Свейн должны были спать в сарайчике, под боком у коровы.

Когда были соблюдены все приличия, прозвучали привычные вопросы и ответы насчет погоды, общих знакомых и так далее, — старуха вынула из черного мешочка, висевшего на поясе, глиняную трубку и закурила. Младшие братья и сестры Ивара, большей частью голышом, тотчас обступили ее полукругом и пилились в немом восхищении, выкатив глаза и разинув рты.

Торгерд знала, что старуха с Белого Холма — знаменитая лекарка, и едва не лопалась от желания разузнать, что привело в ее дом такую важную особу, но умело прятала любопытство. Хоскульд же снова облокотился на каминную полку, совершенно забыв, что в доме гостя.

— Ну вот, — вдруг сказала старуха, — вы ведь знаете, кто я такая, ну а я кое-что знаю о вас. За глаза меня зовут Бирной, ведьмой с Белого Холма, как твоего мужа за глаза называют Хоскульдом Злосчастливым. Я ищу... — она пронзительно глянула на Ивара и Свейна, — ищу мальчишку в работники. Слишком я постарела, чтобы успевать и в доме, и по хозяйству, да еще и не бросать свое ремесло. Живу я одна в небольшой усадьбе на холме близ Белого Мыса. Конь, три коровы, стадо коз да овец и три десятка гусей — многовато для

одной старой женщины, которая вдобавок должна лечить и людей, и зверей. Вот я и явилась забрать у вас одного вечно голодного мальчишку и дать ему за работу приличное содержание. Кроме того, я каждый месяц буду платить вам молоком, либо сыром, либо шерстью и вдобавок дам четыре марки серебром в возмещение за утрату сына. Само собой, он должен будет хорошо трудиться, чтобы оправдать мои расходы. — Она заметила, как Свейн и Ивар переглянулись, и взгляд ее стал еще пронзительней.

Глаза Торгерд тотчас алчно вспыхнули, но вслух она сказала:

— Ты, конечно, понимаешь, что сыновьями торговать негоже — (у нее их было пятеро, и при этом один прожорливей другого), — тяжело отдавать их в чужие руки. Притом я не могу расстаться со старшим, так что пусть это будет Ивар. — Торгерд как-то ухитрялась говорить одновременно виновато и напыщенно.

— Хм, а почему бы и нет? — Бирна одним взглядом окинула юношу с ног до головы. — Вид у него приличный, вот только чересчур он тощ для своего роста, ну да в моем доме для него достанет еды. Надеюсь, он не из мечтателей? — Она быстро глянула на Хоскульда, который перенес тяжесть своего тела на другую согнутую ногу и как ни в чем не бывало глазел в окно.

Взгляд Торгерд так и прилип к рукам старухи, которая сняла с пояса и звякнула об стол увесистым кошельком. Не отводя от него глаз, она неохотно проговорила:

— Мне кажется, надо бы спросить Ивара, захочет ли он пойти к тебе в работники. Тошно мне думать, что мой сын станет наемным слугой. Может...

— Я пойду, мама, пойду! — Ивар от нетерпения только что не приплясывал. — С радостью пойду, мама. Ты же сама говорила, что у нас не хватит припасов на всю зиму, и что мы — такая обуза, и...

— Я должна подумать, — прервала его Торгерд, окатив сына ледяным взглядом. Ивар знал, что она согласится не прежде, чем вытянет из старухи побольше денег.

— Ты ведь не продаешь его, — заметила Бирна. При этих словах глаза у малышей совсем округлились; теперь они до самой смерти будут рассказывать, как мать продала их старшего брата ведьме.

Сошлись на пяти марках и большем количестве сыра и шерсти.

— И что же он будет делать? — спросила Торгерд после того, как ударили по рукам и разлили в кружки эль.

Бирна, прихлебывая из кружки, пожала плечами:

— Работать по хозяйству — ухаживать за животными, доить, стричь, косить траву и так далее. Неплохо, если б он вдобавок свладел магией, но тут уж я не смею надеяться на многое.

Торгерд так и застыла, а Хоскульд выпрямился, обратив наконец свое внимание на то, что творится в его доме.

— Магией? — переспросил он не слишком внятно. — Боюсь, у парня в этом деле силенок неостанет. Да и разве сыщешь доброго колдуна или ведьму во всем Восточном Уделе, не говоря уж о Западном или Южном? Что до Севера... — Он с рассеянным видом подергал себя за нижнюю губу, готовясь опять погрузиться в мечтания. — Словом, не так давно всех этих затейников жгли

на кострах, чтобы отвести их от колдовского ремесла.

Бирна громко фыркнула:

— Если этот так, то меня они упустили. Да и какой уважающий себя колдун позволит сжечь себя орде вонючих овцеедов-скиплингов? Вот такие невежи и виновны в том, что альвы ушли в свой незримый мир к вящему ущербу для нас, оставшихся здесь. Надеюсь, этому юнцу, Ивару, хотя бы рассказывали об альвах?

— Это об эльфах, что ли? — Торгерд терпеть не могла попадать в неловкое положение. Ее раскрасневшееся лицо выражало готовность обороняться до последнего. — Да что в этом проку-то? Ты же знаешь, вот уже добрую сотню лет никто их в глаза не видел...

— И за такой краткий срок люди разучились в них верить? Охо-хо! — Бирна покачала головой, словно отгоняя мысль о том, что в ее доме появится человек, не верящий в альвов. — Впрочем, не важно. Я его быстро наставлю на путь истинный. — И она так остро глянула на Ивара, что тот впервые задумался, так ли уж хороша будет его новая жизнь.

Бирна заночевала у них и рано утром собралась в путь — куда раньше, чем Хоскульд обычно продавал глаза, не говоря уж о том, чтобы выбраться из постели. Ивар, дрожащий от утреннего холода и недобрых предчувствий, швырнул в повозку узелок с вещами. Родители почти всю ночь спорили, стоит ли отдавать сына в учение к ведьме, и сошлись наконец на том, что у них останутся еще четыре сына, так что Иваром можно и рискнуть, памятуя о пяти марках и ежемесячной плате.

Бирна умостила на сиденье ветхой повозки с таким видом, словно это был королевский трон.

— Надеюсь, ты сумеешь править конем, — буркнула она вместо приветствия.

— Пожалуй, справлюсь, — ответил Ивар, разглядывая клячу и гадая, уж не желает ли старуха, чтобы он с ходу занялся воскрешением из мертвых. Дряхлый конь безмятежно дремал в оглоблях, оттопырив мягкую губу и подергивая ушами.

С таким рыском они целых два дня добирались до Белого Мыса и, вверх по склону холма, до усадьбы Бирны. Приземистая торфяная хижина, вросшая в зеленый склон, была окружена загончиками для скота и сложенными из торфа амбарами. Все тут было в безупречном порядке, ни визга и гама животных, ни покосившихся крыш, — словом, полная противоположность бесплодным попыткам Хоскульда заниматься хозяйством.

— Главная твоя обязанность — помогать мне в лекарских делах, — объявила Бирна, показав Ивару связки сушеных трав, свисавших с потолка, распятые на стенах разнообразные шкурки и невероятное количество коробок и склянок, все с ярлыками. — Будешь по моим указаниям в нужное время года собирать растения и добывать кое-какие вещества. Спина и колени у меня болят все сильнее, и даже мои собственные снадобья и наговоры не в силах излечить того, что вконец изношено. Ты будешь ходить по моим поручениям, а я буду дома дожидаться больных. Но что важнее всего — слушай каждое мое слово и учись всему, чему я захочу научить тебя. Я не вечна, а надо, чтобы кто-то мог заменить меня после моей смерти. Хорошо, кабы ты сгодился для этого и не оказался последним тупицей, как большинство скиплингов. Вот потому-то я все эти два дня и

рассказывала тебе о светлых и черных альвах, гномах, великанах, троллях и всем таком прочем. Если ты будешь помогать мне и когда-нибудь заменишь меня, то слушай внимательно, не то попадешь к троллям на обед!

У Ивара голова все еще кружилась от сведений, которыми всю дорогу пичкала его Бирна, свято уверенная, что он все усвоит как надо. Он же с немалым трудом уразумел лишь одно: бок о бок существуют два разных мира, а скиплинги понятия не имеют о стране альвов.

— А мне придется ходить в тот незримый мир, о котором ты говорила? — робко спросил он, чувствуя, как невыносимо далеко сейчас его родное Безрыбье.

— Само собой. В мире скиплингов мало проку от истинной магии — здесь нуждаются лишь во врачеваниях или в проклятиях; порой приходится воевать с неприкаянным духом, и почти всегда просят наколдовать хорошую погоду, дождь и так далее. Истинная магия только в том мире. Надеюсь, тебя это не пугает? — Бирна указала ему на стул и начала разливать чай и нарезать ломтями холодную копченую баранину. Кроме того, на столе оказался суп из ревеня, любимое блюдо Ивара. — Пугаться здесь нечего. Все, что от тебя требуется, — держать ушки на макушке и вовремя сказать нужное заклинание. Я понимаю, тебе нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью о магии, Силе и двух мирах. Ничего, у тебя будет на это два года, и уж я постараюсь вложить в твою голову все, чему скиплинги предпочитают не верить. Потом я познакомлю тебя с кое-какими альвами, после того займемся магами, троллями и так далее, пока не дойдем до чародеев... — Голос Бирны изменился, и она со стуком

отставила горшок. — Надеюсь, юноша, ты будешь счастлив здесь и эта жизнь покажется тебе интересной. В ней немало опасностей, но и приятного довольно.

— Пожалуй, мне здесь нравится, — вздохнул Ивар, думая об опасностях и гадая, что такое «приятное».

— Вот и славно. — Старуха усмехнулась не слишком приветливо, но глаза ее потеплели.

После рассеянного болтуна Хоскульда и вечно злящейся Торгерд Бирна оказалась суровым и требовательным наставником. Она долго заставляла Ивара зубрить названия и предназначение собранных ею трав, прежде чем он в одиночку отправится за травами на холмы. Он учился готовить мази, отвары, настои и налагать простейшие чары. По вечерам Бирна вела бесконечные повествования об истории и познаниях альвов, о том, как жажда золота разделила черных и светлых альвов и как черные альвы стали искусными рудокопами и подземными жителями, навсегда покинув верхний мир ради золота и черных чар. Рассказывала она о гномах, которые делятся по своему могуществу на три разряда: белые, коричневые и — самые могущественные — черные. Ивар узнал названия их владений, имена королей, полководцев и магов, и они стали так же привычны ему, как имена вождей и владетелей Четырех Уделов.

Так минул год, и Ивару все больше нравилось быть учеником ведьмы. На всех фермах окрест Белого Мыса, севернее и южнее по берегу моря, привечали лекарское искусство Бирны, а теперь, хотя и неохотно, принимали и услуги Ивара. Они оба частенько выходили победителями там, где старания всех прочих оказывались бесплодными.

Порой, когда Бирна неважно себя чувствовала, она посылала Ивара сделать припарку, дать отвар или наложить чары — но только четвероногим пациентам. Людей Бирна пользовала сама, и они относились к ее могуществу с боязливым почтением. У Ивара руки чесались добраться до секрета ее лекарств и заговоров, хотя сам Ивар просто лопался от самоуверенности.

К концу второго года его нетерпение достигло предела. Он изводил Бирну просьбами поручить ему дело потруднее, умолял научить его новым заклинаниям и неизменно хотел узнать, когда же наконец он отправится в незримый мир и увидит там альвов и магов. Ему до смерти обрыдло таскать за Бирной сумку и подавать то одно, то другое, покуда старуха получала весь почет за исцеление больных.

На все его требования Бирна неизменно отвечала одно и то же:

— Потом, потом, вначале нужно выучиться как следует. Ты еще не готов. Времени у нас много, а ты еще молод. Будь уверен, ты своего добьешься. Жди, учись, набирайся сил.

— Да чего же я добьюсь-то? — не выдержал однажды Ивар. — Ты же никогда не даешь мне испытать собственное умение! Как я могу научиться чему-то, если я только и знаю, что носить за тобой сумку, подавать то, другое или вливать вонючее полоскание в глотку занедужившего теленка? А на твою долю достается самое интересное — загонять в могилу упыря или умирять проклятие. Какую же долю, интересно, предназначила ты для меня?

Бирна раздраженно вздохнула:

— Потерпи, скоро узнаешь. Прошло всего два года, и ты еще не готов.

— Но ведь ты хочешь, чтобы я сделал что-то особенное, правда? А как же я этому научусь, если ты даже не говоришь, что именно я должен сделать? Ты же не молодеешь с каждым днем, и чем дольше ждать, тем больше времени пропадает зря, — если ты, конечно, вправду хочешь, чтобы я чего-то добился, с теми знаниями, которые ты мне дала, Бирна. Или на которые намекаешь.

— Ух, несносный мальчишка! Превратить бы тебя в козла — потому что ты и есть мерзкий молодой козел, — уж я бы поглядела, как тебе это понравится! — огрызнулась Бирна, обозленно трясая головой.

Ивар поспешно сотворил за спиной один-два охранных знака. Кто знает, на что способна старуха! На глазах у него она совершала немало диковинного, а было еще и то, о чем Ивар лишь догадывался и даже не смел спрашивать. Кто она — просто удачливая травница, знающая заговоры плодородия, или некто совсем иной? Когда Ивар прямо спрашивал, уж не из альвов ли она, Бирна никогда не отвечала, а сразу начинала огрызаться.

Однако на сей раз Ивар решил немного подразнить ее.

— Вот еще что я хотел бы знать, — вкрадчиво начал он, незаметно пятясь поближе к двери, чтобы при случае успеть удрать. — Ты вот как-то помянула фюльгью, животный или птичий облик, который может принимать всякий альв, и я давно уже подозреваю, что обращаешься в косоглазую серую лисицу, которая почти каждый день шпионит за мной. А если ты умеешь это делать, почему бы не научить меня? Или скиплингам этого не дано?

— Ах ты дерзкий негодник! — Бирна бросила чесать шерсть и проворно метнулась к Ивару, но он вылетел из двери, точно рысак на скачках, и завернул за угол дома, исчезнув из ее поля зрения, но не из пределов слышимости.

— Эй ты, невежа! — визгливо надрывалась Бирна. — Я же знаю, что ты там, за углом, прячешься! Вижу, ты решил, что все наше ремесло — пустяки, смешки да бирюльки? Ничего, я тебе покажу!.. Уж больно ты обнаглел, пора научить тебя страху.

Ивар настороженно выглянул из-за угла, несколько озадаченный ее тоном. Бирна вернулась к чесанию шерсти и не обращала на него внимания; губы ее были недвусмысленно поджаты. Прежде старуха порой припугивала его, но лишь для того, чтобы заставить присмирнеть; теперь же Ивар чувал, что тут дело нешуточное. Лучше убраться до вечера с глаз долой — может быть, тогда Бирна позабудет о своей угрозе.

Два года ученичества Ивар все свободное время бродил по холмам и оврагам близ Белого Мыса. К этому времени он неплохо изучил окрестности и знал, что древние холмы таят немало любопытных тайн былого. Он бродил около могильных курганов, таких древних, что никто бы и не вспомнил, кто там погребен, возле каменных крутов и одиноких стоячих камней, установленных в незапамятные времена неведомыми, но живыми руками. Правда, Бирну сердил его интерес к этим камням, и она строго-настрого велела Ивару держаться от них подальше, сказав только, что это дорожные столбы, возведенные неведомо для какой цели давно забытым народом.

Когда вечером этого дня Ивар вернулся, чтобы подоить коров и заняться обычными домашними

делами, он старался держаться поскромнее и не задавать слишком много вопросов. Бирна, к его огромному облегчению, как будто совсем позабыла о своих словах.

Шли дни, и Бирна постепенно позволяла Ивару не только помогать ей, но и действовать самому. Так минуло полгода, и Ивар был доволен, хотя и понимал, что старуха еще хранит от него немало тайн.

Как-то вечером в начале зимы они возвращались домой. Было темно, хотя день едва клонился к закату, и к тому же стоял туман, так что Ивар не особенно удивился, когда Бирна свернула с тропы.

— Бирна, ты не ошиблась? — окликнул он.

— Разумеется, нет. В последний раз я ошиблась много лет назад, и эта ошибка едва не стоила мне жизни. С тех пор я ошибок не делаю: они отнимают слишком много времени и стоят слишком дорого. Иди за мной, не отставая ни на шаг. Если ты сейчас заблудишься, страшно даже вообразить, какой бедой это может обернуться.

Ивар вдруг припомнил давнюю угрозу Бирны научить его страху. В такой вечер это воспоминание было не из приятных, и он, прикусив язык, поспешил за старухой. Она шагала бодро, не выказывая ни малейшего признака дряхлости и ломоты в спине и коленях, немощи, на которую постоянно жаловалась. Ивар задумался над этим и лишь сейчас осознал, что Бирна при нем ни разу не проявила телесной слабости.

Наконец она остановилась и, протянув руку, коснулась стоячего камня. Мурашки пробежали по спине Ивара, когда он понял, что они оказались в древнем каменном кругу. Незаметно для себя

он вцепился в край плаща Бирны и меньше всего на свете собирался его отпускать.

— Бирна?.. — прошептал он.

Старуха, уйдя в себя, стояла как вкопанная. Открыв глаза, она толкнула Ивара за камень:

— Стой смирно и помалкивай. Здесь сейчас кое-что произойдет, а ты не двигайся с места. — И она отошла прочь, к вершине холма.

Оробевший Ивар съехался за высоким камнем, не решаясь ни прижаться к нему вплотную, ни отдалиться. Волосы у него встали дыбом, словно где-то поблизости стягивались грозовые тучи.

Затем впереди, во тьме, у одного из камней замерцал свет. Вспыхнуло пламя костра, и Ивар впился в него затравленным взглядом птицы, зачарованной змеей. Внезапно он осознал, что за костром во мраке проступает черный силуэт, смутные очертания человеческой фигуры. Лицо скрывал капюшон. В одной руке человек сжимал причудливой формы резной посох, увенчанный головой гадюки с горящими красными глазками. Окончательно воплотившись, незнакомец повернул голову, пристально вглядываясь во тьму, и у Ивара сумасшедше заколотилось сердце. Чужак, казалось, глядел именно туда, где он затаился. Затем человек шагнул к центру круга, где виднелся приземистый могильный холмик, и отблеск огня замерцал на вещах и украшениях, которые висели у него на груди и поясе. Теперь Ивар разглядел его бороду и часть лица. Он содрогнулся: этот облик напомнил ему кое-что весьма неприятное. Прошлым летом торфорезы нашли в болоте труп, неплохо сохранившийся под действием каких-то снадобий. Лицо чужака напомнило Ивару лицо того мертвеца: высохшая кожа обтягивает

кости черепа, в глубоких глазных впадинах стынет мгла.

Чужак раскрыл сумку, похожую на ту, что носила при себе Бирна. Обряд, который за этим последовал, должен был поднять из могилы мертвеца — Ивар узнал это, когда-то без спроса сунув нос в заклинательную книгу Бирны.

Чародей вынул из сумки свиток пергамента и палочку, покрытую рунами. Он начал водить этой палочкой над могилой, нараспев произнося слова, написанные на пергаменте — насколько понял Ивар — кровью самого чародея. Еще несколько заклятий прибавилось к колдовскому речитативу, и наконец могильный холм зашевелился и всколыхнулся.

До слуха похолодевшего Ивара донеслись бормотание и нечеловеческие стоны, но он даже шевельнуться не мог, не то чтобы удрать. Чародей продолжал творить заклятие, не смущаясь ни странными звуками, ни жутким видом головы, показавшейся из-под земли.

— Лоример, Лоример! — застонал хриплый голос. — Дай мне покоиться в мире!

Лоример запел быстрее, и рука с палочкой проворней задвигалась над могилой. Мертвец поднимался все выше — бесформенное существо, с огромным шишковатым черепом и остатками волосатой шкуры, кое-где свисавшей с костей. Когда комья земли едва не осыпались назад в могилу, Лоример проворным движением оттреб их прочь; когда надо будет снова зарывать могилу, упавшие в нее комья нельзя будет заменить другими.

— Зачем ты опять тревожишь меня? — простонал мертвец. — Отчего не даешь телу покоиться в земле?

— Оттого что оно может мне пригодиться, — отвечал Лоример, прервав заклинание в тот миг, когда мертвец еще наполовину был в земле, — и тот задержался, безнадежно пытаясь высвободиться. Лоример протянул мертвецу чашу, которую тот с жадностью схватил обеими руками и осушил в три больших глотка, не замечая, что темная влага заструилась по его подбородку.

— Кровь всегда развязывала тебе язык, — заметил Лоример.

— Ну тогда валяй, спрашивай! — проворчал мертвец уже куда бодрее. — Два вопроса — и все.

Лоример подался вперед:

— Как могу я обратить Свартара, короля черных гномов, против его старого друга и союзника, владыки светлых альвов Эльбегаста?

Мертвец тяжело вздохнул:

— Эльбегаст... альвы... Даже после смерти не дают они покоя бедному старому троллю! Впрочем, я видел будущее, и у меня готов замысел, который поможет тебе уничтожить и Эльбегаста, и его Снегохолм, если у тебя, конечно, ума хватит. Видел я и пятерых альвов в Свартарике...

— Знаю я их. Соглядатаи Эльбегаста и легкая добыча для заговорщиков, которые повинуются мне.

— Да нет же, глупец! — оборвал его хриплый голос. — Слушай. Пускай Свартар в надлежащее время сам расправится с ними. Расставь силки для этих пятерых, силки изгнания, убийства, мести. Я вижу — прольется кровь и просыплется золото. И я вижу, что у Свартара есть сын, юнец, который любит разгуливать в облике выдры. Гибель принца взволнует всех черных гномов, верно? Особенно если его убили тайно.

— О да, кажется, я понимаю... Соглядатаи-альвы станут убийцами и изгоями. Свартар потребует виру за принца, а уж я позабочусь, чтобы ее нельзя было уплатить. Тогда Свартар отомстит Эльбегасту.

— Нет, нет, я придумал кое-что получше. Сделай так, чтобы Свартар получил шкуру выдры. Скажи, чтобы он наложил на шкуру заклятье — чем больше золота на нее насыплют, тем больше она станет. Таким образом, Свартар заполучит все золото, а поскольку шкуру так никогда и не удастся засыпать целиком, вира не будет уплачена, и придется Свартару воевать с Эльбегастом... — Мертвец попытался схватить Лоримера, но чародей вовремя отпрыгнул.

— Отлично, Грус, ты немало мне помог. Будь ты посговорчивей при жизни, я бы тебя не прикончил. А теперь — мой последний вопрос. Слушай внимательно, Грус. Как могу я свергнуть Свартара и захватить власть в Свартаррике?

— Ну и жадюга же ты! Дай-ка подумать... Свартар... гм, это возможно. Сейчас поглядим... проклятие, опять в моих мыслях какой-то дикарьскиплинг! — Голос мертвеца захлебнулся, и он залопотал: — Лоример, твоя жизнь в опасности. Я вижу грозный меч с наковальни гномов, он вышел из могилы, и на нем начертана твоя гибель. Геройскиплинг возьмет его в руки, и ты погибнешь на земле, которой домогаешься.

Лоример покачал головой, издав безрадостный смешок:

— Никогда не приму я смерть от руки ничтожного скиплинга. Я пять раз умирал и возрождался сильнее прежнего. Нет, мой милый Грус, никаких скиплингов. Впрочем, ты любезно предупредил меня, и теперь я прикончу всякого ге-

роя-скиплинга, на которого наткнулся в мире альвов. — Он обнажил меч, и в лунном свете длинный узкий клинок замерцал нездешней голубизной. — Ну а теперь, Грус, поскольку ты оказал мне такую услугу, я намерен прихватить тебя с собой.

Мертвец взмахнул руками и зловеще захихикал:

— Ты отлично знаешь, что я сделаю с тобой, едва мои ноги освободятся от земли. Я старше тебя, Лоример, и куда сильнее.

Лоример поднял меч:

— Знаю, старый приятель. Но боюсь, что без рук и ног ты со мной вряд ли справишься. — Провистел клинок — и голова трупа, прокатившись через круг, замерла почти у самых ног Ивара. Лоример шагнул следом и поднял ее за волосы. — Придется тебе, Грус, рассказать мне побольше об этом герое-скиплинге, и на сей раз у тебя не будет выбора, разве что захочешь, чтобы я бросил тебя здесь, на радость крысам и прочей швали.

Голова выкатила горящие зеленым огнем глаза, ворча и захлебываясь словами:

— Ты не посмеешь... нет... это нечестно! Как же мое бедное тело? Ты ведь не бросишь его здесь, правда?

Лоример грубо рассмеялся и сунул голову мертвеца в кожаный кошель, висевший на поясе. Затем он повернулся к могиле — к большому облегчению Ивара, которому все казалось, что чародей вот-вот коснется его.

Лоример начал произносить заклинания вперемежку с речитативом и проклятиями телу Груса, которое яростно сопротивлялось попытке загнать его в могилу.

Грус мерзко захихикал:

— Эй, Лоример, а оно не хочет возвращаться. Может быть, возьмем его с собой?

— Заткнись ты, скотина! Я его загоню обратно, или...

— Тсс! Лоример, Бирна близко! Убираемся отсюда, быстро!

Лоример стремительно обернулся, вперив взгляд во тьму, в направлении холма, и его плащ всколыхнулся на неощутимом ветру. Одним движением он загасил огонь, затем схватил свой посох и взметнул его над головой. Взорвался клуб слепящего дымного огня — и чародей исчез.

Глава 2

вар скорчился за камнем, не решаясь хоть одним глазком глянуть на могилу и обезглавленный труп. Перед его мысленным взором все еще стояло жуткое зрелище — руки мертвеца, слепо шарящие по земле в поисках головы.

Когда он наконец осмелился выглянуть из-за камня, глубоко убежденный, что снова увидит призрак, ищущий свою голову, — к его вящему изумлению, круг оказался совершенно пуст. В траве проступал едва видимый могильный холмик — без единого признака, что покой этой могилы был когда-то нарушен. Не осталось и выжженного пятна там, где горел костер.

Ивар опрометью бросился к вершине холма, но Бирны там не оказалось. Тогда он помчался к дому, не замечая, что колючие ветви кустарника хватают его за ноги, и громко шлепая по лужам. Он и сам не знал, как добрался до дому, но появился именно тогда, когда Бирна снимала с огня чайник, чтобы налить две чашки крепкого чая.

— Чародей! — задыхаясь, выпалил Ивар. — Там, в каменном круге! Он поднял из могилы мертвеца и отрубил ему голову!

Бирна кивнула, затем резко мотнула головой — и дверь захлопнулась сама собой. Из-под капюшона в сети морщинок горели ее глаза.

— А теперь вспомни, чему я тебя учила, и назови приметы, которые помогли тебе распознать

носителя Силы, все едино, льда и тьмы или огня и света.

Ивар, как безумный, метался по комнате и наконец схватился за старый посох:

— Не время для учения! Надо защищаться. Они знают, кто ты, они, верно, уже близко...

— Чепуха. Отсюда и до северной оконечности Скарпсея нет ни одного чародея. Ну же, Ивар, не ленись. По каким признакам можно опознать носителя Силы?

— Бирна!.. Нельзя же в такую минуту прихлебывать чай и допытывать меня ненужными вопросами! Мы в опасности! Вставай, берись за дубинку или за заклинания! И отчего у меня нет меча или хотя бы лука и стрел?.. — Ивар метался от одного окна к другому и уже с десятков раз проверил дверной засов.

— Ивар, перестань сходить с ума и выслушай меня! — вскочив с места, повелительно крикнула Бирна. Глаза ее сверкнули. Ивар тотчас шлепнулся в свое кресло. — Если б что-то угрожало нам, я бы тотчас узнала это, разве нет? Ты забыл, что два года твоей учебы — ничто перед многими годами моего опыта. Нынешнего урока ты явно не усвоил, а ведь целый год требовал, чтобы я испытала тебя! Так вот — это было испытание, и, должна тебе сказать, ты вел себя не лучшим образом.

Ивар съезжился в кресле с видом самым несчастным.

— Но ведь я же все это видел! — пробормотал он. — Стало быть, ты знала, что Лоример появится там именно в это время?

Бирна вздохнула и принялась чесать шерсть. Несколько минут она молча водила скребком по шерстяным волокнам и лишь затем отозвалась:

— Ты так и не понял, что видел.

Ивар уставился на старуху, пытаясь сообразить, что именно она испытывает — его память или умение стоять на своем.

— Я видел чародея Лоримера, который поднял из могилы мертвеца, — упрямо сказал он. — И я в этом уверен... Что, разве не так?

— Не так, — отрезала Бирна. — То, что ты видел, зовется наваждением. Это были не настоящие Грус и Лоример, а только их подобию, картина давно свершившихся событий. Я ведь еще раньше говорила тебе, что каждое событие оставляет свой след, а особенно преступное деяние — убийство или что еще похуже. Применяв кое-какие чары, каждый, кто владеет магией, может воссоздать любой случай, когда бы он ни произошел в определенном месте. Неужели ты думаешь, что, если бы Лоример на самом деле был там, он за какие-то десять шагов не учуял бы тебя? Если пожелаешь, мы вернемся в каменный круг и повторим все сначала; я хочу быть уверена, что ты сразу узнаешь Лоримера, если когда-нибудь столкнешься с ним наяву.

Ивар уткнулся подбородком в сплетенные пальцы:

— Да я его и за милую узнаю! Нет, не нужно ничего повторять. Так ты говоришь, это были только подобию? А настоящий чародей где-нибудь далеко отсюда занимается совсем другими делами?

Бирна недовольно сверкнула глазами, и он ощутил себя усталым и обескураженным.

— Ты, однако, не такой тупица, каким кажешься, — резко проговорила она. — Впрочем, Ивар, ты забыл самую важную часть этого урока.

— Я вовсе и не стараюсь казаться тупицей, — проворчал он, усиленно напрягая одурманенные

страхом мозги. — Ой да — вспомнил! Пять альвов-соглядатаев и Свартар. Лоример хочет завладеть Свартарриком и собирается...

— Да, и я давным-давно знаю об этом, Ивар. Знала еще до того, как отыскала тебя.

— А предупредил кто-нибудь Свартара? И что собирается делать Эльбегаст?

— Они оба еще ничего не знают. Время в мире альвов течет совсем иначе, чем здесь. Ну довольно на сегодня о призраках и наваждениях. Ни одной живой душе ты не расскажешь об этом. И, поскольку ты видел Лоримера, надо бы тебе теперь побережись. Нельзя тебе больше в потемках бродить одному по холмам... Не перебивай меня, дай досказать. Ты можешь по-прежнему возвращаться поздно после посещения больных, но только лишь когда я буду рядом и смогу защитить тебя.

Глянув на старушонку, Ивар едва подавил смешок. Она была ростом ему до плеча и при всей своей выносливости и силе весила не больше ребенка.

Бирна, словно прочтя его мысли, метнула на него гневный взгляд.

— Я предчувствую недоброе, — строго сказала она, — и посмей только послушаться! Придет время, когда ты еще обрадуешься моему покровительству. А теперь брысь в постель, быстро!

Ивар от души надеялся, что Бирна забудет о своих «предчувствиях». Уж очень ему нравилось в одиночку обходить жителей Белого Мыса и лечить их по своему разумению. Если же при этом была Бирна, ей доставались и хвала, и слава.

Когда однажды сообщили, что у зажиточного крестьянина захворал конь, Ивар попытался убедить Бирну отпустить его одного:

— До подворья Бьярги путь неблизкий. Я один сбегаю туда и вернусь куда быстрее, зачем же еще и тебя беспокоить? Я же знаю, этой кляче надо только влить в глотку крапивного настоя, чтобы поднять ее на ноги.

— Ха! Ты хочешь сказать, что я уже совсем одряхлела?

— Слишком грубо сказано, Бирна, но ведь ты знаешь, что я и вправду хожу быстрее тебя.

— Чепуха! Захоти я — и перенеслась бы туда быстрее, чем ты успеешь снять локти со стола. Ты надеялся, что я забуду свои слова насчет хождения в потемках?

— Конечно! Я уже взрослый и не боюсь темноты. Нет страшнее оскорбления, чем покровительство хилой старушки! — Он постарался принять удрученный вид, но сумел только нахмуриться. — По-моему, куда естественней, чтобы я защищал тебя!.. С тех пор как я попал сюда, я чувствовал, что ты бы и без меня неплохо управлялась. Даже лучше — никто бы не путался у тебя под ногами и не задавал дурацких вопросов!

Бирна улыбнулась так, как улыбалась крайне редко, и похлопала его по плечу:

— Ну-ну, сколько шума... У тебя, дружок, еще будет возможность взять свое. А теперь отправимся к Бьярги и его больной лошади.

Упомянутая лошадь была многолетним и почитаемым членом семейства Бьярги, и, хотя она дожила до двадцати лет и почти ослепла, все домочадцы ее обожали. Осматривать и лечить ее следовало со всем должным почтением, памятуя о ее положении в семье, и когда наконец со всеми церемониями было покончено — причем все семейство Бьярги болталось вокруг и задавало тысячи ненужных вопросов, — к тому времени давно уже

стемнело. К огорчению Ивара, Бирна отказалась от ужина и вышла во двор, засветив небольшой фонарь, что покачивался на навершии ее посоха. Длинный плащ скрывал ее с головы до пят — от ночной сырости, как говорила Бирна, — и превращал ее в черную тень, почти неразличимую во тьме. Шагала она на диво быстро и бесшумно, и глаза ее видели, а уши слышали куда лучше, чем Ивар при свете дня. В пути они времени зря не теряли — Бирна перечисляла Ивару королей, которые правили гномами за много лет до того, как первый викинг бросил алчный взгляд на гостеприимные берега Скарпсея.

Вдруг Бирна остановилась, предостерегающе схватив Ивара за руку, и так яростно прошипела: «Стой!» — что он замер, не успев запротестовать. Ивар напряг слух и до боли вытаращил глаза. Пальцы Бирны сильнее стиснули его руку, беззвучно подсказав глянуть налево. Ледяная струйка страха пробежала по спине Ивара, он ощутил ту же дрожь ужаса, которую испытал в ночь явления призраков Лоримера и Груса в каменном круге. Но разглядел он только, что их тропу пересекала черная тень, по краям обведенная слабым свечением.

Едва тень исчезла, Бирна подтолкнула Ивара и все так же неумоимо зашагала дальше по тропе.

— Черный гном, — проворчала она, — или я не отличу гнома от стога сена?!

— Здесь, в этом мире? — сдавленно шепнул Ивар.

— Шпионил для Лоримера, это уж точно. Если так дела пойдут и дальше, придется нам быть поосторожнее. Я ни на миг не смогу упустить тебя из виду. — И она потыкала Ивара по-

сохом, словно хотела убедиться, что он настоящий, а не призрак.

— Но что же... я не понимаю...

— Заткнись. Здесь не место для бесед. Повсюду чужие уши.

Четыре дня минуло, прежде чем Ивар убедил Бирну ответить на его вопрос. Все это время он помогал старухе резать овец на зиму, коптить, сушить и засаливать мясо.

— Зима на носу, — промолвила она, усаживаясь и вынимая изо рта трубку. — Того и гляди, повалит первый снег, а я должна еще кое-что тебе показать. Уж тогда, надеюсь, твое любопытство насытится.

Ивар неуверенно глянул на нее:

— После того как ночью, на дороге из подворья Бьярги, я почуял эту ледяную волну Силы, аппетит у моего любопытства поуменьшился.

— Да ведь это всего лишь черный гномик торопился домой к ужину, — фыркнула Бирна. — Теперь у нас дела посерьезнее. — Она оглядела кладовую, в которой они солили мясо. Это была уютная тесная комнатка, битком набитая продовольствием и всяким добром на продажу, и в ней витал аромат копченого барашка, приготовленного ко дню зимнего солнцестояния. Ивару всегда нравилось в кладовой, но сейчас в его мыслях возник образ чародея, и он ощутил легкий — пока еще — озноб страха.

Бирна глядела в дверной проем, на зеленевший внизу склон холма.

— На Белом Холме есть укромные местечки, — проговорила она задумчиво, — но и опасных немало. Говорят, когда-то под этим холмом были кузни искусных мастеров-гномов. Бывало, первые поселенцы-скиплинги оставляли на камне

золотую монету и рядом коня, и утром конь был подкован новенькими подковами, а деньги исчезали. Вот как близко бывали когда-то два мира! Однако много, очень много времени минуло с тех пор, как последний скиплинг прошел из этого мира — в тот.

— Ты хочешь сказать, что мне придется идти туда? — Ивар с трудом сглотнул слюну — рот у него внезапно пересох. К его обычному волнению примешивалась сейчас изрядная доля страха.

Бирна утвердительно кивнула:

— Прошлой ночью, покуда ты спал, у меня был посланец с той стороны.

— И ты меня не разбудила?! Ты же знаешь, что мне до смерти хочется увидеть живого альва! — Задетый до глубины души, он мерял шагами комнатушку. — А как же моя учеба? И ведь я был всего-то на чердаке; что тебе стоило...

Бирна вскинула руку, призывая к молчанию:

— Если хочешь знать, мы с ним только и говорили что о тебе. Я сочла, что лучше тебе ничего этого не слышать, пока не будет предпринят следующий шаг. Я сделала свое дело — подготовила тебя. Пора уходить, Ивар, и уже не важно, готов ты к этому или нет.

— Уходить? Куда? Разве я не могу остаться здесь? Ты хочешь, чтобы я вернулся в Безрыбье?

Бирна покачала головой и взглядом указала на потолок:

— Вернемся в кухню, и там я все объясню.

Она приготовила чай, накрыла на стол, и это обыденное занятие как будто помогло ей собраться с мыслями. Отрезав ломоть хлеба, она щедро намазала его маслом и глядела, как Ивар уписывает бутерброд за обе щеки. Удивляясь ее молчанию, юноша и сам не проронил ни слова, поку-

да не съел хлеб и не осушил кубок эля из бочонка, который Бирна хранила для самых особых случаев.

— Так что же посланец? — вкрадчиво напомнил он.

Бирна стряхнула с себя хмурое оцепенение:

— Ах да, посланец! Он сообщил, что убит Оттар, сын Свартара, и что в убийстве обвинили пятерых альвов-соглядатаев. В подобных случаях законы альвов гласят то же, что и наши. Ближайший родственник жертвы имеет право сам свершить суд над убийцами. Свартар схватил соглядатаев на следующий день после того, как разнеслась весть об убийстве.

— Их казнили? — спросил Ивар.

Бирна покачала головой:

— Вира. Свартар отпустил альвов, но в пределах Свартаррика они объявлены вне закона, а это значит, что никто не поможет им, не даст еды и крова, иначе сам окажется изгоем. Альвы же должны до дня осеннего равноденствия засыпать золотом шкуру выдры. Если они этого не сделают, Свартар в отместку прольет кровь множества альвов.

— Шкура выдры невелика, — пробормотал Ивар и осекся, увидев, как вспыхнули глаза Бирны — Опять я что-то упустил?

— Это же не просто шкура выдры! — проворчала старуха. — Чтоб засыпать ее, нужны бочонки золота! Она растет с каждой золотой монетой, что коснется ее. Может быть, ей вовсе нет предела — как горю Свартара. Он точно обезумел.

Ивар кивнул:

— Да, горячая заварилась каша. Только нам-то что до этого? Мы живем в совсем другом мире и недурно зарабатываем себе на жизнь. Я-то думал,

что мне суждено стать когда-нибудь твоим премником. Зачем же прогонять меня, Бирна? Мне здесь нравится.

— Это верно, — согласилась старуха, — ты уж очень привык к беззаботной жизни. Впрочем, я немало потрудилась в отмеренное мне время и надеюсь, что ты, оказавшись в ином мире, не ударишь лицом в грязь... И да сохраняют нас боги, если я ошиблась! — пробормотала она себе под нос.

Больше Ивар от нее ничего не добился. Наутро, почти с рассветом, Бирна повела его на вершину Белого Холма. Она брела вверх молча — берегла дыхание — и лишь изредка останавливалась, чтобы отдышаться и обмахнуть разгоряченное лицо. Ивар принес ей напиться ледяной воды из ручья, пробившего себе в камне дорогу вниз, к морю. После краткого отдыха Бирна свернула с тропы и ступила на лужайку. Дойдя примерно до середины, она остановилась.

— Ну-ка, — позвала она, наклоняясь и похлопывая гладкий белый камень. — Что ты видишь?

— Белый, гладкий, округлый камень, размером примерно с лохань. — Ивар взгляделся пристальнее. — Немного оброс мхом. Есть под ним что-нибудь, кроме каменистой почвы Скарпсея?

Не отвечая, Бирна протянула руку с посохом, указуя на зеленый склон холма:

— Ну а там ты что видишь?

Ивар не спешил ответить: «Ничего», хотя и не солгал бы. За такой ответ Бирна его, пожалуй, поколотит.

— Вижу склон холма и еще много разных камней. Кустарник, зайца...

Бирна неодобрительно фыркнула:

— Что за камни?

— Черные. Явно из вулкана. — Ивар пожал плечами, и тут его осенило: — Ага, а этот белый камень, должно быть, со дна реки! Его доставили сюда люди... или кто-то еще. Ничего не скажешь, увесистый камушек. И как его только сюда дотащили? — Он огляделся. Бирна снова указала посохом, и Ивар поднял взгляд к очертаниям вершины холма, выделявшимся на фоне неба. — Бирна, здесь, на склоне холма, метка! Ее вырубili чьи-то руки.

— Наконец-то разглядел, — кивнула старуха.

Обернувшись, Ивар поглядел вниз по склону. Там высился стоячий камень, слегка наклоненный к востоку, точно приветствующий восход солнца. Два камня и зарубка на скале находились на одной линии, тянувшейся в глубь суши, куда никто не забредал.

— Это Путевая Линия, иначе — Линия Силы, — промолвила Бирна. — Всюду тянутся они, от священных холмов до каменных кругов, от могильных курганов до чистых источников. В древние смутные времена в обоих мирах безопасный путь пролегал только вдоль этих линий. Мы, конечно, уже много столетий не прибегали к загадочным древним силам, что таятся в Путевых Линиях и каменных кругах. Но когда нуждаешься в убежище, Линии Силы тебя не обманут. Помни это, а еще помни, что чем выше, тем безопасней. Обнаружить Путевую Линию можно с помощью маятника. Помнишь, как мы по качанию маятника отыскивали спрятанные вещи, металлы и тому подобное? На перекрестье двух линий безопасное... — Бирна запнулась, вдруг отчего-то задохнувшись. — Помни... высота... это безопасность, чем... выше, тем... безопасней... Низины... — задыхаясь, она обшаривала диким взором пустынный

осенний пейзаж, — низины... и темнота... таится зло... — Бирна схватилась за горло, тяжело, с при-
свистом дыша. Губы ее странно посинели.

— Бирна, что стряслось? — Ивар поддержал пошатнувшуюся старуху.

— Сила... зло... — прохрипела она и двинулась, ковыляя, к стоячему камню ярдах в пятидесяти ниже по склону. — Хотят заполучить тебя... Беги... Танцуй в круте... сосредоточься... Три раза... или девять... раз. — Голос Бирны сорвался, колени подогнулись, как ни силился Ивар удержать ее. Старуха схватилась за грудь, гримаса боли исказила ее лицо.

— Бирна, что мне делать?

Вместо ответа она, сипло дыша, шарила в своей сумке. Ивар выхватил ее и вывернул содержимое на траву. Бирна рылась в мешочках и склянках и наконец отыскала скляночку синего стекла. Вид ее посиневшего лица приводил Ивара в ужас; казалось, каждый ее сиплый, надсадный вздох может стать последним. Пальцы Бирны сплелись с его пальцами в отчаянной попытке выдернуть пробку из синей склянки.

Ивар мельком глянул вверх — и ему почудился человек в черном плаще, стоящий над зарубкой, на вершине холма; воздев руки, он потрясал стиснутыми кулаками, явно творя заклятие. Только миг и длилось наваждение; Бирна вдруг выдернула пробку и — раз, два! — плеснула содержимое склянки в каждый глаз Ивара. Ивар взвыл от жгучей боли:

— Бирна! Как же я тебе помогу, если ничего не вижу?! Да что же это такое? Падаю!..

Затем чувство падения исчезло, и Ивар ожесточенно тер глаза тыльной стороной ладони, пока зрение не вернулось к нему, хотя слезы все еще

застилили глаза. Он по-прежнему стоял на коленях рядом с Бирной, но ее хриплое дыхание стихло. Ивар глянул на нее — и сердце у него замерло. Зловещая синева исчезла с ее лица, и непривычная бледность кожи сменила привычный медно-красный загар. Широко распахнутые глаза глядели в небо, и слабая улыбка чуть тронула губы, придавая всему лицу выражение изумленной радости. Ивар ощупал ее запястья и горло, но пульса не ощутил. Бирна была мертва.

Опустошенный, Ивар молча опустился на землю и застыл — он был так потрясен, что не мог двинуться с места. Миг спустя луч солнца коснулся бледного лица Бирны, и вдруг черты ее на глазах у Ивара начали таять и исчезать. Он протянул руку, пытаясь как-то остановить это противоестественное действо, лишавшее его даже мертвой Бирны, — но рука стиснула пустой плащ. Тело Бирны и все ее существо исчезли бесследно.

Ивар поднялся, весь дрожа и комкая в руках тяжелый черный плащ. Что-то упало на землю у самых его ног — узкий серебряный кинжал с изукрашенной золотом рукоятью, смертоносная женская безделушка. Ивар сунул кинжал за пояс, понемногу приходя в себя. Глаза все еще жгло; моргая, он огляделся — и обмер от ужаса. Холодный ветер насквозь продувал одежду, и славная зеленая лужайка на склоне Белого Холма совершенно исчезла. Ивар стоял посреди каменного круга на вершине невысокого холма и глядел вниз, в долину, истерзанную ветрами и ледником. Ветер хлестал его в спину поверх стоячих камней и с воем обрушивался в безжизненную долину, зажатую меж двух массивных черных скал.

Ивар съежился, прячась за камнями. Все здесь было чуждо и незнакомо. Он слышал, как далеко на западе рокочет прилив — там заходило солнце, и туман угрюмо вздымался от моря. Ивар не заметил ни единого признака жилья — ни пасущихся овец, ни дымка из трубы одинокой хижины.

— Бирна! — слабым голосом позвал он. Ветер подхватил его голос и швырнул утасающий звук в бездну каменного хаоса.

Глава 3

Не сразу Ивар опомнился от изумления и выбрался из нагромождения камней. Он обошел вершину холма, озирая окрестности и гадая, куда же хотела отправить его Бирна. Сами стоячие камни ничем не могли помочь ему — три из них кренились в разные стороны, а еще шесть валялись на земле, обрастая шубами из влажного мха. Ивар провел рукой по шершавому боку самого большого камня, и вдруг пальцы его наткнулись на ложбинку — след резьбы. На камне был начертан странный угловатый знак — в доме Бирны юноша на такие знаки наглядился досыта. Это была руна, знак магического письма. Вглядевшись пристальнее в свете угасающего дня, Ивар признал руну Тора, бога-молотосца, которому поклонялись многочисленные черные гномы. Предки Ивара тоже когда-то чтили Тора, и юноша ощутил себя странно ободренным этой руной, значение которой разделяли с ним неведомые черные гномы. Он взглянул туда, куда указывал знак. Там, на востоке, зеленела равнина, усеянная округлыми холмиками, похожими на могильные курганы. Ивар намертво затянул шнуровку на башмаках, надеясь, что ему повезет достичь могильников до темноты. Даже могильный курган — укрытие, хоть и не из приятных.

Исполненный решимости, он зашагал к востоку, карабкаясь по черным ноздреватым валунам

застывшей лавы и огибая неизбежно попадавшие на пути расселины и провалы, в которых стоячая вода поджидала неосторожного путника. Очень скоро у него мурашки побежали по спине — это значило, что за ним следят. При первой же возможности он присел в укромном месте, откуда хорошо просматривались окрестности. Долгое время Ивар ничего не замечал, затем невесть откуда вынырнула ласка и замерла, нагло уставясь на него, а потом осмелилась даже приблизиться на несколько шагов, и лишь тогда исчезла, растаяла, словно дым. Это дух, мрачно подумал Ивар, дух-хранитель. Кто-то приставил шустрых мелких тварей следить за тем, что творится в этом краю. Бирна рассказывала, что духи-хранители часто бывают злы и враждебны, когда хозяин земли не желает, чтобы его беспокоили чужаки.

Когда Ивар добрался до могильников, уже темнело. Он с беспокойством оглядывался в поисках подходящего убежища на ночь и с содроганием решил, что могильники все же не самое лучшее место для ночлега. Юноша заглянул было в разрытую могилу, прикидывая, нельзя ли спрятаться там, но какой-то предостерегающий шепот удержал его. На открытом месте хотя бы успеешь удрать от опасности, решил Ивар и в конце концов свернулся клубком у подножия груды острых камней, надеясь переждать там до утра. О сне не могло быть и речи: кинжал Бирны — не слишком надежная защита. Ивар скорчился на земле, думая о Бирне: он понимал, что она послала его сюда с какой-то особой целью и — ценой собственной жизни. Облик человека в черном плаще и с воздетыми к небу кулаками врезался в его память, точно след молнии, до черноты опалившей старый дуб.

Ему и так было не по себе, а вдобавок ночь полнилась тревожными и вкрадчивыми звуками. В бормотании ветра чудились неведомые голоса, и они как будто все приближались. Быть может, это упыри восстают из могил... Ивар изо всей силы стиснул рукоять кинжала и плотнее закутался в плащ, надеясь, что в темноте его можно будет спутать с камнем. Во всяком случае, его неподвижность обманула маленькую белую сову, которая бесшумно слетела на обломок скалы неподалеку, испуская резкое уханье. Только этого тоскливого соседства Ивару и не хватало. Он бросил в сову камешек, но птица лишь злобно глянула на него и щелкнула кривым острым клювом.

И тогда в пустынной тьме долины Ивар услышал отчетливый шум. Миг спустя он понял, что это конь осторожно бредет по ноздреватой застывшей лаве, то и дело оскальзываясь подкованным копытом или сбивая камень. Животное мерно фыркало, выказывая недовольство трудной дорогой.

На счастье Ивара, черный плащ надежно скрывал его, почти сливаясь с темнотой; юноша оставил только щелку, чтоб поглядывать по сторонам. Кто бы ни был этот всадник, Ивара он обнаружит, лишь наткнувшись на него. В памяти всплыли древние предания о призрачном Ночном Всаднике, что рыщет меж безлюдных холмов и утаскивает свои жертвы в ледяное царство мертвых. Как ни бодрился Ивар, а горло стиснул тот же страх, который он ощутил при виде Лоримерова призрака.

Сова вдруг вспорхнула и метнулась прямо в морду коня, шумно хлопая крыльями и целя острыми когтями в глаза. Конь шарахнулся, испуганно

и тонко заржав, а всадник мгновенно выхватил короткий меч — но птица уже исчезла. Конь упрямо пытался, не желая приближаться к месту, где его так напугали. Всадник выпрямился в седле, поводя вокруг бешеным взглядом, — черная рослая тень в слабом свете луны и звезд. Ивар заметил, что конь застриг острыми ушами, ловя звук чужого дыхания, — и страх с еще большей силой обуял Ивара.

— Гизур! — взревел вдруг всадник, да так громко и неожиданно, что и конь, и Ивар подпрыгнули. В хриплом голосе бесновался гнев. — Знаю, выскочка, ты затаился здесь! Я, Лоример, величайший чародей всех времен, велю тебе — покажись!

Взрыв насмешливого уханья был ему ответом. Лоример шпорами послал коня на звук, с такой силой вращая меч, что тот превратился в голубую мерцающую дугу.

— Эй, Гизур, я узнал твою фюльгью! Выходи, стань лицом к лицу, поговорим как маг с магом! — Лоример умолк и вслушался в насмешливое уханье совы, затем снова направил коня на звук. — Ты меня не обманешь, Гизур! Знаю, ты привел с той стороны скиплинга, надеясь, что он поможет этим ничтожным альвам! Ничего у тебя не выйдет! Слышишь, Гизур? Эй! Слышишь меня?

Сова дважды ухнула. Лоример так взмахнул мечом, что сталь загудела.

— Чего ты хочешь? Единоборства Силы? Так покажись! Выходи, я даже дам тебе право первого удара! — С этими словами он вложил меч в ножны и выжидательно смолк. Уханье совы удалялось. — Да что же это он о себе воображает? Наглый выскочка! Его даже нет в списках Гильдии.

Грус сдавленно захихикал:

— По-моему, эта совушка ищет мышку на ужин, а не собеседника.

— Заткнись! Это он, я знаю, что это он. Гизур! Если таков твой ответ — мне придется побеседовать с твоим скиплингом. Где-то здесь он прячется, точно кролик в кустах. И ты так легко с ним расстанешься, Гизур?

Сова не отвечала. Ивар сжался, готовый отпрыгнуть. Вдруг Лоример выбросил вперед посох с ярко светящимся наконечником, едва не ткнув им в глаз Ивару. Смертный холод плеснул в лицо, и юноша отпрянул, точно ослепленный.

— А вот и скиплинг, Грус. Ну что ты об этом думаешь? Должен ли я опасаться этакого ничтожества?

— Мне он не нравится, — заявил Грус, удобно устроившийся на ладони Лоримера. На его сморщенной кошачьей физиономии злобной зеленью горели глаза.

Лоример безрадостно хмыкнул, не спуская глаз с Ивара. На его лице, похожем на ссохшуюся кожаную маску, застыла глумливая усмешка, и в мертвенно-ярком свечении посоха оно казалось еще страшнее.

— Ничего дурного с тобой не случится, скиплинг, если будешь мне подчиняться. Выходи, мы хотим рассмотреть тебя поближе. Не каждый день в нашем мире встретишь такую диковинку. Кто провел тебя сюда? Что ты собираешься делать?

— Не уверен, что мне хочется отвечать на твои вопросы, — пробормотал Ивар, ощупывая лезвие кинжала Бирны, увы! чересчур короткое и тупое.

Грус мерзко захихикал, и Лоример рывкнул:

— Заткнись, троль, не то успокоишься в трясине! Подойди сюда, скиплинг. Ты, кажется, довольно молод? Так это тебя обучала Бирна? И ты, кажется, даже безоружен?

— Я вам ничего не скажу, — пятась, объявил Ивар.

Грус скорчил жуткую гримасу.

— Ничего! Ты расскажешь нам все, что скрыла бы Бирна, будь она в живых, дурачок ты, простофиля! Тебе не суждено дожить до рассвета, так что прежде мы вытянем из тебя все что нужно.

Ивар замер, прервав свое осторожное отступление:

— Откуда вам известно, что Бирна мертва?

— Не важно, — отрезал Лоример. — Почему она послала тебя, а не героя? Или он прибудет позже? Отвечай немедленно — я уже теряю терпение!

— До меня тебе далеко, — злорадно подмигивая, скрипуче заметил Грус. — Я-то потерял больше всех — то есть все, кроме головы.

— Отвечай! — повелительно гаркнул Лоример.

— Я ничего не скажу, пока ты не скажешь мне, кто убил Бирну, — спокойно ответил Ивар.

— Что ты знаешь об Оттаре?

Этот вопрос застал Ивара врасплох. Он поперхнулся, точно шпион, застигнутый при подслушивании, и не сразу нашелся что ответить.

— Он знает, знает! — закаркал Грус. — Ты только глянь на его глупую физиономию! Скиплинги совершенно не умеют хранить тайны.

Лоример ткнул посохом едва ли не в лицо Ивара:

— Так что же ты знаешь о гибели Оттара? Говори, не то я тебя испепелю! Говори все, что тебе известно и откуда.

Ивар отступал, пока не прижался спиной к камню, не в силах оторвать взгляда от лица чародея, освещенного зловещим сиянием посоха.

— В каменном круге, где ты призвал Груса и отрубил ему голову, — выдавил он наконец. — Бирна мне сказала, что это лишь наваждение...

— Он знает, — не унимался Грус. — Лучше прикончи его, Лоример!

— Заткнись, — проворчал чародей. — Будь проклята эта Бирна, вечно она совала нос не в свои дела! Уж если она выболтала эту историю мальчишке, то могла поделиться ею с кем угодно. Знай я это, уж не дал бы ей помереть так легко. Я догадывался, что она попытается разрушить мои планы, но, пожалуй, послать героя она не успела. А значит, не все потеряно, и вдобавок нам повезло: мы наконец избавились от Бирны. Молокососскиплинг, безоружный и безымянный, скоро стигнет без следа.

Ивар не верил собственным ушам.

— Ты убил Бирну, да еще и похваляешься этим? Так это тебя я видел тогда на утесе?

Лоример остро глянул на него сквозь сияние посоха:

— Так ты меня видел?.. Да, я убил ее прежде, чем она успела прибегнуть к защите. Может, она и спаслась бы, но, должно быть, боялась, что я доберусь до тебя... как будто ты хоть сколько-нибудь можешь мне повредить. Так это тебя она послала помочь изгоям, которые убили Оттара, сына Свартара?

— Об этом я ничего не знаю, — с холодной яростью отвечал Ивар. — Но раз уж я здесь, я

отомщу тебе, даже если это займет весь отмеренный мне жизненный срок. Ты — убийца, и, хуже того, подлый убийца.

— Ну что ж, — надменно проговорил Лоример, — если ты бросаешь мне вызов прямо сейчас, то мы живо управимся с этим дельцем. Не так ли, скиплинг? Будем биться до смерти? — Он отбросил полу плаща, чтобы выхватить меч, и спешился.

— Поберегись, Лоример, — вставил Грус, — как бы тебе не найти здесь свою погибель.

Ивар выхватил из-за пояса кинжал Бирны и вытянул руку вперед, точно держал меч. К нему его изумлению, клинок вспыхнул жарким белым светом, в котором чернела рунная вязь.

— Альвийский кинжал! — прокрипел Грус. — Лоример, по-моему, ты испугался.

Лоример сунул голову тролля в седельную сумку и свободной рукой оттолкнул коня. Посох, который он воткнул в расщелину камня, светился теперь багровым зловещим светом.

— Привет, о скиплинг, и прощай! — донесся до Ивара приглушенный голос Груса. — Может быть, он сохранит твою голову, как сохранил мою. Как говорится у чародеев, одна голова хорошо, а две лучше, особенно если они славно выполнены!

Он хохотал, покуда Лоример не отвесил ему затрепину.

— Что же, скиплинг, не желаешь говорить — давай сразимся. Везет мне нынче: Бирна уже мертва, а ты скоро последуешь за нею. И все же меня мучит любопытство. Если не ты — герой, которого она послала на помощь изгоям, то кто ты такой и почему здесь? — Клинок Лоримера чертил во тьме светящиеся знаки.

— Этого я тебе не скажу, — уклончиво отвечал Ивар, сожалея, что и сам того не знает.

Лоример вскинул меч, готовясь к атаке, но в этот миг бледный крылатый силуэт, метнувшись из тьмы, ударил его в лицо и отлетел с насмешливым уханьем. Ивар мельком разглядел черные длинные когти и острый кривой клюв. Лоример едва успел увернуться, когда сова вновь обрушилась на его голову.

— Гизур! — прорычал он. — Чтоб упыри сожрали твою душу! — Три темные полосы на лбу Лоримера стремительно набухали черной кровью.

Сова вновь заухала, и теперь это уханье уже явственно походило на человеческий хохот. А потом уже обычный голос проговорил из тьмы:

— Ах, Лоример, до чего же приятно повстречаться сызнова! Я-то гадал, когда мы сможем опять сойтись в поединке. Что за несчастное создание ты здесь мучаешь?

— Всего лишь визгливую крысу из мира скиплингов. Героя, которого послала тебе Бирна. Только, на мой взгляд, он больше подходит для скотного двора. — Зубы Лоримера забелели в ядовитой усмешке. — Уноси ноги, Гизур, пока я не вышел из себя.

— И оставить в твоих лапах ученика Бирны? Да ни за что.

Вспышка пламени вдруг осветила Гизура — это засиял наконечник его посоха, и сияние очертило фигуру мага. Это был коренастый рыжебородый здоровяк в сапогах из оленьей кожи и штанах, заправленных в отвороты сапог; куртка и плащ были сработаны на совесть. Шляпа — треуголка с обрезанными краями — выдавала его происхождение.

Лоример крепче стиснул посох, вперивая в противника пристальный взгляд:

— Ну что же, впервые мы можем хорошенько разглядеть друг друга. Ты не прячешься и не шпионишь, против своего обычая. Я вижу, ты родом с Востока. Не слыхал я, чтобы на Востоке Сноуфелла водились искусные маги. Ты действительно выкормыш Гильдии?

— Во всяком случае, я готов сражаться с тобой за этого скиплинга. Ты ведь собирался убить его, верно? Очень уж хлопотно, если ты считаешь, что он и вправду ни на что не пригоден.

Лоример вместо ответа лишь фыркнул и отступил, чтобы поймать коня.

— Не дай ему уйти! — крикнул Ивар. — Он убил Бирну!

— Бирну? — переспросил Гизур. — Лоример, ты еще ответишь за это злодеяние!

Лоример зловеще расхохотался:

— Много будет от этого пользы и тебе, и ей! Да, я не раз хотел убить ее — и убил. И да поберегутся мстители! — Он одним прыжком вскочил в седло, смирив нервно метавшегося коня, и с громким проклятием вскинул свой посох. В тот же миг воздух точно взорвался яростным толчком, и осколки льда колючим дождем обрушились на землю.

— А ведь я опять перехитрил тебя, — заметил Гизур, не спеша менять свою оборонительную позу.

— Не надолго! — долетело из тьмы с порывом ледяного ветра, и Лоример исчез, сопровождаемый глумливым хохотом и воплями Груса.

— Значит, ты — ученик Бирны.

Гизур и Ивар молча мерили друг друга взглядами. Ивар все еще держал наготове кинжал.

— Раз уж мы оба знаем, кто я такой, может быть, скажешь мне, кто ты? — наконец отозвался Ивар.

— Я — Гизур, огненный маг, друг всякому, кто стремится помочь добру, и враг всем прочим. А теперь мой черед спрашивать. Ты и в самом деле тот, кого хотела послать Бирна? Признаться, мы ожидали совсем другого.

— У меня, как и у тебя, две руки и две ноги. Что значит — «другого»? Бирна, умирая, отправила меня сюда. Не знаю почему, но хорошо знаю, что я должен теперь сделать — отомстить Лори-меру за смерть Бирны.

— Само собой, должен, но тебе не обойтись без помощи опытного огненного мага. Лично я был бы рад пригодиться тебе. Так или иначе, а твоя месть замечательно укладывается в наши замыслы.

— Здесь, похоже, каждый носится со своими замыслами, — недоверчиво пробормотал Ивар.

— Верно, — кивнул Гизур, — всякий, кто желает прожить подольше. И притом всякий должен иметь союзников, раз уж речь идет о мести. Бирна была моей союзницей и собиралась послать тебя ко мне, хотя твое появление и вышло совсем не таким, как мы замыслили. Я едва не упустил тебя. Однако нам нельзя дольше здесь оставаться, не то пособники Лоримера, мятежные гномы, живо нас отыщут. Надеюсь, ты доверяешь мне настолько, чтобы отправиться со мной в безопасное место?

— На высоту? — спросил Ивар. — Или в нину?

Гизур одобрительно покивал:

— Я вижу, Бирна тебя кой-чему научила. Мы отправляемся на высоту, так что нечего на меня коситься. И можешь спрятать кинжал — эта штука довольно опасна. Когда мы доберемся до места, о котором я упоминал, я объясню, в какую заварушку втянула тебя Бирна. — Говоря это, маг похлопал себя по карманам и выудил небольшой черный мешочек. Из мешочка он извлек шнурок с привязанным камешком и вытянул руку, как делают лозоходцы в поисках воды или металла. Самодельный маятник лениво покачивался, вращаясь вокруг своей оси, и вдруг начал описывать четкие целенаправленные круги. При этом круг, который он описывал, засветился в воздухе странным светом. Маг искоса глянул на Ивара:

— Ага, я вижу, ты не слишком удивлен. То ли у Бирны это получалось лучше, то ли магия тебе обрыдла.

Ивар выдавил унылую усмешку:

— С магией бывает что угодно, только не это. Наверное, после сегодняшнего дня меня уже ничем не удивишь. Сегодня я... — Он осекся, вспомнив тело Бирны, распростертое меж холодных камней. Что ж, у него остались хотя бы плащ и кинжал, чтобы не остывала память.

Горячая рука Гизура хлопнула его по плечу:

— Тебе надо бы поесть и отдохнуть. Ты проделал долгий путь, прежде чем попасть сюда, хотя сам и не осознаешь этого. Иди за мной и не вздумай отстать или свернуть с дороги. Примерно через час мы будем в безопасном месте.

Шли они быстро, и Ивар едва поспевал за магом, поскольку все время спотыкался о камни и озирался в поисках опасности.

Уже начинало светать, когда путники добрались до места. Это были древние руины, скалив-

шнися острыми клыками камней в иссиня-черное небо. Гизур обошел все камни, настороженно оглядывая каждый уголок. Более мрачного местечка Ивару видеть не приходилось. Обрушенные стены громоздились над его головой, не скрепленные, казалось, ничем, кроме бород мха. Груды заросшего травой булыжника отмечали места, где стены совершенно развалились. Гизур вел юношу по безмолвным, поросшим травой коридорам, крышей которым служило небо, по склону холма, где растрескавшиеся ступени почти целиком вросли в землю, и наконец они оказались в огромном зале, над которым чернел купол неба. Ивар в жизни не видывал таких окон — высоких и сводчатых; слабый предрассветный свет все еще сочился в них, пытаясь разогнать тьму. Скиплинги обычно возводили длинные и низкие, вполне уютные дома, да и строили их из торфа, а не из известняка.

— Это строили альвы, — промолвил Гизур. — И за много столетий до того, как скиплинги заселили Скарпсей. Войн во все века было довольно, так что у нас всегда в достатке руин и могильников.

Гизур сложил грудой обломки дерева у поваленной плиты в чертоге, похожем на пещеру, и кивком головы воспламенил их. Огонь разгорался все жарче, бросая теплый отсвет на древние стены.

— А теперь нам придется подождать. Ляг и поспи — ежели сумеешь заснуть. Мои друзья, как всегда, запаздывают, — добавил он.

Ивар улегся, наслаждаясь теплом, хотя был уверен, что не заснет. Он глядел на мерцающую завесу пламени, не подозревая, что медленно, но верно погружается в глубокий и сладкий сон.

Казалось, прошло мгновение — и он услышал голоса. Кто-то, перекликаясь, громко топал вокруг.

— Гизур, старый саламандр, ты где? — завопили вдруг над самым его ухом.

Ивар вскочил как подброшенный, прежде чем на него наступили. В руке он сжимал кинжал Бирны. Перед ним оказался белобородый старик в буром плаще. Старик ахнул и шарахнулся прочь, нашаривая меч и пронзительным воплем призывая на помощь.

Глава 4

етверо других пришельцев застыли кто где — один даже чуть не поперхнулся кашлем. Будто у всех разом остановилось сердце. Затем все словно взорвалось. Двое бросились наутек, роняя дорожные мешки, один выхватил меч, неумело держа его обеими руками, а четвертый кинулся на Ивара, точно берсерк, резко затормозил за спиной старика в буром и стал приплясывать вокруг, угрожающе размахивая топором.

Ивар для проверки махнул на них кинжалом и изумился, когда оба со страхом отпрянули. Чужак в буром впился в кинжал круглыми от страха глазами — так старый заяц, попав в силки, глядит на приближающегося охотника. Он, правда, взялся за меч, но так сильно трясся, что едва извлек его из ножен.

Владелец топора прервал свою дикую грозную пляску и устоялся на Ивара:

— Да как ты смеешь угрожать нам оружием, сработанным нашими же сородичами?! Лучше отдай кинжал, не то пожалеешь!

Старик в буром перестал походить на зайца и, опустив меч, оперся на него, точно на посох:

— Ну разве это не диво? Как ты можешь быть нашим врагом, если у тебя кинжал из Сноуфелла?! В этом черном плаще мы было приняли тебя за черного альва. Кто ты и что делаешь в таком месте?

— Я не называю своего имени всякому, кто ни спросит, — хмуро отозвался Ивар. — Пришел я сюда с магом, чтобы дожидаться кое-кого... хотя, похоже, маг сейчас куда-то подевался. Не думаю, чтобы он ушел далеко. — Он настороженно огляделся в поисках Гизура и увидел, что трое других чужаков подбираются к нему. Двое были довольно почтенного вида — седобородые добродушные парни, которым больше пристало бы размахивать кружками с пивом, нежели мечами. Один был весьма упитан, другой носил на глазу повязку.

— Кто... кто он такой, Скапти? — окликнул толстяк дрожащим голосом. Его штаны, ярко-желтые, как масло, дразнили глаз в утрюмой серости развалин. — Это черный альв? Упырь?

— Он, наверное, из магов, так что держись подалее, — заявил молодчик с топором, который размахивал уже и кинжалом. Был он куда моложе прочих, черноусый, худощавый и гибкий, точно ласка. Его черные глаза, впившиеся в Ивара, вызывающе сверкали. — Ну же, дряхлые трусы, влятером мы с ним живо справимся! Скапти, налагай заклятие! Эгиль, Финнвард, давайте...

— Заткнись, Флоси! — рывкнул старик в буре — Скапти, явно вожак этой шайки. — Если ты не против, решать буду я. Что, если это и есть человек, посланный Бирной, чтобы вытащить нас из передраги? — Он дернул себя за ухо, поросшее клочками рыжих волос. От такой многолетней привычки ухо стало явно длиннее другого.

— Ну а если это и так? — осведомился Ивар, не спеша опускать кинжал.

— Ура, мы спасены, спасены! — воскликнул Финнвард — толстяк в желтых штанах. — Я уж думал, что счастье совсем отвернулось от нас

с тех пор, как Флоси убил эту злосчастную выдру!

— Я же не сказал... — начал Ивар, поняв вдруг, что перед ним те самые альвы-изгой.

— Вид у него не слишком вдохновляющий, — заявил Эгиль, с головы до ног смерив Ивара своим здоровым глазом, затем приподняв повязку, чтобы и незрячий глаз мог оценить Ивара по достоинству. С разочарованным щелчком он вернул повязку на место. — Я-то никогда не верил, что нам повезет, даже с помощью этого рыжебородого мага. Ну а теперь я в этом просто-таки уверен.

Ивар отступил.

— У меня и в мыслях не было помогать шайке изгоев, удирающих от наказания, — отрезал он. — Тем более убийцам ребенка! Что бы ни готовил вам Свартар, вряд ли кара излишне сурова. Вы, по-моему, даже не стыдитесь содеянного.

Последний изгой, рослый худой парень, до сих пор не проронивший ни слова, очутился вдруг рядом с Иваром:

— Спокойно, друзья мои, тише, мы просто друг друга не поняли. Ну-ка, уберите свое оружие, и поговорим мирно. Не годится так кидаться друг на друга.

Ивар взглянул на его приятное лицо, спокойные серые глаза — и опустил кинжал:

— Так говорите поскорей, а уж я решу, стоит или нет убирать оружие в вашей компании.

— Вот и ладно. Мое имя Эйлифир, прозываюсь Молчаливый. Все мы альвы — или эльфы, как обычно зовут нас скиплинги. Мы — соглядатаи короля Эльбегаста, и думается мне, что в этом деле люди и альвы будут на одной стороне. Это

верно, мы убили Оттара, но совсем не так, как ты думаешь. Было это не убийство, а злосчастье. Оттар был в облике выдры — его имя, собственно, и означает «выдра», — и Флоси имел несчастье подстрелить его.

— У меня мерзли руки, — буркнул Флоси.

— Лучше б у тебя язык отмерз, дурень! — проворчал старый Эгиль. — Если б не ты, мы бы не попали в переделку. Что за невезенье! Свартар нас изгнал, Лоример охотится, как на крыс, а уж Эльбегаст точно вздернет нас за пятки, едва услышит, что мы натворили. А теперь мы тут кумимся с молодым бездельником, который только и ждет случая шарахнуть нас по башке и стащить что ни попадя, и все потому, что маг нас покинул! — прорычал он так, что задрожали кончики висячих усов.

Финнвард слушал, и его круглая розовая физиономия серела от страха.

— Да неужто мы все еще обречены? — спросил он, в отчаянье ломая руки. — Никогда не случилось со мной таких бед, когда я был главным кондитером на кухне Сноуфелла. — Дрожащей рукой Финнвард вытер вспотевший лоб и опустил-ся на замшелый камень, не доверяя своим трясущимся коленям.

— Не понимаю, как это такой трус мог стать согладатаем, — с отвращением заметил Флоси. — Оставили бы его в кухне, с его пирожками и пончиками. Он здесь вовсе не на месте. — Он метнул злой взгляд на Ивара, точно тот и был во всем виноват.

Эгиль взглядом едва не испепелил Флоси:

— Ты бы, птенчик, захлопнул свой клювик и поменьше его разевал. Финнвард стоит десятка таких, как ты. Тебя же, лоботряса, выгнали из

шести разных школ. Финнвард хотя бы откровенный неумеха, а на тебя, Флоси, жалко время тратить.

— Ты и сам не подарочек, — огрызнулся Флоси. — Всю жизнь ходил в соглядателях, и уж если это не свидетельство полнейшей твоей бездарности...

— Заткнись, Флоси! — шикнул Скапти, бросая беспокойные взгляды на наострившего уши Ивара.

— Все мы стали соглядателями только оттого, что мы лентяи, неумехи да повара! — завопил Флоси, ошалело размахивая топором. — Эльбегаст запихнул нас в эту дыру, только бы поскорее избавиться!

Финнвард застонал и что-то забормотал, а Эгиль и Флоси переругивались так яростно, что эта стычка могла закончиться не иначе как кровопролитием. Скапти умоляюще поглядывал на Эйлифира, а Ивар прикидывал, как бы половчее удрать. Низкий подоконник привлек его внимание; одним прыжком Ивар махнул в окно — и едва не сбил с ног подошедшего снаружи Гизура.

— Завтрак! — объявил маг, державший на плече палку, на которой была увязана дюжина убитых птиц. — Я гляжу, Скапти и все прочие уже здесь. Должно быть, они тебе до смерти обрадовались.

— Я хочу назад, — сказал Ивар. — Ищите себе другого героя. Эти парни только и знают, что драться да ссориться, и никто не слушает вожака, а уж такого бесполезного ничтожества, как этот толстяк в желтых штанах, я в жизни не видывал. Уж лучше прыгнуть в озеро с жерновом на шее, чем связываться с...

Скапти, выскочивший вслед за Иваром, все это время заламывал руки и пытался привлечь внимание Гизура. Теперь он не выдержал:

— Не отпускай его, Гизур, а то мы никогда не заплатим эту проклятую виру, а уж Эльбегаст точно не заплатит за нас ни гроша! Сделай же что-нибудь, Гизур!

— Как мне вернуться в свой мир? — требовательно спросил Ивар, не обращая на Скапти ни малейшего внимания.

— Сначала хотя бы позавтракай, — добродушно отозвался Гизур, каким-то образом зацепляя посохом плечо Ивара и увлекая его за обвалившийся угол стены. — «Вернуться!» Это что еще за глупости такие? Бирна могла бы спастись, а все же предпочла отправить тебя к нам.

— Им нужен герой, а я вовсе не герой, — упрямо пробурчал Ивар.

— Это ты сейчас так думаешь, а я уверяю тебя, что нам отчаянно нужен именно ты. У кого еще такая причина желать гибели Лоримеру? Вся наша удача зависит от того, сумеем ли мы перехитрить и прикончить Лоримера, ну а твое самоуважение и вообще мнение о скиплингах зависит от того, сумеешь ли ты отомстить за смерть Бирны.

— Само собой, только я ведь ни о чем не сговаривался с этими... изгоями. — Ивар недружелюбно оглянулся на альвов, которые все еще шумели и спорили.

Гизур вскинул рыжие брови:

— В таком случае, позволь узнать, что еще ты можешь предложить? Съестного у тебя ни крошки, оружия почти никакого, нет даже одеяла, чтобы завернуться в него на ночлег. Как ты отобьешься от голодных троллей, от злобных упырей

да от лихих чародеев вроде Лоримера? Край этот печально известен друзьями — упырями, мертвецами, которые поднимаются из могил и пьют живую теплую кровь. Будь уверен, в одиночку ты долго не протянешь!

Ивар подумал немного и с тяжелым вздохом кивнул:

— Пожалуй, ты прав. Только что же я, по-вашему, должен делать?

— Обсудим это позже... — начал было маг, но тут из-за угла, громко споря, вывернулись Скапти и Флоси.

— Глядите-ка, Гизур вернулся! — воскликнул Флоси. — Ну что, разобрался ты в этой путанице? И с какой только стати Бирна отправила к нам этого мальчишку? У него и Силы-то нет ни на грош, у этого малявки. В жизни не поверю, чтобы Бирна послала нам героя, лишённого Силы. А о драконе ты ему рассказывал?

— Заткнись, Флоси! — тотчас рявкнул Скапти, верно истолковав сдавленную ярость на лице мага и безмерное изумление Ивара. — Ты, между прочим, куда худшая обуза. Все мы, конечно, дурная компания для любого героя, но ты...

— Компания! — Ошеломленный Ивар переводил взгляд со свирепых физиономий Флоси и Эгиля на лоснящееся лицо Финнварда, который прямо-таки исходил бесконечным страхом. — Дракон! О драконе-то мне никто и словом не обмолвился...

— Тихо! — Гизур с такой силой ударил посохом по камню, что брызнули искры.

— Этак недолго и подпалить кого-нибудь, — буркнул Флоси, тыкая пальцем в дымящийся наконечник посоха.

— А теперь, — продолжал маг, — объясним Ивару, кто мы такие. Чего доброго, он еще решит, что мы хуже, чем на самом деле.

— И не так уж ошибется, — вздохнул Скапти. — Из худших Эльбегастовых шпионов мы наихудшие. Мы даже Силой не сумели толком овладеть, оттого-то нас и послали на рубежи Свартаррика, где столетиями ничего не случалось — то есть пока мы там не появились. Мы увязали в болотах, по уши в грязи, да еще и промерзли насквозь. Все мы плохо переносим холод, а уж Флоси хуже всех. И вот он, вопреки особому приказу Эльбегаста, убил выдру.

— Ну да, — вставил Флоси, — чтобы смастерить перчатки. Руки у меня были точно ледышки, едва не отваливались.

— А потом мы узнали, что это был Оттар, сын короля гномов, принявший свою фюльгю — облик выдры, — продолжал Скапти. — Как уже было сказано, Флоси убил его, и не успело закатиться солнце, а Свартаровы гномы роились вокруг нас, точно шершни. Я уж думал, что с нами покончено.

— А у меня даже шкуру отобрали, — возмущенно перебил Флоси, вызываясь глянув на Гизура.

— Шкуру доставили к Свартару, — сухо сказал Скапти, одарив Флоси убийственным взглядом. — А потом и нас туда же... Ты представить себе не можешь, что там творилось. В конце концов он решил смиростивиться и простить нас, ежели мы покроем шкуру золотом...

— Что, кстати, посоветовал ему наш добрый друг Лоример, — вставил Гизур.

— Вот именно, Лоример, — подтвердил Скапти. — Это он первым поднял шум и крик, и я подозреваю, что не без его вмешательства шкура

выдры становится больше, едва ее коснется золото. Когда мы вывернули карманы, она стала размером с телячью. Что ж, пришлось нам поклясться, что до наступления осени мы засыплем шкуру золотом. Ты, конечно, понимаешь, что у нас нет ни малейшего желания поверять наши несчастья Эльбегасту, вот мы и наняли мага из Гильдии Огненных Магов, а он измыслил, как нам добыть виру... но об этом он тебе сам расскажет. — Скапти вздохнул и покачал головой, обеспокоенно держа свое несчастное ухо.

Гизур, который следил, как жарятся птицы, поднялся:

— Если вам всем больше нечего сказать, перейдем к делу поважнее — то есть к завтраку. Скапти, разломи-ка ты этот проклятый овсяный сухарь. Пускай кто-нибудь принесет воды. И еще было бы неплохо поставить на стену часового, чтоб высматривал Лоримеровых мятежников.

— Почему Лоример преследует вас? — спросил Ивар. — Он подстроил смерть Оттара и эту самую виру, ну а от вас-то что ему надо?

— Тебя, — охотно пояснил Гизур. — С помощью героя, посланного Бирной, нам, быть может, удастся добыть довольно золота, чтобы засыпать шкуру.

— Вот что бывает, когда свяжешься с магами да героями, — мрачно вставил Флоси.

Жареные птицы были съедены в один миг, а вот с сухарями пришлось повозиться. Было даже приятно так вот сидеть у огня, грызя черствые ломти и запивая их горячим чаем. Альвы даже немного оживились, подшучивали друг над другом и напевали обрывки песен. В этой шумной компании Эйлифир особо бросался в глаза тем, что не участвовал ни в шутках, ни в перебранках. Его

золотистая борода была почти не тронута седой. Хотя обычно он предпочитал помалкивать, но с Иваром беседовал охотно и довольно дружески.

— Я бы хотел узнать побольше о драконе, — сказал Ивар.

Эйлифир уселся поудобнее, скрестив ноги:

— Позволь, я вначале кое-что тебе объясню. На наши плечи возложена судьба льёсальвов. От нас зависит, погибнет ли множество альвов от руки мстительных гномов. Ты же знаешь, как это бывает, — одна смерть влечет за собой другую, покуда все кланы не втянутся в кровную месть, и тогда во всем Скарпсее не сыщется довольно золота, чтобы уплатить все виры.

— Да хватит тебе болтать, — хмыкнул Флоси, без стеснения подслушивавший их беседу. — Расскажи ему о драконе!

Ивар глянул на Флоси с холодной неприязнью, и альв от всей души ответил ему тем же. Юноша догадывался, что они, как бы там ни считались годы альвов, почти ровесники; а еще он знал, что чем больше времени будут они рядом, тем больше окрепнет их взаимная неприязнь.

Гизур локтем оттолкнул Флоси и, соорудив ему грозную мину, уселся рядом с Иваром:

— О драконе расскажу я. Нельзя только путать собственно драконов в земляными драконами, или лингормами, ибо они различаются во многих деталях. — И он пустился в объяснения, сравнивая драконов с лингормами, но эту часть речи Ивар благополучно пропустил мимо ушей.

— Извини, что прерываю тебя, — наконец не выдержал он, — только я хотел бы знать, что общего между драконом и смертью Оттара.

— Золото, которое мы хотим добыть, — проговорил Эйлифир своим ясным, спокойным голо-

сом, — находится в речной пещере, и владеет им старый белый гном по имени Андвари. Без сомнения, ты слышал легенды о Фафнире и Андвари?! — Он вопросительно поднял бровь, и Ивар покачал головой. Эйлифир так огорчился, что закрыл глаза.

— Андвари собирает золото, которое вымывает и наносит река, — пояснил Гизур. — Он прячется в пещере под самым высоким водопадом Дрангарстрома и, едва завидит золото, выныривает оттуда. Река изодрала бы его в клочья, не прими он облик лосося. Давным-давно, в незапамятные времена, в пещере Андвари поселился дракон — как известно, драконы большие любители золота. Когда эти вот изгои хотели нанять на службу мага и наняли меня, я посоветовал им ограбить Андвари — так скорее всего добудешь кучу золота.

— Значит, нам придется воровать золото мертвецов? — спросил Ивар. — Это не слишком-то законно.

— Андвари и сам вне закона, — ответил Скапти. — Хранить золото, добытое из могил, — это преступление.

— И вообще, это золото скорее принадлежит нам, чем Андвари, — заявил Флоси — Он всего только белый гном.

— Белый гном в союзе с драконом, — мрачно напомнил Эгиль. — Право прикончить Фафнира мы уступаем тебе, Ивар.

— В самом деле? — язвительно отозвался тот. — Да неужто все так просто? И как же, по-вашему, я должен это сделать? Бирна как-то позабыла объяснить мне, как убивают драконов. Мы все больше возились с костным шпатом да сглазом, а о драконах-то и не вспоминали.

— Расскажи ему о Глиме, — бросил Эйлифир и зажег свою трубку, попросту ткнув пальцем в чашечку.

— Кто такой этот Глим? — недоверчиво осведомился Ивар.

Гизур ухмыльнулся, и его рыжие лисьи глаза таинственно заблестели.

— Меч, — выдохнул он шепотом, словно боялся, что и у камней есть уши. — Меч, которым хотел бы завладеть всякий. Глим его имя, и кован он из лучшего металла, какой только сумели отыскать кузнецы черных гномов. В верных руках этот меч защитит хозяина не хуже, чем десяток добрых воинов, и он так спаян заговорами и чарами, что не сломается ни о камень, ни о самый твердый череп.

— Да только лежит он в могильном кургане, — вставил Флоси, наклоняясь через плечо Гизура, — а вокруг кургана бродят призраки. Охраняют его тысячи кровожадных огненных йотунов, великанов, которые могут метать молнии, как смолистые дрова — искры. Более того, истинный хозяин меча — Элидаgrim, среди героев древности самый неистовый воин и почитаемый мертвец, и попробуй только тронь его меч — он погонится за тобой, кляца костью и зубами. И мертвец, между прочим, не уймется, покуда не отомстит тому, кто причинил ему вред. Чтобы грабить могилы, надо быть либо отчаянным героем, либо полным болваном, а ведь именно того и ждет от тебя Гизур. Теперь, я думаю, тебя еще больше потянет домой, стричь овечек и потрошить рыбку.

— Если и вернусь домой, то не слишком об этом пожалею, — огрызнулся Ивар, — а уж ты пожалеешь гораздо раньше, это точно.

— Флоси! — взревел Эгиль. — Заткнись хоть на пять минут и дай нам убедить Ивара, что не все здесь такие идиоты, как ты. И не надоело тебе зудеть, слепень ты настырный? Если бы не ты, нас бы здесь вовсе не было.

Изгой обменялся такими взглядами, что казалось, вот-вот схватятся за кинжалы и пойдет резня.

— Да что такого особенного в том, чтобы ограбить могилу? — спросил Ивар. — Я знал людей, которые делали это не раз, да еще и похвалялись удачей, а ведь они не были ни альвами, ни магами. Если уж мы, ничтожные скиплинги, справляемся с таким делом — вы-то справитесь и подавно.

— Ха! — буркнул Эгиль, угрюмо грызя кончик своей бороды. — Вся наша удача да магическая Сила уместятся на острие иглы. Ты сам должен добыть меч и прикончить старину Фафнира, не то он до скончания дней так и будет восседать на золоте. После того как Свартар раздавит нас, точно мух, Фафнир заживет безбедно, как он, впрочем, и жил всегда. — И он ткнул кулаком Финнварда, который, обмякнув в полуобмороке, постанывал от отчаяния.

Гизур глубоко втянул воздух, медленно выдохнул и с такой силой прочесал пальцем бороду, словно собирался выдрать ее напрочь.

— Если вы прекратите скулить и соизволите выслушать меня, я скажу вам, как мы можем отыскать могилу Элидагрима. Скарпсей битком набит могилами и костями, поди отыщи среди них место, где успокоился нужный тебе скелет! А я точно знаю, кто сумеет нам помочь, — старый-престарый кузнец по имени Даин, что ковал мечи для альвийских королей прежде, чем

гномы стали врагами альвов. Короче, еще до Свартара.

Скапти хмуро уставился на карту, которую Гизур вынул из дорожной сумки.

— Черных гномов куда как нелегко разыскать под землей... А если он так стар, может быть, и сам сошел в могилу?

— Будем надеяться, что нет, — отозвался Гизур. — Очень уж это было бы некстати. Судя по карте, нам придется проделать довольно долгий путь, чтобы разыскать его. — Он растянул карту на земле, придавив углы камнями, и указал на горный хребет: — Кузня Дайна вот здесь, на восточных отрогах Двергарфелла. Если он все еще жив и друг альвам, если мы сумеем убедить его открыть нам тайну, если мы успешно завладеем мечом Элидагрима... тогда ограбить Андвари будет проще простого. Если, конечно, Лоример прежде нас не настигнет.

Альвы разом уставились на него, и Флоси воскликнул:

— Эй, не слишком ли много «если»? Я-то полагал, что мы наняли тебя справиться с одним делом, а не подбрасывать дюжину других. Помните, вначале мы только и должны были спастись от гнева Свартара...

Гизур схватился за посох, и наверху в виде кошачьей головы яростно зафыркало дымом.

— Если ты, Флоси, лучше всех знаешь, что делать, так и делай все сам; а если ты возомнил себя магом получше меня — уплати мне жалованье, и я отправлюсь восвояси. — Он вскочил, высоко занеся посох, словно и впрямь собирался сию минуту сгинуть бесследно.

— Я не это имел в виду, — обеспокоенно пробормотал Флоси, а Финнвард, казалось, вот-вот

рухнет в обморок, сокрушив весом тощего Эгия — слабую подпорку для таких телес.

Скапти яростно ткнул локтем Флоси и заявил:

— Этот Флоси — зуда надоедливая, ты его, Гизур, не слушай. Как бы там ни было, а я команду этим отрядом, и я буду все решать, ясно?

Альвы, оцепенев в нерешительности, уставились на него.

— Вот и ладно. — Гизур хмыкнул. — Собирайте вещи.

Глава 5

единой ветер хлестал по развалинам, когда путники готовились в дорогу. Гизур выделил Ивару часть съестных припасов, завернутых в непромокаемое полотно, пестрое одеяло и дорожный мешок, чтобы сложить вещи.

Скапти суматошно метался тут и там, дважды всех пересчитал, сворачивал и разворачивал какие-то потрепанные карты и в конце концов едва не забыл собственный мешок. Он настоял, чтобы Ивар шел вторым, сразу за Гизуром, и сам занял место позади юноши, прежде расставив всех прочих, явно в соответствии с их рангом. Флоси выпало замыкать шествие, и он обстреливал оттуда Ивару убийственными взглядами.

Гизур остановился у подветренной стороны огромного поваленного камня и вынул веревочку с привязанной к ней золотой безделушкой, чтобы с помощью этого нехитрого маятника определить безопасную дорогу. Маг шагал туда-сюда, а веревочка с силой раскачивалась, затем вдруг замерла, невзирая на порывы ледяного ветра. Гизур указал на юго-восток:

— Туда ведет древняя Путевая Линия. Будем идти по ней, покуда не исчезнет. В прежние времена было несколько Линий, которые вели прямо к Даиновым дверям.

— Как действует эта штука? — Ивар с любопытством разглядывал «маятник», пока тот не исчез в кармане у Гизура.

— Этого сейчас никто уже толком не знает, — отвечал маг, — известно лишь, что черные альвы, гномы, тролли, великаны, упыри и тому подобные избегают таких холмов, а это на руку нам, если шкура дорога. Увы, древние поселения вырождаются, и безопасных холмов становится все меньше. — Говоря это, он глядел вперед, на бесплодную равнину, по которой извивались черные языки лавы, на голые сернисто-желтые холмы, над которыми дымились гейзеры, на синий абрис гор, изъеденных ледниками.

А потом они двинулись в путь.

С каждым днем отношения в отряде ухудшались. Ивар, пожалуй, с симпатией относился ко всем альвам, даже к трусливому бедолаге Финнварду, который, верно, испустил бы дух, если б на него уселась бабочка; другое дело — Флоси. Он раздувал пламя любой ссоры, пока она не превращалась в перебранку, а когда спорить было не о чем — бросал камушки в сапоги спутников или набивал им в бороды колючий чертополох, а то и нарочно отставал от остальных. Ивара он подчеркнул не замечал, разве только иногда одарял пренебрежительным словом или плохо скрытым оскорблением.

После нескольких дней пути Линия исчезла на чистоту. Гизур объявил привал на гребне каменистого холма, где в тени на отлогих склонах еще лежал снег. Когда Ивар покинул свой мир, там едва кончалась осень, а в мире альвов он обнаружил, что зима куда-то делась и наступила ранняя ленивая весна.

Гизур извлек свой «маятник» и долго поворачивался с ним во все стороны, но тот лишь капризно покачивался и не желал указывать дорогу. Альвы, пока суд да дело, спорили, какой бы сорт

сыра они предпочли съесть, если б таковой свалился им на голову. Ивар, с волнением следивший за действиями Гизура, только помотал головой, когда перепалка о сыре разгорелась особенно жарко.

— Твердый!

— Нет, мягкий!

— Пресный!

— Острый!

— Да неужто у вас только еда на уме? — возмущился Ивар, вероятно, еще и потому, что слишком хорошо помнил вкус сыра, которым славилась Бирна.

— А что же еще? — легкомысленно отозвался Флоси. — Для того мы и наняли тебя и Гизура, чтобы вы ломали голову над нашими заботами. Эй, Гизур, не разжечь ли нам костерок и не сострять ли чего-нибудь съедобного?

Маг отвлекся от изучения окрестностей:

— Само собой, разжечь, а как же еще? Или вы, олухи, не понимаете, что мы идем сейчас над самыми шахтами и жилищами черных гномов? Может быть, прямо у нас под ногами какой-нибудь злощий гном наворачивает свою похлебку и скалит зубы, поджидая, пока зайдет солнце и он сможет подняться наверх и заняться подлыми своими делишками. А уж огонь, конечно, лучшим образом донесет Лоримеру и его дружкам-гномам, где мы, собственно, обретаемся. Нет, Флоси, из тебя соглядатай, как из слепой коровы танцор.

— Неправда! — вспыхнул Флоси. — И вовсе я не такой!

— Значит, еще хуже, — добродушно согласился Гизур и зашагал прочь. Альвы поплелись за ним, ворчливо перечисляя свои болячки и волдыри.

Ивар нагнал мага на вершине холма. Прочие, видя, что Гизур остановился, сбились у подножия, продолжая ныть и перебраниваться.

— Теперь мы можем полагаться лишь на самих себя, — промолвил Гизур. — Путевая Линия исчезла. — Он кивнул Эйлифиру, который вскарабкался на холм и, усевшись неподалеку, слушал, как маг размышляет вслух над картой. — Я бы не хотел забирать слишком сильно к востоку, а то мы попадем в Грётгард; когда-то этот край был таким же мирным, как весь Скарпсей, но теперь кишмя кишит троллями. — Он говорил таким тоном, точно тролли не опаснее назойливых комаров.

— А я слышал, — отозвался Эйлифир, — что суровая зима сократила поголовье троллей до вполне приемлемого количества, так что Грётгард нынче, может быть, и не так опасен.

— Правда? Ну это совсем другое дело! — оживился Гизур, и они погрузились в обсуждение, а Ивар слушал, чувствуя себя не более полезным, чем топор с двумя рукоятями.

— Ну а ты что думаешь, Ивар? — окликнул его Гизур, прежде обменявшись с Эйлифиром дюжиной непонятных имен, названий и мнений.

— Что проку спрашивать меня? — отозвался Ивар, непонимающе косясь на карту и покачивая головой. — Я понятия не имею, где мы находимся и какие нам грозят опасности; хуже того, у меня даже нет приличного оружия, кроме этого кинжалчика, которым Бирна чистила рыбу. Плохой из меня герой, если я и себя защитить не могу.

— Что же ты раньше-то молчал? — Гизур глянул на него с раздражением. — Я-то думал, что тебя просто не устраивает участь героя и ты, так же как и я, маешься тем, что вот уже три дня, с тех пор как мы сбились с пути...

— Сбились с пути? — воскликнул Ивар. — И ты только сейчас говоришь об этом?

— Скажем так, я ждал, пока найдется другая дорога. В таком обширном краю, как Скарпсей, можно отыскать разные пути, что ведут к одной цели, разве нет?

— Кстати, об оружии для Ивара, — вежливо вмешался Эйлифир.

— Ах да! Пожалуй, мы обучим его парочке простейших заклинаний.

— Не слишком удачная мысль, — покачал головой Эйлифир. — Пускай он лучше возьмет мой меч. Я предпочитаю лук и стрелы, а в рукопашной ничего нет лучше топора. — С этими словами он отстегнул ножны с мечом и протянул Ивару.

Юноша принял меч, онемев от восторга. Это было простое и безыскусное творение неведомого мастера, но его окружал ореол славы доброго оружия, которому долгие годы частого употребления пошли только на пользу.

— Спасибо тебе, — неуклюже выдавил он, опоясываясь мечом и стараясь скрыть чисто юношеское восхищение, словно он обзавелся первым в своей жизни мечом — как оно, собственно, и было. — Это благородное оружие, Эйлифир, и я постараюсь не опозорить ни его, ни тебя.

Эйлифир только кивнул, а потом снова уселся, и сидел, обозревая неуютный пейзаж, покуда Гизур не дал знак отправляться в путь.

Однако в этот день они много не прошли. На первой же переправе через неглубокую и не слишком быструю реку течение сбило с ног Финнварда и поволокло вместе с мешком вниз по реке, точно неповоротливый бочонок. Когда спутники нагнали Финнварда, он тонул, как дырявая барка. Лицо его

посинело от холода, и он так стучал зубами, что они едва не вылетели.

На берегу реки наспех разбили лагерь. Финнварду явно становилось все хуже, и, как ни кутали его во все плащи и одеяла, это не помогло. Гизур приказал разжечь костер и вскипятить чай, но Финнвард так и не согрелся, покуда Гизур не откупорил некую бутылочку и не плеснул снадобья в кипящий отвар. Толстяк мигом проглотил обжигающее варево, даже не поперхнувшись, и тотчас перестал дрожать.

Остаток дня они провели, высушивая содержимое мешка Финнварда и всю его одежду, что промокла, покуда толстяка вылавливали из реки. Гизур все время недовольно ворчал и долго сидел над картой, определяя, где они находятся.

— Похоже, путь по Грётгарду отнимет у нас больше времени, чем я предполагал, — заметил он. — Как бы не пришлось нам провести ночи, самое меньшее, три в угодьях троллей. — Маг ощупал край плаща и озабоченно вздохнул, отжав из ткани еще одну пригоршню воды. — Вещи Финнварда, должно быть, не суше! Этак мы до сумерек провозимся. Да еще кто знает, когда высохнут перья в тюфячке!

Их лагерь располагался в излучине горной реки — место мало что сырое, еще и настолько уязвимое для любого нападения, что Гизур приказал выставить на ночь двойную стражу. Кроме того, он очертил весь лагерь охранительными знаками, так что всякому чужаку, подобравшемуся слишком близко, пришлось бы худо. Ивар следил за этими приготовлениями скорее с предвкушением, чем со страхом, вполне довольный тем, что ему сторожить первым и в то время, когда тролли голодней всего.

Той ночью, однако, тролли Грётгарда охотились в других угодьях. Юноша прислушивался к их отдаленному вою и рычанию и дрожал от волнения, втайне радуясь тому, что троллям не вздумалось померяться с ним силой во время его стражи. Впрочем, уже почти на рассвете какой-то приبلудный тролль забрел-таки в лагерь, задел две ловушки и удрал сломя голову, потрясенный вспышками огня и столбами дыма.

Наутро Флоси, на чью стражу выпало это приключение, хвастал безудержно. Эгиль, деливший с ним стражу, позволил себе заметить, что Флоси, как это у него в обычае, на посту дрых себе беспробудно. Он же, Эгиль, заметил тролля с той минуты, когда тот выполз из-за камней в полумиле отсюда, — это Эгиль-то, одноглазый, который, закуривая трубку, всякий раз едва не прижигал кончик носа.

Минуло два относительно легких дня, а затем местность стала гористее, застывшие лавовые потоки рассекали ее, и между скал таились цветущие долины. Ивар примечал в грязи у источников все больше странных следов — точно следы исполинского цыпленка с когтистыми лапами.

Гизур лишь однажды замедлил шаг, чтобы бросить взгляд на следы, и все время неустанно подгонял своих спутников.

— Нынче пасмурно, и будь я проклят, если не стемнеет раньше обычного. А я нюхом чую, что все тролли Грётгарда этой ночью свалятся нам на голову.

День близился к концу, и Ивара начали мучить недобрые предчувствия; все чаще он озирался, вглядываясь в тусклый зябкий пейзаж, почти уверенный, что нечто важное ускользнуло из его

поля зрения. Они поднимались все выше, к подножиям гор и потаенным горным долинам Грётгарда. Над головой высились нагие, иззубренные ветром и временем скалы, гримасничая и ухмыляясь, точно человеческие лица, велевшие неугодным пришельцам держаться подальше. Везде им встречались следы троллей, утопанные тропинки, покрытые свежими отпечатками лап, а по обочинам — лохмотья, кости и черепа с остатками волос, битые горшки и разные вещи, отнятые у невезучих путников. В одном месте, на снегу ледника, который пересекал отряд, был утоптан огромный круг, заваленный свежими костями, обглоданными и изломанными.

Вскоре после этого Финнвард окончательно потерял присутствие духа и уселся на камень при дороге, умоляя спутников здесь его и оставить.

— Нам не удрать от этих тварей, — твердил он, едва не захлебываясь слезами. — Я и шагу ступить не могу, так трясутся коленки. Увы, конец моему путешествию!

Лестью и руганью пытались они поднять толстяка на ноги, но тот оставался неколебим, точно камень, на котором он восседал. Наконец Ивар, отойдя немного от компании, глянул на дорогу, которой они шли так недавно. Близился вечер, и тени уже удлинялись. С тех пор как Гизур определял дорогу на странном холме, юноша не знал покоя. Тревожное предчувствие беспрестанно мучило его. И вот теперь Ивар увидел, как в полумиле от них промелькнул силуэт одинокого всадника и почти тотчас исчез в ущелье.

— Гизур, я, кажется, видел Лоримера, — как можно спокойнее проговорил Ивар. — Он следует за нами и сейчас въехал в то самое ущелье, которым мы поднимались сюда.

— Да я с самого утра знаю, что он едет за нами по пятам, — фыркнул маг. — А вы, олухи, полагали, что меня беспокоят тролли?

— Лоример! — взвизгнул Финнвард и провожно вскочил. — Идем, идем скорей! Если я кого-то и боюсь, так это Лоримера.

— Кого-то? — хмыкнул Флоси. — Да ведь ты всего на свете боишься!

Они одолели последний отрог и увидели, что за ним тянется равнина до самого подножия огромной горы. Остановившись, Гизур указал на восток.

— Видите вот этот черный пик? Это гора под названием Молот Тора, а прямо за нею вход в Черный Холм, узкий овраг, куда стекает с горы ручей. Идите вдоль ручья до самой вершины, там будет глубокая расщелина. Переберитесь через нее и отыщите спуск. Если поторопитесь, вам это удастся. Я рассказал Эйлифиру, как сотворять молнии в случае, если на вас нападут тролли.

— Ты бросаешь нас? — воскликнул Скапти, бледнея.

— На съедение троллям! — простонал Финнвард.

— Ну-ну, потише. Идите вперед не мешкая, и ничего с вами не случится. Я всего только хочу вернуться назад и поглядеть, что намерен сделать Лоример. Если он двинется за вами, постараюсь сбить его со следа. Будь на то моя воля, загнал бы я его в Муспелльский котел, да еще и полюбавался бы, как он там разварится... Словом, я надеюсь нагнать вас на Молоте Тора. Ивар покуда заменит меня, — добавил маг, обращаясь главным образом к Флоси и сопровождая свои слова грозным взглядом. Затем он сунул карту Ивару и проверил содержимое своего мешка. Наконец Гизур

с нетерпеливым блеском в глазах запахнулся в плащ и поспешно зашагал к ущелью.

Альвы со стонами и проклятиями брели по исковерканной земле, продираясь через заросли колючего кустарника и карабкаясь по лавовым холмам и расселинам. День угасал, и Финнвард уже начал зловеще намекать, что его снова тянет присесть. Солнце почти село, и опасения Ивара крепли. Молот Тора, казалось, не приблизился ни на дюйм, а они ползли, как улитки. До места встречи оставалось еще несколько часов пути.

Наконец Финнвард уселся, сложив руки на груди.

— Я и шагу не ступлю, пока Гизур нас не нагонит, — сообщил он. — И вообще, надо отдохнуть.

Ивар глянул на Эйлифира, но тот лишь пожал плечами и покачал головой.

Ко всеобщему удивлению — и отвращению — Флоси тут же уселся на землю.

— Согласен! — провозгласил он. — Подождем, пока не явится опытный предводитель. — Он со значением глянул на Ивара. — Тот, кому можно доверять.

Глава 6

из кожи вон лезу, чтобы вытащить вас отсюда, — отрезал Ивар. — И уж меньше всего я намерен здесь рассиживаться и ждать, когда шайка голодных троллей доберется до меня. Идите за мной или оставайтесь одни.

Как нарочно, с горы со стуком скатился камень. Скапти так и подпрыгнул.

— Я не буду сидеть здесь, покуда вокруг рыщут тролли! — воскликнул он. — В конце концов, Бирна ведь сочла, что Ивар сумеет помочь нам, а что было хорошо для Бирны, хорошо и для меня. Осмелюсь заметить, в голове у нее было больше мозгов, чем у Флоси и Финнварда, вместе взятых.

— У нас остался примерно час до захода солнца, — сказал Эйлифир. — И за этот час я предпочту проделать половину пути вверх по ущелью, чем отсиживаться здесь.

— Вот именно, — поддержал Ивар, в последний раз презрительно глянув на Флоси, и зашагал к черному абрису Молота Тора. Альвы-изгои покорно, как овцы, потянулись за ним.

Скапти, донельзя взволнованный, вприпрыжку нагнал Ивара и пошел рядом.

— Ты уж прости нас, Ивар, ведь во всех нас, вместе взятых, не найдешь и грана отваги, разве что у Эйлифира, а он так долго был с нами, что, верно, заразился нашей трусостью; но я все же на-

деюсь, что ты не затаишь на нас зла. Мы ведь все такие неумехи.

— Знаю, — буркнул Ивар. — Вы так часто об этом говорите, что враз не забудешь.

— Как будто мы можем забыть, — сумрачно отозвался Скапти.

Они старались не мешкать на трудной дороге, но скоро Финнвард начал спотыкаться, тяжело дышать и хныкать. Флоси подгонял толстяка, подбадривая его руганью и угрозами.

— Оставьте меня! — скулил Финнвард. — Мне сейчас и шагу не сделать! — Он бессильно шлепнулся на камень и закрыл глаза.

— Ну так отдай мне плащ и сапоги! — воскликнул Флоси. — Нечего пропадать доброй одежке, если тролли все равно до тебя доберутся. — И он принялся стаскивать с Финнварда сапог.

— Пошел вон, болван! Не видать тебе моей обуви! — Толстяк лягнул Флоси и вскочил на удивление живо. — Я иду, иду, чтоб ты лопнул!

Солнце садилось, и у путников ноги заплетались от усталости. Ивар с отчаянием видел, что черный пик не приблизился ни на шаг. Заходящее солнце залило гору зловещим кровавым светом. Отовсюду слышались звуки, явно издаваемые троллями, — скрежет длинных когтей по камням, вой и рычанье в невидимых пещерах, где таились тролли, поджидая захода солнца.

— Мы не дойдем! — просипел Флоси.

Та же страшная мысль терзала Ивара, но он смолчал, целеустремленно шагая вперед и глядя только под ноги или по сторонам, на угрюмые склоны гор. Когда он снова поднял взгляд, Молот Тора стал гораздо ближе. Юноша уже различал отвесные склоны горы и ее длинную тень, что падала прямо на черную расселину в скальной

стене — расселину, которая должна была вывести их в безопасное место.

— Мы почти пришли! — воскликнул он, лестью и уговорами подгоняя спутников. Солнце уже касалось горизонта. За спиной у них с пугающей быстротой надвигался синий сумрак вечера. Ивар, точно наяву, представлял себе, как вслед за тьмой нахлынет на них волна троллей... Путники разом сорвались с места и сломя голову помчались к Молоту Тора.

Солнце заходило быстро и безжалостно. Мгновение назад оно еще лениво медлило на горизонте, и вот — исчезло. Позади, из пещер и расселин, все громче доносился хриплый рев и вой троллей, зловещим эхом отдававшийся в горах.

По счастью, ложе ручья, протекавшего по ущелью, оказалось ровным, песчаным, и бежать по нему было легко, да еще и луна светила ярко. Финнварда поставили на ноги, и пришлось ему бежать так, как не бегал он никогда в жизни; впрочем, близкий и зловещий вой троллей подгонял не хуже кнута. Путники бежали, то и дело карабкаясь по уступам, и ущелье казалось им бесконечным, а оно вдобавок еще и углублялось, превращаясь у самой вершины в беспросветно черную пропасть. Задержавшись на вершине, чтобы перевести дух, беглецы слышали, как в глубине ущелья эхом отдается рассерженный рев троллей, упустивших близкую добычу. У Финнварда вновь подломились колени, но Флоси вцепился в его руку и завопил:

— Не смей, осел! Тролли еще близко!

Ковыляя и спотыкаясь, путники начали спускаться по другому склону горы, который был куда круче и каменистей, и к тому же без ручья с песчаным дном, по которому так удобно было бежать.

— Стойте! — воскликнул Эйлифир, едва они успели ненамного спуститься по крутому склону. — Надо как-то задержать троллей, или нам очень скоро несдобровать. Время вспомнить о Силе.

— Вот с нашей-то магией они нас наверняка сдапают, — уныло возразил Финнвард.

— Надеюсь, что нет, — отвечал Эйлифир. — Ну-ка, встаньте все в круг. Думайте о третьем раз- деле Силы. Повторяйте его мысленно, да смотрите, ничего не спутайте и не пропустите. Если хочешь, Ивар, присоединяйся к нам. Сосредоточься, как будто поднимаешь что-то очень тяжелое, удержи- ваешь на весу, а потом изо всей силы швыряй через вершину.

Путники поспешно образовали круг, а тролли между тем уже подбирались по противоположно- му склону к самой вершине.

— Сильнее! — резко бросил Эйлифир, и альвы изо всех сил зажмурились, сморщив лбы в вели- чайшем напряжении.

— Отлично, — сказал Эйлифир. — Держите круг. — И он начал нараспев произносить заклинание.

— Готово! — наконец взволнованно выдохнул он. — А теперь прячьтесь, живо!

Финнвард благодарно вздохнул.

— Ну хоть чего-то мы добились. От души на- деюсь, что эта штука сработает. Повторить-то у нас не получится. — Он едва не лишился чувств, но Эгиль поддерживал его, и толстяк сумел удачно свалиться под защиту скального выступа. — У меня бы сейчас не хватило сил сбить с ног ново- рожденного котенка.

— Тролли совсем близко, — бормотал Ивар, обеими руками стискивая рукоять меча. — Но за нашу жизнь они заплатят своей кровью.

— Чепуха, — буркнул Эйлифир. — Им сюда не добраться.

Высоко в горах раскатился страшный, неистовый грохот. Камни запрыгали по склонам, взрываясь вспышками ослепительного огня. Земля задрожала, и жуткий рев разорвал ночь, заглушая даже грохот. Валуны, объятые пламенем, прыгали по скалам, высекая при каждом ударе пригоршни жгучих искр. Казалось, весь склон горы сейчас развалится и обрушится вниз, сверкая пламенем и рассыпая брызги льда, — часть ледника была увлечена оползнем. Ущелье исчезло под грохочущей лавиной камня и льда, навеки сровнявшей его с землей.

Когда последний валун пророкотал по склону, альвы начали хлопать друг друга по спинам и тыкать локтями, безумно хохоча и вопя всякую чепуху. Флоси и Эгиль, схватившись за руки, загорланили альвийскую боевую песнь. Скапти и Финнвард, изумленно ухмыляясь, пожали руки всем прочим не менее чем двадцать раз.

— Помнится мне, — сказал Скапти, — мы однажды обрушили на инистого великана дождь из кислого молока вместо копий. Кто бы мог подумать, что мы сумеем совершить этакий подвиг!

— Просто чудо! — вторил ему Флоси.

Эйлифир прокашлялся:

— Собственно говоря, не такое уж хитрое дело мы проделали. Владей мы магией лучше, мы бы причинили троллям куда более серьезный ущерб, нежели просто напугали их да еще завалили камнями ущелье Черного Холма. Надо бы нам всем практиковаться в магии, чтобы мгновенно призывать Силу.

— Ну тогда нам и Гизур не понадобится, — заметил Флоси. — У нас будет в пять раз больше

Силы, чем у него. Мы и сейчас уже справились запросто с сотней троллей!

Отдаленный крик прервал их торжество, и тотчас Скапти и Эгиль бросились прятаться. Финнвард окоченел от страха, и пришлось Ивару и Флоси оттащить его под прикрытие большого камня. Выглянув поверх этого камня, Ивар увидел, что над вершиной невысокого холма качается взад-вперед, точно бакен, огненный шар. Слабый крик повторился.

— Это, верно, Гизур! — радостно воскликнул Ивар. — Он нашел нас!

Держа путь на отсвет пламени, они вскарабкались на холм и обнаружили там Гизура, стряпавшего на костерке похлебку.

— А, вот и вы, — сказал он. — Я уж думал, что придется одному съесть всю похлебку. Что вас так задержало?

Скапти бросил свой мешок на землю.

— Спрашиваешь! — воскликнул он. — По ту сторону Молота Тора, именно там, куда ты нас направил, мы наткнулись на добрую полусотню троллей!..

И альвы хором принялись повествовать о своем приключении, то и дело путаясь и преувеличивая. Гизур слушал, скептически косясь на Ивара и Эйлифира.

— Это правда? — наконец осведомился он.

— Более или менее, — отвечал Эйлифир, пожав плечами. — Так Лоример в самом деле преследует нас?

— Совершенно верно, и мы с ним даже поболтали — так, по-дружески, — пояснил Гизур. — Вот и доказательство. — Он поднял руку и показал огромную прореху в плаще. — Это от ледяной молнии. Ну да я в отместку обсыпал его сажей с

головы до ног, и тогда он предложил мне уговор. Если я отдам ему Ивара, он не станет мешать вам заплатить виру.

— Вот здорово! — подскочил Флоси. — И когда устроим обмен?

Гизур гневно сверкнул глазами.

— Болван, если мы отдадим Ивара, нам золота в жизни не добыть, разве что ты попросишь у Эльбегаста!

— Нет-нет, ни в коем случае! — поспешно вмешался Скапти, а Финнвард и Эгиль живо замотали головами, отвергая саму мысль о таком сговоре.

— Ну ладно, — вздохнул Флоси, — я ведь и не думал, что вы согласитесь... — Вдруг он просиял: — А ты видел, Гизур, что мы сделали с ущельем Черного Холма? Завалили его доверху оползнем, и притом только с помощью своей Силы. Что ты об этом думаешь?

Гизур отставил кружку с чаем и выразил безмерное удивление:

— Что же, еще немного — и Гильдия Огненных Магов станет перед вами шайкой замурзанных мальчишек, играющих в палочки. Фафнир, заведя вас, поймет, что сопротивление бесполезно, и помрет на месте. А Эльбегаст прогонит в шею своих ближних советников и поставит вас на их место...

— Хватит! — отрезал Скапти. — Так или иначе, а мы довольны и вполне заслуженно гордимся нашим подвигом.

Воодушевление от успеха длилось еще несколько дней, облегчая им путь по не слишком приятной местности. Казалось, весь Черный Холм состоит из скал, болот и ледников. С наступлением ночи путники устраивались на вершине какого-нибудь холма, а охотничьи шайки троллей под-

бирались к самому подножию и долго урчали там, истекая слюной, пока Гизур не разгонял их огненным заклятием.

Наконец путники достигли вершины и сверху вниз заглянули в обширную долину, с двух сторон огражденную туманно-синими холмами и испещренную серебристой паутиной озер и речек. За долиной вставали новые горы, и на путников, чьи глаза уже устали от горных пейзажей, этот вид подействовал удручающе.

— Похоже на царство троллей, — со вздохом заметил Скапти.

— Да уж куда больше, чем на Двергарфелл! — буркнул Флоси. — Судя по карте, там повсюду копи, а значит, горы шлака и отбросов руды, дым плавилен и кузен, и пропасть черных гномов. И где же все это, Гизур? А точнее говоря — где же это очутились мы?

— Нечего тут говорить! — огрызнулся Гизур, с головой зарывшийся в ворох карт. — Ивар, поддержи-ка ты этот проклятый посох, чтобы свет падал на карту; чернила почти выпцвели. А вы, болваны, не толпитесь тут, разинув рты, — возьмитесь за «маятник» или призовите свою Силу, авось дорога и сыщется!

— Мы заблудились! — воскликнул Финнвард с большим удовлетворением. — Так я и знал!

— А если знал — чего ж не сказал?! — взревел Гизур, грозно скрежеща зубами. — Где-то мы свернули не в ту сторону и пришли не в Двергарфелл, что должно быть понятно любому тупице! Последнее, в чем я уверен, — что мы одолели Молот Тора. То ли мы взяли слишком круто к югу, то ли к северу — что-то в этом роде. Ну так что решили? Пойдем на юг или на север? Одна из этих дорог приведет нас в Двергарфелл и к Даиннскипу.

Скапти кашлянул, предусмотрительно отодвигаясь от Гизура:

— То есть ты и сам гадаешь, какой выбрать путь?

— С этим делом мы и сами бы справились, — проворчал Эгиль. — Зачем, по-твоему, наняли мы мага? Ты должен точно знать дорогу на Даинн-скнип.

— Отлично, тогда применим чародейское средство! — огрызнулся Гизур и, порывшись в кармане, извлек монетку. — Орел — север, решка — юг, идет? Начали... Ну вот, решка — значит, идем на юг. Кто-нибудь недоволен? — И маг обвел своих спутников таким взглядом, что недовольные живо прикусили язык и, запрятав подальше свое недовольство, поспешно выстроились в походном порядке.

Ивар попытался поймать взгляд Гизура, но заметил только, что маг и Эйлифир украдкой перемигнулись. Настроение у Гизура было отменное; он шагал, что-то мурлыча себе под нос, и забавлялся видом несчастных альвов. В следующие три дня, стоило кому-либо начать жаловаться, как Гизур язвительно откликался: «Если ты считаешь, что я не прав, призови свою Силу и ищи дорогу сам. Ну, валяй!»

Ивар украдкой наблюдал за Эйлифиром и, вспоминая заклятие, совершенное в ущелье Черного Холма, гадал, кто же на самом деле отдал свою Силу для этого заклятия. Эйлифир усердно избегал всяких расспросов, особенно тех, что касались истинного уровня его Силы. Гизур, вероятно, угадал его тайну, но никому не сказал ни слова.

Четвертый день миновал в бесплодных поисках, и настроение альвов, и без того изменчивое, совсем испортилось. Они точно в рот воды набра-

ли, и это молчание казалось Ивару более зловещим, чем привычные перебранки.

— У меня на пятках волдыри, — скулил Финнвард, — размером с блюдце, ей-ей! Я и шагу больше не ступлю! Бросьте меня и уходите. — Он повторял эти слова самое меньшее дважды в день еще когда поход только начинался; теперь же он приговаривал их с каждым шагом.

— Если б мы могли тебя бросить! — отвечал ему Флоси. — Мы тоже устали и уж конечно не собираемся держать путь, пока ты здесь будешь прохлаждаться на камушке. Эйлифир и так почти весь день тащил твой мешок.

Финнвард скорчил упрямую гримасу, выпятив дрожащий от возбуждения подбородок:

— Говорю вам, я и шагу больше не сделаю! Я считаю, что маг нарочно завел нас сюда! Известное дело, магам верить нельзя!

Гизур поднял голову, оторвавшись от изучения карты:

— Ах вот как! По-твоему, я задумал продать вас всех оптом Лоримеру и две сотни миль по худшим местам в Скарпсее отмахал просто так, разнообразия ради? Дорогие мои друзья, вы еще даже не позвенели у меня над ухом золотой маркой, не то чтобы заплатить! И вы еще осмелживаетесь говорить, что мне нельзя верить?! — Гиза мага сверкнули, и он схватился за посох.

— Но стоячие камни и Путевые Линии... — начал было Ивар.

Финнвард со свирепым видом скрестил руки на груди:

— По-моему, один камень похож на другой. Что до Путевых Линий — я поверил бы в них, если б видел хоть одну своими глазами. Мы заблудились!

— Заблудились! — мрачным эхом отозвался Эгиль.

— Между прочим, — вставил Флоси, — мы ведь и в глаза не видывали его рекомендаций, верно?

Яростно взмахнув полой плаща, Гизур с угрожающим видом вскинул посох.

— Так вот вы к чему клоните! — взревел он. — Ну если вам не нравится наш договор, самое время его расторгнуть! Чтоб вы знали, я тоже не в восторге от вашего общества! Прощайте!

И Гизур, окутанный клубами дыма, зашагал прочь.

— Подожди! — завопил Скапти. — Гизур, извини нас! Мы совсем не то хотели сказать!

— Ну и не говорили бы! — огрызнулся Ивар, мечтая ухватить Финнварда за уши и как следует потрясти. Он бросился за магом, но не успел сделать и пяти шагов, как Гизур взмахнул плащом и исчез во вспышке серного дымного пламени.

Глава 7

у вот, доигрались!.. — простонал Скапти. — Все как в доброе старое время... Чтоб ты подавился, Финнвард, все из-за тебя!

— А я шагу не сделаю без чашки горячего чаю, — проворчал упрямый Финнвард.

Последовало долгое молчание, и все взгляды обратились на Ивара.

— Нечего на меня глазеть! — буркнул он. — Вашим предводителем я все равно не буду. Если вы знали, что без Гизура вам не обойтись, зачем так его донимали? Я ухожу, пока не заразился вашей невезучестью. Давайте-ка поделим припасы.

Скапти грустно глядел, как Ивар швырнул на-земь свой мешок и начал выгружать лишнее снаряжение.

— Эй, — не выдержал Флоси, — не можешь же ты прямо так нас бросить! Мы же заключили договор, забыл, что ли?

— Пожалуйста, Ивар, подумай еще немного, — попросил Скапти, обеспокоенно дергая себя за ухо. — Не зря ведь Бирна выучила тебя и послала сюда. Годы предвидений, соглядатайства и кропотливой подготовки истрачены на то, чтобы ты в нужное время оказался с нами.

— И потом, в одиночку ты не сможешь прикончить Лоримера, — ворчливо добавил Эгиль.

Ивар поглядел на их искренне сокрушенные физиономии и вздохнул:

— Да неужели вы считаете, что я в самом деле сумею помочь вам уплатить эту виру? Не представляю, как мне это удастся без помощи мага.

— А мы найдем другого мага! — воодушевленно предложил Финнвард.

— Здесь? Сейчас? — Скапти покачал головой. — Боюсь, единственным магом, которого мы раздобудем, окажется Лоример.

Эйлифир кивнул:

— А вы помните, как долго пришлось нам искать мага, который согласился бы на нас работать? И потом, у нас даже нет времени, чтобы сжечь заклинание. Пускай Ивар ведет нас, покуда не отыщется надежное убежище.

Альвы от души согласились с ним, но Ивара все еще одолевали сомнения. Втайне он надеялся, что Гизур совладеет со своим гневом и вернется. Все, что было у Ивара для определения пути, — старая потрепанная карта, которую Гизур отдал ему за ненадобность, и общее представление, что Двергарфелл где-то на юге и что им надо найти одинокую гору под названием Даиннскнип. Ивар задумчиво поглядывал на непостижимого Эйлифира, гадая, дождется ли он помощи от этого молчуна.

На следующий день Гизур не появился. Они ждали до полудня и, когда всякая надежда пропала, вышли в путь под предводительством Ивара. Юноша все еще лелеял упрямую мечту, что маг остудит свой гнев и вернется, но на четвертый день самостоятельного путешествия он отказался от мысли когда-нибудь снова увидеть Гизура.

К концу этого дня они разбили лагерь с подветренной стороны большого округлого холма. Это было неровное каменистое место, малопри-

годное для стоянки, да к тому же никто из них не сумел разжечь костер. На севере собиралась буря, обдавая их порывами ледяного ветра и осыпая все усиливающимся дождем. На ужин были только сухари и холодная вода, что вызвало новый всплеск ворчания и жалоб. Вдобавок ко всему Флоси громогласно заявил, что место стоянки вызывает у него недобрые предчувствия.

— А у меня от всего недобрые предчувствия! — огрызнулся Эгиль. — От еды, от этого ночлега, от волдырей и непогоды...

— Нам еще доставало как следует вымокнуть, — ворчливо заметил Финнвард. — Как бы не попасть из огня да в полымя, устроившись на ночлег в таком уютном местечке... Одно утешение — что недобрые предчувствия именно у Флоси. Он не отличит предчувствия от примочки.

Флоси тотчас ринулся себя защищать, и Ивар отсел подальше, не сводя глаз с собирающихся грозовых туч. Все его мысли были о Лоримере, и он никак не мог отделаться от зловещего чувства, что чародей так или иначе до них доберется, а без Гизура они будут беззащитны — кроме, разве что, Эйлифира, который оставался все такой же загадкой для Ивара; он отказался даже применить свою Силу, чтобы зажечь костер. Ивар мрачно подумал, что Эйлифир, на свой лад, начинает раздражать его не меньше, чем остальные.

Буря быстро надвигалась, и Ивар заметил, что мутные тучи наливаются багровым пурпуром и больше похожи на клубы дыма, чем на обычные грозовые тучи. Вспышки молний, отливавшие желтизной и зеленью, пробегали по черному небу, как чудовищные светящиеся пауки. Порыв ветра дернул карту, которую юноша держал на коленях.

Ивар едва успел бросить на нее последний взгляд, прежде чем ветер и тьма сделали всякое изучение совсем невозможным. Свернув карту, Ивар поднялся и с ненавистью глянул на простершуюся внизу равнину — длинную и узкую, обвивавшую подножия округлых холмов, — на реку, что вилась, как змея, распадаясь на цепь свинцово-серых озер и прудов, каких много в Скарпсее.

Вздыхнув, юноша двинулся в обход их небольшого лагеря, где все, кроме Эйлифира, яростно бранились из-за какого-то пустяка. Эйлифир сидел поодаль, задумчиво покачивая «маятником».

Ивар долго глядел на него, затем подошел ближе и, повинувшись внезапному порыву, спросил:

— Этой штукой может пользоваться кто угодно? Скажем, скиплинг. Или нужно непременно обладать Силой?

Эйлифир улыбнулся, точно услышал от Ивара откровение.

— Попробуй сам — и увидишь, — ответил он. — Я почти уверен, что одна-две Путевые Линии проходят через Даиннскнип. Вытяни одну руку перед собой, как дорожный указатель, а в другой покачивай маятник. Думай о Путевой Линии и стоячих камнях. Если маятник не начнет описывать круги, попытай счастья в другом направлении.

Ивар так и сделал, хоть и чувствовал себя немного дураком. Маятник вяло покачивался, постепенно замирая, и он сменил направление. Бесполезно. Ивар закрыл глаза и сосредоточился, вызывая в памяти облик стоячего камня, который, когда умерла Бирна, был поблизости. Маятник не дрогнул. Ивар сделал одну попытку за другой — и все напрасно. Как он ни старался, не мог изгнать из головы посторонние мысли. Он поймал себя на

том, что вспоминает день, когда вместе с Бирной приходил к кузнецу из Белого Мыса, у которого конь заболел сапой. Он почти наяву видел кузнеца, мерно бьющего по наковальне, и искры, брызжащие из-под увесистого молота.

— Ты что-то уловил, — прозвучал бесстрастный голос Эйлифира. Ивар тотчас открыл глаза. Маятник деловито описывал четкие круги, а другая рука юноши указывала поверх долины, на огромную гору с плоской, словно срезанной верхушкой и довольно крутыми склонами.

— Это и есть Даиннскнип? — Ивар прищурился, силясь хоть что-то разглядеть в сгущающихся сумерках. Альвы, прежде наблюдавшие за ним, столпились вокруг.

— Эта? Ничего не скажешь, большая гора, — заметил Скапти. — А где Двергарфелл?

— И как же мы отыщем Даинову кузню в этой громадине? — осведомился Финнвард. — Можно год искать, и все без толку.

— Это Даиннскнип, я уверен! — Ивар весь дрожал от возбуждения. — Глядите, какой крутой склон, а с другой стороны торчит выступ — точно-точно край наковальни.

— Клянусь бородой Одина и всеми ее вшами! — воскликнул Эгиль. — И впрямь похоже на наковальню. Пускай я одноглазый, но что это кузня, даже дурак разглядит. Нынче ночью у нас будет добрый ужин и мягкая постель!

Флоси скорчил гримасу, явно относившуюся и к Ивару, и к маятнику:

— Ну я-то не дурак, и глупо, по-моему, срываться с места и карабкаться по горам только потому, что Ивару чего-то там нашептал кусок веревки с шариком! В конце концов, он только скиплинг, и у него нет Силы.

— Тогда сам попробуй! — Ивар швырнул маятник к его ногам. — Лично я собираю вещи и трогаюсь в путь, пока еще не совсем стемнело. Если кто-то со мной — совету пооторопиться.

Эгиль тотчас начал запихивать вещи в свой мешок. Скапти и Финнвард беспокойно глядели на Флоси. Маятник в руке альва покачался и постепенно замер. Флоси торжествующе фыркнул в сторону Ивара:

— Видал? Это вовсе не та гора. Кто-нибудь еще желает попробовать?

Альвы неуверенно смотрели на Ивара. Тот забросил мешок на плечо, твердо убежденный, что загадочное чувство направления перешло от маятника к нему.

— Ну же, Ивар, останься, — попросил Финнвард. — Будь благоразумен, признай, что ты ошибся, вот и все. Просто ветер подул на маятник, или же рука у тебя дрогнула.

— Если кто со мной, милости прошу, — бросил Ивар и зашагал прочь.

— Погоди-ка! — окликнул его Эйлифир. — Теперь я попробую. — С этими словами он отобрал у Флоси маятник и вытянул руку к горе с плоской верхушкой. Маятник долго раскачивался, затем начал описывать круги, которые становились все четче и настойчивей.

— Ну теперь-то вы довольны? — осведомился Эйлифир. — Лично я собираю вещи и ухожу с Иваром. — Он сунул маятник в карман, повернулся — и вдруг замер, нагнувшись, впиваясь взглядом в долину, которую они пересекли днем.

— Великий Хёд, шайка черных гномов! — прошептал он. — Всем лежать, и ни звука!

Ивар распластался между двух валунов, глядя на долину. Ее неспешно пересекали одетые в

черное гномы, следуя за всадником, закутанным в плащ, — этот ехал отдельно от прочих, часто останавливаясь и разглядывая землю. Ивар был уверен, что это Лоример и его прихлебатели. Судя по всему, они не подозревали, как близка их добыча. Ивар поспешно дал знак альвам, указывая на поросшую кустарником расселину. Стараясь не разгибаться, они кое-как сгребли пожитки и опрометью помчались к расселине, не издавая ни звука — только Финнвард испуганно пыхтел. Ивар и Эйлифир последними скатились в расселину и, укрывшись в скудной поросли, следили за приближающимися гномами. Те задрали головы, обшаривая взглядом склон горы, и замерли, ловя малейший предательский звук. По счастью, ветер и раскаты грома заглушали и сопение Финнварда, и слабый хруст веток под ногами.

— Тут нам надолго не спрятаться, — прошептал Эйлифир. — Они уже подозревают, что мы где-то поблизости. Рано или поздно нас отыщут. Без заклатья не обойтись. Эй вы, парни, помните, как вызывать туман?

Они сомкнули руки в круг, не обращая внимания на протесты Финнварда. Иваром овладело странное ощущение брызнувшей вдоль круга Силы Эйлифира. Юноша точно взмыл в воздух, рассекая бурю, гром и молнии подобно самому Тору. Затем Финнвард громко закашлялся, и головокружительное наваждение исчезло.

— Вот ничтожество! — воскликнул Флоси. — Каждый раз что-нибудь испортит.

— Этого было довольно, — отозвался Эйлифир. — Смотрите!

Облако тумана опускалось на гору перед ними, сгустившись прямо на глазах. Туман обрушился на Лоримера и гномов, точно груда серой ваты,

заслонив весь мир. Путники слышали вопли и ругань гномов — преследователи потеряли друг друга из виду и совершенно сбились с пути.

Ивар и альвы, держась за плащи друг друга, ползком двинулись вперед по дну расселины. Туман так сгустился, что они едва различали друг друга. Гномы яростно вопили, пытаясь выбраться из тумана, но в его серой мути голоса звучали глухо и незнакомо, так что они бродили кругами, не единожды разминувшись друг с другом, вопили и окликали спутников. Один гном даже затесался поперек пути альвов — его конь, в ужасе громко топоча копытами, едва сумел выбраться из расселины.

Самих же альвов расселина вывела вниз, к долине, за пределы тумана. Уже через полчаса они обшаривали подножие той самой горы в поисках подходящего укрытия и с тайной надеждой споткнуться о порог Даинова жилища. Заколдованный туман рассеялся, и путники хорошо видели гномов, которые собрались на склоне и искали следы беглецов. Затем один гном радостно завопил, и вся шайка помчалась к расселине.

— Не пойду, не пойду! — ныл Финнвард. Он тянул эту песенку все время, покуда сотоварищи волокли его через кустарник и камни. Сделав остановку, чтобы посоветоваться, его попросту плюхнули на землю, точно мешок с песком, а когда снова тронулись в путь — так же бесцеремонно взвалили на плечи. Все по очереди тащили толстяка, кроме Флоси, который предлагал бросить его, и дело с концом.

В другой расселине, уже и глубже прочих, Ивар вдруг остановил спутников и приказал идти вверх в другом направлении. Он шлепал по ледяной воде ручья и карабкался по крутым порож-

кам. Сердце его бешено колотилось, и это было нечто большее, чем просто напряжение от подъема.

— Ивар, надо выбираться отсюда, пока подъем не стал круче! — предостерегающе крикнул Скапти поверх недвижной груды тряпья, именуемой Финнвардом.

— Не пойду-у! — подвывал Финнвард.

Ивар только прибавил ходу, волоча за собой толстяка. Он не желал даже тратить дыхания на болтовню, тем более что в слабом ветерке, дувшем навстречу вдоль расселины, он явственно чувствовал сырой и влажный запах земли. Этот запах мог означать лишь одно — пещеру.

Они добрались до выхода из расселины и уронили Финнварда перед узким отвором пещеры. Над входом струился небольшой водопад, и путники, промокнув под ним до нитки, все же проползли в пещеру; Финнвард, как самый упитанный, дольше всех протискивался и больше всех промок.

Едва они оказались в пещере, как снаружи, у самого входа, раздалось звонкое цоканье копыт. Кони кружили у пещеры, и гномы взволнованно переговаривались.

— Огня сюда! — велел голос, принадлежавший, несомненно, Лоримеру, и тотчас же сумрак в отворе озарился красным отсветом пламени.

— Так я и подозревал, — продолжал Лоример. — Они отыскиали пещеру. Придется нам пойти следом.

Гномы разом смолкли. Затем одинокий голос пробормотал:

— Гора принадлежит Даину-кузнецу. Неразумно это — вторгаться в его владения...

— Пускай Даин нас боится, а не мы его, — бросил Лоример. — Когда он узнает, кто идет по следу, он не посмеет прятать беглецов.

Грус захихикал:

— Значит, ты не знаешь Даина. Зато мы — знаем. Я не стану забираться в его ходы, и ты, Лоример, меня не заставишь.

— Будешь злить меня — отправишься на корм воронам, — проворчал Лоример. — Эй, гномы, если вам дорога жизнь, ступайте под землю следом за ними. Неохота мне перебить вас на месте, да, видно, придется.

Ивар подтолкнул Скапти:

— Бежим! Они знают, что мы здесь!

Когда беглецы ощупью прошли уже довольно далеко в крошечной тьме — настолько далеко, что никакой огонь не выдал бы их преследователям, столпившимся у входа, — Эйлифир вынул свечи и зажег их без помощи огнива и трута.

— Черным гномам, по самой их природе, свечи не понадобятся, — на редкость словоохотливо добавил он.

Пещера причудливо извивалась, и в стенах ее, то тут, то там, открывались боковые проходы. Наконец главный ход завершился огромным сводчатым залом, и беглецы долго и лихорадочно искали иной путь, прежде чем наудачу решились обследовать боковые ходы. Позади, из темноты, доносились топот ног и звяканье мечей.

— Они нашли нас! — выдохнул Скапти. — Клинки из ножен, будем драться!

— Когда уже некуда будет бежать, — буркнул Флоси, подталкивая Финнварда в спину. Он замыкал шествие, и, само собой, ему пришлось бы драться первым.

Ссыпавшись вдруг в беспорядке по каменистому скату, они кое-как разобрались и обнаружили, что очутились в еще одном просторном зале. С нарастающим отчаянием беглецы ощупывали стены в поисках хода.

— Тупик! — пропыхтел Эгиль.

Над их головами вспыхнул вдруг мертвенно-желтый свет, и осколки льда посыпались сверху. В этом свете Ивар разглядел десятка полтора гномов, спускавшихся по каменистому склону, размахивая мечами и топорами. Он выхватил свой меч, а Эйлифир, стоявший за его спиной, вынул топор.

— Они хотят драки и получают ее, — сказал Эйлифир. — Мы не можем допустить, чтоб тебя схватили живьем.

Глава 8

ыход! — завопил Флоси в тот миг, когда первый гном спустился по скату и взмахнул мечом.

Развернувшись, беглецы опрометью помчались к большому дверному проему, еле видному в свете единственной свечи, которую держал в трясущихся руках Флоси. Дверь захлопнулась за ними с оглушительным грохотом. Засовы и щеколды с лязгом легли на место за мгновение до того, как черные гномы начали колотить в дверь. Однако она оказалась такой прочной и толстой, что лишь вздрагивала под градом ударов.

Альвы отдышались, расступились и снова зажгли свечи. Эйлифир без единого слова выдернул прищемленный дверью край плаща. Охваченные трепетом, путники подняли свечи повыше и разглядывали массивную дверь, окованную металлом и покрытую руническими надписями.

— Ну здесь они надолго замешкаются, — с дрожью в голосе заметил Скапти. — Кто бы ни захлопнул и ни запер эту дверь с такой быстротой — честь ему и хвала!

Беглецы выжидательно глянули друг на друга, но промолчали.

— Но ведь кто-то же ее захлопнул, правда? — добивался Скапти, понижая голос до шепота.

— Только не я, — заявил Флоси. — А Эгиль был впереди, потому что он подставил мне подножку и пробежал прямо по мне.

— Ничего подобного! — огрызнулся Эгиль. — Если ты, как последний осел, валялся поперек дороги и я наступил на тебя, то уж в этом я никак не виноват.

— Значит, это был Эйлифир, — заключил Ивар. — Ему дверью плащ прищемило.

Эйлифир лишь пожал плечами:

— Можешь думать так, если хочется.

— Пойдем отсюда, ладно? — предложил Ивар. Руны, покрывавшие дверь, зловеще напоминали паучьи лапы. Черные гномы вдруг перестали осыпать дверь колотушками и подозрительно стихли.

— Должно быть, идут в обход, — нервно предположил Скапти и подтолкнул Ивара стать во главе отряда.

Высоко подняв свечу, Ивар двинулся вперед по темному коридору. За ним шел Эйлифир, без лишнего слова занявший место Скапти, — и никто не протестовал.

Стены туннеля были явно вырублены чьими-то руками; время от времени встречались крепежные балки, тоже исписанные рунами.

— Что это за место, собственно говоря? — спросил Ивар, когда они зашли уже довольно далеко в глубь туннеля; с каждым шагом ему становилось холоднее и неудобнее.

— Шахта черных гномов, — слегка раздраженно ответил Скапти, скорчив гримасу собственной тени. — С начала времен гномы объявили свои права на подземное царство и все его сокровища, альвам же досталась поверхность земли. В этой шахте, должно быть, все запасы исчерпаны, здесь полным-полно гнилых крепежных балок и бездонных колодцев. По моему разумению, мы направляемся напрямик в мертвое царство Хели.

— А кузня Даина, если только она еще здесь, — добавил Ивар, — осталась от тех дней, когда шахта еще действовала. — Он поднял свечу повыше, но разглядел лишь следы времени и разрушения.

Финнвард заскулил:

— Здесь, наверное, тупик, и мы в западне за заколдованной дверью... Такие древние пещеры всегда кишат упырями и духами черных гномов.

Даже Флоси не огрызнулся на эти слова. Они брели дальше бок о бок — главным образом, потому, что у Финнварда отказали ноги и пришлось тащить его волоком, а он только постанывал: «Не пойду, не пойду...»

И вдруг пламя свечей осветило конец туннеля.

— Весьма любопытно, — проворчал Скапти, поднося свечу к очередной двери. — Если б я только мог читать руны вполовину так, как мне надлежит... ну да всякому случается потерять сноровку.

Ивар покосился на Эйлифира, подозревая, что тот, если б только захотел, прочел бы руны запросто, — но вечный молчальник только скрестил руки на груди и разглядывал дверь без особого интереса.

— Она, похоже, заперта, — сказал Ивар.

— Не трогай! — воскликнул Скапти, видя, что юноша протянул руку к двери.

— Да ведь это только дверь, и больше ничего, — лениво заметил Эйлифир.

Ивар и не ожидал помощи. Он взялся за ручку и без особой надежды толкнул дверь вперед. Судя по слою пыли, ею явно не пользовались невесть сколько лет...

Но в тот самый миг, когда он коснулся массивного основания, дверь начала трещать, хлопать и содрогаться. Альвы дружно шарахнулись прочь.

Дверь со скрипом растворилась примерно на фут и опять замерла.

— Это колдовство, — прошептал Скапти, безжалостно щипая Финнварда, чтобы помешать ему свалиться в обморок.

— Вижу свет, — сообщил Ивар, заглядывая в щель. — Похоже на отблеск огня. Идете вы со мной или нет?

— Вот ты сам и иди, взгляни, в чем там дело, — предложил Флоси. — Ты открыл дверь, тебе и разбираться.

— Верно сказано! — поспешно согласился Эгиль.

Ивар протиснулся в щель и оглядел пещеру, которая находилась за дверью. Местами мягкое сияние выхватывало из темноты потолочные балки и каменные колонны. По стенам висели на крюках инструменты, оружие и всякая утварь, а одну сторону пещеры занимали стойла. В пещере пахло сеном, лошадьми и железом. Ивару представилась как наяву кузня на Белом Мысу. Он осторожно двинулся вперед: серый пони, пожевывая клок сена, с любопытством глазел на него из стойла.

С каждым шагом Ивар все отчетливей слышал тихое мелодичное позвякивание. Выглянув из-за повозки, он увидел человека, который согнулся над верстаком, трудясь над изящной золотой чашей. Он был плотен, коренаст, с такой длинной белой бородой, что свободно пропускал ее под пояс. Лицо и руки незнакомца напоминали старую истертую кожу, которая сморщилась и потемнела на солнце. Его фартук так истрепался, что дыр на нем было больше, чем кожи.

— Ну вот, — наконец произнес мастер под пристальным взглядом Ивара и поднял чашу. — Совсем как новенькая. И не скажешь, что она

была смята, — разве что у Одина лик слегка изменился. Теперь он малость посимпатичнее. Эх, кабы всех нас можно было вот так починить, когда мы превращаемся в старую изломанную рухлядь! — Он негромко хмыкнул в закопченную бороду и, поставив чашу на верстак, из-под кустистых бровей глянул на Ивара: — Иди сюда, парень, погрейся у моего огонька; опасаться тут нечего, разве что ты терпеть не можешь старых кузнецов.

— Так ты и есть Даин, знаменитый кузнец? — спросил Ивар, покидая свое укрытие.

— Если я и не Даин, то за эти годы уж конечно стал им, — отвечал старик. — Может, я когда-то был его подмастерьем, или я — это он, — словом, не важно. Если ты пришел к Даину — он перед тобой. — И он с глубоким вздохом опустил-ся в старое черное кресло.

— Я... я, кажется, понял, — пробормотал Ивар, усаживаясь на табурет.

Даин задумчиво глядел в огонь. Глаза у него так выцвели, что казались почти прозрачными.

— Столько было мастеров и подмастерьев... Столько мечей и кубков, кинжалов, шлемов, нагрудников... и все они существуют в моей голове, сдается, с начала дней. Я помню мечи Света и Силы, скованные для владык Сноуфелла, — они всегда приходили за оружием к Даину. Бесчисленны мечи, бесчисленны Даины, и теперь я — Даин. А ты... — старик снова глянул на Ивара, и легкое удивление мелькнуло в его глазах, — ты, верно, пришел ко мне за мечом? — Он сосредоточенно сморщился. — Я стар и устал, и, боюсь, магия покинула меня. Где-то здесь должен быть подмастерье... но я его совершенно не помню. Видно, это было много лет назад. У него — Сила, у меня — память. Когда-нибудь я и его припомню, негодно-

го мальчишку. Чертенок теперь уж, верно, составил. Ну и озорник же он был! — И снова старик уставился на Ивара, словно только сейчас вспомнил о его присутствии.

— Я пришел сюда не за мечом, а из-за меча, — осторожно сказал Ивар. — Меча, который уже скован и покоится ныне в могиле рядом с тем, для кого был скован. Говорят, ты знаешь, где эта могила... могила Элидагрима.

— Элидаgrim, Элидаgrim... — прошептал старый кузнец. — Ах да, теперь-то я припомнил. Обыкновенный меч, в то время я много сковал таких. Элидаgrim спешил, так что я обошелся без обычных украшений. Однако Силой этот меч наделен немалой. Глим было его имя, и я всегда подозревал, что этот меч непохож на другие. У него были тайны даже от меня, его творца. Он хорошо служил Элидагриму, а когда тот погиб, его захоронили там, где никто не мог сыскать его и отобрать Глим. Да, я знал, что этому мечу суждено долго скрываться ото всех, прежде чем его наконец отыщут. И тогда, я знал, свершится либо великое добро, либо великое зло — а зло свершить гораздо легче, чем добро. Легче, гораздо легче... — Его прозрачные глаза задумчиво взирали на Ивара.

— Мне этот меч нужен для доброй цели, — сказал Ивар. — Могущественный чародей сделал так, что пятеро альвов из земель Эльбегаста случайно убили сына вашего короля Свартара. Если они не засыпят золотом шкуру выдры, Свартар страшно отомстит подданным Эльбегаста. А золота нужно много. Шкура заколдована и с каждым упавшим на нее золотым становится больше и больше. Этот чародей, Лоример, вынашивает злые замыслы и хочет убить изгоев прежде, чем они

уплатят виру, — чтобы Свартар пошел войной на Сноуфелл. Меч нужен мне, чтобы убить Фафнира, дракона, который стережет сокровища Андвари. Без магического меча мне с этим делом не справиться. Это предотвратит много пожаров и смертей, которых не избежать, если кровь Оттара не будет оплачена золотом.

Даин в ответ тяжело и устало вздохнул:

— Из века в век — одно и то же, верно? Угрозы, смерти, вира... — Он медленно качнул головой и, казалось, целиком погрузился в созерцание огня.

— Альвам несдобровать, — сказал Ивар, — если у Свартара достанет сил уничтожить их.

— Я видел много Свартаров, — отозвался Даин, — и ни у кого из них не достало сил уничтожить Сноуфелл. Пока жив хоть один альв, Свартару суждено поражение. А пока жив Даин, будут и мечи в руках героев, защищающих Сноуфелл от врагов. С начала времен мы, кузнецы, поклялись помогать тем, кто сражается против зла и несправедливости, тем, кто боится Зимы Фимбул, когда сгинет солнце и снег победит. Я стар, но еще на один меч меня достанет. — Старик поднялся с кресла и подошел к стене, где висели молоты всех размеров. Он потянулся к самому большому и взвесил его в руке. — Слишком тяжек, — пробормотал он, с усилием возвращая молот на место. — Может, взять другой молот... но нет, тогда меч будет легковат.

Ивар подошел к нему:

— Но как же Глим, меч Элидагрима? Если ты расскажешь нам, как его найти, тебе не придется ковать меч, а мы сэкономим время.

— Глим канул в забвение. — Даин, шаркая ногами, вернулся к креслу и тяжело опустил в

него. — Отыскать его почти невозможно. Огненные йотуны охраняют его, заклятия и опасности окружают его, да и дух самого Элидагрима не позволит его отобрать. Я всегда знал, что кто-нибудь возжаждет этого меча, — верно, так уж было предопределено. Мне рассказывали, что многие погибли, отыскивая Глим, но ты единственный, кто пришел ко мне и спросил, где он спрятан. Это добрый знак.

Ивар, затаивший дыхание, облегченно вздохнул:

— Ты мудр, Даин. Я знаю, ты с первого взгляда распознаешь правое дело. И я верю, что непостижимые силы помогли мне найти тебя.

Даин подался вперед, упершись в колени морщинистыми, черными от въевшейся сажи кулаками.

— Тогда, стало быть, это дело в руках более могущественных, чем наши с тобой. Далеко ты забрел из родных твоих краев, верно? Не гном, не альв, светлый или черный, не волшебник и не маг... ну и каково тебе, скиплингу, в этом диком магическом мире? — Он протянул Ивару свою ручищу и, обменявшись с ним рукопожатием, вдруг расплылся в приветственной улыбке. — Так вот она — рука, что освободит Глим из могилы, где он покойся вместе с Элидагримом! Истинное чудо предстало моим глазам: скиплинг явился из своего мира, чтобы разрешить споры между гномами и альвами!.. Скажи мне твое имя да позови скорее своих друзей, а не то они подхватают насморк у моего порога!

— Меня зовут Ивар, — отвечал юноша, дивясь крепости Даинова рукопожатия. — И я от всей души благодарю тебя. Надеюсь, я не посрамлю меча, скованного тобой или теми, кто был до тебя.

Он опрометью бросился к двери и закричал:

— Скапти! Иди сюда! Мы нашли того, кого искали, и Данин обещает нам свою помощь!

Топот ног раскатился в туннеле, и появился Скапти.

— Ивар? Мы уже отчаялись, и Финнвард начал шуметь, так что пришлось оттащить этого зануду подальше в туннель и заткнуть ему рот. Ты уверен, что все в порядке и это действительно Данинов кузня?

— Пойди и сам убедись, дубина! — отвечал Ивар, сопроводив свои слова дружеским тычком. В таком настроении он бы даже Флоси обнял. Восторг так переполнял его, что он едва удерживался, чтобы не запрыгать и не завопить.

— Но ты точно уверен, что нам здесь рады? — прошептал Скапти, не решаясь шагнуть из темноты на свет. — Никто не отыщет Данина, если сам он того не захочет.

— Добро пожаловать в мои скромные владения, — проговорил Данин из черного кресла. — Я всегда был другом тем, кто не в ладах с королевским правосудием, — если, конечно, их дело правое. Ваш предводитель поведал мне о ваших бедах. Если вам нужен именно меч Элидагрима, я, пожалуй, сумею вам помочь.

— Благодарю тебя, о великодушнейший, — отвечал Скапти, и все поклонились Данину, восседавшему в кресле, точно сам древний Тор у алтаря-наковальни.

Данин позвал трясущегося старика слугу, и тот принес из темных уголков зала кресла на всю компанию и заодно расчистил стол от оружия и инструментов, чтобы уставить его незатейливыми, но обильными яствами. Серый пони одобрительно кивал при виде этих приготовлений и уже вытянул шею в ожидании подачи с хозяйского стола.

Когда все насытились и остатки еды были убраны со стола, в ход пошли вырезанные из камня кувшины и начался разговор о могиле Элидагрима под веселое журчание хмельного меда в истосковавшихся по спиртному глотках.

— Могильный курган, — начал Даин, знаком приказав своему ископаемому слуге достать с верхней полки небольшую резную шкатулку, — возведен далеко на юге, в Йотунсгарде, в сердце края, где обитают зловредные огненные йотуны. Это дикое племя будет защищать могилу и ее тайны до последнего своего воина. Их убедили, что Даин был свидетелем гибели Элидагрима и собственной рукой наложил заклятие на огненных йотунов, — во что легко поверить, кто же не проклянет своих убийц. И йотуны погребли его, в твердой уверенности, что, если его могила будет ограблена, на Йотунсгард обрушатся страшные бедствия и зловещие знаки вспыхнут в небесах. Мало было им охранять могилу день и ночь — йотуны, которые в те дни были великанами, окружили курган огромным Лабиринтом из целых гор. Чародеи-йотуны пропитали Лабиринт магией, и к центру его ведет всего одна безопасная дорога. Мне представляется, что порой Лабиринт — трясина, вроде тех, где колдуны творят свои черные чары, порой — непролазная чащоба или нагромождение скал. Из тех, кто забрел туда, никто еще не вернулся. Боюсь, чтобы разрешить загадку Лабиринта, нужно обладать тончайшим магическим чутьем.

Альвы невесело переглянулись, и Скапти вымолвил:

— Какая жалость! В магии все мы — полные невежды. С нами был маг, но мы рассорились, и он ушел.

Даин нахмурился, поджав губы:

— Худо, ничего не скажешь. Огненные йотуны охраняют меч невообразимыми чарами и заклятиями. Они совершенно не подчиняются Гильдии Огненных Магов, верить им нельзя ни на грош, и среди них вы ни на миг не будете в безопасности. Да и сам Лабиринт точь-в-точь похож на своих создателей — опасен и непредсказуем. Вы уверены, что готовы к опасностям, которые вас поджидают? — Он уже держал в одной руке шкатулку, в другой ключ, но не спешил открывать, дожидаясь ответа.

— Если помнить о том, что сулит нам иное решение, — нехотя начал Скапти, — ничего не остается, как только идти в Йотунсгард без Гизура.

— Вот и ладно, — отозвался Даин, — тогда взглянем на кое-какие карты. — Его огромная ручища извлекла из шкатулки несколько древних карт, начертанных на растрескавшейся коже. — Вот здесь изображен Лабиринт, хотя, конечно, обычная карта не может передать его невиданных размеров. Шесть концентрических кругов со входами по обе стороны каждого круга, расположенными так, что в центр Лабиринта можно проникнуть только по спирали. Поворачивайте все время налево или направо — и доберетесь до центра. Беда лишь в том, что это может оказаться совсем не тот центр, который вы ищете, потому что правые повороты приводят совсем не туда, куда левые. А тот, кто выберет неверный путь, назад, скорее всего, не выберется.

Финнвард трясся всем телом, зажмурив глаза, чтобы не свалиться в обморок. Эгиль налил ему крепкого меда и заставил выпить все до капли.

— Это все, или дальше будет еще страшнее? — слабым голосом осведомился толстяк.

Даин с грустью взглянул на него:

— С такой слабой душой нельзя пускаться в опасные приключения. Но я предвижу, друг мой, что если ты поборешь свою слабость, то будешь щедро вознагражден.

— Если только доживет до награды, — зловеще вставил Флоси. — Как по-твоему, есть у нас надежда заполучить этот меч?

— Не падай духом, — отвечал Даин. — Быть может, завтра я сумею больше сделать для вас. Стар я ныне, да и не слишком привык к гостям.

Он пожелал им спокойной ночи и оставил на попечение дряхлого слуги, который указал гостям их постели — грубое белье и соломенные, зато весьма удобные тюфяки.

Наутро настроение у них изрядно поднялось, а Даиново угощение и вовсе укрепило дух. До чего же приятно было есть домашнюю стряпню, да еще за столом, а не трясаясь от ледяного ветра на краю пропасти!..

Когда завтрак закончился и слуга убрал со стола, Даин раскурил старую черную трубку, сильно напоминавшую его любимое кресло — такую же стертую от долгой службы и почерневшую от времени.

— Я вижу, у вас в отряде до сих пор разброд и нелады, — заметил старый кузнец. Его слабые слезящиеся глаза видели куда больше, чем им полагалось бы природой.

— У нас есть кое-какие разногласия, — подтвердил Ивар, грозно глядя на Флоси.

Даин тяжело покачал головой:

— Такого нельзя допускать, если вы хотите, чтобы счастье вам улыбнулось. Героические

деяния вершатся лишь теми, кто объединен одной целью и не позволяет раздору поселиться в душах. Ваш долг — покончить с разбродом между гномами и альвами, пока еще он может быть разрешен мирно. Чем больше погибших с одной и другой стороны, тем труднее будет усмирить вражду. Причина всех ваших бед — чародей Лоример, и ничего нельзя будет исправить, пока он не сгинет с лица земли. Ну да не хмурьтесь и не падайте духом — с мечом Элидагрима вы всего добьетесь.

Однако мрачные физиономии его гостей ничуть не просветлели. Скапти тяжело вздохнул и подпер подбородок кулаком:

— Тогда мы не можем перевалить всю эту напасть на плечи Эльбегаста. Убийство Отгара тяготеет над нами, как ярмо.

Флоси тотчас же поспешил принять вид существа ничтожного и недостойного. Одобрительная усмешка тронула грубоватые черты Даина.

— Я взял на себя смелость послать за кое-кем, кто мог бы помочь вам. Он весьма и весьма пригодится в поисках могилы Элидагрима. Я решил, что вам не обойтись без проводника и защитника. Он прибудет с минуты на минуту. — С этими словами Даин поудобнее устроился с трубкой в кресле и решительно отказался отвечать на все вопросы.

Он успел выкурить две трубки, когда массивную дверь, что вела в туннель, сотрясли яростные удары. Финнвард судорожно подскочил, дико озираясь в поисках подходящего места для укрытия или падения в обморок.

— Черные гномы! — вопил он. — Гномы и Лоример!

Даин даже не поднялся с кресла, а только крикнул:

— Войди!

Стук и скрежет послышались от двери — это сами собой отодвигались засовы; затем дверь со скрипом отворилась. Некто, закутанный в плащ, тотчас протиснулся в щель и широкими шагами направился к ним.

— Я откликнулся на твой призыв, — проговорил он, слегка задыхаясь, и прервал фразу, чтобы низко поклониться, — и поспешил исполнить твое веление, благородный мастер... — Он выпрямился, впиваясь взглядом в Даиновых гостей, которые уставились на него с видом, полным подозрения и враждебности.

— Гизур! — хором взревели они. — Ты бросил нас, чума тебе в печенку!

Ивар и Эйлифир бросились к магу с рукопожатиями, а прочие альвы испепеляли его яростными взглядами.

— И вот это — наш проводник и защитник? Да ведь он же оставлял нас в каждой переделке! — Флоси вскочил на кресло и, приняв величественную позу, направил в Гизура обвиняющий палец.

— Я же говорил, что магам верить нельзя, — с боязливым и хмурым видом добавил Финнвард.

— Заткнитесь! — отрезал Гизур, и глаза его вспыхнули. — Да я лучше сварюсь живьем в котле Муспелля, чем хоть на шаг ступлю из горы в вашем обществе, — ведь все вы, кроме скиплинга и Эйлифира, самые сварливые трусы и скаредные ругатели из всех, кого я видел за пределами Грётгарда. За весь путь от Сноуфелла я не получил от вас даже звона золотых монет!

Шум споров и взаимных обвинений был прерван деликатным покашливанием Даина. Мастер печально глядел на гостей и покачивал головой.

Несколько мгновений все молчали, обмениваясь злобными взглядами. Затем Скапти вздохнул:

— Может, дашь нам случай исправиться, а, Гизур? Мы все от души постараемся... особенно Флоси.

Флоси хмуро глянул на него и пробормотал:

— Это верно. Я не буду больше задиаться... если Эгиль перестанет на каждом шагу тыкать мне в нос моей виной.

Эгиль широко раскрыл свой единственный глаз:

— Да разве я так делаю? Гм... я не имел в виду ничего дурного. Ну, кто прошлое помянет, тому глаз вон, идет? — Он протянул руку. Флоси, колебавшись, пожал ее.

— Да ладно уж, — сказал он грубовато, сдерживая ухмылку. — Я ведь тоже ничего такого не имею в виду, когда вырвется какая-нибудь резкость.

— И я! — подхватил Скапти, а Финнвард вторил ему:

— Простим друг другу, что мы такие ничтожества, верно?

— Верно! — от души, хором согласились все.

Гизур потер нос — главным образом для того, чтобы скрыть усмешку.

— Через двадцать дней пути вы вцепитесь друг другу в глотки и будете горланить, точно шайка школяров... но, так уж и быть, я согласен сделать вторую попытку. И еще какую!

Альвы сгрудились вокруг мага, пожимая ему руки и хлопая по спине, точно обрели давно потерянного брата. Ивар качал головой, и досадуя, и забавляясь, — он-то знал, что Гизур прав. Очень скоро альвы станут злобно бросаться друг на

друга, а минуту спустя будут вернейшими друзьями и соратниками.

— Ну я рад, что вы помирились, — объявил Даин, поднимаясь с кресла. — Время, увы, не терпит. Лоример и его верные слуги рыщут неподалеку, и их присутствие черной тучей тяготеет над Даиннскипом. У тебя есть карты, Гизур? Достань их, и я отмечу дорогу, которой вы должны идти через Йотунсгард, а затем пожелаю вам доброго пути.

Глава 9

вердой рукой Даин отметил на карте маршрут. Этот длинный и опасный путь вел прямо в сердце йотунских владений, да еще и вначале путникам предстояло пересечь земли, принадлежавшие Свартару, — Дунхавн, Драугаркелл и Варгрфелл.

— Только чтобы добраться до границ Йотунгарда, вам понадобится вся магия и удача, какие только у вас есть, — заключил Даин.

— Именно то, чего нам не хватает, — уныло заметил Скапти.

Они склонились над картой, изучая место, где, по словам Даина, находится Лабиринт. Он был расположен удручающе далеко на юге, близ побережья, и, судя по редким значкам, составители карты мало что знали о тех краях. Огромная река Дрангарстром на всем своем протяжении была почти не изучена, и лишь в нескольких местах ее очертания были четко обозначены на карте. Ивар провел по диагонали карты на северо-восток линию, которая должна была привести их к ближайшему известному притоку реки.

— Я и не думал, что Дрангарстром так велик и неизведан, — заметил он. — Там, должно быть, тысячи водопадов, а под каким из них таится Андвари — неизвестно.

— Надеюсь, вы отыщете нужный водопад, — сказал Даин. — Без мага вам не обой-

тись — нельзя же тратить время, заглядывая под каждый водопад Дрангарстрома.

Скапти вынул из кармана палочку, покрытую зарубками, и высек кинжалом еще одну.

— Чтобы покрыть шкуру золотом, у нас осталось ровно двести тридцать четыре дня. От души надеюсь, что нам этого хватит. Прежде такой срок казался вечностью... а теперь мне чудится, что двести тридцать пятый день наступит на будущей неделе. Трудненько нам придется... И это притом, что никто из нас не владеет Силой.

— Но, может быть, овладеет, — сказал Даин. — К тому времени, когда вы добудете Глим, сразите Фафнира и умиротворите Свартара, сколько-нибудь магии к вам да пристанет.

Флоси встал с кресла и облокотился о стол:

— Откуда же взять Силу, если ее отроду не было? Я не представляю даже, что такое эта Сила, как же мы сумеем распознать ее и удержать при себе? И что мы можем сделать, чтобы подманить к себе Силу? Нельзя же ее привить, точно хорошие манеры?

Даин только головой покачал:

— Ты распознаешь Силу, когда встретишься с Силой, а я не могу внятыми словами объяснить, как удержать ее. Это все равно что протянуть руки и ждать, что на ладони упадет слиток золота.

Уныние и озадаченность альвов после этих слов только усилились.

— Не тревожьтесь о Силе, — успокоил их Гизур. — Извольте только следовать за мной туда, куда я вас поведу, не задавать лишних вопросов, не задираться и... не падать духом. — Он опять склонился над картой. — Итак, Йотунсгард, огненные йотуны, горячие источники, вулканы, гейзеры

и все такое прочее, горячее... Между нами говоря, — шепотом обратился он к Даину, покуда альвы громко спорили, как разделить припасы, которыми щедро одарил их кузнец, — ты и в самом деле уверен, что мы, со всеми нашими недостатками, сможем добиться успеха?

Старик поглядел на Финнварда, Эгиля и Флоси — и кивнул:

— А разве есть другой выход?

Гизур со вздохом покачал головой:

— Смерть и там и здесь, смерть от руки Лоримера, смерть от руки Свартара, или же вечное покровительство Эльбегаста... в угольной шахте. Нет, в сравнении со всем этим скитаться среди огненных йотунов — не так уж плохо, может, наше вечное злосчастье потеряет бдительность и мы уцелеем.

Даин торжественно пожал руку Гизуру, затем Ивару и Эйлифиру и всем прочим. Путники взвалили на плечи дорожные мешки.

— Удачи вам, друзья мои! Да сохранят вас стихии, духи земли и боги пусть объединятся, чтобы поразить ваших врагов! Пускай ваш чуткий слух и острые глаза вовремя распознают опасность. И помните: будьте едины и твердо стремитесь к своей цели. А теперь — прощайте! — Даин опустился в кресло и подал знак слуге, который проводил их к небольшой дверце, почти скрытой за грудками сломанных колес и прочего хлама, предназначенного для переплавки.

— Этот коридорчик ведет прямо наружу, — сообщил он шелестящим шепотом. — Прощайте, герои. Вот фонарь, он осветит вам путь. Оставьте его у выхода, я после его подберу. Удачи вам!

Путники по очереди пожали ему руку и нырнули в низкий туннель.

— Йотунсгард! — крикнул вслед им слуга, и эхо его голоса прокатилось по туннелю, как прощальное предостережение.

Снаружи поджидал зябкий ветреный рассвет. Гизур остановился, устремив взгляд на юг и не обращая внимания на холодный ветер, трепавший его бороду.

— В Двергарфелле-то мы так и не побывали, — заметил Флоси.

— Ну это легко объяснить, — отозвался Гизур. — Даиннскип находится отнюдь не там — Двергарфелл, на наше счастье, лежит куда севернее. Неужели я бы бросил вас одних, если бы предполагал, что вы можете забрести в Двергарфелл и там спрашивать дорогу на Даиннскип?

Ивар с подозрением глянул на мага:

— Ну-ка, объяснись. Ты хочешь сказать, что бросил нас намеренно?

— Мальчик мой, никогда не расспрашивай огненного мага, почему он поступил так, а не иначе, — раздраженно ответил Гизур, вынимая из перчатки кристалл плавикового шпата и поднимая его повыше, чтобы определить расположение солнца. — В моем присутствии вы чересчур ленились принимать решения, так что несколько дней самостоятельного путешествия были вам только на пользу. Я знал наверняка, что ничего плохого с вами не случится.

— Ничего плохого! — воскликнул Ивар. — Хорошенькое «ничего» — Лоример едва нас не настиг!

— «Едва», говоришь ты? Но ведь не настиг же! А это, по-моему, самое главное. — Камень исчез из его руки, уступив место ломтю хлеба, оставшемуся от завтрака. — И потом, справились вы отменно. Я собирался перехватить вас в

окрестностях Дайннскнипа и указать вам вход, однако, по какому-то причудливому случаю, вы не только отыскиали нужную гору, но и нашли вход, которым не пользовались несколько столетий. Поразительная, я бы сказал, удача. Как это у вас вышло?

— Безо всяких хлопот, — вмешался Скапти, который не отставал от Ивара, едва не наступая ему на пятки. — Ивар запросто отыскал нам дорогу с помощью маятника. В добрый час послала нам его Бирна!

— Подумаешь! — фыркнул Флоси. — Дуракам везет. Эйлифир, если помнишь, тоже отыскал вход во владения Даина.

— Уймись, Флоси, — беззлобно огрызнулся Скапти. — Ты ведь, если помнишь, обещал исправиться.

Это исправление длилось неделю и потребовало ото всех изрядных сил. Нашлась Путевая Линия, и это их подбодрило, но от необходимости все время держать себя в руках настроение у альвов менялось, как весеннее солнышко.

В конце концов вымученное согласие разразилось небывалой сварой, и дело кончилось тем, что на ночлег остановились неподалеку от каких-то полуобвалившихся камней, стоявших кругом в безжизненном и голом месте. Флоси попросту уселся на землю и отказался даже пальцем шевельнуть.

— Отлично! — пожал плечами Гизур. — Отсюда, во всяком случае, открывается прекрасный вид на Драугаркелл. Вон в том ущелье, что прямо перед нами, некогда погибли страшной смертью тысячи гномов — так говорят предания. Болтают, что по Скарпсею бродит немало упырей-драугов, но если б все эти рассказы были правдой, Скарпсей под их тяжестью погрузился бы в море; так

что, Финнвард, можешь не трястись от страха. Если здесь и были упыри, они, верно, разбрелись куда попало пугать честной народ.

Скапти пытался убедить Флоси оставить дурацкое упрямство, чтобы они могли отыскать для ночлега местечко побезопаснее, но Флоси нынче явно не был склонен к согласию. Финнвард при малейшем шуме дергался и взвизгивал, а когда Эгиль со стуком выронил чайник, толстяк подскочил с воплем: «Упыри! Спасайтесь!» — и осел на землю, лишившись чувств.

— Пф-ф, ну и ничтожество! — процедил Флоси. Тотчас завязалась ссора, и все альвы ринулись в нее с величайшим облегчением. Только Эйлифир, как обычно, остался в стороне и двинулся в обход стоянки, покуда, по чистой случайности, не оказался рядом с Иваром.

— Я хотел бы присмотреться поближе к этому каменному кругу, — сообщил он вполголоса. — Не желаешь ко мне присоединиться?

— Ты заметил что-нибудь подозрительное? — осведомился Ивар, но Эйлифир лишь пожал плечами.

Они вскарабкались наверх, к полуразрушенному кругу, где вечерний ветер печально свистел сквозь выщербленные зубы камней — они кренились, точно пьяные, в разные стороны или вовсе валялись на земле. Судя по тому, как мхи и лишайники дюйм за дюймом отвоевывали себе местечко на камнях, вряд ли чья-то нога ступала здесь за последнее столетие. Вершина холма казалась совершенно заброшенной, забытой теми таинственными силами, которым некогда служил этот круг.

— Пройди мы еще полмили, и могли бы заночевать на застывших лавовых потоках, — заметил Ивар, изучая окрестности. — Или даже вон на тех

низких холмах. Там бы, верно, нашлось и дерево для костра. Видишь, склоны вроде поросли кустарником.

Эйлифир, разглядывавший дорогу, по которой они пришли сюда, обернулся и подтвердил, что склоны холмов действительно покрыты какими-то зарослями. Ивар спросил, не заметил ли он чего-нибудь неладного, но Эйлифир уклонился от ответа.

Они вернулись к стоянке, и Флоси тотчас накинулся на них:

— Знаю, знаю, что вы сейчас скажете! Свернуть лагерь и перебраться на застывшую лаву или на холмы? И думать нечего! Лично я от этого костра шагу не ступлю. — Он уселся у огня, протянув руки к теплу.

— Раз уж ты первым заговорил об этом — и впрямь недурно бы перенести лагерь, — ответил Ивар. — Там, наверху, мы слышали каждое ваше слово, а уж костер виден на несколько миль вокруг.

— У меня недоброе предчувствие насчет этого места, — сварливо вмешался Финнвард, — и никто меня не слушает, мол, Финнвард — старый болван...

— Точно! — отрезал Флоси. — Никуда мы отсюда не пойдём.

Скапти переводил встревоженный взгляд с Ивара на Гизура:

— По-моему, мы все порядком устали и изголодались, и отдых нам не повредит. Может, наши недобрые предчувствия только от усталости?

— Да ну вас с вашими предчувствиями! — фыркнул Эгиль. — Я устал, и все тут.

Ивар пристально поглядел на мага. Тот сидел на камне, погруженный в размышления, и задумчиво покусывал наверх попоха.

— Ладно, — сказал Ивар, — лично я намерен сторожить всю ночь. И он занял сторожевую по-

зицию, приняв как можно более мрачный и бдительный вид.

В полночь его сменил на посту Эйлифир. Ивар, казалось, едва успел смежить глаза, как Эйлифир толкнул его в бок.

— Гномы, — прошептал он.

— Где? — Ивар тотчас вскочил на ноги, ошалелый, точь-в-точь как Флоси, когда его будили не вовремя.

Эйлифир указал на север:

— По-моему, это та же шайка, что преследовала нас у Даиннскипа. Только что я видел, как шестеро из них проехали у самой линии горизонта. Единственное, что меня удивляет, — как это они до сих пор не застигли нас врасплох.

Ивар поглядел туда, куда указывал Эйлифир, — время шло к рассвету, и все было видно как на ладони.

— За этим холмом у них выгодная позиция, верно? В любую минуту они могут вынырнуть из укрытия и наглухо окружить нас. А где Гизур?

Он увидел бесформенную фигуру, завернутую в плащ, — при ближайшем рассмотрении ею оказалась груда камней, прикрытых запасным плащом Скапти.

— Исчез! — прошептал Ивар. — Знает ли он о гномах?

Эйлифир кивнул:

— Я думаю, он на вершине холма, в каменном круге.

— Разбудим остальных. — Ивар потряс Скапти и ткнул посохом Флоси, который вскочил с безумным рычанием и схватился за первое попавшееся под руку оружие, готовый к бою.

— Гномы! — прошептал Ивар не без мрачного злорадства. — Берите мешки, надо спешить.

— Маг опять исчез, — проворчал Эгиль.

— Удрал! — тотчас застонал Финнвард.

— Не совсем, — отозвался голос Гизура из черной тени на вершине холма. — Быстро за мной, и будете в безопасности, точно блохи на плечи у Тора.

По счастью, мешки были уже уложены — Ивар еще вечером настоял на этой предосторожности. Ворча, альвы последовали за Гизуром, который повел их прямо в древний каменный круг, не слушая никаких протестов.

— Я туда не пойду! — объявил вдруг Финнвард, шлепаясь на камень. — Можете идти дальше сами, а меня оставьте здесь — я терпеть не могу этих колдовских мест.

Эгиль тоже заколебался, и всем пришлось остановиться. Флоси метнулся к толстяку, в ярости сгреб его за ворот.

— Вечно одно и то же! Если ты еще раз это скажешь...

Что-то просвистело в воздухе, и удар высек искры из камня рядом с Иваром.

— Стрела! Бежим! — Гизур подтолкнул вперед альвов, включая и мгновенно ожившего Финнварда, и выпрямился, вскинув посох над головой, точно хотел защитить других, сделав мишенью себя.

Финнвард первым достиг круга и нырнул под защиту поваленного камня. Ивар и Гизур, добежавшие последними, спрятались за двумя стоячими камнями, осторожно выглядывая наружу. Скапти велел альвам приготовить луки и стрелы.

— Если я попаду в гнома, не знаю, кто больше удивится, — простонал Финнвард, вертя лук в непривычных к оружию руках. — Чего бы я ни отдал, только б оказаться сейчас в Сноуфелле, в уютной моей кухоньке, печь пирожные и...

Град стрел заклацал вдруг по вершине и склонам холма, и одна стрела, ударившись о стоячий камень, ослепительно вспыхнула. Снизу донесся стремительный топот приближающихся коней.

— Э-гей! — прокричали из тьмы. — Эй, Гизур, ты здесь?

— Здесь, Лоример! Чего ты хочешь? — Навершье посоха вспыхнуло ярким пламенем, и Гизур выступил из-за камней.

Конь Лоримера двинулся к холму и посреди склона остановился, нервно приплясывая. Лоример крикнул со смехом:

— Да ты спятил, приятель, если забрел сюда! В Драугаркелле занятно мало. Бьюсь об заклад, в Даиннскипе вам было куда веселее! Что, удалось вам отыскать шелудивого пса? Что вы клянчили у него — меч?

— Расспросы, Лоример, сейчас не ко времени, — отозвался Гизур. — Почему бы тебе не убираться в какую-нибудь темную уютную пещерку и перестать пугать честной народ?

Лоример захихикал:

— Ну-ну, Гизур, или ты не можешь понять, что дело проиграно? Эти пятеро тупиц нипочем не заплатят виры Свартару. Пойди вы дальше — и вам не миновать гибели в руках огненных йотунов. Мы ведь следим за вами от самого Даиннскнипа! Вы направляетесь в Йотунсгард? Так, Гизур? Что вам нужно там, в Йотунсгарде?

Опередив ответ Гизура, из Лоримерова кармана подал голос Грус:

— Да меч же, меч, ты, болван! Или я не говорил тебе? Волшебный меч Элидагрима, погребенный с ним в могиле. Даинн-кузнец — последний из живущих, кто знает, где находится могила. Я-то знаю это потому, что мне доступны все знания

мертвых! — Грус так зловеще хихикнул, что Финнвард замычал от страха.

— Это правда, Гизур? — осведомился Лоример. — Неужели ты и впрямь докатился до такой глупости? — Он говорил, а между тем десятка два гномов стягивались к подножию холма. — Ну же, Гизур, будь благоразумен. Ты мог бы мне пригодиться, а я взамен прибавил бы тебе могущества. Ты же знаешь, что альвы не выстоят против моих гномов — их слишком мало. Для Эльбегаста они — просто обуза, для тебя — обуза опасная. А скиплинг, которого ты зовешь героем? Безоружный мальчишка с одним только ножиком. И на что же вы надеетесь?

Ивар коснулся кинжала Бирны. Значит, Лоример запомнил этот кинжал и даже придавал ему какое-то значение?

— Во всяком случае, отомстить за Бирну! — храбро крикнул он. — Лоример, ты — трус и убийца! Я не забыл про гибель Бирны и никогда не забуду! Знай, что моя месть настигнет тебя!

— Клянусь моей пророческой душой! — возопил Грус. — Он решил тебя убить, Лоример. Я костями это чую. Ничего чудеснее я не встречал в самых чуждых видениях. Лоример, спасибо тебе за развлечение! Это зрелище я не пропущу ни за какие блага в мире.

— Чтоб ты провалился со своими видениями! — огрызнулся Лоример, оборачиваясь, чтобы подать знак гномам. — Живой и могущественный чародей может не опасаться мертвого скиплинга. А живым он, боюсь, отсюда не уберется. Уж я об этом позабочусь — предосторожности ради.

Гномы окружали холм, старательно держась вне досягаемости стрел.

— Мы не беззащитны, — предостерег Гизур. — Если кто-нибудь из твоих гномов посмеет коснуться этих камней, он в момент изжарится, как цыпленок. Заря, между прочим, недалеко, Лоример, — или ты одним словом превратишь ее в ночь?

Лоример развернул коня, собираясь спуститься с холма.

— Это твое последнее слово, Гизур? Предпочитаешь погибнуть вместе с этими чурбанами?

— Лучше гибель, чем рабство в твоих руках, Лоример, — отрезал Гизур и вдруг, вскинув посох, метнул молнию в самую середину отряда гномов, подбиравшихся к холму. Два гнома погибли на месте, а прочие отступили на безопасное расстояние и в отместку принялись осыпать стрелами осажденных.

— За дело, балбесы! — велел Гизур альвам, которые распластались под сомнительным укрытием поваленных камней. Только Эйлифир пускал ответные стрелы с убийственной точностью.

— Что нам делать? Мы обречены! — проскулил Финнвард.

— Без чар не обойтись, — заявил Гизур.

— О нет, только не сейчас! — взвыл толстяк. — Я и на ногах-то не устою! Бросьте меня...

— Да заткнись ты, студень ходячий! — взревел Флоси, пихнув локтем Эгиля. — Лично я с места не сдвинусь.

— Да уймись ты! Едва мне глаз не выколол стрелой! — возмутился Скапти, отвесив Флоси затрещину.

Эйлифир, целившийся из лука, оглянулся:

— Думаю, мы сумеем возродить круг, если заполним все щели между камнями. Я встану вот в этом провале; кто со мной?

Альвы в ответ упорно молчали, лишь теснее прижимаясь к земле.

Однако Эйлифир был не из тех, кто легко сдается.

— Скапти, подойди к этим двум камням, встань между ними и положи руки на камни, чтобы заполнить щель. Вреда тебе от этого не будет — разве только польза.

— Особенно если я стану торчать там, как последний болван, и меня нашьпигуют стрелами! — огрызнулся Скапти.

— Если круг действует, все это займет лишь мгновение. Если нет... что ж, нам так и так погибать. — Эйлифир уже стоял меж двух камней, упираясь в них раскинутыми руками. — А вы все садитесь на землю и соедините руки в круг. Сосредоточьтесь на пятом разделе магии, а ты, Гизур, будь поосторожней, не то вскипятишь кому-нибудь мозги. Ивар, держись подальше на случай, если что-то пойдет не так. Ну, все готовы? Начали!

Несколько мгновений Ивар не замечал никаких признаков магии. Скапти одним глазом жадно следил за гномами, кружившими у подножия холма. Ивару совсем не пришлось по вкусу эти черные фигуры, мельтешащие на серебристом фоне светлой северной ночи.

Он попятился — и вдруг что-то сильно обожгло ногу. Резко обернувшись, Ивар увидел, что основание ближнего к нему стоячего камня раскалилось докрасна и прожгло дыру в его штанине. Не веря собственным глазам, Ивар протянул руку и осмелился коснуться поверхности камня подальше от багрово-жаркого свечения. Тотчас он отдернул руку, но успел ощутить, что камень дрожит и колеблется. И обжигает. Юноша обернулся к Эйлифиру и Скапти, ожидая увидеть лишь кучки пепла, — но

оба альва были живы. Диковинное сияние окутало их, волосы и бороды вздыбились, потрескивая от избытка энергии. На лице Скапти застыло озабоченное изумление; Эйлифир, сосредоточившись, закрыл глаза. Воздух, облекавший снаружи каменный круг, сиял и переливался бледно-оранжевым свечением, словно бы тончайшая пленка огня.

Финнвард первым лишился чувств, но пламя не исчезло. Один за другим падали без чувств те, кто составил круг, и наконец остался только Скапти. Он открыл глаза, точно спящий, что пробудился от живительной дремы, и одобрительно огляделся.

Вопли гномов привлекли их внимание. Около десятка Лоримеровых приспешников рысцой устремились к холму. Ивар вновь обнажил кинжал Бирны, диковинно сверкнувший в его руке.

— Гизур, они приближаются! — крикнул он.

— Не тревожься, — скрестив руки на груди, хладнокровно отвечал маг. — Просто смотри, что будет.

Первые гномы, корча кровожадные гримасы, уже взбирались по склону. Гном, скакавший первым, размахивал мечом, явно избрав своей мишенью Ивара, и послал коня в разрыв каменного круга. Раздался нестерпимый грохот, коня и всадника отшвырнуло прочь, они сбили с ног еще двоих коней, и клубок из тел с воплями покатился вниз по склону. Еще один гном с разгона налетел на тончайшую пленку пламени — и шарахнулся, взметнув горящий плащ. Прочие враги повернули и кубарем ссыпались вниз; иных сбросили перепуганные кони, иные сами спешили и опрометью мчались прочь, пробросав коней.

Эгиль, Эйлифир и Финнвард уже очнулись и сидели, с разинутыми ртами любуясь картиной бегства, а Флоси вопил и приплясывал, размахивая

мечом и выкрикивая угрозы и проклятия. Поток стрел дугой обрушился на осажденных, но каждая стрела тотчас же сгорала в огненном слое, облежавшем камни. Флоси хохотал и ликовал, пока Гизур силой не заставил его сесть.

Гномы окружили холм. Они больше не пытались продвинуться вперед и не тратили стрел зря. Ивар с волнением глядел на юго-восток, зная, что примерно через час взойдет солнце и гномам придется прятаться от его света. Теперь, в серых предрассветных сумерках, он хорошо разглядел гномов: коренастые, низкорослые, неистовые воины в полном боевом снаряжении — искусной работы шлемы, нагрудники, мечи.

— Бьюсь об заклад, они ожидают, пока у нас не останется сил держать круг, — торжествующе хмыкнул Гизур. — Пусть себе солнце выжжет их мозги и испарит тела — мы и не пошевелимся.

В этот миг Скапти зашатался и рухнул ничком, разбросав негнущиеся руки. Тотчас же пламенный ореол исчез. Эйлифир поспешно перевернул Скапти на спину, заглянул в широко раскрытые глаза.

— Я бы сказал, что он попросту перегрелся, — заметил он. — Как ты себя чувствуешь, Скапти?

Скапти несколько раз неуверенно моргнул.

— Удивительно, — пробормотал он. — Просто удивительно. Через эти бранные тела прошло столько Силы, что хватило бы с лихвой половине альвов Сноуфелла. Все мои кости точно превратились в огонь. — Он со всех сторон оглядел кисти рук и начал растирать их, точно онемевшие.

Ивар поглядывал то на Скапти, то на черных гномов. Враги подъехали ближе на своих резвых скакунах и, глядя на каменный круг, жестикулировали все оживленней, а затем рысью двинулись вперед с оружием в руках.

— Они знают, что заклятие исчезло, — мрачно сказал Ивар. — Боюсь, теперь они окончательно потеряли к нам всякое почтение — если только такое у них когда-нибудь имелось.

— Всем лечь! — велел Гизур, и Финнвард тотчас с готовностью рухнул в обморок, как проколотый пончик, из которого вышел пар. — Пусть только подберутся поближе, а уж я не из одного вышибу дух. Эй, Скапти, ты что это делаешь? Ляг немедленно, пока Лоример не превратил тебя в подушечку для булавок!

Скапти стоял, пошатываясь, и одной рукой опираясь на стоячий камень. Флоси, припавший к земле, со злостью дернул его за край плаща:

— Ты что, старый осел, оглох? Гизур, у него мозги сварились! Эйлифиров древний круг совсем вышиб из него осторожность.

Гизур не сводил глаз с черных гномов, которые добрались уже до подножия холма. Сдерживая раздражение, Ивар подобрался к Скапти, который, на его взгляд, вот-вот должен был обрасти стрелами, как еж иглами. Но едва он схватил альва за руку, как вспышка света ослепила его и мощный удар швырнул навзничь. Безмерно изумленный, Ивар помотал головой и, осторожно откатившись вбок, глянул, не пострадал ли от этой вспышки Скапти.

Альв стоял все там же, опираясь о камень и вытянув руку в жесте, отгоняющем силы зла. Внизу, у подножия холма, гномы рассыпались в беспорядке, за исключением двоих, которые возглавляли отряд и теперь превратились в дымящиеся груды пепла. Лоример отъехал на безопасное расстояние и, с трудом удерживая на месте перепуганного коня, впился яростным взглядом в каменный круг.

— Ивар-скиплинг, я еще доберусь до тебя! — прорычал он полным бешенства голосом. — Не

думай, червяк, что если ты прополз в этот мир, то сумеешь разрушить мои замыслы! Я завладею Сварттарриком, а Эльбегаст и его альвы будут стерты с лица земли! Само солнце сгинет от моей руки! А ты, козявка, надеешься помешать мне? — Он презрительно захохотал.

— Я остановлю тебя! — гневно крикнул Ивар. — Во имя Бирны, остановлю!

Лоример мгновение колебался, затем резко развернул коня и поскакал вослед удирающим гномам.

Долгое время в круге никто не шевелился. Все бессильно глазели на Скапти, который и сам был изумлен до предела. Наконец он медленно опустил руки. Все, как один, громко заговорили, засмеялись, отвешивая Скапти такие дружеские тычки, что он едва удерживался на ногах.

— Он обрел Силу! — восклицал Финнвард.

— Как тебе это удалось? — в десятый раз допытывался Гизур.

— И почему это я не додумался встать в круг? — завистливо подвывал Флоси. — А что, если нам всем сейчас попробовать?..

— Слишком рискованно, — остудил его пыл Эйлифир. — Следующий, кто замкнет круг, может превратиться в пепел. Если мне не веришь, погляди на эти камни.

В самом деле, камни все еще были горячи на ощупь. Ивар теперь заметил, что их основания на вид сильно отличаются от верхушек. Камень стал стеклянистым, точно подтаял.

Скапти уселся на камень, потирая лицо и посмеиваясь себе под нос:

— Кто бы мог подумать? Чтобы я, старик, и вдруг обрел Силу? Просто голова кругом. Подумать только, ведь я могу теперь делать что угод-

но! Зажигать огонь, отыскивать разные вещи, летать, видеть мыслью... пожалуй, даже становиться невидимкой и менять облик в мгновение ока!

— Будь осторожен! — предостерег Гизур. — Мы ведь пока еще не знаем, что в точности с тобой произошло, надолго ли эта перемена и насколько ты можешь владеть собственной Силой, — так что лучше уж не исчезай и ни в кого не превращайся, пока мы не будем уверены, что ты вернешься.

Скапти кивнул с блаженным видом:

— Что за дивное ощущение! Я обрел Силу. Когда вернемся в Сноуфелл, потребую назначить меня на новую службу.

— Поздравляю! — Ивар потряс ему руку. — Теперь ты здорово нам пригодишься, когда надо будет убить Фафнира и добыть золото.

— Фафнира... ах да, конечно... — Блаженная самоуверенность Скапти на миг поблекла.

— Ну это ненадолго, — завистливо проворчал Флоси с видом кислым, точно выдохшееся пиво.

Как ни были они измотаны, но сочли за лучшее поскорей оставить позади Драутаркелл. На редкость быстро и споро альвы собрали вещи и потрусили вслед за Гизуром, на этот раз безо всякого нытья и ворчания. Когда пришлось миновать останки троих коней и двух гномов, никто не проронил ни слова, а Скапти поблел.

— Сила дается не так-то легко, — заметил Гизур, отряхивая с плаща комочки обгоревшей земли.

После этого случая путники выбирали места для стоянки с удвоенной осторожностью, хотя Лоример так ни разу и не попался им на глаза. Скапти несколько дней пребывал погруженным в глубокомысленное молчание и понемногу осваивал

свои новые возможности, что было связано с немалым риском. Вначале самый незначительный его жест приводил к неурядицам — то сам собой вспыхивал огонь, то вещи словно оживали и иному подворачивались под ноги, а иному сваливались на голову. Гизур приходил в отчаяние, а альвы злились на Скапти. Почти неделю он был вынужден держаться подальше от спутников, зато за это время сумел взять себя в руки и вполне овладеть новообретенной Силой. К концу недели он снова шагал вслед за Иваром и все чаще высказывал веские мнения, когда надо было решать, что делать дальше.

Они пришли в край, именуемый Дунхавн, или Темная Гавань, по названию фиорда, который был едва различим на юго-западе. По сравнению с Драугаркеллом места здесь были даже приятные — черные зазубрины холмов сменялись зелеными лужайками травы и папоротника-орляка, разбросанными по каменной почве, в которой лавы было больше, чем земли. Когда Иваром овладевала задумчивость, ему чудилось порой, будто они идут по спине огромного чудовища — оно так крепко уснуло, что мхи и травы успели вырасти на чешуйчатом, зубчатом гребне.

Однажды утром Гизур объявил:

— Друзья мои, у меня для вас добрая весть! Хотите выспаться в кроватях и наесться до отвала домашней стряпни? Судя по карте, недалеко отсюда есть странноприимный дом. Если мы сегодня как следует поработаем ногами, то успеем туда к ужину. Может, нам удастся отдохнуть денек-другой — мы это, право, заслужили.

— Неплохо бы! — вздохнул Финнвард. — Прошлой ночью у меня по спине точно камни плясали.

— Странноприимный дом? — Скапти подергал себя за ухо. — А откуда мы знаем, что он по-прежнему там или что его обитатели не окажутся врагами?

Гизур фыркнул и быстро скатал карту в трубку:

— Странноприимный дом таковым навсегда и останется. Веками все путники, кто бы они ни были, искали там приюта и вешали на стену свое оружие. Притом нам надо купить еще припасов.

— Вот ты и купишь, — хмыкнул Флоси. — У нас-то нет ни монетки. Мы вернем тебе долг, когда добудем золото Андвари.

— Воображаю! — буркнул Гизур себе под нос.

Начало смеркаться, когда вдали показался странноприимный дом, и путники остановились на вершине холма, чтобы присмотреться к нему. Небольшой опрятный хуторок пристроился ниже, в распадке зеленого холма, где паслись овцы и козы. Эгиля и Финнварда эта сцена обрадовала до глубины души, и даже вечно желчная физиономия Флоси прояснилась.

— И впрямь похоже на странноприимный дом, — заметил он. — Эх, и почему только симпатичные домики так редко попадают на нашем пути? Вперед, лентяи, и нечего медлить — нас ждет славный отдых! А также приличная еда и выпивка.

Весело поддразнивая друг друга, они взвалили на плечи мешки и неспешно начали спускаться вниз, к хутору. Ивар шел за альвами, и ему чудилось, что один вид обыкновенной, ухоженной усадьбы точно возродил его. На миг он затосковал по дому, даже по незатейливому уюту Безрыбья.

Только Скапти не спешил последовать всеобщему примеру. Хмурясь, он глядел сверху вниз на приветливый домик.

— Погодите! — окликнул он. — Нельзя нам туда идти! У меня предчувствие...

— Чепуха! — огрызнулся Флоси, не замедляя шага. — Думаешь, если у тебя появилась капелька Силы, так ты уже и маг? Нечего пускать пыль в глаза, старая ты перечница!

— Я хорошо знаю, что такое предчувствие, предвидение и знамение. Гизур! Чтоб тебе лопнуть, и ты так же слеп, как эти болваны? — Скапти с вызовом глянул на Эйлифира: — Послушай, ты ведь тоже стоял в каменном круге. Неужели ты не обрел Силу? Ты об этом и словом не обмолвился. Скажи, есть у тебя недоброе предчувствие насчет этого дома?

Но молчальник только наклонился, чтобы затянуть потуже шнурки на башмаках.

— Может быть, — только и соизволил он ответить. Затем закрыл рот и вскинул мешок на плечо.

Ивару и Скапти ничего не оставалось, как присоединиться к отряду.

Глава 10

садьба, сложенная из торфа, делилась на-
трое: в одной ее части находились жилые
комнаты, в другой — кладовые, а в тре-
тней помещался домашний скот. Козочки,
щипавшие траву на крышах, приветствовали пут-
ников радостным блеяньем. Из трубы щедро валил
дым, и дивный аромат жарящегося мяса совершен-
но зачаровал изголодавшихся странников. Гизур
постучал в окно — это было куда вежливее, чем
стучаться в дверь незнакомого дома, — и тотчас
навстречу им вышла из дверей старушка.

— Какая неожиданность! Путники, в такое-то
время! Добро пожаловать в подворье Нидбьёрг.

Эта славная женщина со светлым, улыбчивым
лицом, утонувшим в морщинах, и румянными ще-
ками напомнила Ивару старушек из родного Без-
рыбья. Была она одета в простую черную тунику,
богато вышитый нагрудник, стянутый у шеи и на
поясе, и негнувшийся чепец — головной убор, по-
добного которому Ивар прежде не видывал. Ста-
рушка, улыбаясь, пригласила их войти.

Гизур обратился к ней с изысканнейшей веж-
ливостью.

— Благодарим тебя от всей души, добрая гос-
пожа, — промолвил он с низким поклоном. — Мы
проделали долгий путь и отчаянно нуждаемся в
безопасном приюте и крепком сне.

— Стало быть, вы пришли куда надо, — ото-
звалась она. — В этих негостеприимных краях

подворье Нидбьёрг — надежное прибежище для странников. Гномы, альвы, маги и ведьмы — всякий будет желанным гостем в этом доме, если согласится оставить раздоры за порогом. Кто жаждет безопасности — найдет ее здесь.

Подозрительный Скапти все еще упирался, пока не увидел, что Гизур оставил при себе магический посох, точно это была простая дорожная палка. Лишь тогда альв наконец согласился повесить меч и стрелы на наружной стене и вслед за всеми войти в дом. Большую часть нижней залы занимали длинный стол и скамьи, от долгой службы потемневшие и отполированные до блеска. Лестница с крутыми ступеньками вела наверх, в спальню, а дверь под лестницей — в кухню.

— Зовут меня Торвор, — продолжала старушка, великодушно не обратив внимания на неговорчивость Скапти, — а моих сестер — Сольборг и Нидбьёрг. Они, должно быть, в кухне — стряпают что-нибудь особенное.

Ивар втягивал ноздрями чудеснейший запах жарящегося мяса. Покрытые резьбой стропила и прочие украшения залы произвели на него не слишком сильное впечатление; куда больше пришлись ему по душе запасенные на зиму связки трав и копченое мясо, что свисали с потолочных балок. А чудесней всего, конечно, был накрытый стол.

— Приветствую вас, гости, — промолвила старшая из сестер, в белом платье, вышитом синей нитью. — Мое имя — Нидбьёрг. Надеюсь, вы славно отдохнете на подворье Нидбьёрг. — Она пригласила их за стол, и, покуда путники ели, из кухни появлялись все новые и новые яства. Три сестры присели рядом с гостями, добродушно болтали об окрестных землях и вежливо перешути-

вались. Гизур расспрашивал их о дороге на юг, а Флоси осведомился, не найдется ли еще подливки.

Когда все обычные темы иссякли и почти все было съедено, пришла пора раскуривать трубки и задавать вопросы посерьезнее. Сольборг, младшая из сестер — темненькая, черноволосая, — обратилась к Ивару:

— Я вижу, ты не похож на своих друзей. Назойливость не в нашем обычае, но не скиплинг ли ты, не пришелец ли из иного мира? Прости нам любопытство, но мы редко видели, чтобы скиплинг забредал так далеко от родных краев.

Все три старушки глядели на Ивара так ласково и добродушно, что у него и в мыслях не было отказать им отвечать. Сестры напоминали ему три румяных яблочка, слегка увядших, но не потерявших ни вкуса, ни свежести.

— Да, я скиплинг, — подтвердил он. — Я родом из местечка, прозванного Безрыбьем, потому что там плохо ловится рыба. Путешествуя по вашему миру, я не встречал дома гостеприимней этого. Грустно будет мне покидать его. — Ивар вдруг и в самом деле загрустил — быть может, виной тому был излишек съеденного мяса. У него мелькнула смутная мысль, что, может, и в самом деле лучше никогда не уходить отсюда... но он решительно отогнал от себя эту глупость и решил больше не пить обманчиво слабой наливки.

Дело между тем шло к ночи, а еда, питье и бодрящее тепло огня расслабляюще действовали не только на Ивара. Даже несговорчивый Скапти как будто слегка обмяк. Флоси, как всегда, разгорячился и излишне много болтал и хвастался. Сестры подливали ему в кубок и были уж так внимательны — любой хвастун мог бы только мечтать о таких слушателях.

Ивар вдруг понял, что Флоси упоенно распинается о приключении в каменном кругу на вершине холма в Драугаркелле. Судя по всему, Флоси успел уже выболтать все о том, кто они есть и как замышляют похитить у Андвари золото для виры. Он было приподнялся в кресле, пытаясь привлечь внимание Флоси, но мышцы точно превратились в студень. Тогда Ивар окликнул:

— Будь добр, Флоси, передай мне еще этого восхитительного мяса. Ты так заболтался, что оно, верно, совсем остыло. Да и добрым нашим хозяйкам скучно, должно быть, от каждого гостя одну и ту же старую байку выслушивать. Съешь-ка еще немного этого чудесного хлеба, покуда он рядом лежит.

Флоси, всегда чувствительный к малейшим попрекам, учуял укор в тоне Ивара и тотчас унялся.

— Мы шли весь день, — поспешно вмешался Гизур, — и хорошо бы нам нынче лечь спать пораньше. Завтра мы весь день будем отдыхать, а наутро двинемся в путь. — Он поднялся, сделав в сторону Флоси едва заметный жест, не увиденный никем, кроме Ивара. Флоси тотчас уснул.

— Не обращайтесь вы внимания на Флоси, — обеспокоенно вставил Скапти, знаком приказав Ивару и Финнварду унести Флоси наверх. — Болтун он неисправимый, и стоит ему перепить меда, как несет всякую чепуху. Притом же, кстати говоря, он с рождения малость чокнутый, так что и слушать его болтовню не стоит. Ну а мы все так измотались, что головы от ног не отличим, и, как верно сказал Гизур, всем нам нужно как следует отдохнуть.

— Вот и славно, — отозвалась Нидбьёрг. — Торвор проводит вас наверх.

Спальня размещалась на чердаке. Это была просторная, приятно пахнувшая и хорошо прове-

тренная комната с тюфяками из свежей соломы, чистым полом и окнами в каждой грани крыши. В одном углу стояли три прялки и мешки с шерстью, а на ткацком станке был натянут кусок очень красивого, наполовину готового полотна.

Флоси, так и не проснувшегося, уложили в постель, и все прочие с огромным облегчением улеглись спать. Только Скапти при малейшем шуме или шорохе соломы подскакивал и пугливо озирался.

— Да что это с тобой? — сонно осведомился Ивар. — Разве могут быть опасны эти старушки?

Скапти его не слушал.

— Этот дом окутан черным туманом, — пробормотал он. — Ничему здесь нельзя верить, запомни это, Ивар, на случай, если что-нибудь стрясется. Я и глаз не смогу сомкнуть. Буду всю ночь сидеть и сторожить. — Он потер кулаками глаза и едва сдержал душераздирающий зевок. — Уф, так и колышет. Проклятый мед!

Ивар не ответил — он слишком глубоко погрузился в дрему. После множества ночевок на камнях солома показалась ему мягче пуха. От сладкого меда на языке остался почему-то кислый привкус, и Ивар порадовался, что выпил его совсем немного.

Посреди ночи его разбудил странный звук. Ивар сел, прислушиваясь, и даже не сразу понял, где находится. Он едва не рассмеялся, решив было, что совсем отвык спать под крышей и его потревожили обычные ночные шорохи. Ивар свернулся калачиком на мягкой соломе, но никак не мог заснуть. Он терпеливо ждал, пока сон опять одолеет его, — и вдруг услышал снизу негромкий стук, точно кто-то в темноте наткнулся на скамью. По лестнице неспешно приближались тихие, осторожные шаги.

— Как по-вашему, сестры? Нельзя ведь упустить такой случай? — прошептал кто-то, сопроводив слова почти беззвучным хихиканьем. Ивар лежал недвижно, задерживая дыхание, чтобы лучше слышать.

— Поглядим на них, — отозвался другой шепотом. — Мне с трудом верится, что это те самые. Толстяк, одноглазый, тупица — не такими я представляла Эльбегастовых соглядатаев.

— Тем легче нам будет с ними справиться, — прошептал некто третий, и Ивар узнал Сольборг. От этого голоса у него мурашки пробежали по спине. — Что же, начнем?

— Убери кинжал! Ты, Сольборг, слишком любишь вид крови. Скоро, скоро мы о них позаботимся... Главное — сделать так, чтобы они уж точно задержались здесь подольше, а самый лучший способ это сделать — устроить, чтоб один из них заболел. Прежде чем их прикончить, мы поразвлечемся как следует.

Ивар широко раскрыл глаза; по счастью, он лежал лицом к стене, а не к сестрам, стоявшим у него за спиной. Его меч остался висеть внизу, на стене, в знак доверия. Чтобы защитить себя и друзей, у него оставался только кинжал Бирны.

— Что ты имеешь в виду, сестра? — прошептала Торвор. — Превращать их в коней и по одному заездить до смерти? Славный способ протянуть их мучения подольше.

— Поживем — увидим. Сегодня ночью один из них отвезет нас на Свиной Холм, на большой сейдр. Мне не терпится показать товаркам новое превращающее заклинание. Сольборг, ты поедешь со мной — я не выпущу тебя из виду, пока в доме есть хоть один нож.

— Надеюсь, я-то в этом году сумею попасть на сейдр, — проворчала Торвор.

— Ты отправишься туда с Сольборг завтра ночью. А послезавтра мы, быть может, оставим Сольборг одну... с ее кинжалом.

У Сольборг заклокотало в горле.

— Эх, если бы сегодня уже было послезавтра! Ну, сестра, не медли. Кого мы выберем сегодня в рысаки? Скиплинга?

— Да нет же, дуручка. Он-то как раз должен остаться цел и невредим.

— Чем скорее мы подчиним его себе, Нидбьёрг, тем лучше.

— Нет! Что, если он умрет? Я никогда прежде не превращала скиплинга в коня, а в моих книгах об этом народце почти ничего не сказано. Я не хочу рисковать и лишиться меча. Возьмем того, кто спит у самой двери, и покончим с этим.

— Молчуна? — встревоженно отозвалась Торвор. — Ох, он мне совсем не нравится. Боюсь, он все знает.

— Ну так избавимся от него прежде, чем он предостережет других! — шепотом воскликнула Сольборг.

— Сомневаюсь, что, если мы прикончим его во сне, это убедит других, что здесь им ничто не угрожает, — возразила Нидбьёрг. — Если ты не доверяешь молчуну, Торвор, кого же предложишь взамен?

— Седобородого старикашку, который отнесся к нам так подозрительно. Поделом ему, а?

— От него веет Силой, — сказала Нидбьёрг. — С ним, как с этим молчуном, одни хлопоты. Я не могу проникнуть в их мысли.

— Что же, остается толстяк в желтых штанах, но ведь он издохнет прежде, чем доставит нас на

место, и придется нам возвращаться домой пешком. Конь из него слишком толстый и одышливый. Как насчет одноглазого старика?

— Разве ты доверилась бы ночью одноглазому коню? — осведомилась Нидбьёрг. — Я — ни за что. И потом он чересчур стар. Колени у него слабоваты.

— Кто же тогда остался? Маг? Боюсь, из него выйдет отменно злобный конь, не говоря уже о магии. Если ты, Нидбьёрг, собираешься заняться магом, поедешь на сейдр одна. Я уж лучше останусь дома с Торвор.

— Я как-то ездила верхом на Бурсилафе, — заметила Нидбьёрг. — Это было не так уж трудно, хоть он и норовил поваляться на спине.

— Стара ты для таких глупостей, — проворчала Торвор. — Да и все мы уже не бедовые девчонки.

— Итак, — сказала Сольборг, — мы нашли изъян в каждом. Что же нынче за шпионы у Эльбегаста! Я-то думала, каждой из нас достанется славный конь.

— Не спеши, Сольборг. Вот самая подходящая цель для нашего заклęcia. Самый младший альв, болтун с куриными мозгами! Я его сразу заметила — здоров, как дуб, и такой же умный. Он нас доставит на Свиной Холм и обратно и утром даже ничего не заметит.

— Ну конечно! Ты умница, Нидбьёрг. Ну-ка, хватай его за лодыжку, и снесем его вниз. Помнишь, как во времена нашей учебы старый Гирда наколдовал себе коня через потолок?

Ивар услышал, как что-то поволокли по полу, затем до него донеслось мягкое шлепанье по ступенькам. Он попытался было перекатиться к Гизуру, но тело ему не повиновалось. Ивар стиснул

кулаки, поджал пальцы ног, и наконец ему удалось скатиться с постели. Он с трудом сел, гадая, сумеет ли доползти до Гизура и разбудить его.

— Что это было? — спросила внизу одна из сестер. — По-моему, там кто-то шевелится.

— Не может быть. Слух тебя подводит на старости лет, Сольборг. Они выпили столько меда, что и коня свалило бы с ног. Ну как, поможете вы мне с заклинанием, или, как всегда, придется все делать самой?

Ведьмы запели заклинание. Ивар пополз по полу, слабый, как мешок, наполовину заполненный зерном. Он от души надеялся, что пол не скрипит. Добравшись до постели Гизура, Ивар изо всех сил дернул его за ногу. Маг даже не шевельнулся и продолжал храпеть. Ивар стукнул его кулаком по голени, но добился лишь едва слышного мычания. Собрав все силы, юноша подполз к изголовью и потряс мага за плечи. Достиг он только одного: еще сильнее закружилась голова. Гизур, не просыпаясь, что-то протестующе проворчал. Ивар соскользнул на пол и рухнул, уткнувшись лбом в холодные доски. Его мучили тошнота и слабость, и во рту горел омерзительный привкус меда. Как он ни боролся с собой, дремота овладела им, и он уснул как убитый прямо там, где лежал, — на голых досках пола.

Проснулся он утром, когда все прочие давно уже были на ногах. Все тело ныло немилосердно, и вдобавок Ивар замерз, хотя лежал на своей постели, укрытый до подбородка теплым одеялом. Удивленный, Ивар сел и глянул на Флоси — тот дрых вовсю, в отличие от Финнварда, который, сидя на краю постели, натягивал сапоги. Скапти умывался в тазу с водой, фыркая и плескаясь, точно тюлень, Эгиль спорил с Финнвардом,

Гизур уже куда-то ушел, а Эйлифир выглядывал в окошко.

Эта мирная обыденная сцена совершенно смутила Ивара. Финнвард несильно толкнул Флоси, а тот в ответ невразумительно зарычал и начал лгаться.

— Пошел вон, дай поспать! — ревел он. — Я не хочу вылезать из постели до завтрашнего утра — и не вылезу!

Альвы оставили его в покое и всей компанией спустились вниз. Ивар на цыпочках подобрался к Флоси и хотел приподнять его одеяло, чтобы глянуть на ноги, которые, если верить сказкам, должны были сильно пострадать от ночной скачки. Однако Флоси был не в духе и запустил в него сапогом.

Ивар спустился вниз, постепенно осознавая, что события прошедшей ночи ему просто приснились. Теперь он уже не ощущал ни вялости, ни бессилия.

По виду Нидбьёрг, Торвор и Сольборг никак нельзя было сказать, что они провели бессонную ночь. Они приготовили для гостей обильный завтрак, а на ужин собирались зажарить барашка. Ивар вздрогнул, вспомнив Сольборг и ее кинжал, и пристально глянул на старуху, словно пытался угадать, вправду ли она способна зарезать гостя спящим или превратить несчастного странника в коня и заездить его до смерти.

Сольборг улыбнулась ему добродушно, словно бабушка внуку, и сказала:

— Если хочешь, Ивар, помоги мне зарезать и освежевать ягненка — конечно, если не боишься крови.

Ивар дернулся, и сердце его на миг бешено забилось, но почти сразу он осознал, до чего же

глупо ведет себя. Он поспешно согласился, надеясь в душе, что Сольборг не успела заметить неладного.

После завтрака все разбрелись по своим делам — греться на солнышке, смазывать сапоги и вообще заниматься тем, что не требует лишних усилий. Ивар без особой охоты последовал за Сольборг в овечий загон и помог ей избрать жертву для вечернего пиршества. К его радости, все свершилось быстро и просто. Сольборг умело зарезала и освежевала барашка — по мнению Ивара, даже слишком умело. Он с трудом сумел оторвать взгляд от кинжала, покуда Сольборг не вытерла с лезвия кровь и не спрятала кинжал в ножны. Ивару до смерти захотелось пуститься наутек, а миг спустя он уже потешался над своими страхами.

Когда все было закончено, он отправился искать Скапти и нашел его настороженно сидящим у стены, где по требованию сестер путники развесили свое оружие. Скапти подвинулся на край скамьи, чтобы освободить местечко для Ивара, и вновь погрузился в невеселые размышления.

— Вот что я хотел бы узнать, — осторожно начал Ивар, — есть ли в мире порождения зла, которые не боятся солнца?

— Разумеется, есть — например, огненные йотуны. Они происходят от льёсальвов, а есть еще и другие существа, что по той же причине выносят солнечный свет. Черные альвы породили племя лихих чародеев — альвкónуров, которых ты бы назвал ведьмами...

— Альвконуры? — перебил Ивар. — А встречаются среди них ведьмы, которые превращают путников в коней и ездят на них всю ночь, пока не загоняют до полусмерти?

Скапти побелел как смерть — остался красным только шелушащийся кончик носа.

— Альвконуры! Вот оно что... С тех пор как мы оказались в этом доме, меня мучили страшные видения, и теперь я знаю почему. Скажу Гизуру, что надо немедленно собрать вещи и убираться отсюда подобру-поздорову. Если он будет против, мы уйдем одни, — так я ему и скажу.

Ивар схватил Скапти за плащ и притянул к себе, точно козу на привязи.

— Скапти, — прошептал он, — я совсем не уверен, что нам надо говорить об этом вслух. У нас ведь нет доказательств. Может быть, мне только приснился их разговор на чердаке прошлой ночью? Они решали, кого из нас превратить в коня, чтобы поехать на сейдр, на Свиной Холм. Они взяли Флоси, а я хотел разбудить Гизура, но едва мог двигаться. Мне казалось, что я заснул прямо на полу, но нынче утром я проснулся в постели, так что это был только сон.

— А если нет, — медленно проговорил Скапти, — то кто же тогда уложил тебя в постель? Только они, больше никому.

— Так они знают, что я не спал! — прошептал Ивар.

В этот миг в залу широкими шагами вошел Гизур и с невыносимым грохотом рухнул в кресло. Выпивтив подбородок, Скапти двинулся к магу:

— Гизур, я должен сказать тебе кое-что, и, боюсь, оно придется тебе не по вкусу. Вернее, я точно знаю, что не придется по вкусу, но мне наплевать. Как предводитель отряда, я требую, чтобы мы немедленно покинули этот дом.

Гизур поднял бровь:

— Когда угодно, друг мой, хоть сейчас начнем собираться. Вот только малая незадача...

— Незадача? — Скапти настороженно глянул на него.

— День или два нам придется по очереди тащить на себе Флоси. Этот болван промочил вчера ноги и даже не остановился, чтобы их вытереть, а теперь они покрылись волдырями и ссадинами. Я смазал их мазью, и к завтрашнему утру все должно просохнуть. Нас ведь никто не гонит в путь, верно? — Он говорил так громко, что его голос наверняка доносился и в кухню.

— Гизур, — настойчиво прошептал Скапти, — мы должны уйти отсюда до наступления ночи. Ивар тоже так считает. Эти женщины — альвконуры, и вчера они обратили Флоси в коня и ездили на нем. Разве можешь ты припомнить случай, чтобы Флоси натер ногу и не ныл об этом беспрестанно?

— Они замыслили убить всех, кроме меня, — добавил шепотом Ивар. — Я слышал, как они говорили об этом прошлой ночью, когда думали, что всех нас усыпили своим медом. Во всяком случае, я уверен, что мне это не приснилось, — добавил он, увидев, как брови Гизура недоверчиво сошлись над переносицей.

— Альвконуры? — пробормотал маг, медленно кивая. — Тогда понятно, почему из меня точно высосали Силу. Я-то думал, что это от усталости, а причина, верно, в их заклятиях. Впрочем, я сумею справиться со всеми тремя. Я соберусь с силами и отвечу заклятиями на заклятия... Ох и устал же я!.. Надо бы соснуть. — Он вытянул ноги к огню и поудобнее устроился в кресле. Миг спустя он уже сладко сопел.

Скапти яростно дернул себя за ухо.

— Гизур! Да проснись же ты, болван! — Он потряс мага, но тот даже не шевельнулся. — Невероятно! Старухи заколдовали его прямо у нас

под носом, и теперь он не может им сопротивляться. Ивар, мне все больше кажется, что из этой заварушки мы так просто не выберемся.

Ивар только вздохнул:

— Скапти, я боюсь наихудшего.

Выходя из дома, Ивар чувствовал спиной взгляд Торвор. Он отошел довольно далеко; ладони у него вспотели. Оглянувшись, он увидел, что Сольборг спешит прочь, стараясь скрыться из виду, точно она следила за ним.

Эйлифир празднично прогуливался около дома. Увидев Ивара и Скапти, он вскинул руку, чтобы привлечь их внимание, и молча указал на стену дома.

— Исчезло, — произнес он.

Скапти глянул на дом и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Оружие! — выдохнул он. — Они спрятали наше оружие!

— Я спросил их, в чем дело, — продолжал Эйлифир. — Они сказали, что лучше припрятать оружие, потому что Флоси-де не в себе и ходит во сне. Мол, он может кому-нибудь навредить.

Скапти стиснул кулаки:

— И ты принял это, с позволения сказать, объяснение?

— Почему бы и нет? — отозвался Эйлифир.

— Это альвконуры! — прошептал Скапти. — Они уже одолели Гизура. Мы в западне, Эйлифир, — ни мага, ни оружия, и всех нас прикончат по одному, кроме Ивара. Надо предупредить всех остальных, чтоб были начеку, если уж Флоси так худо, а Гизуру еще хуже.

Эйлифир покачал головой:

— Бессмысленно говорить Эгиллю, Финнварду и Флоси, что дела наши плохи, а могут обернуться

и хуже. Старухи следят за нами во все глаза, разве вы не заметили?

Ивар оглянулся: Сольборг опять слонялась у входной двери.

— Что же нам делать?

— Не притрагиваться к их меду, — мрачно ответил Скапти. — Я еще вчера вечером заметил, что у него странный вкус. Эйлифир, можем ли мы как-то помочь Гизуру побороть их чары?

Эйлифир плотнее завернулся в плащ:

— Прежде всего — тем, что останемся в живых. Надо быть осторожней, не то кинжал Сольборг живо положит конец всякому замешательству.

Они провели остаток дня, штопая прорехи на одежде и смазывая сапоги, отсыпаясь и отъедаясь, — словом, отдыхали как могли. Гизур наконец очнулся от навоеванного чарами сна, но был бледен и измучен. Он быстро огляделся, желая убедиться, что ни одной их хозяйки нет в зале.

— Пропал мой посох, — шепнул он Ивару, блестя глазами. — Должно быть, ведьмы утащили его, пока я спал. Теперь я совершенно беспомощен. В посохе заключена большая часть моей Силы. Ты не видел старух? Кто-нибудь из вас был все время в зале, не выходя?

Ивар похолодел от ужаса. Как и все прочие, он то выходил, то возвращался. Одна из сестер могла запросто умыкнуть посох почти у них из-под носа.

Не успел он ответить Гизуру, как в залу вошли Нидбьёрг и ее сестры и принялись заботливо хлопотать над Флоси, выслушивать жалобы и нытье и потчевать его изысканнейшими блюдами собственного приготовления. С заходом солнца Ивар пристроился около Флоси, твердо решив бодрствовать всю ночь. Скапти был утрюм и насторожен, а Эйлифир безмолвно покуривал трубку в самом

темном углу. После ужина Финнвард предложил Ивару сыграть в шахматы и разбил его наголову в десять ходов.

Флоси при виде этого разгрома презрительно фыркал из кровати в стенной нише, на которой сестры устроили его в нижней зале, — с его больными ногами, пояснили они, негоже карабкаться по ступенькам.

— Там, где требуется помозговать, скиплингу с альвом не сравняться! — заявил он и потребовал чего-нибудь выпить.

Ивар был о собственных мозгах неплохого мнения. Чему Бирна хорошо его выучила, так это игре в шахматы, а она была безжалостным противником и тотчас использовала малейшее преимущество.

— Бьюсь об заклад, что я у тебя выиграю! — заявил он, расставляя фигуры.

Игра началась при большом стечении зрителей и обилии хозяйского эля. Эгиль и Финнвард почти мгновенно заснули, но Скапти, Эйлифир и Ивар не притронулись к своим кубкам. Гизур только омочил губы в эле и сидел, попыхивая трубочкой.

В зале стояла напряженная тишина, какая бывает во время умственного соетязания, — и при этом имелась в виду не только игра в шахматы. Как ни старался Ивар, он чувствовал, что выдыхается, и его сосредоточенность слабела. Несколько раз он ощущал спиной пристальный взгляд холодных блеклых глаз Сольборг, и его так и подмывало повернуться. К тому же он сидел спиной к окну, и это его сильно беспокоило. Его фигуры начали исчезать с доски, а Флоси становился все самодовольнее. Когда в очаге треснула горячая ветка, Ивар уже бы так взвинчен, что невольно вскрикнул.

— Пожалуй, не помешает выпить горячего чаю, — сказала Нидбьёрг, поднимаясь с кресла. — Если уж сегодня эль не у всех в чести...

Когда она вернулась с чаем, Ивар бдительно принюхался, но уловил только запах чая. Он следил, притронется ли к чаю Гизур. Маг отпил глоток и, едва приметно кивнув, отхлебнул побольше. Скапти уловил знак Гизура и залпом выпил обжигающий чай, даже глаза заслезились. Ивар отпил чаю — главным образом из вежливости. К ужасу своему, он тотчас ощутил тот же горьковатый привкус, что и у эля. Он поспешно отставил чашку и глянул на Гизура, который, извиняясь, чуть пожал плечами и неуверенно оперся на локти. В его потускневших глазах было отчаяние зверя, попавшего в силоч.

— Твой ход, — раздраженно напомнил Флоси, который то отхлебывал чай, то подавлял зевки. — Не удивительно, что игра тянется так долго, — ты же спишь над доской.

Ивар протер затуманившиеся глаза. Он знал, что Скапти и Гизур уже заснули.

— У меня глаза слипаются, — пробормотал он. — Этот чай...

— Впрочем, какой бы ты ни сделал ход, я бы все равно выиграл, — заметил Флоси. — Так что сдавайся. Начал ты неплохо, но бьюсь об заклад, думал совсем не об игре. — Говоря это, он клевал носом, пока не уткнулся головой в шахматную доску, разметав фигуры. — Чтобы выиграть, надо сос... сост... со-сре-до-то-чить-ся... — Флоси смолк, погрузившись в сладкий сон.

Нидбьёрг быстро вязала, поглядывая на Ивара, — ожидала, когда подействует чай с сонным зельем.

— Ты ведь знаешь, что проиграл, — заметила она, — позволь мы отведем тебя наверх.

Ивар мотнул головой и едва не свалился с кресла. Он встал, пошатываясь, и шагнул к стеной нише, негнущимися пальцами нашаривая кинжал Бирны. Даже такое небольшое усилие сразило его окончательно, и он сполз на пол.

Нидбьёрг зацокала языком:

— Ты простудишься, если будешь спать на полу, а впрочем, устраивайся как хочешь. Торвор, очнись — пора.

Торвор, уже давно дремавшая над вязаньем, тотчас вскинулась:

— Я не сплю, сестра. Сольборг, ты готова?

— Времени у нас не так уж много благодаря нашему беспокойному приятелю-скиплингу, — отозвалась Сольборг. — Сестры, я думаю, он все знает и сказал магу.

— Плевать я хотела на мага, — хмыкнула Нидбьёрг. — Мы его обвели вокруг пальца, и он даже не понимает, что с ним творится.

Сольборг и Торвор начали петь заклинание, а Нидбьёрг бормотала и возилась где-то в стропилах. Ивар осторожно приоткрыл глаза, дивясь тому, как могла старуха забраться так высоко. К его изумлению, он увидел над головой огромную кошку с горящими желтыми глазами. Кошка зашипела, словно приветствовала его, и сжалась, готовясь к прыжку. Ивар перекатился к деревянному ящику, чтобы схватить какую-нибудь палку для защиты, но кошка фыркнула и предостерегающе зашипела. Юноша замер и покосился на Гизура и Скапти, которые похрапывали в креслах. Будить их было бесполезно, он знал это, — и кошка, точно прочтя его мысли, утвердительно заурчала.

Ивар заколебался, затем одним отчаянным прыжком дотянулся до деревянного ящика. Вскочив с увесистой дубинкой, он выхватил из-за пояса

кинжал Бирны и с воинственным кличем ринулся на Сольборг и Торвор. Ведьмы смолкли и метнулись прочь. В тот же миг что-то с силой обрушилось ему на плечи — этого было довольно, чтобы Ивар потерял равновесие и ничком рухнул на пол. Кошка — это была она — испустила торжествующий вопль и впиалась когтями в его спину, становясь все тяжелее и тяжелее, пока у Ивара от этой тяжести не перехватило дыхание. Беспомощный, он слышал, как ведьмы снова затянули заклинание. Он попытался было высвободиться, но кошка всем весом придавила его к полу.

Заклинание завершилось зловещей вспышкой дымного огня, ведьмы вскочили на спину изнуренного коня и направили его к двери; стук копыт смешивался со шелканьем кнута по впалым ляжкам.

— Нидбьёрг, — выдавил Ивар, — ты меня слышишь?

— Слышу конечно, — мурлыкнула она. — Странно, что ты узнал меня. Боюсь, тебе здесь не слишком уютно. Брось этот кинжал в огонь, а я с радостью покину твою спину, и поговорим, как разумные существа.

— Тогда можешь сразу убить меня. Я не выпущу кинжала из рук.

— Никто и не собирается тебя убивать. Сейчас. Нам нужен ты и меч, который ты ищешь. Не думай, дружок, что мы ничего о нем не слыхали. Он может нам пригодиться.

Ивар едва заметно помотал головой:

— Боюсь, чародей Лоример уже приговорил меня к смерти.

— Напрасно ты так думаешь! Лоример не хуже других алчет завладеть этим мечом. Кстати, о мечах — не скажешь ли ты мне, где, собственно,

этот меч находится? Мы все ломали голову, зачем вас понесло в Йотунсгард. Торвор и я полагаем, что там живет кузнец, которому вы намерены заказать меч, но у Сольборг родилась любопытная идея, по ее словам, из неуклюжих намеков Флоси. Он что-то болтал о могиле. Ну-ка, почему ты застонал? Я стала слишком тяжелой? Если б ты согласился помочь нам и ничего не говорить своим спутникам, мы бы все только выиграли. Подумай сам, насколько мы сильнее этих глупых альвов! Мы бы помогли тебе обобрать могилу Элидагрима и убить Фафнира. Потом мы бы пособили Свартару покончить с Эльбегастом, затем покончили бы со Свартаром и правили бы всем Свартарриком. Сознайся, ведь приятно было бы оказаться на троне победителя?

Ивар мотнул головой:

— Лоример могущественнее вас. Если сунетесь в это дело, вам не поздоровится.

Нидбьёрг чуть поглубже запустила когти в его спину:

— В твоём положении, молодой человек, говорить такое просто глупо. Нам нет дела до Лоримера. У нас в руках ты, а значит, собственно, и меч. Ну же, выбрось этот кинжал. Я не намерена сидеть на тебе всю ночь.

— Зато, сидя на мне, ты не сможешь перебить моих друзей.

— Ну-ну, не будем говорить об этом, — уже более приятным тоном отозвалась Нидбьёрг. — Убийства — неприятная тема для разговора. Побеседуем лучше о мече Элидагрима, если уж нам суждено провести так всю ночь.

Ивар со вздохом отвечал, что ему нечего ей сказать, но старуха засыпала его вопросами, перемежая их угрозами и посулами. Ивар устало от-

малчивался или отвечал нелепой ложью. Это была самая долгая ночь в его жизни, но он ни на миг не выпустил из рук кинжал. К его облегчению, Нидбьёрг скоро устала задавать вопросы и выслушивать ответы, и наступила мрачная тишина, нарушаемая только храпом Скапти.

Наконец со двора, у дверей, послышался стук копыт. Уже почти рассвело; старухи поспешно сняли заклинание с Флоси, внесли его в дом и бросили на кровать в стенной нише. Нидбьёрг спрыгнула с Ивара, произнесла заклинание и, обрета свою обычную внешность, начала ворчать на сестер — отчего, мол, они так долго мешкали на обратном пути из Свиного Холма.

Сольборг хмуро поглядела на Ивара:

— А ведь скиплинг ни словечка не пропустил. Что бы нам с ним сделать, чтобы он чрезмерно не растревожил других?

— Что случилось, то случилось, — отрезала Нидбьёрг. — Если хочешь, чтобы он молчал, придется запереть его где-нибудь, упрямого выродка.

Ивар с трудом поднялся на ноги и кое-как доковылял до кресла:

— Верно. Едва я поднимусь наверх, как разбужу всех, и мы покинем этот дом. Делайте что угодно, чтобы задержать нас, но мы не останемся здесь еще на одну ночь.

— Для человека в твоем положении ты говоришь что-то уж очень смело, — заметила Сольборг. — Будь моя воля, уж я бы сумела сбить с тебя спесь...

— Довольно болтать! — оборвала ее Нидбьёрг. — Несите наверх этих храпунов, да побыстрее.

С тупым изумлением Ивар глядел, как Торвор и Сольборг с поразительной легкостью несли по

лестнице Гизура и Скапти, проговорив над магом заклятие, когда он было шевельнулся, просыпаясь. Затем они с силой и без особой деликатности стребли Ивара и швырнули его в постель, строго-настрого приказав не вылезать из нее.

Ивар только рад был подчиниться. Кости у него ныли от ночных мучений, и как бы храбро он ни говорил с ведьмами, а все же пал духом. Он был так обескуражен, что заснул почти мгновенно и проснулся лишь тогда, когда уже зашевелились все прочие. Щедрое солнце светило в окно, и все альвы были в чудесном расположении духа. Ивару было худо, а когда он вспомнил почему — стало еще хуже. Он выполз из постели, и Эгиль наградил его дружеским тычком, от которого у Ивара все тело взвыло. Хриплым голосом он объявил:

— Мы немедленно собираем вещи и уходим из этого дома.

— Как, даже не позавтракав? — возмущился Финнвард. — Что за глупости такие? Вкуснее здешних пирожных я в жизни не едал!

— А где Гизур? — спросил Ивар, осторожно и постепенно выпрямляя спину.

— Да внизу, — отвечал Эгиль, — возится с этим молокососом Флоси. Знаешь ли ты, что у него в кровати пуховая перина? Я бы в жизни не ушел из такой кровати, пусть даже и во сне. И что это с ним такое стряслось, хотел бы я знать?

Ивар устало покачал головой и спустился в залу. Сцена, открывшаяся ему внизу, отнюдь его не воодушевила. Гизур сидел на краю постели Флоси и выглядел немногим лучше его. Все три сестры чопорно выстроились за спиной мага, держа в руках тазик, повязки и разные снадобья.

Нидбьёрг пояснила, обращаясь к Ивару:

— Флоси снова ходил во сне, чем причинил себе немалый вред. Похоже, мы все после игры в шахматы были чересчур сонные и не сумели уследить за ним.

Ивар отшвырнул ногой подвернувшийся не-кстати стул:

— У, дрянь!.. Хватит с меня болтовни о прогулках во сне. Все мы знаем, что его превращали в коня, и знаем, кто ездил на нем. Надо забрать отсюда Флоси, пока он еще жив и пока мы все еще живы.

— Глупости! — отрезала Нидбьёрг. — Погляди-ка на него — он еще несколько дней не сможет подняться на ноги.

Флоси и вправду выглядел ужасно. Его измученное лицо посерело, и он то и дело трясся в ознобе. Ивар метнул быстрый взгляд на Сольборг и успел поймать на ее лице тень удовлетворенной усмешки. Ему стало страшно в этой уютной зале — куда страшнее, чем на вершине холма, в окружении кровожадных гномов.

— Похоже, ты сегодня ночью плохо выспался, — заботливо заметила Торвор.

— Верно, и ты отлично знаешь почему. Нидбьёрг нас всех опоила вчера чаем с сонным зельем. И не спеши называть лжецом — я узнал привкус снадобья, которое вы добавляли в эль и мед.

— Да мы везде его добавляем, — сказала Сольборг, — просто так, для вкуса.

— Вовсе нет! — Ивар отбросил всякую осторожность. — Вы все трое — альвконуры, или ведьмы, как называют таких тварей у нас, скиплингов, и я дважды видел, как вы обращали Флоси в коня. Там, откуда я родом, за такое карают смертью. И это еще не все! Когда я попытался защитить

Флоси, Нидбьёрг обернулась кошкой, прыгнула на меня и едва не вышибла дух своей тяжестью. Я по горло сыт вашими бреднями! Верните наше оружие и отпустите нас. При мне вот этот кинжал, и даже без него я все равно буду драться с вами и не дам больше в обиду своих друзей! — Он выхватил кинжал Бирны, и лезвие блеснуло в его руке.

Сестры шарахнулись от него с испуганными возгласами и таким страхом на лицах, что пристыженный Ивар растерялся.

— Это странноприимный дом, — с достоинством произнесла Нидбьёрг. — Все, о чем ты говоришь, здесь попросту невозможно. Пожалуй, я бы советовала вашему опекуну Гизуру держать тебя подальше от нашей наливки, чтобы тебе больше не чудились такие кошмары. Если ты и дальше будешь держать себя так необузданно, ты закончишь свои дни в темнице прикованным к стене.

Ивар сдержал гнев, снова заколебавшись. Сны часто кажутся важнее всякой яви... но то, что Флоси худо, явно не сон.

— Как же ты объяснишь болезнь Флоси и его сбитые ноги? — упрямо осведомился он.

— Именно этим, — отвечала Нидбьёрг, — болезнью, горячкой, которая лишает его покоя и вынуждает ходить во сне. Сегодня ночью мы посидим при нем и позаботимся, чтобы это не повторилось. Надеюсь, сегодня все будут спать спокойно. — Она многозначительно глянула на Ивара и, развернувшись, удалилась в кухню в сопровождении Сольборг и Торвор.

— Напрасно ты бросил им открытый вызов, — устало промолвил Гизур.

— Тогда что же нам делать? — спросил Скапти, который крадучись обогнул угол и зорко по-

глядывал в кухню. — Не можешь ты, Гизур, собраться с силами и побороть их чары?

Маг обмяк в кресле:

— Я почти уверен, что Сольборг творит против меня наговор, используя все враждебные моей Силе вещества. Мощь моя не воскреснет, пока этот наговор не будет уничтожен... А сейчас — боюсь, что сильный порыв ветра сдует меня, как пушинку.

— Так, значит, мне придется вытаскивать нас всех из этой передраги, — заключил Скапти. — Ну что же, если они хотят драки — они ее получают. В каменном круге, с Лоримеровыми слугами, у нас вышло не так уж плохо.

— Это верно, только здесь нет магического круга, и он нам не поможет, — отозвался Гизур. — Да и я лишился посоха. Эйлифир, может, нам и помог бы, если его уговорить. Что до тебя, Скапти, — не хочу я, чтобы ты мерялся силой со всеми тремя ведьмами. Это старые искусные альвконуры. Нелегко нам будет от них избавиться, если только я не верну свой посох.

Скапти сорвал с головы шляпу и швырнул на пол:

— Опять одно и то же! Ничего мы не можем сделать, чтобы спасти Флоси!

Ивар покачал головой:

— Кое-что я все же придумал. Этой ночью я подменю Флоси.

Тут покачал головой Гизур, а из-за его плеча прозвучал голос Эйлифира — тот, как всегда, слушал разговор, оставаясь незамеченным, пока не решил вмешаться:

— Это слишком рискованно. Если мы потеряем Ивара, мы потеряем все. Притом же ты ничуть не похож на Флоси. Заменю его я.

— Добровольно? — не поверил своим ушам Скапти.

Эйлифир усмехнулся:

— Ничто в жизни не доставит мне такого удовольствия, как пара альвконуров, оказавшихся в моей власти. Этой ночью я поменяюсь местами с Флоси, а что будет дальше — увидим. Гизур, ты сумеешь, когда стемнеет, устроить небольшой отвлекающий переполох?

— Постараюсь, даже если придется поджечь самого себя, — заверил Гизур.

Эйлифир кивнул:

— Этого будет довольно. Только уж, будь добр, устраивай этот фейерверк вне дома.

— А ты уверен, что справишься? — озабоченно осведомился Скапти. — Я-то буду начеку, на случай, если понадобится моя помощь. Если ты не сможешь обмануть их, я попытаюсь поколдовать, и хотя у меня опыта маловато...

Эйлифир покачал головой:

— Не тревожься, справлюсь. Гизур, сможешь ты сегодня ночью посторожить в зале?

— Конечно, — фыркнул Гизур, — маг я или нет, в конце концов?

— Если нынче ночью дома останется Сольборг, — вмешался Ивар, пробуя пальцем острие кинжала Бирны, — она, верно, пожелает сократить наше число своими средствами. Смотри, Гизур, не вздумай ночью задремать, не то она живо нарежет из тебя отбивных.

— Мне и прежде приходилось встречаться с убийцами, — огрызнулся Гизур, но вид у него был обеспокоенный. Он протянул руку Эйлифиру: — Что ж, удачи тебе, приятель. По крайней мере, на нашей стороне внезапность.

— Разве? — усомнился Ивар.

— Конечно. Если наш замысел удастся, удивятся все без исключения. Ну что ж, а теперь постарайтесь придумать какую-нибудь убедительную ложь, чтобы прикрыть меня: я намерен поискать свой посох. Постарайтесь задержать колдуний в кухне.

— Только не я. — Ивара передернуло. — Я на них и глядеть не могу, не то что разговаривать.

Эйлифир кивнул.

— Не тревожься об этом, маг, — только и сказал он.

— Тогда — до вечера! — шутливо отсалютовав, заключил Гизур.

Глава II

лоси продремал почти весь день, просыпаясь лишь затем, чтобы брюзгливо потребовать еды и питья. Финнвард и Эгиль все это время грелись на солнышке, плели небылицы и пытались втянуть Скапти в свое веселье, изрядно сдобренное веселящими напитками из хозяйского погреба. Эйлифир безвылазно сидел в кухне и, ко всеобщему изумлению, болтал без умолку, а Гизур меж тем скрытно рыскал по дому, пытаясь с помощью маятника разыскать свой посох. Ивар беспокойно и бесцельно бродил по дому и окрестностям, дожидаясь — и страшась — заката. Он старательно избегал подходить к кухне, и Гизур яростно шикал на него, когда ему случалось проходить чересчур близко от мага. Ивар мог только дивиться хладнокровию Эйлифира, который так дружески болтал с сестрами, словно обе стороны желали друг другу только добра.

Долгожданный закат стремительно перетек в сумерки. Ужин был готов и съеден — более вкусной и сытной трапезы им не доставалось за все время пребывания в доме. Да и сестры превзошли себя в чарующей заботливости. В ответ на такое гостеприимство Гизур взялся за арфу и несколько часов пел и читал нараспев стихи при сомнительной подмоге Финнварда и Эгиля. Скапти не открывал рта, а Ивар радовался, что не знает ни одной из этих песен и может спокойно посижи-

вать в уголке у очага. Сестры от души наслаждались пением, и даже изнуренный хворью Флоси из своей кровати в стенной нише глазел на веселую компанию.

Наконец арфа вернулась на стену, в очаге горой громоздились угли, а Эгиль и Финнвард осушили последние кубки с медом. Ивар наотрез отказался от питья, заявив, что ему надоели кошмары.

Гизур, Эйлифир и Скапти отказались более вежливо. Эйлифир даже взял кубок и, улучив момент, когда никто на него не смотрел, выплеснул питье в очаг. Пламя на миг взвилось и опало, фыркнув пахучим дымом, и зала погрузилась в темноту.

— Ничего страшного, — хладнокровно подала голос Нидбьёрг. — Я зажгу лампу. Сольборг, лампа стоит на полке прямо над твоей головой, и там же новый фитиль. Постойте смирно, а я принесу углей из кухни, пока и там огонь не погас. Никогда еще наш очаг так нас не подводил.

Сольборг прошла мимо Ивара, задев его в темноте, и он услышал, как она бормочет себе под нос:

— Бьюсь об заклад, это неспроста — без магии здесь не обошлось.

Порывшись на полке, она отыскала лампу и громко объявила:

— Здесь нет масла.

— Ну так сходи за ним в кухню! — отрезала Нидбьёрг. — Ты в темноте видишь лучше меня, да и кости у тебя, Сольборг, помоложе.

— Вовсе незачем так хлопотать, — вмешался Гизур. — Мы ведь и так собирались уже отойти ко сну. Да и Флоси в темноте, я полагаю, уютнее. А вы, Эгиль и Финнвард, зря пытаетесь скрыть под покровом мрака, что опять льете в глотки хозяйский мед, — я отлично расслышал каждый глоток.

— А я — свиное уханье, — буркнул Финнвард, запинаясь о кресло.

Ворча и шаркая ногами, Финнвард и Эгиль ползлись по лестнице на чердак вослед Скапти, который тащил на себе храпящего Флоси. Появилась Торвор с лампой, но Гизур заверил ее, что они добрались до постелей безо всяких хлопот и что свет им не нужен. Едва Торвор ушла, Ивар пробрался к ложу Гизура и обнаружил, что маг уже глубоко задышал, погружаясь в крепкий сон.

— Гизур! — прошептал Ивар, и маг шевельнулся, пытаясь отогнать дремоту. — Прошу тебя, Гизур, продержись еще хоть немного! Нынче ночью здесь будет Сольборг, а она просто мечтает прикончить кого-нибудь из нас. Ты нужен нам, Гизур!

Маг попытался сесть, но тут же оставил эти бесплодные усилия.

— Они слишком сильны, — пробормотал он, смыкая глаза. — Видно, здесь мне и конец придет...

— Глупости! Ну же, Гизур, возьми себя в руки! — Ивар яростно встряхнул его. — Ты же маг, ты — гордость Гильдии! Соберись с мыслями, изгони чары альвконуров из тела и разума. Ты ведь можешь сделать это!

— Не могу! — пробормотал Гизур.

— Должен смочь, — подал голос Скапти. — Или ты забыл, что давал клятву помогать всем и вся в борьбе с силами тьмы? Где твой магический кристалл? Попроси подмоги у Гильдии.

Гизур слегка оживился:

— Сомневаюсь, чтобы Гильдия мне ответила. Что касается клятвы Гильдии — я ее никогда и не давал. Маг из меня ничем не хуже, чем выходцы из Гильдии, но я, видишь ли, обучался в другой

школе — поменьше и не такой известной, да и плату там брали пониже, и срок ученичества был меньше, а последнее испытание — не столь сурово. У иных выучеников Гильдии все искусство — наглость да показуха. И потом всем известно, что замшелые магистры Гильдии не жалуют рыжебородых магов. Ну а я решил стать магом во что бы то ни стало, оттого и обратился в школу Тулکاری.

— Но почему же ты раньше этого нам не сказал? — удивился Скапти.

— А потому что это было не важно! — огрызнулся Гизур. — Что-то я не заметил, что бы ваш отряд осаждали желающие занять место мага, когда я явился предложить свои услуги. Вы же чуть ли не со слезами на глазах умоляли меня помочь вам уплатить виру, и ни слова ни о каких рекомендациях. Да я хоть сию минуту откажусь от места, если вы решите, что я слишком хорош для вашей компании! — Гизур вновь попытался встать, но тут же со стоном рухнул на постель.

— Нет, нет, что ты, я ничего такого не имел в виду! — всполошился Скапти. — Куда уж мне судить о твоём мастерстве, если сам я полный неумеха. Просто из века в век мы только и слышим что о магах Гильдии и о том, сколько есть поддельных и недобросовестных магических школ. Мы сейчас попали в такую заварушку... словом, лучше бы ты немного позже признался, что ты совсем не из Гильдии!

Ивар мог поклясться, что Скапти в темноте дергает себя за ухо.

— Уверю тебя, — ядовито отозвался Гизур, — что маги школы Тулکاری ничем не хуже магов Гильдии, и я докажу это, даже если придется погибнуть! Вы думали, я сплю... но верьте мне, я сражаюсь... сражаюсь не на жизнь, а на смерть... —

Маг зевнул и снова глубоко задышал, а затем захрапел.

— Чума тебя заberi! — Скапти тряс его, но все без толку. — Ивар, мы остались одни. Теперь, когда явится Сольборг, мы можем рассчитывать только на себя.

Ивар поглядел на Скапти, но увидел лишь слабо светящийся абрис Силы, очертивший во тьме фигуру альва.

— Если она поднимется сюда с кинжалом, придется тебе рискнуть и поразить ее молнией. Уверен, ты не промахнешься.

Скапти только что-то проворчал в ответ. Ивар слышал, как он усиленно жует кончик бороды — привычка, свойственная ему лишь в особо затруднительном положении.

— Либо я отправлю все подворье Нидбьерг вместе с нами в Нифльхейм, либо только раздраженно Сольборг. Хорошенькое дело, ничего не скажешь, — лучше не бывает! Впрочем, я не удивляюсь. Какой настоящий маг Гильдии рискнул бы своей репутацией в таком гиблом деле, как наше!

Вслед за Иваром он подошел к двери, и они устроились по разные стороны верхней ступеньки лестницы. Внизу виднелся отсвет горячей лампы, заправленной китовым жиром, и до них явственно доносилось мягкое постукивание спиц, приглушенное шерстью. То и дело порыв ветра обрушивался на дом, который отзывался стонами, треском и скрипом, и Ивар втайне радовался этому, вспоминая их возню и громкие перешептывания на чердаке.

— Ветреная ночь, — заметил вдруг в голос Торвор. — Кому охота отправляться в путь, если не получишь от этого никакого удовольствия!

— Как вам будет угодно, — отозвалась Сольборг, — я-то все равно останусь дома. Помнится, мне кое-что обещали, — в эту ночь пленники должны остаться под моей опекой...

— Тогда у нас вовсе не останется пленников, — возразила Торвор. — А мне нравятся прогулки на Свиной Холм. Скажи ей, Нидбьёрг, чтобы не смела убивать их всех сразу.

— Маг — мой, — отвечала Нидбьёрг, — и скиплинга не смей трогать. С остальными можешь делать все что угодно.

Сольборг хихикнула:

— Хорошо, сестрица, я буду посдержанней, если уж тебе так понравилось ездить на замороженных конях. Так и быть, оставлю тебе одного.

— Пора творить заклинания, Торвор. Похоже, сегодня ночью нам никто не помешает, не то что вчера. Надеюсь, наш юный храбрец изрядно перепуган и решил предоставить своих спутников их судьбе. Верно, рад, что хоть сам уцелеет!

Ивар услышал шорох отдернутой занавески и вслед за этим чародейский напев. Он подался вперед, чтобы лучше разглядеть залу, тускло освещенную оплывающим пламенем лампы. Заклинание завершилось вспышкой мутного едкого дыма, и посреди залы возникла огромная черная фигура коня.

— Что ты там напутала, Торвор? — спросила Нидбьёрг. — Он же изменил масть. Теперь он серый.

— Серый! — Торвор нередернуло. — У Эльбегаста кони серые. Понятия не имею, с чего бы это. Может быть, я перепутала порядок слов?

— Надеюсь, что так. Может, попробовать еще раз?

— Конь есть конь, а ведьма есть ведьма! — объявила Сольборг. — Так или иначе, для него эта прогулка последняя. Хоть бы вы успели доехать на нем до дома. — Она наклонилась, разглядывая низко опущенную голову серого коня.

— Ладно, все это пустяки, — сказала Нидбьёрг. — Ну-ка, Сольборг, помоги нам взобраться на него.

Ворча, Сольборг подставила им спину, чтобы сестрам легче было сесть на коня. Затем она распахнула дверь, Нидбьёрг дернула коня за гриву, стукнула каблуками по его ребрам, и несчастное животное неуклюжей рысью двинулось за порог.

Скапти испустил едва слышный вздох. Сольборг закрыла за сестрами дверь и направилась к лестнице. У подножия лестницы она замешкалась и, вынув кинжал, залюбовалась им. Затем она подняла повыше лампу и бесшумно, словно призрак, двинулась вверх. Ветер завывал за стенами дома и прокатывался порывами по склону холма.

Скапти зашептал заклинание, а Ивар выхватил кинжал Бирны. Сольборг заколебалась, остановившись посреди лестницы. Затем она громко, злое еще хихикнула:

— Это ты там прячешься, Ивар? Знаю, ты подстерегаешь меня со своим мерзким ножичком и надеешься, что тебе удастся одолеть меня. А кто там с тобой? Старина Скапти, верно? Как мне убедить тебя, что твои приятели не стоят того, чтобы проливать за них кровь? Может, ты не так упрям, как этот скиплинг, и захочешь купить себе жизнь в обмен на кое-какие сведения?

— Ни за что! — рявкнул Скапти. Он стоял, вооруженный дубинкой, добытой из дровяного ящика, и ждал только случая дотянуться до ведьмы.

— Крысы в крысоловке, — фыркнула Сольборг, но отступила, сознавая невыгодность своего положения. — Да я могла бы прикончить вас и даже не заметить!

— Но ты этого не сделаешь, — отвечал Ивар. — Тебе нужен меч Элидагрима. Да и больно жирна ты для рукопашной.

Сольборг злобно зашипела. В свете лампы ее морщинистое лицо со впалыми глазами и ввалившейся челюстью дышало злом. Нос у нее заострился, точно кривой коготь.

— Жирна, говоришь? Ничего, ты станешь думать иначе, когда как следует поголодаешь на цепи в нашем погребе. Уж мы-то тебя укротим, заносчивый бродяжка.

Скапти ответил новым оскорблением:

— Ты похожа на черный мешок, перетянутый посредине. Кому страшен толстый мешок?

Ведьма внезапно прыгнула на Ивара, пытаясь схватить его за лодыжку. Ивар ударил ее кинжалом, но промахнулся, и клинок вонзился в ступеньку. Пока он пытался высвободить кинжал, Сольборг вцепилась ему в запястье. Пальцы ее впились в руку, точно сталь. У Ивара перехватило дыхание, когда он ощутил, как она сверхъестественно сильна.

Ведьма отвратительно захохотала, волоча его за собой вниз по ступенькам.

— Приберем тебя подальше, чтоб ты больше не причинял нам хлопот! Наш уютный погреб — славное местечко, тьма и скелеты придутся тебе по вкусу! Впрочем, не тебе первому...

Ивар схватился за перила, а Сольборг с силой дернула его к себе, едва не вывихнув руку. В этот миг что-то пролетело, шурша, над самым ухом Ивара, и комок перьев ударил в лицо Сольборг. С

визгом она отшатнулась и, потеряв равновесие, покатилась по ступенькам. От камина донеслось радостное уханье совы. Сыпля проклятиями, Сольборг вскочила и принялась сбивать пламя, вспыхнувшее, когда по полу растеклось масло из оброченной ею лампы. Сова зловеще захохотала.

— Спасите! Пожар! — возопила Сольборг — пламя уже алчно набросилось на стенные драпировки.

Ивар и Скапти вовсю трясли сотоварищей, приводя их в чувство. Вода из таза для умывания очень им помогла, и едва альвы услышали лишь одно страшное слово, как тотчас повскакивали, сгребая свои пожитки. Скапти взвалил на спину Флоси и сквозь пламя ринулся вниз по ступенькам. Ивар вышвыривал тюки и одежду в окно и, закончив с этим, погнал перед собой по лестнице Финнварда и Эгиля, точно пару перепуганных овец. Когда они наконец собрались во дворе и несколько раз пересчитали друг друга, нижняя зала вся была заполнена дымом и пламенем. Хотя дом был сложен из торфа, огню нашлось довольно пищи: драпировки, шерсть, скамьи, столы и стропила. Неплохо горел и пол чердака — сухое дерево многолетней выдержки.

Гизур последним выскочил из горящего дома, с мешком на плече и изрядно разбухшей сумкой; свободной рукой он, к неудовольствию Скапти, подталкивал перед собой Сольборг.

— Не стоит быть таким жестоким, — пояснил Гизур, бросая на землю спасенную из кухни еду. — Когда Сольборг узнает, что стряслось с ее сестрами, она, верно, захочет прийти к ним на помощь.

— Прочь от меня, краснобородый демон! — огрызнулась Сольборг. — Я всем вам перережу глотки, если вы не скажете, что с моими сестра-

ми! Воры, поджигатели, убийцы! Чума на ваши головы!

— Я не понимаю... — начал было Финнвард, но она заткнула ему рот новым залпом обвинений и проклятий.

— Где мои сестры? — визжала она, тыкая пальцем в дремлющего на земле Флоси. — Ты обманул нас! Тот, другой, подлец, убивает моих сестер!

— Надеюсь, что так, — хмыкнул Скапти. — Эйлифир — альв не простой. Что ты собираешься с ней делать, Гизур? Неужели так ипустишь?

— Где Эйлифир? — очнулся Эгиль. — Он и вправду сейчас добывает Нидбьёрг и Торвор? Если так, Гизур, я сказал бы, что это нарушение гостеприимства.

— Они меньшего не заслуживают, — ответил ему Скапти. — Они едва не прикончили Флоси. Это альвконуры, они хотели уничтожить всех нас и принудить Ивара служить им. Пока вы, два олуха, только и делали, что набивали брюхо и заливали глотки, мы сражались не на жизнь, а на смерть.

— Что ж вы нам не сказали?! — вознегодовал Эгиль.

— Ты хочешь сказать, что эти милые старушки?.. — Финнвард воззрился на Сольборг с пробуждающимся ужасом.

— Да! — отрезал Гизур. — Финнвард, ты и Эгиль позаботитесь о Флоси. Собирайте вещи. Наши очаровательные хозяйки снабдили нас изрядной толикой провизии. Ее хватит до самого Йотунсгарда. — Говоря это, он потянулся рукой за плечо и выдернул из-за спины свой посох. Сольборг недоверчиво вскрикнула и уставилась на мага с яростью и отчаянием. Гизур взмахнул посохом, и воздух наполнился искрами и многоцветным сиянием.

— Да, я отыскал свой посох там, где Нидбьёрг припрятала его, — в ее комнате, за драпировкой. Очень неудачно уронила ты лампу, Сольборг, — у тебя из кармана кое-что выпало и сгорело.

Сольборг схватила за карманы:

— Наговор!

— Я ведь только и сумел, что принять свою фюльгью для последней безнадежной атаки. Я застиг тебя врасплох, верно, милая? Вы трое полагали, что сумеете справиться с магом. Многие ошибаются, так что не очень печалься. Скапти, если ты ищешь наше оружие, я полагаю, что Торвор отвела ему почетное место в свинарнике.

Когда начало светать, над гребнем холма показались три темные точки. Они приближались, росли, и стало ясно, что Нидбьёрг и Торвор хромают и почти выбились из сил. Добравшись до усадьбы, они оперлись на изгородь и тупо уставились на дгорающие останки собственного дома. Крыши жилой части и кладовой рухнули, уцелел только скотный двор.

— Ну что там с вами стряслось? — гневно спросила Сольборг. — Как же вы, тупицы, ухитрились так ошибиться? И почему вы хромаете?

Нидбьёрг глянула на нее:

— Еще одно слово вылетит из твоего дурацкого рта — и ты покроешься волдырями и язвами, а вдобавок так запаршивеешь, что наши невзгоды покажутся раем. Мы, по крайней мере, дома не сожгли, а вот тебе это удалось.

Сольборг тотчас примолкла. Она села подалее от сестер, с ненавистью поглядывая на Гизура.

Эйлифир вынул из сумки Гизура ломоть хлеба и, откусив, торжественно передал хлеб Ивару. Затем он поглядел на Флоси и удовлетворенно кив-

нул, увидев, что его израненные ноги покрыты мазью.

— Он быстро поправляется, — заметил Эйлифир, — и сон у него здоровый.

Скапти не в силах был больше сдерживать свой восторг и любопытство:

— Эйлифир, ты храбрец и умница, так расскажи нам, как ты справился с ведьмами? Они так хромают, словно обошли весь Скарпсей.

Эйлифир искоса бросил задумчивый взгляд на своих пленниц:

— Они, так сказать, нынче ночью попробовали собственной стряпни. Я превратил их в овец и погонял весь обратный путь от Свиного Холма, не давая ни минуты отдыха. Они, пожалуй, слегка притомились и сбили ноги.

— В жизни не видела более скверной шутки, — почти со слезами пробормотала Торвор. — Кто бы мог подумать, что скромный тихоня окажется таким изувером!

— Что он владеет такой Силой, дуреха, — резко поправила ее Нидбьёрг. — Я не собираюсь ни каяться, ни извиняться. Мы проигрались подчистую в поединке Разума и Силы. Гизур, я отрекаюсь от борьбы и готова выслушать приговор.

Гизур помедлил, опираясь на посох, затем зашагал взад-вперед, размышляя вслух:

— Что же, вы нанесли мне страшное оскорбление. Другой маг за такое испепелил бы вас на месте, и дело с концом, но сострадание всегда было моей слабостью. Я дам вам возможность спасти свои шкуры, но запомните: если еще раз попадетесь мне на глаза, я вас уничтожу без всякой жалости. А теперь я требую, чтобы вы явились во дворец Гильдии Огненных Магов и представили себя на суд Гильдии. Если через тридцать дней вы

не отдадите себя в руки Магистра, я объявлю розыск и охоту за вашими паршивыми старыми шкурами, а уж наказание тем, кто пытается избежать правосудия Гильдии, куда суровее моего гнева. — Он завертел над головой посохом, осыпав всех дождем разноцветных искр. — Отправляйтесь в путь, добрые женщины, — но вначале отдайте мне все ваши магические амулеты.

Торвор завздохала и залилась слезами, а Нидбьёрг молча сорвала с шеи и с пояса цепочки и знаки и швырнула их к ногам Гизура. Сольборг точно так же избавилась от своих амулетов и без особых церемоний помогла Торвор сделать то же самое.

— Теперь ты удовлетворен? — осведомилась Сольборг, когда с амулетами было покончено.

Гизур кивнул:

— Вы вполне готовы в путь — если не считать одной штучки, завалявшейся у тебя в кармане.

Сольборг швырнула в него пучком трав, который он отбил посохом.

— Вот тебе, и да преследует тебя злосчастье! — прошипела она.

— Прочь отсюда! — велел Гизур, убедительно замахнувшись посохом.

Три сестры заковыляли прочь, бормоча что-то и с ненавистью оглядываясь, покуда не исчезли из виду. Они двинулись на север вдоль долины, во Дворец Гильдии Огненных Магов.

Ивар задумчиво поглядел на Гизура, который ответил ему вызывающим взглядом.

— Я все думаю о том, что ты говорил нам ночью, — пояснил Ивар. — Собственно говоря, ты ведь не имел права посылать их на суд Гильдии.

Гизур завертел над головой посох, явно довольный собой.

— В этом-то, — сказал он, — и вся прелесть. — И он захохотал торжествующе, подмигивая Скапти и хлопая по спине Финнварда.

Флоси перенесли в коровник, где сестры поддерживали почти такую же чистоту, как в собственном доме, и остаток дня прошел в подготовке к завтрашнему пути. Флоси настолько пришел в себя, что ворчал по поводу неудобств и непривычной обстановки, негодуя на то, что засыпал на пуховой перине, а проснулся на соломе в коровнике.

Ивар настороженно поглядывал по сторонам, не веря, что альвконуры действительно так легко согласятся на изгнание.

— Да зачем же им возвращаться? — удивился Гизур, занятый уничтожением амулетов и колдовских трав, к которым он прикасался не иначе как длинными щипцами. — Большой части Силы я их лишил, дом их сгорел, а если они еще раз к нам сунутся, мы их просто испелим. В нашем мире существует кодекс чести в подобных делах, и я ручаюсь, Ивар, что мы больше никогда не увидим старых колдуний. Они умеют проигрывать.

Гизур был в наилучшем расположении духа и всех донимал похвальбой и самодовольством. Такое настроение оказалось заразительным, и вот уже Эгиль и Финнвард наперебой пичкали друг друга бессовестными небылицами о том, как они якобы давно уже догадались, что эти сестры — альвконуры, но помалкивали, не видя причины преждевременно поднимать шум из-за такого пустяка. Эйлифир нежился на солнышке, наотрез отказавшись рассказывать, что произошло ночью.

Утром Флоси проснулся в задиристом настроении — явный признак, что он почти здоров. Он жаловался на скудную еду и отсутствие удобств,

возмущался ночевкой в сене, но — что хуже всего — его ноги все еще не были в состоянии выдержать дорогу, хотя Гизур непрестанно мазал их разными настоями и мазями из своей сумки.

— Еще один день в этом ведьмином гнезде! — стонал Скапти — Ох, Гизур, не хочется мне застревать тут надолго. Того и гляди, нагрянут альвконуры со Свиного Холма, и что мы тогда будем делать!

— Здесь неплохая оборонительная позиция, — отозвался Гизур, — стены у этого коровника в десять футов толщиной.

Ивар был полностью согласен с недобрыми предчувствиями Скапти. Он принял на себя обыкновенную обязанность ухаживать за скотом, гадая, что будет с животными, когда отряд наконец тронется в путь. Он доил трех коров и выпускал ягнят из стойла попасись. Овцы постарше сами паслись на склоне холма и с каждым днем спускались все ниже в поисках травы — некому было отгонять их наверх, где трава гуще. Были еще несколько коз, бесчисленные гуси, куры и цыплята.

— Тошно мне от мысли, что они тут подохнут с голоду, когда мы уйдем, — говорил он Скапти. — Выпущу их на волю, авось кто-нибудь и уцелеет.

— Бряд ли — здесь вокруг шныряют тролли, — ответил Скапти. — Едва мы уйдем, как они разорвут на части все, что движется, и сожрут все, что жуется. Или же нагрянут альвконуры со Свиного Холма. Так или иначе — нас, надеюсь, здесь уже не будет. — Он сопровождал Ивара во время обхода хозяйства, борясь с тревогой и высказывая наимрачнейшие предположения.

Ивар обогнул угол свинарника и вдруг остановился как вкопанный. На расстоянии вытянутой руки от него стояла лошадь, с надеждой принюхи-

ваясь к корзине в руках Йвара и помахивая длинным хвостом.

— Скапти! — позвал Ивар вполголоса, боясь спугнуть лошадь. — Поди сюда! Вот как мы сумеем уйти отсюда еще сегодня!

Скапти настороженно выглянул из-за угла:

— Осторожнее, Ивар, гляди, какие у нее зубы. Не слишком я люблю лошадей. В магии они, как правило, предвещают недоброе.

— Флоси сможет ехать верхом, пока у него не заживут ноги. Это лучше, чем если бы она здесь дожидалась гибели в лапах троллей. — Ивар погладил шею кобылы и почесал ей нос.

— Она и на лошадь-то непохожа, — заметил Скапти. — Дряхлая и загнанная, точно эти ужасные старухи.

Лошадь дернула ухом и стукнула копытом, отчего Скапти поспешно отпрянул. Ивар набросил ей на шею веревку, приговаривая:

— Пускай вид у нее неказистый, но Флоси она вывезет. Именно в таких кляч превратились бы три старухи — древних и костлявых. — Он поднял глаза от шишковатого хребта кобылы и воскликнул: — Скапти, гляди! Еще две! Мы можем взять их всех, правда? Не придется тащить на спине мешки с припасами. И даже можно будет по очереди ехать верхом.

Скапти разглядывал еще двух кобыл, которые застыли на приличном расстоянии, мотая головами и помахивая хвостами. Они были такие же дряхлые и узловатые, как кобыла, пойманная Иваром, одна — гнедая, изрядно тронутая сединой, другая — черная, с мордой, совершенно побелевшей от старости. Первая кобыла, черная, по сравнению с ними была даже красавицей — ни волоса седины и на носу белая полоска.

— Две черные кобылы, — проворчал Скапти. — Ивар, это мне совсем не нравится. Ты, наверно, слышал о Черной Кобыле Фрейи и о том, как она скачет среди холмов и своим ржанием сводит животных с ума. Мне говорили, что альвконуры весьма почитают Фрейю.

— Эти старые клячи здесь ни при чем, — заявил Ивар. — Не думаю, чтобы Фрейя, какие бы лихие замыслы она ни лелеяла, согласилась иметь нагнеты и раздутые суставы.

Скапти отступил дальше — тяжело ступая, приблизились две другие кобылы. Черная кобыла с белой мордой куснула товарку, которая отпрянула от нее, оставив в корзине последние зернышки. Все трое, подергивая ушами и скаля крупные зубы, окружили Ивара, голодно фыркали и глядели на него полными надежды глазами.

Когда Ивар ввел кобыл в дверь коровника, Гизур вскочил с радостной гримасой. Финнвард, испуганно взвизгнув, шарахнулся прочь, зато Фло-си со своего соломенного ложа обрадованно закричал:

— Наконец-то мы будем путешествовать как и надлежит альвам! У всех прочих соглядатаев есть кони.

— Ну а мне они ни к чему! — мрачно заявил Скапти. — Мы сумели пешком проделать долгий путь, обойдемся и дальше без этих кляч. Подумайте, как привлекут голодных троллей эти три куска мяса! Да и староваты они, насколько я могу судить.

— Вид у них подходящий, — отозвался Ивар, — а мы все устали от пешего пути.

Хмурясь, Скапти следил, как Гизур изучает копыта и ноги кобыл.

— Старые, но крепкие, — заключил маг, поднимаясь. — В Йотунгард они нас доставят запро-

сто. Финнвард, ты знаешь, как выглядит седло? Ну так поищи по гумнам.

— Гизур, — сказал Скапти, — нельзя нам брать с собой этих кобыл. Они вызывают у меня недоброе предчувствие.

— Чепуха, — отозвался маг. — Ты попросту связал их с подворьем Нидбьёрг. Учись различать свои ощущения. Эти лошади нам пригодятся, и еще как! Они повезут все наши мешки, да еще и одного-двух из нас в придачу. Такие кони обычно крепки и охочи к труду, и копыта у них крепче железа. Соберем вещи, и можно трогаться в путь.

Флоси отозвался радостным кличем и в валяных сапогах вышел, прихрамывая, понаблюдать, как его спутники собираются в дорогу. Даже Финнвард был рад появлению лошадей, хотя и побаивался их, и бросался прочь, стоило им фыркнуть или топнуть копытом.

Лошади стояли смирно, как неживые, покуда Гизур, Эгиль, Ивар и Финнвард хлопотали вокруг, седлали их, приторачивали мешки и дружески переругивались с Флоси, который, сидя на изгороди, не обделял своим вниманием ни одного узла или затянутого ремня. Скапти помогал им с большой неохотой, и с лица его не сходило обеспокоенное и мрачное выражение. Флоси взгромоздили на спину кобылы с полоской на носу, которую сочли самой подходящей для езды верхом, а гнедой достались все их мешки, кроме двух. Эти два мешка погрузили на беломордую кобылу, и еще осталось довольно места для всадника.

— Бросим жребий, кому ехать верхом, — предложил Гизур. — В полдень будем меняться, так что каждый хоть полдня, да проедет на лошади.

Лицо Скапти стало еще несчастнее:

— Я хочу сказать тебе кое-что, Гизур. Опасно, по-моему, брать с собой кобыл, которые принадлежали альвконурам. Я им просто не доверяю.

— Плевать я хотел на твое недоверие, — проворчал Флоси.

— Все лучше, чем оставаться здесь, — сказал Гизур. — Если они придутся нам не по нраву, мы всегда успеем от них избавиться. — Он зажал в кулаке соломинки. — Ну, тяните жребий — и в путь.

Короткие соломинки достались Финнварду и Скапти. Скапти лишь нахмурился и отшвырнул прочь свою соломинку.

— Никто и никогда не вынудит меня доверить свою шею этим тварям, — заявил он.

Эйлифир, который за все время сборов не произнес ни слова, поглядел на солнце, моргнул и перевел взгляд на Скапти, казалось, забавляясь.

— Ты не любишь лошадей, Скапти? — осведомился он.

— Нет, и особенно — этих трех. У них слишком хитрый вид.

— Ну так я поеду верхом, и притом с удовольствием, — сказал Финнвард, ласково поглаживая кобылу по белому носу; та дружелюбно помахивала хвостом. Его забросили в седло, и Гизур, не оглядываясь, большими шагами двинулся вперед. Остановившись у края холма, он сердито крикнул, поторапливая их, затем подождал, пока весь отряд неуклюже вскарабкается наверх, и снова быстро зашагал вперед.

Свежий ветер и солнце наполнили радостью сердце Ивара. Он чувствовал себя так легко, словно беззаботно прогуливался по лысой макушке мира. В битве между солнцем и тучами в этот день одержала победу весна, хотя время от вре-

мени начинался снегопад или ледяной порыв ветра прохватывал их насквозь. Путники шли, выбирая каменистые склоны холмов и избегая лужаек и низин, которые сейчас превратились в болотца. Ручьи подтаявшего снега почти не замедляли их продвижения; если кто-нибудь опасался, что его сапоги увязнут в грязи, достаточно было ухватиться за хвост коня, чтобы спастись.

По вечерам у огня Гизур отмечал на карте пройденный за день путь и радовался от души. Он показывал остальным пометки Даина и то, как быстро они приближаются к Йотунсгарду. Впереди поджидали серьезные препятствия: река Тринингрстром и черная цепь Тринингрфеллис. Ивар с любопытством разглядывал широкую полосу земли, загадочный Йотунсгард. Последним известным путником, вошедшим в его пределы, был Элидаgrim, а он не вернулся живым.

От подворья Нидбьёрг их отделяло уже много дней пути, и потихоньку стали забываться мягкие постели и роскошная еда. Скапти почти не помнил лошадей, хотя упорно отказывался ехать на них верхом.

— Заметили вы... — начал Эйлифир как-то вечером у костра, после ужина, и Скапти и Ивар изумленно воззрились на него. Последний раз Эйлифир подавал голос пять дней назад, когда попросил передать ему соль, и это был первый раз после отъезда с подворья Нидбьёрг, когда он вообще заговорил. Каждый день он приветствовал спутников дружеским кивком, но не произносил ни слова. Сейчас, нарушив молчание, он не спешил продолжать, точно сожалел о своей поспешности.

— Мне кажется, — наконец проговорил он, — что за нами идут по пятам и следят весьма пристально. Слишком пристально, я бы сказал. — Он

кивком указал на запад, на пятнышко света, мерцавшее в тени холмов. Далее к югу виднелось еще одно.

— Я сначала подумал, что это случайные костры троллей, — продолжал Эйлифир, — но за три прошедшие ночи они появлялись неизменно, точно маяки, — будто шпионы-одиночки отслеживают нас и оставляют сигнальные костры, чтобы указать путь всему отряду. Это недобрый знак.

— Гизур знает об этих огнях? — спросил Ивар. Эйлифир ответил не сразу:

— Маг не советуется ни с кем, кроме себя самого.

— Хороший способ скрывать свои ошибки, — пробормотал Скапти. — Чтоб паралич разбил Лоримера и его гномов за такую бесстыдную настырность! Впрочем, бьюсь об заклад, что сейчас они будут держаться на приличном расстоянии. Они уже убедились, что в прямой атаке им нас не одолеть. Теперь, полагаю, они попробуют подобраться тайком и перебить нас во сне.

— Поставим двойную стражу, — сказал Ивар. — Лучше загасить костер; им он виден наверняка лучше, чем нам их огни.

— Лоример еще до сих пор не прибегал к хитростям, — заметил Эйлифир. — Он был чересчур уверен, что и так сумеет с нами справиться безо всякого труда. Я бы не столько опасался нападения, сколько ждал какой-нибудь уловки.

Скапти упрямо мотнул головой:

— Все же мы будем настороже, и, если он задумает какую-нибудь хитрость, мы тем более будем к ней готовы.

— Как по-твоему, что он может сделать? — обратился Ивар к Эйлифиру.

— Если бы я знал, — отвечал тот, — я бы стал чародеем почище его. Но советую от души: держись поближе к Гизуру, его Сила защитит тебя. Даже я или Скапти можем пригодиться при случае.

— Так ты думаешь, он хочет заполучить Ивара? — сказал Скапти. — Мы знали это с самого начала, Эйлифир. Если у тебя есть какие-то мысли или подозрения, лучше поделись ими, чтобы мы могли подготовиться ко всему.

Но Эйлифир лишь теснее завернулся в плащ, словно это словоизвержение окончательно истощило его силы.

Глава 12

следующие несколько дней, когда бы Ивар не обернулся, он неизменно наткался на Скапти, который сам себя приставил к нему телохранителем. Его встревоженная мина и постоянное подергивание за ухо больше, чем обычно, выводили Ивара из равновесия. Уже не в первый раз он думал о том, до чего же неблагоприятны все эти альвы и маги.

Впрочем, эта мысль недолго занимала его, — этим утром был его черед ехать верхом, а день был такой славный, что он скоро позабыл свои страхи и далеко опередил протестующего Скапти. Он ехал впереди отряда легким галопом на кобыле с полосатым носом — единственной из трех, что была способна больше, чем на шаг. Очень скоро они так далеко обогнали всех прочих, что это стало опасно, и тогда Ивар остановился на гребне холма, наблюдая за своими сотоварищами, которые плелись внизу. Они, казалось, ползли, точно мухи, а солнце пригревало так щедро и ласково, что Ивар задремал. Откинувшись на широкую спину кобылы, он закрыл на миг глаза, представляя, как чудесно было бы сейчас понежиться на солнышке.

Миг спустя он упал, а старушка Полоска неуклюже топотала прочь, тревожно фыркая и время от времени вскидывая копыта и неодобрительно помахивая длинным хвостом.

— Эй! — закричал Ивар, вскакивая... но вскрик тотчас превратился в невразумительное

удивленное мычание. Перед ним, в неглубокой ложбинке, высился черный конь, на котором восседал закутанный в плащ всадник с посохом. Бесплотный палец поманил его, подкрепив приглашение недвусмысленно угрожающим взмахом посоха. Ивар едва сдержался, чтобы не потерять глаза. Не может быть, чтобы вот так, средь бела дня, он столкнулся с Лоримером!..

— Глаза тебя не обманывают, — прозвучал знакомый голос. — А мои глаза долго следили за тобой в ожидании подходящего случая.

Ивар выхватил кинжал и другой рукой схватился за меч:

— Поглядим, Лоример, что ты сможешь сделать вот с этим!

Чародей издал раздраженный вздох:

— Если б я хотел твоей смерти, я бы мог тотчас отправить тебя на тот свет каким угодно любопытным и болезненным способом, но ты нужен нам живым — пока, по крайней мере. Труп не сможет отобрать меч у Элидагрима.

— Жажда овладеть Глимом добра тебе не сулит, — сказал Ивар. — Все твои предшественники плохо кончили. — Он тревожно глянул вниз, в долину, выглядывая Гизура. К его отчаянию, друзей нигде не было видно.

Лоример сухо рассмеялся:

— Если б болтовня прибавляла роста, ты сейчас был бы уже великаном, но, по правде говоря, дела твои плохи. Я долго следовал за вами, выжидаю именно такой подходящей минуты.

Из кармана Лоримера донеслось хихиканье Груса:

— До чего приятно нам будет в твоём обществе! Какое удовольствие — заставить тебя показать нам дорогу к могиле Элидагрима! От таких мучений сердце радуется.

— Я скорее умру, чем стану твоим рабом! — объявил Ивар, делая смелый выпад мечом.

Лоример тяжело покачал головой. Лицо его совершенно не изменилось, лишь взгляд злобно вспыхнул, впиваясь, как змеиное жало, в Ивара, когда чародей направил к нему коня.

— Стоит мне закричать, и Гизур услышит, — предостерег Ивар.

— Так кричи, — предложил Грус. — Я тебя с удовольствием послушаю.

Лоример угрожающе вскинул посох. Тень облака скользнула по солнцу, и день потускнел.

— Помалкивай, не то я навсегда отучу тебя шуметь. Ну-ка, брось эти дурацкие игрушки. Уверю тебя, в одном моем пальце больше Силы, чем было и будет во всем твоём теле. Если по какому-то неслыханному случаю тебе удастся убить меня, я смогу очень скоро возродиться в ином теле и при этом стать ещё могущественнее прежнего. Ха, я вижу, тебя это удивляет. Что за прок быть чародеем, если не сумеешь обеспечить себе вечность?

Ивар отступил, содрогнувшись от ужаса:

— Так ты, значит, друг! Упырь, живой мертвец!

Он вскинул меч и кинжал, готовясь к схватке.

Конь Лоримера двигался вперед, ни на миг не запнувшись. Чародей поднял посох и забормотал слова заклинания. Ивар забыл о своей боевой стойке и метнулся за камень. Грус сдавленно захихикал.

— Бесплезно прятаться! — визгливо сообщил он. — Лоример вытащил меня даже из могилы и оживил. Боюсь только, приятель, что с тобой он проделает обратное — приведет тебя к могиле и лишит жизни.

Ивар нырнул за другой камень и вдруг увидел путь к бегству. Перед ним была каменистая осыпь, где конь рисковал бы переломать ноги. Ивар помчался по осыпи, спотыкаясь и оскальзываясь на булыжниках. В восторге от собственной сообразительности, он обогнул небольшой уступ и очутился на прогалине меж камней — почти под ногами терпеливо поджидавшего Лоримера. Одно стремительное движение — и обнаженный клинок Лоримера застыл в нескольких дюймах от бешено бьющегося сердца Ивара.

— Бежать от меня бессмысленно, — сказал Лоример. — Все дороги ведут ко мне, и недурно бы втемяшить это в твою юную упрямую голову. Нам предстоит долгое совместное путешествие, и я знаю, что ты все время будешь мечтать о побеге. Всем нам будет только на пользу, если ты с самого начала уверишься, что побег невозможен.

— Невозможен не только побег, — ответил Ивар, — потому что я никогда не покажу тебе, где меч.

— Ну-ну, так ведь будет проще для всех, — вмешался Грус. — И для Свартара, которого скоро уничтожат его же воины. Все решится к осеннему Судному Дню, когда твои приятели должны будут представить свою виру.

— Нет, — ответил Ивар, сдерживая дрожь в голосе. Он продрог в сырой одежде на холодном ветру, который уже закружил редкие снежинки.

Лоример с неприкрытой ненавистью воззрился на него:

— Может быть и так. Да только в моей власти изловить кого-нибудь, кто с радостью скажет мне, где могила Элидагрима, — лишь бы только спасти свою бесценную шкуру.

В этот миг до них донесся слабый голос, призывавший Ивара. Глаза юноши расширились — и он понял.

— Твой враг — я, а не они, — проговорил он. — Глупо и подло допрашивать их.

Лоример ткнул его острием меча:

— Сиди смирно у этого камня и помалкивай. Им понадобится не меньше часа, чтобы добраться до этого места. Они долго ехали вперед, покуда не обнаружили твое исчезновение.

Грус в его кармане отвратительно хихикал:

— Интересно, кто же нам попадется? Хорошо бы толстяк в желтых штанах — вот было бы развлечение!

— Заткнись, пададь, и слушай, что я тебе скажу! — оборвал его Лоример. — Я поднимусь на гребень холма, чтобы высмотреть Гизура и его ничтожных дружков. Ты останешься здесь и будешь охранять скиплинга. Если он хоть с места сдвинется — ори во все горло.

Он положил Груса на камень, лицом к лицу с Иваром, — при тусклом свете дня физиономия тролля казалась еще более сморщенной и отвратительной. Грус оскалил в недоброй усмешке желтые клыки и впился взглядом в Ивара.

— Я с него глаз не спущу, — пообещал он. — Пусть только попробует бежать — я помчусь следом изо всех сил.

— Больно много у тебя сил! — хмыкнул Лоример, отвешивая ему прощальный подзатыльник.

Ивар прижался спиной к ледяному камню, страдая от ненависти к себе и собственной глупости. Говорил же ему Эйлифир держаться поближе к спутникам, владеющим Силой, а он поступил как раз наоборот!

— Да не мучься ты так, — заметил Грус, словно читая его мысли. — Лоример всегда получает то, к чему стремится. Куда проще, поверь, отдать ему эту штуку без всякой канители, — он ведь так или иначе своего добьется. Возьмем, к примеру, меня. Он всегда завидовал моему могуществу и ненавидел меня, поскольку я отказался служить ему, а все равно он заполучил свое, когда прикончил меня и своими черными чарами вынудил заговорить. Впрочем, я всегда был не прочь поболтать и оттого частенько попадал в беду. Да и тебе сейчас стало бы легче, если б начал болтать о том о сем. Не обязательно о могиле Элидагрима, хотя это и лишило бы нас необходимости ловить и пытать твоих приятелей...

— Ты бы лучше заткнулся, — буркнул Ивар. — Меня так и подмывает отвесить тебе хорошего пинка, чтобы ты улетел куда подальше.

— Я буду кричать, — предостерег Грус. — Ты и ногу не успеешь занести, а я так завоплю, что головы с плеч посыплются.

Он болтал еще что-то, но Ивар не прислушивался. Он был слишком погружен в отчаяние, чтобы его могла привлечь какая-то семейная история, приключившаяся с Грусом несколько столетий назад.

День становился все темнее и холоднее. Ивар радовался, что на нем плащ Бирны с капюшоном и он укрыт от ветра и ледяного дождя. Время от времени он слышал крики — отдаленные, но с каждым разом становившиеся все ближе.

— Ждать не долго, — заметил Грус с мерзким хихиканьем.

Крики приближались. Ивар сознавал, что меньше всего он хочет откликнуться и завести друзей в западню Лоримера. Он уткнулся головой в

предплечье, от всего сердца надеясь, что его не найдут.

— Ивар! — гаркнули почти над самым ухом. Юноша вскинул голову и увидел, что прямо на него несется шумный, вопящий и размахивающий руками «всадник». Это были Эгиль и Финнвард, вдвоем оседлавшие одну из кобыл, и, завидев Ивара, они завопили громче и приветственно замахали руками, подпрыгивая в седле. Они вопили и счастливо бранили Ивара, покуда лошадь не узрела наконец Груса. Это была старая кляча, с белой мордой, заносчивая и неповоротливая, но тут она с визгом ужаса взвилась на дыбы и осела на хвост, отчего оба всадника съехали с ее спины, как с ледяной горки. Кобыла развернулась и умчалась прочь, ржанием призывая товарок.

Лоример появился рядом с Иваром в тот самый миг, когда Финнвард и Эгиль распутывали руки и ноги, кляня друг друга и особенно Ивара за такое злосчастье.

— Это лошадь виновата, — утешил их Грус.

— Кто это сказал? — спросил Эгиль, оглядываясь по сторонам и не замечая Груса под самым носом.

— Болваны! — воскликнул Ивар. — Вы угодили прямоком в западню!

Лоример скольльзящим шагом вышел вперед:

— А скиплинг послужил приманкой. Ну-ка, бросьте оружие.

Эгиль подскочил от страха и вздрогнул, когда у самых его ног ворчливо огрызнулся Грус.

— Клянусь бородой и молотом Тора! — выдохнул он. — Это же Лоример!

Финнвард лишь оцепенел, выкатив глаза, словно утратил всякий рассудок.

Лоример шагнул к нему и, глянув в его глаза, грозно потребовал:

— Если хочешь жить, скажи немедленно, где могила Элидагрима, или я обрушу на тебя все заклятия льда и зла, которые приготовил для той минуты, когда мы встретимся лицом к лицу! Спротивляться бесполезно — в моей власти вся мощь ледяного царства мертвых Хель.

— Я бы узнал эти желтые штаны где угодно, — прибавил Грус с омерзительным удовлетворением.

Финнвард покачнулся, уставясь на чародея широко раскрытыми глазами. Он бы рухнул без чувств, если бы Эгиль, протянув руку, не поддержал его. Лоример шагнул ближе, впиваясь злобно горящим взглядом в застывшие глаза Финнварда. Он схватил толстяка за шиворот и как следует встряхнул:

— Говори, глупец, не то сотру тебя в сапожную мазь! Где находится могила Элидагрима?

Финнвард испустил хриплый слабый стон, и Лоример опять встряхнул его, прибавив оглушительную пощечину.

— Не смей его бить! — сердито вмешался Эгиль.

— Твои кости сгрызут крысы в глубочайших подземельях царства Хель! — оборвал его Лоример. — А впрочем, если хочешь избавить своего приятеля от еще более страшных мук, сам скажи, где могила Элидагрима

— Не знаю, — отвечал Эгиль. — Можешь спросить у Гизура, только сомневаюсь, что он одарит тебя ответом

— Зато вот этот, в желтых штанах, не откажется, — вставил Грус.

Лоример еще раз встряхнул Финнварда:

— Может быть, я позволю своим гномам встряхнуть из него правду. Как жаль, что еще не стемнело! — Он метнул ядовитый взгляд на Ивара: — Интересно, согласится ли герой, чтобы его друзей пытали или даже убили гномы, когда он мог бы спасти их одним словом?

Прежде чем Инвар успел вставить хоть слово, стоически ответил Эгиль:

— Он не скажет, даже если ты изрежешь нас на кусочки и накормишь ими троллей у него на глазах. Он нисколько тебя не боится! — Он опять едва не наступил на Груса, и тот откликнулся из-под ног яростным ревом.

Лоример слегка ослабил хватку.

— В самом деле? Ну что ж, устроим ему испытание. — Он выхватил меч и взмахнул им перед остекленевшими глазами Финнварда, срезав несколько волосков у него под носом.

— Начиная с ушей, — посоветовал Грус.

Финнвард начал, лопоча и заикаясь:

— О... она...

— Заткнись, скотина! — взревел Эгиль.

— Это не тебя собираются резать, — прорычал Грус, — хотя еще не все потеряно. Так что не затыкай ему рот!

Лоримеров меч отхватил еще клочок бороды, и Финнварда передернуло. Толстяк всегда гордился своей бородой.

— Мо... мо... могила... — прохрипел он.

— Лоример, сюда идут! — воскликнул вдруг Грус. — Я чую приближение Силы — это Гизур! Надеюсь, ты не бросишь меня на произвол судьбы?

Лоример поспешно сунул голову тролля в карман, бросая по сторонам настороженные взгляды. Затем опять потряс Финнварда, с рычанием поднося меч к самым его глазам:

— Последний раз говорю: не молчи, или проткну тебе горло мечом! Ну быстро — где могила? Говори — и уцелеешь. Не то Гизур найдет только труп. Или пару трупов, — прибавил он, обращаясь к Эгилю, который все еще удерживал Финнварда на ногах.

Колени Финнварда ослабли и задрожали, когда Лоример еще раз тряхнул его.

— Л... ла... — шатаясь, заикнулся он.

— Молчи, дурак! Гизур близко! Я вижу его! — завизжал Эгиль, в свою очередь тряся Финнварда.

Лоример злобно зашипел и замахнулся мечом на Эгиля. Тот проворно нырнул в укрытие, и Финнвард зашатался.

— Э-гей! Это ты, Эгиль? — донесся голос Гизура. Маг вынырнул из складки меж холмами, верхом на гнедой кобыле, а за ним мчались Скапти, Флоси и Эйлифир.

Лоример метнул в сторону мага мгновенный ненавидящий взгляд и, наклонившись к Финнварду, осевшему наземь, придавил его к земле:

— Говори, где меч, или смерть тебе! — взревел он.

Глаза Финнварда выкатились от ужаса. Он захрипел, и вдруг — в руках Лоримера осталась пустота. Чародей отпрянул, окутанный клубами серого дыма.

— Заклятье бегства! — воскликнул он, безмерно изумленный.

Воспользовавшись его замешательством, Ивар бросился на чародея и сцепился с ним, успев выкрикнуть предостережение Гизуру. Лоример швырнул Ивара прочь, точно сломанную игрушку, и начал вырывать у него свой посох, а Грус и Эгиль вопили что-то бессмысленное. С нечеловеческой силой Лоример сбил Ивара с ног, вырвал

у него свой посох и, отпрянув прочь, пробормотал заклинание. Еще не отзвучали слова заклѣтия, когда зигзаг пламени, шипя, распорол его рукав от плеча до запястья и выбил посох.

Гизур спрыгнул с коня, на лету швырнув еще одну огненную молнию, — она пролетела над головой Лоримера и, ударившись о валун, рассыпалась шаром искр. Ивар припал к земле, и над ним пролетела ледяная молния, окатив его свистящим холодом.

Тогда Лоример вскочил на поджидавшего его коня и погнал его прочь по склону холма. Гизур метнул вслѣд еще одну молнию, но чародей вызывающе потряс кулаком и исчез из виду.

— Финнвард, где ты? — с испугом позвал Эгиль. — Финнвард, Лоример убрался, хватит прятаться! Ты сказал ему о Лабиринте? Ты применил заклятие бегства, да? Финнвард!

— Заклятие бегства! — Гизур покачал головой. — Мы не сможем вернуть его.

— Не говори так! — воскликнул Эгиль. — Финнвард, если можешь слышать меня, отзовись! Ты меня пугаешь. Ну, не будь такой врединой!

Ответом ему был странный стон.

— Ему плохо, — озабоченно заметил Скапти, рыская меж валунами. Вдруг он закричал: — Нашел! По-моему, я его нашел! Эй, смотрите, смотрите все! Это Финнвардова фюльгья!

Дородный Финнвард с курчавой бородой и в желтых штанах исчез; вместо него на камне сидел огромный рыже-полосатый кот, с томным недовольством шуря зеленые глаза. Кот был замечательный — изящные усы, безукоризненно белые лапки и аристократический вид.

Эгиль фыркнул, хихикнул и хлопнул себя по колену:

— Финнвард! Ах ты негодник! Здорово же он испугался, когда Лоример мучил и тряс его! Страх и загнал его в фюльгю. Но кто бы мог подумать... Финнвард... кот... — Он не мог продолжать. Он хихикал скрипуче, точно старая лодка под сильным ветром.

Флоси от зависти заскрежетал зубами:

— Финнвард! Вот бездельник! Поглядите только на него! Ему надо бы сидеть дома, на камине, и набивать брюхо сливками, а не топать в Йотунсгард за мечом!

Кот одарил Флоси презрительным взглядом. Затем встал, выгнув спину дугой, и широко зевнул, показав все зубы и половину розовой глотки. Он вытягивал каждую лапу по отдельности, выпуская невероятно большие когти.

— А он нас понимает? — спросил Скапти. — Я никогда прежде не говорил с кошками. Финнвард, можешь ты кивнуть головой или еще как-нибудь показать, что ты нас понимаешь. Это ведь ты, Финнвард?

Кот изогнулся, вылизывая хвост. Скапти машинально наклонился, чтобы оказаться на одном уровне с собеседником.

— Финнвард, кот — замечательная фюльгя, но я надеюсь, ты будешь дружелюбнее, чем иные кошки, с которыми я встречался прежде. Ты нам очень годишься, если только не будешь увлекаться охотой на мышей и птичек. Можешь ты обернуться опять в себя, Финнвард?

Кот принял оскорбленный вид. Эгиль одобрительно захихикал. Гизур осторожно подошел к коту и присел рядом на корточки. Он почесал кота за серым ухом, и тот длинно заурчал.

— Послушай, Финнвард, ты удивительно умный кот, — сказал Гизур. — Не оскорбляйте его

смышлености, друзья. Когда он сумеет переменить облик, он это сделает, и мы сможем тронуться в путь. Верно ведь, Финнвард?

Кот старательно вылизался с головы до пят, ни на кого не обращая внимания. Затем он с достоинством подошел к Гизуру и потерся о его ноги, доброжелательно мурлыкая. И побрел прочь, обозначая свой путь по камням и поросли скорбным гортанным мяуканьем.

— Бьюсь об заклад, мы больше его не увидим! — Флоси покачал головой. — Старина Финнвард — и вдруг кот! Впрочем, я иначе и не мог бы представить его фюльгю. Большой, толстый, сытый старый кот. — Его смущенное лицо расплылось в ухмылке, и миг спустя он и Эгиль подвывали и хихикали, точно пара старых разбойников.

Скапти метнул на них сердитый взгляд:

— Эй, олухи, в этом нет ничего смешного. Что, если он не сумеет изменить облик?

Эгиль ухмыльнулся:

— Мы потеряем повара, зато приобретем кота.

Флоси скорчился, снова заходясь хохотом, и Скапти с отвращением отвернулся, но лишь затем, чтобы увидеть, как Гизур едва удерживает улыбку.

— Финнварду это только на пользу, — сказал маг. — Он открыл бездонные глубины инстинкта самосохранения. По-моему, он наконец-то обрел свою Силу.

— Надеюсь, это случилось прежде, чем он болтал Лоримеру о Лабиринте, — заметил Ивар.

Часом спустя Финнвард присоединился к ним, уже в обычном своем облике. Вид у него был весьма самодовольный; на все расспросы он лишь горделиво молчал, решительно отказываясь обсуждать свою новообетенную Силу.

Наконец Гизур простил Ивару его легкомыслие, а Эйлифир нарушил свое ледяное молчание. Ивар ни на шаг не отступал от спутников — к величайшему удовольствию Скапти. О Лоримере и гномах не было ни слуху ни духу, если не считать еженощных огней — шайка явно следовала за ними на приличном расстоянии, выжидая своего часа.

Ивар при каждой возможности заглядывал в карты Гизура. Путники все ближе подходили к горам Тринингрфеллс и широкой реке, преграждавшей путь в Йотунгард. Местность становилась все гористее и труднопроходимей. Двумя днями позже, когда рассеялся утренний туман, Гизур указал вперед и промолвил:

— А вот наконец и Тринингрфеллс.

Дальние синие пики вырастали из каменной сумятицы предгорий. С тысяч ледников и снежников сбегали ручьи, питая Тринингрстром, реку, впадавшую в Дрангарстром. Ивар понял, что они приближаются к цели своего путешествия — дракону, пещере и золоту.

Глава 13

осле трудного перехода через горы Тринингрфеллс и не менее трудной переправы через Тринингрстром путники оказались в благодатном краю, среди подернутых дымкой зеленых холмов, изумрудных долин, окруженных черными лавовыми скалами, и быстрых ледяных речек, усеянных замшелыми валунами. Этот край так живо напомнил Ивару родные берега, что он невольно выглядывал на горизонте море и принюхивался к свежему ветерку, лова соленовато-горький запах.

Когда остановились на ночлег, Гизур ликующе указал на красную точку, поставленную на его карте собственноручно Даином. Судя по карте, им оставалось до нее совсем уж недолече — через два небольших холма и множество холмов поменьше, а также несколько мелких речушек.

— И еще я должен объявить вам нечто важное, — продолжал маг, пока весь отряд сидел кружком у костра, горячим чаем спасаясь от промозглой ночи. — Скапти, верно, этому обрадуется, что до остальных — сомневаюсь. Я решил завтра прирезать лошадей.

Скапти лишь кивнул, но Флоси и Финнвард вспыхнули от возмущения.

— Прирезать! — воскликнул Флоси. — Да зачем же? На них и мяса-то с гулькин нос!

— Все лучше, чем ничего, особенно там, куда мы направляемся, — отвечал маг. — Если мы их

не прикончим, они везде будут следовать за нами и клянуть зерно, а оно вчера пришло к концу. Да еще и приманят троллей. Бросить их здесь, при том что зима не за горами, — значит обречь их на горькую участь. Но прежде всего нам нужно мясо.

— Они так долго везли нас, — вздохнул Финнвард. — Непорядочно это, Гизур, — убивать лошадок. Может, оставим их при себе, покуда не доберемся до каких-нибудь поселений?

Гизур принялся со рвением точить нож:

— Нет, Финнвард, нам их нечем кормить, а если и дальше заставлять их так работать, они скоро превратятся в ходячие скелеты. Ни им, ни нам, Финнвард, это не принесет добра, если вспомнить, что и припасов у нас почти не осталось.

— Вот почему так трудно быть конем, — мрачно заметил Эгиль. — Служишь людям от всей души, а в один прекрасный день они проголодаются и решат тебя съесть. До чего ж я рад, что я не конь!

— Ну, Ивар, — Гизур обернулся к юноше, — ты, верно, тоже сердит на меня — ведь это ты отыскал коней и первым предложил взять их с собой.

— Нет, — ответил Ивар, — ты — маг, ты лучше знаешь, что делать.

— Вы его только послушайте! — насмешливо фыркнул Флоси. — Вечно льстит Гизуру и во всем с ним согласен. Никогда ты не станешь героем, Ивар, если будешь таким покладистым. Порой я удивляюсь, как это мы надеялись справиться со всеми бедами, когда у нас герой — скиплинг. А теперь эта парочка решила съесть наших лошадей, вместо того чтобы скакать на них к славе и

успеху! В следующий раз мы съедем свои башмаки...

Ивар встал и огляделся в надвигающейся тьме, что смыкалась вокруг костерка. Была его очередь выводить коней пастись, и ему не слишком хотелось покидать тепло и свет огня, плестись в темноту и забивать колья в кремнистую почву.

Клинышек луны серебрился в разрывах гонимых ветром черных туч. Волоча за собой веревки и колья, Ивар брел к поросшей кустарником лощине, где на короткой привязи были оставлены кони. В тусклом лунном свете он различал их темные силуэты на фоне кустарника. Не в первый раз Ивара охватило неприятное ощущение, что лошади следят за ним. Луна зашла за тучу, и стало совсем темно. Он ощупью брел во тьме, обдирая голени о колья и царапаясь о колючий кустарник. Неприятный холодок зябко пробежал по его спине и взъерошил волосы на затылке. Он замер и не двигался, пока луна не вынырнула снова из-за туч и не озарила все своим неверным светом.

Кони исчезли. Напрягая глаза, Ивар прислушивался — не донесется ли фыркание или шлепанье хвоста по впалым бокам. Но услышал лишь, как позади тихо кашлянули. Мгновенно осознав, что спина у него не защищена, Ивар рывком обернулся.

Три сестры стояли перед ним, усмехаясь и кивая, точно старому приятелю.

— Ну наконец-то, — спокойно промолвила Нидбёрг, — вот и ты. Мы все гадали, когда же нам выпадет счастье насладиться вновь твоим обществом. Теперь нам предстоит долгое и приятное путешествие, так что мы быстро подружimsя, хотя и расстались в последний раз далеко не по-

дружески. Уверяю тебя, я была этим весьма опечалена и надеюсь, что в следующий раз мы расстанемся куда веселее.

Ивар очнулся от потрясения:

— Что вы делаете здесь? Гизур отправил вас на суд Гильдии. И что вы сделали с лошадьми? Если не хотите получить еще одну выволочку, берите этих кляч и убирайтесь отсюда поскорее, пока не попались на глаза Гизуру.

— Клячи! — воскликнула Сольборг. — Кажется, вы уготовили им не слишком веселую участь? После того как бедняжки служили вам так долго и так верно, вы их попросту решили прирезать? И почему только вы, олухи, не слушали советов старины Скапти? Он все время чуял что-то неладное в этих милых старых клячах, которые путешествовали с вами и прислушивались к каждому вашему слову! Да неужто ты ничего еще не понял, тупица?

— Эти три кобылы — мы, — почти с гордостью произнесла Торвор. — Никогда я прежде не слыхала, чтобы альвконуры так долго и успешно удерживали заклятия. Здорово мы их обманули, сестры.

Ивар отшвырнул колья и бросился бежать к огню, казавшемуся сейчас таким маленьким и далеким. Нидбьёрг крикнула что-то, и он захлебнулся леденящим холодом, что волной обрушился на него. Бесчувственные ноги запнулись, и Ивар повалился наземь, покотившись трясущимся клубком; онемевшие пальцы не могли даже стиснуть рукоять оружия. Он смутно осознавал, что ведьмы, переговариваясь, приближаются к нему; голоса их странно исказились. Мелькнула смутная надежда, что старухи не заметят его, если он будет лежать смирно, — так полузамерзший перепуганный

кролик забивается меж камней, прячась от охотника. Ивар услышал речитатив иного заклинания... и погрузился в забытие.

Он просыпался медленно под привычный перестук рысящего коня. Так же постепенно он осознал, что с ним случилось и что его положение никак нельзя назвать приятным. Он лежал ничком на жесткой шее коня, руки его были связаны под шеей, а ноги крепко стянуты под отвисшим брюхом. Не поднимая головы, Ивар попытался оглядеться и тотчас увидел Нидбьёрг и Торвор, которые шли за лошадью, проворно помогая себе посохами. Уже рассвело, и в животе у Ивара заурчала пустота, когда Торвор извлекла из сумки изрядный кусок колбасы.

— Сольборг, остановись, — приказала Нидбьёрг. — Он как будто просыпается, и плеснуть на него холодной водой, пожалуй, не помешает.

Лошадь резко остановилась и тяжело вздохнула, раздраженно помахивая хвостом. Ивар повернул голову к Нидбьёрг:

— Я давно уже проснулся, так что побереги воду. Я бы съел чего-нибудь, а потом вы мне объясните, за каким лешим вы меня похитили.

— Разумеется, — отозвалась Нидбьёрг, — мы совсем не намерены тебя мучить. Сестра, развяжи нашего приятеля и поделись с ним колбасой. Она вкусная — я сама ее сделала прошлой осенью. Надеюсь, наше мясо, зерно и прочее пропитание, которое вы так любезно прихватили с собой, пришлось вам по вкусу.

Ивар промолчал. Торвор развязала его и услужливо отрезала солидную порцию колбасы. Ивар соскользнул с лошади, бдительно следя, чтобы старушка Полоска не наградила его ударом копыта

по колену — она любила проделывать это с неосторожным наездником. Он убедился, что меч и кинжал исчезли, — как он, впрочем, и подозревал. Со вздохом он присел на камень, жуя колбасу и оглядываясь, — окрестности были ему совершенно незнакомы.

— А как же я? — осведомился голос Сольборг. Он исходил от лошади, и у Ивара мурашки пробежали по спине. — Почему это я всегда должна служить вам вьючным животным? Вы еще скажите, что я должна завтракать травой.

— Конечно, — сладким голосом отозвалась Нидбьёрг. — Что еще может есть лошадь? Ну-ну, наберись еще немного терпения, и не пожалеешь. Ты же знаешь, из нас троих ты самая молодая и крепкая. Боюсь, что у меня и Торвор осталось немного сил для перемены облика. Кто-то же должен везти наши припасы, как они ни скудны. Проклятые альвы ухитрились съесть половину годовых запасов.

Ивар глянул на Сольборг, и его передернуло.

— Кобылы Фрейи! Не удивительно, что Скапти был так настроен против вас. Надо было нам его послушать!

— Надо было, — согласилась Торвор. — Чем-то Гизур не был похож на мага Гильдии. Вот мы и решили отложить путешествие во Дворец. Все равно оно было бессмысленно, если вспомнить, что он не принадлежит к Гильдии и не имеет права отправлять пленников на ее суд. — Она наградила Ивара притворной и самодовольной улыбкой.

Ивар безутешно жевал черствый сухарь.

— А все же, — заметил он, — Гизур избежал ваших чар. Когда он вас изловит, то испепелит на месте. — Эта угроза прозвучала неубедительно

даже для него самого, и он вздохнул. — Полагаю, вы собираетесь доставить меня к могиле Элида-грима. Только не надейтесь, что я стану вам помогать.

— Ты все так же неблагоприятен, — заметила Нидбьёрг, покачав головой. — Я-то надеялась, что ты передумал. Мне и вправду жаль поступать так, но альвконуры из Свартаррика не могут допустить, чтобы магический меч попал в руки Лоримера.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Ивар. — Меч принадлежит мне, а я не намерен отдавать его Лоримеру.

— Цыц! И кто же защитит тебя и меч? Рыжебородый маг сомнительной репутации и пятерка никчемнейших альвов, хуже которых не бывало среди шпионов Эльбегаста? Вопрос только в том, кто первым заполучит тебя и меч и использует в своих целях.

— Ну меня-то не так легко использовать, — огрызнулся Ивар.

Нидбьёрг только усмехнулась, да так, что у него захолонуло сердце.

— У тебя нет выбора, как у Груса в кармане Лоримера. Ты точно так же у нас в кармане, юный скиплинг.

Сольборг, повернув длинную лошадиную морду, с неприязнью глянула на Ивара.

— Я бы с наслаждением склонила этого бездельника к покорности, — процедила она. — Бьюсь об заклад, мне ведомы изысканные способы пыток, которые могли бы убедить его, что черное — белое, и наоборот. Я бы...

— И не мечтай, Сольборг, — оборвала ее Нидбьёрг. — Если все перекусили, трогаемся в путь. Пока светло, я надеюсь уйти подальше. Соль-

борг, ты повезешь нас, а скиплинг пойдет впереди, так, чтобы мы могли не спускать с него глаз. — В ее тоне была недвусмысленная угроза.

Остаток дня Ивар провел, уворачиваясь от Сольборг, которая больно кусала его при каждом удобном случае. Он часто оглядывался, надеясь заметить хоть какой-нибудь признак того, что Гизур следует за ними, и стараясь, чтобы его взгляды выглядели естественно. Однако никакой надежды на спасение не появлялось, но все же он пользовался случаем, чтобы оставить след ноги на влажной земле у ручьев, через которые они переправлялись, и повсюду, где мог, обламывал ветви и сучья.

— Весьма похвально, — заметила Сольборг после полудня этих ухищрений. — Тебе почти удалось представить дело так, словно здесь прошло целое войско. Всякий бы успешно мог следовать за нами — кроме болванов, которым ты пытаешься подать знак. Любой мало-мальски стоящий маг мог бы выследить тебя безо всяких знаков, так почему бы тебе не уняться? Сердце кровью обливается при виде твоих бесплодных трудов.

Ивар бросал назад отчаянные взгляды, гадая, где же Гизур. Он надеялся, что вот-вот его освободят, но день миновал, а он все еще оставался пленником.

На рассвете остановились в потаенной скальной впадине неподалеку от вершины огромной горы, откуда открывался прекрасный вид на пройденный ими за день путь. Торвор уселась и начала вязать, но глаза ее ни на миг не уставали искать внизу Гизура и Скапти. Нидбьёрг, обратившись лицом к югу, сверялась с какими-то картами.

— Перебравшись через эти холмы, мы должны уже столкнуться с огненными йотунами, — удовлетворенно заметила она. — Через неделю мы уже доберемся до могилы, если все пойдет как надо.

— Не думаю, — отозвался Ивар. — Лоример неотрывно следовал за нами, и когда он обнаружит ваши жалкие фокусы...

— Молчи! Не смей произносить при мне его имя, не то сам не знаешь, как тебе будет худо! — проворчала Нидбьёрг. — По-твоему, мы дряхлые старушки, которые тешат себя мелкими пакостями, но позволь сказать тебе, молодой человек, что ты впутался в весьма и весьма опасное дело. Я не задумываясь вмиг сверну тебе шею, как цыпленку, если только сочту это нужным.

Она вдруг напомнила Ивару старую и злобную змею с морщинистой сухой кожей и полускрытыми за складкой кожи горящими глазами. Ивар заморгал и поспешно отвел глаза от ее пронзительного гипнотического взгляда. Впервые он осознал, что столкнулся с силами зла, отличными от черной магии Лоримера и куда более таинственными и грозными.

Он улегся, пристроив на камне голову, разламывавшуюся от боли. Мысли о побеге витали в его голове, а Торвор и Нидбьёрг обсуждали узоры для вязания. Сольборг стояла молча и лелеяла кровавые мечты, с удовольствием помахивая ушами и вздыхая.

Среди ночи Нидбьёрг вдруг подняла их в путь, так нещадно бранясь на всех без разбору, что Ивар заподозрил, будто Гизур уже близко. Он мешкал и спотыкался в темноте, надеясь задержать старух. Притом он изнемогал от усталости и не видел почти ничего, что придавало бы

его тактике законные основания. Вначале он держался за хвост Сольборг, и она с радостью тащила его по рытвинам и острым камням, заводила в ледяные ручьи, так что в конце концов Ивар попросту сел на землю и отказался идти дальше, пока не развиднеется. После долгого спора, щедро сдобренного угрозами, сестры сдались, и Торвор неохотно произнесла заклинание, приняв свою фюльгью, так что Ивар поехал верхом, вместо того чтобы брести наугад в темноте.

— Это безумие, — бормотал он, покуда вся компания тряслась по камням и сам он восседал, цепляясь изо всех сил, на костлявом хребте Торвор. — Да мы все здесь шеи свернем. Почему бы не подождать до утра?

Нидбьёрг вместо ответа лишь угрожающе оскалила зубы, и путешествие во тьме продолжалось. Временами Ивар впадал в дрему, и хуже всего было то, что пробуждался он неизменно свисающим со спины кобылы, и ему стоило немалого труда вскарабкаться наверх.

Когда начало светать, они прокладывали путь по неровному отрогу горы под порывами промозглого ветра. Ивар рад был, что на нем черный плащ Бирны, который отталкивал ветер и туман, как перья утки отталкивают воду. Он злорадно заметил, что у Нидбьёрг посинел кончик носа. На самой вершине горы ветер набросился на них с новой силой, осыпав пригоршнями мерзлого снега. Нидбьёрг не обратила на это внимания, но обе лошади стонали, вздыхали и с несчастным видом хлопали засыпанными снегом веками.

Тропа спустилась в долину, укрытую от ветра. Вид зелени так обрадовал всех без исключения, что Нидбьёрг устроила привал. Будь воля Ивара,

он полдня провел бы, греясь на солнышке, но Нидбьёрг очень скоро опять погнала его в путь, на сей раз пешком, чтобы Торвор могла ехать верхом и отдохнуть. Ивар спросил было, когда же придет его черед отдыхать, но получил в ответ только угрожающее клачанье зубов Сольборг. От избытка великодушия Нидбьёрг посулила в полдень, что на ночь они остановятся в странноприимном доме, который как раз должен быть по пути.

Солнце почти зашло, когда они наконец увидели этот дом. Из трубы не тянулся дым, и во всем доме не было ни единого признака жизни. Подойдя ближе, он разглядел «дом» во всех подробностях — жалкие развалины с провалившейся крышей и сгнившими дверными косяками. Разочарованный, он отогнал прочь сладкие мечты о тепле очага и сытной стряпне. При их приближении из дома вспорхнуло семейство сов, ухая так возмущенно, словно их уже много лет никто не тревожил. Ивар жадно следил взглядом за птицами, но все это были большие серые совы, ничуть не напоминавшие белую сову, которую он втайне надеялся увидеть.

— Мерзкое место, — бормотал он, совершенно пав духом и обозясь. — Только альвконуры могли устроить здесь ночлег. Ни крыши, ни хвороста, ни еды. Альвы хоть и неумехи, зато, по крайней мере, знают толк в еде и удобствах.

Он ворчал вполголоса, покуда ведьмы были заняты устройством не слишком роскошной стоянки. Нидбьёрг была туговата на ухо, а другие к нему не прислушивались, так что он от души добавил к своей тираде кое-какие оскорбительные реплики. Сольборг сбросила облик фюльгьи и с нескрываемой злостью ворчала на то, что се-

стры плохо с ней обращаются, потому что она младшая.

Ивар кое-как наскреб древесины себе для костра — главным образом с торфяных стен, укрепленных когда-то балками. Наконец он разжег огонь и, завернувшись в плащ, с тяжелым вздохом улегся у костра. Сестры меж тем развлекали себя воспоминаниями.

Воспоминания перешли в обсуждение разных гостей, которых сестры в свое время заездили до смерти в конском облике или загубили как-то иначе, так что гнев, вскипавший постепенно в Иваре, прогнал сон. Наконец он сел, одарив сестер яростным взглядом:

— Эй вы, мерзкие чудовища! На вашей совести тысячи убийств, и если вы думаете, что я стану пособлять вам, то ошибаетесь. Когда меч окажется в моих руках, первое, что я сделаю, — изрублю вас всех на куски!

Торвор слегка встревожилась, но ее сестры обменялись презрительным фырканьем.

— Полагаешь, мы об этом не подумали? — осведомилась Нидбьёрг, плотнее кутаясь в платок. — У нас достанет заклинаний, чтобы обеспечить твою покорность. Видел ты старину Груса, голову тролля, с которой советуется Лоример? Есть немало чудесных таинственных способов оживить мертвеца и завладеть его разумом и силой, вместо того чтобы позволить ему догнивать в земле. Черная магия — дивное искусство, доступное лишь избранным. Я принадлежу к ним и полагаю, что легко справлюсь с тобой, превратив в упыря, — если ты, конечно, не смиришь свое упрямство.

Она говорила, не отводя глаз от Ивара, и он съежился от яда, который буквально источал ее

голос. Он не хотел смотреть на ведьму, но что-то в ее глазах притягивало его, делало бессильным и испуганным. Чем больше он старался убедить себя, что должен бежать или погибнуть, тем больше Сила Нидбьёрг доказывала, что он не только не сумеет бежать от нее, но что и сама мысль лишиться ее сомнительного покровительства начинает пугать его.

Не в силах освободиться от этих чар, он молча закутался в плащ и снова улегся у огня. Униженный и испуганный, он следил за ведьмами, приоткрыв один глаз. Сестры бормотали и перешептывались, а затем отправились спать, оставив на страже Торвор. Она развлекала себя вязанием, и у Ивара, наблюдавшего за ней, скоро стали слипаться глаза. Это был беспокойный сон с тяжелыми кошмарами и судорожными пробуждениями. Один раз, проснувшись — или это ему так показалось? — он обнаружил, что Нидбьёрг втихомолку измеряет его размеченной палкой; затем она уселась изучать толстую книгу, которую прятала прежде в рукаве. Она перелистывала страницы, внимательно прочитывала что-то и снова листала, как кухарка в поисках подходящего рецепта из необычных и непривычных продуктов. Ивар не сомневался, что этот «продукт» — он сам, и от этой мысли кровь в его жилах застыла. Придется ему бежать, все равно, сумеет Гизур прийти к нему на помощь или нет.

Весь следующий день он только и искал возможности улизнуть, но местность не слишком располагала к этому. Путь лежал по дну глубокого ущелья, обвивая здесь и там шишковатые холмы. Черные иззубренные камни то высились на вершинах холмов колючей короной, то торчали, словно остроконечные уши. Ивар был подавлен недоб-

рым предчувствием — кто знает, какая злосчастная судьба уготована ему?

К приходу ночи они спустились с гор в низины, где тучи комаров клубились и жужжали над бесчисленными болотами и воздух был пропитан зловонными миазмами разлагающихся растений. Нидбьёрг приняхивалась с довольным видом собаки, обоняющей ароматы родного скотного двора.

— Вот здесь, — объявила она наконец в тот самый миг, когда солнце кануло за горизонт.

— Ты же не собираешься в самом деле так поступить? — обеспокоенно пробормотала Торвор. — Нидбьёрг, милочка, вспомни, скольких ты погубила. Какой бы это был позор — теперь, когда он в наших руках...

— Молчи! — оборвала Нидбьёрг. — Разве мы иначе добьемся своего? Он должен быть всецело в нашей власти.

Ивар подслушал их перешептывания, и его сердце от страха ушло в пятки. Он внимательно огляделся. Они пришли, вероятно, в самое болотистое место во всем Йотунсарде. Почва здесь была сырая и вязкая, и камыши трещали на ветру, точно высохшие кости. Неподалеку возвышались развалины древней круглой башни, казавшиеся в сумерках узкоглазым зверем — он припал к земле, подстерегая их. Ивар замер как вкопанный, разглядев каменный круг — камни, черные и изъеденные временем, криво торчали в разные стороны, точно пьяные.

Он расставил покрепче ноги и объявил:

— Я туда не пойду! Это место смердит, и в нем таится зло!

Сольборг хрипло засмеялась, со злобной силой хватая его за руку и неожиданно ловко завернув ее за спину:

— Идем, идем, какое там зло! Нечего сопротивляться и удирать, встречай свою смерть с достоинством, не лягайся и не визжи, как поросенок!

У Ивара перехватило дыхание, когда она сильнее стиснула его руку и толкнула к центру круга, где находился плоский камень, похожий на алтарь, с желобком посреди. Нидбьёрг начала чародейский речитатив, пригвождая Ивара к месту своим змеиным взглядом.

Издалека донесся квакающий голос Торвор:

— Не нравится мне это место, Нидбьёрг. Ты уверена, что владеешь таящимися здесь Силами? Они опасны и непокорны, как магия чародея...

— Молчи! — прикрикнула Сольборг. Ее руки отяжелели, и незримая ледяная тяжесть навалилась на Ивара, сдавливая его грудь, покуда он едва не задохнулся. В ушах непрерывно звенел голос Нидбьёрг, произносившей заклинание.

Ивар пытался сопротивляться мертвящему ужасу заклятий Нидбьёрг. Перед его мысленным взором возникла Сольборг со своим верным кинжалом... нет, это был кинжал Бирны, который она извлекла из складок одежды.

Вопль, удар ледяного воздуха — и Сольборг с визгом шарахнулась прочь, кинжал, вылетев из ее рук, лягнул о камень. Речитатив Нидбьёрг прервался на полуслове криком, и столкновение Сил швырнуло Ивара плашмя на траву. Он задышался и хватал ртом воздух, точно выброшенная на берег рыба. Дрожа, он поднял голову и настороженно огляделся. Неподалеку лежала навзничь Сольборг — явно мертвая. Две груды тряпья слева были, вероятно, Нидбьёрг и Торвор. Оттуда доносился стон. Ивар с усилием потянулся вперед и стиснул в пальцах рукоять кинжала. Затем он

осмотрелся в поисках своего спасителя, воспряв духом и вновь обретя отвагу.

— Гизур! — позвал он. — Где ты? Долго же ты сюда добирался! — Он уже высмотрел в тени одного из камней высокую фигуру, закутанную в плащ, когда услышал знакомый смешок.

Ивар сразу узнал сухое хихиканье Груса из кармана Лоримера. Дух скиплинга тотчас упал, а Лоример ступил вперед — от него все еще исходил ледяной воздух заклятий.

— Так это ты, Лоример, — промолвил Ивар, сиюсь выжать из себя какую-нибудь насмешку, что не слишком у него получалось после колдовства Нидбьёрг. — Очень благородно с твоей стороны спасти меня в последнюю минуту. Еще немного — и в мире альвов стало бы одним скиплингом меньше.

Лоример презрительно хмыкнул:

— Эти надоедливые ведьмы! Я решил, что будет жаль, если не все исполнится как надо. Место-то они выбрали верное, но только высшее искусство опытного чародея доведет заклинание до удачного конца. Грус может подтвердить это, не так ли, приятель?

Грус в ответ захихикал:

— Кто сказал, что нельзя приставить старую голову на молодые плечи — или наоборот? А еще лучше — по одной голове в каждом кармане, верно, скиплинг?

Ивар уже настолько собрался с силами, что отважился сорваться с места и опрометью добежать до старой башни. Позади хихиканье Груса сорвалось на визг.

— Заткнись, Грус, не то подарю тебя огненным магам вместо дверного молотка, — велел Лоример. — Видишь ты, куда забилась эта крыса?

— Прячется за старой башней. На твоём месте, Лоример, я бы поостерегся. Здесь было совершенно немало страшных убийств, и, если повезет, ты будешь следующей жертвой.

Лоример зашагал вперед, не глядя по сторонам. Ивар как можно бесшумнее крался вдоль башни, сжимая в руке кинжал Бирны. Узкая полуразрушенная лестница тянулась вверх, прилепившись к внешней стене — шириной не больше шага. Надеясь, что она не обрушится и не погребет под собой его и половину башни, Ивар повыше вскарабкался по лестнице и скорчился на выщербленном парапете, наполовину скрытый горкой разрушенного камня и известки.

Мерные шаги Лоримера прозвучали внизу.

— Его здесь нет, лживый ты кусок падали! — прорычал чародей. — Если он удрал, Грус, я затопчу тебя в болото.

Лоример сунул меч в ножны и наклонился, разглядывая землю при слабом свете наверху посоха. Грус что-то насмешливо и огорченно бормотал.

— Он здесь, я знаю, что он здесь, — не унился он. — Не может скиплинг подняться в небо и улететь...

В этот миг Лоример понял, куда делся Ивар. На миг его глаза встретились со взглядом Ивара... а потом юноша взвился в воздух и всей тяжестью обрушился на Лоримера, обеими ногами ударив его в грудь. Они рухнули, сплетясь в клубок, под ругань и верещание Груса. Ивар наугад ударил кинжалом Бирны и в ответ услышал дикий, душераздирающий крик. Кинжал вырвался из его руки и отлетел прочь, а сам Ивар поспешно отпрянул. Прячась за башней, он едва увернулся от пущенной наугад ледяной молнии — лишь трава

и камни заиндевели. Еще две молнии полетели так же наугад, в разных направлениях, словно стремясь нагнать беглеца. Затем Ивар услышал причитания Груса и голос Лоримера, бормочущего проклятия.

— Я ослеп, — простонал чародей, неуверенно ковыляя по камням туда, откуда доносился голос Груса. — Щенок выбил мне глаз, а второй совершенно залит кровью. Видишь ты его? Я прикончу его молниями, и Хель побери проклятый меч! Отзовись, Грус! Подай голос, не то я тебе уши отрежу!

— Я здесь, на берегу ручья, у самой воды, — отвечал Грус. — Ужасно холодно, и плавать я не умею. Если ты мне не поможешь, я утону. — Его речь прервалась рыдающим бормотанием.

— Будь проклят скиплинг! Будь проклят самый день, когда он родился! — Лоример побрел в другом направлении, стирая с лица черные сгустки крови. Услышав какой-то звук, он резко обернулся и метнул ледяную молнию в дальний конец долины.

— Грус, ты должен служить мне глазами, пока не остановится кровь. Грус! Ты все еще здесь?

— Бульк... пока, — отозвался Грус. — Возьми больше влево. Не наткнись на камни... слышишь меня? Осторожно, ты едва не свалился в воду.

Пока Лоример плескался в воде рядом с Грусом, изрыгая стоны и проклятия, Ивар тихонько выбрался из своего укрытия за башней. Большими осторожными шагами он двинулся к южному концу долины.

— Вот ты где! — вскричал Лоример, и Ивар побежал. — Грус, я слышу его! Быстро глянь, куда он бежит, и я достану его молнией!

— Мне трудно смотреть вверх! — прохныкал Грус. — Вот... вот он бежит! Прямо на юг! Бей!

Ивар спрыгнул в расселину, и ледяная молния пролетела над ним. Скорчась за валуном, он терпеливо выжидал, пока Лоримеру надоесть осыпать окрестности ледяными молниями, и от души надеялся, что чародей ни разу не попадет в цель.

Глава 14

изур, неумоимо изучавший карты, оторвался вдруг от своего занятия. Альвы клевали носом у огня — все, кроме Эйлифира и Скапти, который, не в пример прошлому, теперь всегда был начеку. В следующий миг Скапти взглянул на Гизура, и один и тот же вопрос вырвался у них:

— Где Ивар?

Оба вскочили. Скапти уронил кружку с чаем, который и так уже остыл, и окатил Флоси.

— Что ты натворил! — взревел тот. — Это был когда-то такой добротный плащ!

— Он пошел привязать коней, — проговорил Скапти. — Но это было давно. Слишком давно!

— Может, он заблудился в темноте, — предположил Финнвард, окинув боязливым взглядом стену мрака, подступавшую к самому огню.

— Надо бы глянуть — Гизур подхватил свой посох и бросился в темноту; за ним по пятам следовали Эйлифир и Скапти. Флоси увязался за ними, проклиная всех на свете скиплингов за умение причинять сплошные неприятности. Финнвард опасливо пододвинулся поближе к костру, а Эгиль налил себе еще чаю.

— Хорошо бы они его нашли, — пробормотал Финнвард. — Только, боюсь, вряд ли. А он был такой славный, уступчивый и никогда не грубил мне. Никогда я не пойму, какая лихая тварь: тролль, гном, ведьма или... — Он осекся со

сдавленным вскриком — из темноты к костру вылетел Флоси.

— Лошади тоже пропали! — торжествующе выдохнул он. — Хватайтесь за оружие, вы, олухи! Я так и ждал чего-то подобного! Скиплингам нельзя доверять. Он конокрад, или пусть меня повесят на первом же дереве! — Флоси ничем не рисковал — во всем Скарпсее едва набралось бы с полдюжины деревьев, подходящих для этой цели.

Эгиль даже не шевельнулся.

— Может, я и тугодум, — проговорил он, склонив голову к плечу, — но я ни на минуту не поверю, чтобы Ивар прихватил лошадей и скрылся. Без припасов, оружия, карт? Спроси меня, Флоси, и я отвечу, что мозгов у тебя не больше, чем у клопа.

— А я и не спрошу! — огрызнулся Флоси, с нарочито нетерпеливым и презрительным видом роясь в своем мешке.

— Никто по доброй воле не увел бы этаких кляч, — заметил Финнвард. — Если их и вправду украли, то как бы воры не причинили вреда Ивару.

— Что за глупости! — с сердцем отозвался Флоси.

В суету и пререкания ворвался Гизур и повелительно вскинул руку, призывая к молчанию:

— Ну-ка, уймитесь! Нам надо посоветаться, и я скажу вам, что стряслось. Похоже на то, что наши славные дряхлые клячи не кто иные, как тройца альвконуров из подворья Нидбьёрг, принявшая свою фюльгю.

Финнвард ахнул и огляделся в поисках мягкого местечка, чтобы свалиться в обморок.

— А мы-то ехали на них верхом, точно на обычных лошадях! И подумать только, ведь я гладил их по носу, чесал за ушами и нашепывал вся-

кую ласковую чепуху. Что они теперь подумают о таких вольностях! Я помру на месте, если еще раз столкнусь с ними лицом к лицу.

— Финнвард, уймись! — сурово обрезал его Скапти. — Сейчас это не важно.

— Я видел, — продолжал Гизур, — множество следов, не лошадиных, но и не принадлежащих Ивару. Нашел я также в одном месте облако сверхъестественного холода, точно там произнесли черное заклинание и его испарения все еще оскверняют воздух. Случилось это не больше чем час назад. Судя по следам, ведьмы увели Ивара на юго-восток, к Йотунсгарду, вернее, увезли на спине нашей приятельницы Полоски — у нее следы явно поменьше, и на копыте левой задней ноги трещина. Примерно через полсотни ярдов от места засады следы исчезают, кроме самых мелких, распознать которые под силу только очень искусному магу.

— Ну тогда уж точно всему конец, — проворчал Эгиль себе под нос, — Ивара нам не вернуть.

Эйлифир, осматривавший окрестности, наконец вернулся к костру:

— Они чарами скрыли свои следы. Ни сломанной веточки, ни вмятинки на земле — ничто не отмечает их путь. Чтоб понять, куда они девались, нужен нюх и зрение хорька.

Гизур пристально глянул на него:

— Ты, похоже, имеешь в виду перемену облика, Эйлифир? Или сказал это лишь для красного словца?

Все, как один, воззрились на Эйлифира — бородатый молчальник как нельзя меньше походил на хорька.

— Конечно, для красного словца, — фыркнул Флоси. — Не может он превращаться. Если бы умел, разве стал бы он с нами...

Эйлифир не шевельнулся, лишь дважды щелкнул пальцами — и вдруг исчез. Вместо него с макушки валуна на альвов глядела мордочка хорька в черной маске.

— Боги в Асгарде! — воскликнул Финнвард. — Превратился! Вот мошенник, чума его заberi!

Хорек моргнул блестящими глазками и, плавным прыжком достигнув земли, принялся описывать круги в поисках следов и усиленно принюхиваться. Вдруг он замер с поднятой передней лапой, громко фыркнул и мгновенно исчез из виду.

Гизур глубоко вздохнул:

— Ну что ж, он сумеет вернуться в прежний облик и не даст заклятию осилить себя. Скапти, я отправлюсь за Эйлифиром в своей фюльге, а ты останешься за главного. — Он напрягся, приготовясь к протестующему воплю Финнварда, но услышал лишь громкое: «Мр-р-р!» Финнвард терся о его ноги и, подергивая усами, вглядывался в темноту за кругом костра.

— Нет, не смей! — вскрикнул Гизур. — Финнвард, ты не справишься! Финнвард!..

Кот нырнул в колючий кустарник и играючи вынырнул уже на другой стороне. С громким мяуканьем он метался и прыгал меж зарослей, ловя неведомых врагов, и наконец нагнал хорька.

Гизур приготовился последовать за ними, громко бормоча, что именно он сделает с Финнвардом, когда его изловит. Скапти нервно потирал руки.

— Гизур, — не выдержал он, — я готов испытывать превращение. Неужто я не смогу принять свою фюльгу, если увальню Финнварду это удастся так легко!

— Верно, не может быть, чтобы нам не удалось то же, что толстячку, — поддержал его Флоси. — Ну же, Гизур, ты ведь можешь нам пособить!

Гизур неистово замотал головой:

— Нет ничего опасней и ненадежней превращений! Это значит разять себя на кусочки и составить заново. Скапти, тебе нужно много упражняться, прежде чем ты возьмешься за такое сложное заклятие, — или, боюсь, ты можешь лишиться Силы. А жаль, потому что она обещает быть превосходной. Хватит с вас и того, что будете следовать за нами в собственном облике. — Маг ободряюще похлопал Скапти по плечу, сделал быстрый жест — и улетел, пронзительно свистя и ухая.

Погоня была долгой и безнадежной, с изматывающими переходами и краткими минутами для еды и сна. То и дело возвращался Гизур, но сообщал только, что след ведет на юго-восток, в низины Йотунсгарда, где довольно болот, чтобы утопить тысячу скиплингов. Альвы брели и брели вперед, и даже у Флоси не было сил на нытье.

Вечером третьего дня вернулся Эйлифир, в своем обычном виде и уставший до полусмерти. Присев на камне, он принялся обгрызать жесткий сухарь и грыз его, пока не появился Гизур — тоже в прежнем обличье. Альвы с криками обступили его, требуя новостей. Эгиль особенно хотел знать, где Финнвард.

Эйлифир поднял руку, призывая к молчанию.

— Финнвард идет прямо за мной по пятам, — невнятно сообщил он, поскольку все еще пережевывал сухарь — И еще я нашел кое-что интересное — особенно для тебя, Гизур.

Он наотрез отказался что-либо объяснять, пока альвы, ворча, не свернули лагерь и не пошли за ним. Наконец Эйлифир привел их в небольшое мрачное ущелье, дно которого с каждым шагом становилось все более топким. Остановившись, Эйлифир сложил на груди руки и безмолвно

воззрился вперед. Древняя полуразрушенная башня безысходно припадала к топкой земле близ обвалившегося каменного круга. Неподалеку от башни, понурившись, стояли две уродливые клячи со впалыми боками. Третья кобыла, черная, лежала на боку в круге выжженной травы, билась и стонала, словно уже не в силах подняться на ноги.

Гизур прошагал вперед и схватил за челку старушку Полоску. Кобыла дернулась и застонала, умоляюще уставясь на него мутными глазами. Гизур несколько минут внимательно разглядывал кобыл, затем вернулся к альвам, наблюдавшим за ним с безопасного расстояния.

— Бояться больше нечего, — мрачно проговорил он. — Никому и никогда они уже не причинят вреда. Они совершенно уничтожены. Кто-то более могущественный превратил их в то, чем они притворялись для нас, — трех дряхлых кляч. Нидбьёрг выглядит совсем худо.

— Дешево мы от них отделались, — заметил Флоси, выглядывая из-за плеча Финнварда.

— Но что случилось с Иваром? — тревожно спросил Скапти. — Это ведь Лоример одолел старых ведьм, правда?

Эйлифир по-прежнему задумчиво грыз сухарь.

— Следы Ивара ведут по ущелью на юг. Следы Лоримера — на восток, там он встретился со своими гномами, которые поджидали его. Я бы сказал, что Ивар опередил нас часа на четыре. Ветер задувает следы, и трудно определить, старые они или свежие.

— Нечего терять время, — сказал Гизур. — Ивар, судя по всему, направляется к Вапнайокулл. Если бы мы все сумели принять фюльги, мы бы запросто перехватили его на другой стороне.

Эйлифир, Финнвард, вы отправитесь за Иваром, поспешайте изо всех сил.

Финнвард уже успел перевоплотиться и вылизывал воображаемую грязь со спины, словно не слушая мага. Только хвост у него внимательно подергивался.

— Что касается всех прочих, — мрачно продолжал Гизур, — вы сейчас все у меня постараетесь принять фюльгью или что-то к ней близкое. Скапти, ты первый. Как говорили у нас в школе — фюльгья или ничто.

Глава 15

Ваннайокулл возвышался над низинами, словно инистый великан. В незапамятные времена он оживлял климат Йотунсгарда тучами дыма и пыли, а порой и потоками огненной лавы, но вот уже несколько столетий позволял льду и снегу беспрепятственно скапливаться на его склонах, не давая вырваться наружу своему огненному духу. Огромный ледник, покрывавший вершину горы, довольствовался тем, что время от времени грохотал, стесывая подножия камней, и обрушивал вниз глыбы льда, заполняя ими расселины скал далеко внизу от царственной ледяной вершины. Редкая растительность могла удержаться здесь — разве что лишайники, мхи и прочие стойкие растеньица, которым нипочем были холод и ветер и хватало горстки земли, чтобы пустить корни.

К наступлению ночи отряд пересек ледник и спустился по дальнему склону горы, так и не нагнав ни Эйлифира, ни Финнварда, ни Ивара. Путники были так измотаны, что и шагу не в силах были ступить, и пуще всех обессилел Гизур. После почти двух часов магической концентрации он так и не сумел накопить достаточно Силы, чтобы высвободить сокровенную магию фюльгий Флоси и Эгиля. Скапти в конце концов — и с немалым трудом — сумел принудить свою альвийскую суть сменить привычный облик и принять свою фюльгю. Он не знал, гордиться ему или смеяться, по-

тому что его фюльгя оказалась крупным белым зайцем.

Гизур меж тем сражался с Флоси и Эгилем, перепробовав все, от гипнотических заклинаний до транса, но так ничего и не добился. Эгиль объявил, что у него гудит голова, а затем гудение сменилось жесточайшей головной болью — предостережение о том, что его магические свойства, сколькими бы из них он там ни обладал, достигли своего предела. Гизур тоже был измучен сверх меры, и Скапти с тревогой следил, как он надрыгается, исходя потом, над заклтиями.

— Ничем не могу им помочь, — пожаловался наконец Гизур и, трясаясь всем телом, осел на землю. — Чтобы вдохновить их Силу на пробуждение, нужен, по меньшей мере, конец света. А мне это не по плечу.

— Но нельзя же так все и оставить, — обеспокоенно заметил Скапти. — Надо что-то сделать, Гизур. Заколдуй их или что-нибудь в этом роде.

Маг вздохнул, растирая виски:

— Закон Гильдии Магов запрещает применять Силу против друга, чтобы обратить его в низшую форму жизни или подставить его под угрозу. Но еще немного — и у меня не хватит сил переставлять ноги.

Собрав всю свою Силу, он начал произносить заклинание над Флоси и Эгилем, которые невольно съежились и сморщились. Чары победили, однако, их слабое сопротивление, и наконец Гизуру удалось превратить их в больших черных крыс. Эта попытка дорого стоила магу, и он едва сумел принять собственную фюльгю, обернувшись белой совой. Он перелетал с камня на камень, ожидая, пока они не нагонят его. Скапти мчался вперед жизнерадостными прыжками, полный сил,

а за ним следовали две крысы упорной и спорой рысцей, присущей всему крысиному племени.

На середине спуска вся компания повстречалась с Финнвардом — он брел навстречу, с отворачиванием отмаргиваясь от снежинок, которыми засыпал его ветр. К тому времени белая сова все чаще присаживалась отдыхать на камнях, разинув клюв и утомленно свесив крылья. Когда отряд благополучно оставил позади и ледник, и гору, Гизур с нескрываемой радостью освободил от чар Флоси и Эгиля и помог Скапти и Финнварду вернуть обличье альвов. Эйлифир в облике хорька все еще мчался во всю прыть за Иваром, уверенный, что вот-вот нагонит его и приведет в лагерь. Гизур, совершенно измотанный, свалился на груды мешков, — их снаряжение сопровождало отряд и в обличьях фюльгий. Вся поклажа была искусно превращена в клещей или репы, прицепившиеся к шерсти, — так она не обременяла животных.

Альвы взволнованно обменивались впечатлениями о путешествии в зверином облике, восхищаясь возможностью увидеть и учуять то, что обычному человеку вовсе не доступно, и дивясь тому, какая безграничная сила и живость заключена в гибких тельцах мелких тварей, чья жизнь зависит от их сообразительности и инстинктов. Они удивлялись, что так долго и бездумно скитались по свету, не имея понятия обо всех тайнах, которые открыты тончайшим чувствам животных.

Финнвард занялся костром и чайником, к большому удовольствию приятелей отвечая на вопросы рассеянными: «Мр-р-р?» Даже Гизур наконец улыбнулся, с благодарностью приняв кружку дымящегося чая.

Скапти наблюдал за Гизуром и наконец поймал себя на том, что встревоженно жует кончик бороды и дергает себя за ухо.

— Я, конечно, отроду был перестраховщиком, — наконец шепнул он Гизуру, — но, поверь, никогда прежде я не видел тебя таким слабым и опустошенным... лишенным Силы. Кошачья голова на твоём посохе даже не светится, Гизур. Боюсь, ты истратил больше Силы, чем дозволено тебе природой.

Гизур помотал головой:

— Все в порядке. Мне только нужно отдохнуть. Может, я и вправду слегка переработался... но, в конце концов, помог вам добраться сюда, верно?

— А какой в этом прок, если вдруг Лоример обнаружит нас и ты не сможешь обеспечить нам защиту?

Маг закрыл глаза и досадливо отмахнулся:

— Оставь меня в покое, дай отдохнуть. Ты ведь тоже не так уж беспомощен, забыл? Не тревожься, — когда придет время схватки с Лоримером, я буду к ней готов.

Заря была уже близка, когда Ивар выбрался наконец из ущелья. Поскольку оно тянулось в том же направлении, которого он хотел придерживаться, юноша без колебаний бежал в темноте по ущелью, стараясь только не запнуться и не упасть. Он часто останавливался, вслушиваясь в тишину и страшась различить в ней шум погони Лоримера или черных гномов, — но так и не услышал ничего.

Когда он покинул ущелье, первое, что бросилось ему в глаза, — стоячий камень, в котором

была пробита дыра. Сердце у Ивара так и подпрыгнуло от радости, и он заторопился к камню, чтобы лучше разглядеть его вблизи. На гладком камне был вырезан меч, указывавший на юг, а рядом нацарапано несколько рун, которые ничего не говорили Ивару, но он решил, что они могут означать Йотунсгард или даже Лабиринт. Заглянув в дыру, он разглядел зарубку на склоне огромной, увенчанной ледником горы. Ивар постоянно изучал карты из-за плеча Гизура и теперь признал, что эта гора — Вапнайокулл. Не отрывая глаз от зарубки, он начал подъем и несказанно был рад тому, что покидает низины и поднимается на спасительную высоту. Ивар карабкался все выше и выше, перебираясь через заваленные льдом расщелины и боязливо прислушиваясь к угрожающему ворчанию ледника над головой. Он пересек несколько рукавов ледника, уходящих в глубину ущелий, стараясь ни на минуту не упустить из виду путеводной зарубки.

Судя по всему, Лоример за ним еще не гнался. Куда сложнее оказалось найти пропитание. Ивар осторожно попробовал несколько ярко-красных ягод, но их сок так обжигал язык, что от этой снеди пришлось отказаться. Ивар смутно гадал, не выведет ли его зарубка прямо к странноприимному дому, где можно будет дожидаться Гизура и альвов, и содержат ли вообще огненные йотуны такие дома — в чем он, честно говоря, сомневался. Скорее всего, зарубка и стоячий камень не имели ничего общего с огненными йотунами. Юноша тем не менее упрямо шел вперед, неуклонно следуя Путевой Линии.

К полудню голод совсем истерзал его. Он по часту пил из встречных ручейков и лужиц, а однажды с жадностью стал глотать пригоршни снега

из заполненной снежными комьями впадины, которую прикрывал нависший уступ. Голод это не утишило, а только разожгло жажду.

Весь день ледник издавал угрожающее ворчание, а один раз Ивар увидал, как срываются в расщелину глыбы льда, — мощь этого зрелища поразила бы его, если б он не был так измотан. Он упрямо полз вверх, пока не добрался до зарубки, — там оказалась стылая, продуваемая ветром площадка недалеко от края самого ледника. Ивар очень скоро убедился, что спуск по другому склону немногим легче подъема, который он только что одолел, и что там нет никаких признаков странноприимного дома, ни иных отметин, оставленных человеческой рукой. На пути вниз он едва замечал грохочущий в ущельях лед. Один-единственный ершистый скальный гребень привел его снова в относительное тепло низин. Уже темнело, когда Ивар отыскал в скальном оползне углубление, где можно было отдохнуть, хотя это и не было самое уютное местечко. Ивар надеялся, что шорох падающих камней предостережет его о приближении врага. Едва не плача от жалости к себе, он уткнулся лицом в локоть и попытался заснуть. Наконец сон овладел им, но тем ужаснее были постоянные и беспричинные пробуждения. Ивар погрузился в глубокую дремоту, когда что-то холодное и влажное осторожно тронуло его ухо. Ивар подскочил и не смог удержать вскрика, увидав, что рядом с ним сидит на камне смутный силуэт, закутанный в плащ.

— Тсс! — произнес до слез знакомый голос Эйлифира. — Ты еще хуже Флоси.

Ивар, враз обмякнув, осел:

— Не могу поверить, что это ты, Эйлифир. Может, я еще сплю? Ты не представляешь, что

мне довелось пережить. Я целых три дня толком ничего не ел и почти не спал. Где Гизур? И как ты подобрался ко мне без единого звука?

— Вопросы, вопросы! — пробормотал Эйлифир. — Вы, скиплинги, считаете, что можете расспрашивать всех и вся. Иди-ка со мной, побыстрее да потише, и самое большее за час я верну тебя Гизуру. Кстати, что ты сделал с Лоримером? Он гонится за тобой?

Ивар, осторожно пробиравшийся по оползню, остановился:

— Не думаю. У старой башни я ослепил его кинжалом Бирны. За весь день мне не попало на глаза ни единого признака его присутствия.

Эйлифир некоторое время шел молча, затем заговорил:

— Какая напасть толкнула тебя на Лоримера? Должно быть, ты застал его врасплох, не то бы он тебя наверняка прикончил, и с тобой сгинули бы все наши надежды на мирное будущее. Ивар, ты больше не принадлежишь только самому себе. Если ты погибнешь, если вира не будет уплачена — подумай, что станется со Скапти и со всеми нами? Нас загонят и прикончат, как зверей. Затем разразится великая война между льёсальвами и силами тьмы, и лед опустошит Скарпсей от края до края. Тысячи погибнут, и падет Сноуфелл, и тьма одержит победу. Я знаю, что ты думаешь: мол, нечестно, что судьба и будущее целого мира взвалены на плечи юного скиплинга, — но тебе, Ивар, пора бы научиться ответственности. Скажу тебе откровенно, ты слишком опрометчив и неосторожен.

Ивар нахмурился. После всего пережитого последнее, чего он ожидал, — это нравоучения. Несколько раз он открывал рот, чтобы оправдаться,

но всякий раз вспоминал о своей промашке — и молчал.

— Ты прав, Эйлифир, — наконец сказал он. — Не гожусь я для этого дела, не обучен. Я всего лишь сын бедного рыбака — бедного, ленивого и легкомысленного, — оттого и сам я не храбр и не умен. Бирна, единственный человек, которого я любил, Бирна, которая учила меня всему, убита подлецом Лоримером, и с тех пор, как ее не стало, я словно перестал быть хозяином своей судьбы; да и не смог бы изменить ничего, даже если б и захотел. Знаю только одно. Я отомщу Лоримеру за гибель Бирны — если не сейчас, то потом. — Говоря это, Ивар по пути топтал цепкий репейник и отшвыривал носком сапога мелкие камушки. К концу своей речи он начал задыхаться и едва не сломал большой палец на ноге о булыжник, который не пожелал убраться с его дороги.

— Чувство бессилия знакомо каждому, кто собирается чего-нибудь достигнуть, — заметил Эйлифир. — Не надо только идти на ужасный и бессмысленный риск, чтобы от него избавиться. Твоя жизнь невероятно важна для меня, для всех льёсальвов. Больше всего я опасаясь, что Лоример, разъяренный и оскорбленный твоим нападением и тем, что ты ослепил его, забудет свою жажду власти, только бы отомстить тебе. Сейчас он, должно быть, сильно разгневан.

— Еще бы, — вздохнул Ивар. — Похоже, я совершил еще одну ошибку. Не привык я к обычаям мира альвов. Мы, скиплинги, часто деремся врукопашную и даже получаем от этого удовольствие. Спасибо за совет, Эйлифир. Я постараюсь запомнить, что обязан уцелеть, хотя бы пока не будет уплачена вира.

Эйлифир сумрачно кивнул и зашагал быстрее прежнего. Ивар, как мог, поспевал за ним, хотя ноги его после трех дней пешего пути были в плачевном состоянии. Он все время спотыкался и к рассвету, когда они наконец дошли до лагеря альвов, едва держался на ногах. Альвы, пробудившись, шумно приветствовали его, и Финнвард сразу поставил чайник на огонь, а все прочие засыпали Ивара вопросами. Наконец Гизур рывкнул:

— Тихо все! А теперь спрашивайте по порядку, как полагается. — Он обернулся к Ивару, который, пропуская все мимо ушей, блаженно набивал рот лучшей в мире пищей — черствыми сухарями, твердым сыром и вяленой треской. — Ивар, самый важный сейчас вопрос — о Лоримере. Мы думали, что он схватил тебя; но как ты ухитрился бежать, когда и где?

— И почему? — тотчас добавил Флоси.

Ивар метнул на него ледяной взгляд:

— Хорошо бы в следующий раз ему попался ты, Флоси, вот тогда бы мы и поглядели, чего стоят твоя болтовня да бахвальство. Уж ты бы сбежал от него... это так же верно, как то, что свиньи летают. Эйлифир, расскажи им все. Я хочу есть. И спать. — Он никак не мог решить, чего ему хочется больше.

Гизур, погруженный в раздумья, сидел у костра, по уши закутавшись в одеяло. Ивар разглядел его, лишь когда немного утолил голод. Время от времени все тело мага сотрясала дрожь и в глазах его вспыхивал лихорадочный огонь.

— Гизур! — окликнул Ивар, вполуха слушая, как Финнвард восторгается собственной фюльгьей. — Что с тобой? Ты болен?

Гизур резко качнул головой:

— Пройдет. Это всего лишь перенапряжение. У Флоси и Эгиля так мало врожденной магии, что пробуждать в них Силу — все равно что возиться с куском застывшего дегтя. Никогда я еще не был так истощен.

Ивар тревожно глянул на него:

— А ты точно придешь в себя за день-другой, если не надо будет напрягаться?

Маг едва слышно фыркнул:

— Напрягать-то нечего. Моя Сила почти сведена на нет. Много времени пройдет, прежде чем она восстановится окончательно. — Он тяжело вздохнул и снова затрясся в ознобе.

— Сколько же это продлится? — Ивар позабыл о собственной усталости. — Лоример далеко не ушел, а теперь, боюсь, он еще больше пылает жаждой мести, чем прежде. Жаль, что кинжал Бирны проткнул только его глаз. Лучше бы это было сердце. Хоть бы он истек кровью до смерти!

Ледяные пальцы Гизура вцепились в запястье Ивара, точно когти.

— Ты не понимаешь, что такое на самом деле Лоример. Неужели Бирна тебе этого не рассказала?

— Он — друг, упырь, — быстро сказал Ивар. — От него же самого я это и услышал в тот день, когда заблудился. Но я думал, что друзья избегают солнца, как чумы.

Гизур тронул наверх посоха, и оно слабо замерцало.

— Лоримеру уже немало веков. Тысячу лет покоился он в трясине, ожидая, пока какой-нибудь глупец не возродит его к жизни. Имя этого глупца было Регин, один из магов Свартара, увлекавшийся черной магией. Он обнаружил место, где Лоример был заключен за свои бесчисленные

злодеяния, после того как большую часть своей жизни потратил на поиски тайн и премудростей Лоримера. Регин выкопал тело, которое неплохо сохранилось в наших знаменитых болотах, и свершил поистине чудесный труд, восстановив его кровотоки, чувства и так далее. Так друг Лоример обзавелся телом, которое помогало ему алчно стремиться к власти и могуществу. Такова уж особенность друга, что, сколько бы его ни убивали, всякий раз он возвращается еще могущественнее прежнего. Разорвать эту цепь может только волшебное оружие исключительной силы — скажем, Глим, меч Элидагрима. — Гизур зевнул, устало протирая воспаленные глаза. — Полагаю, ты не видел при нем гномов?

— Нет, не видел. Может быть, они его бросили?

— Вряд ли. Они боятся его, боятся до смерти. Может быть... — Гизур задумался, бормоча что-то себе под нос, точно совершенно забыл об Иваре, которому было так уютно, что он постепенно задремал. Вдруг Гизур приподнялся и хорошенько встряхнул Ивара.

— Избавившись от Лоримера, мир избавится от лихой болезни. Что бы ты ни сделал, Ивар, что бы ни приключилось со всеми нами, — ты должен уничтожить Лоримера. — Он рухнул и захрапел, вполне удовлетворенный.

Ивар тоже заснул, оставив Эйлифира бодрствовать на страже, пока совсем не рассветет. Когда он проснулся, лучи солнца согревали ему лицо и ноздри щекотал запах завтрака, который Финнвард стряпал из их скудных припасов. Попутно он ворчал на эту скудость, гадая вслух, как им протянуть еще неделю. Флоси и Эгиль бурно спорили о каком-то пустяке, а Скапти пытался навести

хоть какой-то порядок в сумбуре лагеря. Эйлифир сидел на камне с луком и стрелой на коленях и с напряженным вниманием озира́л окрестные холмы.

Ивар еще понежился на теплом солнышке, затем отправился через весь лагерь к Эйлифиру, заметив попутно, что Гизур все еще крепко спит. Вид у него по-прежнему был изможденный и усталый, и в руке он крепко сжимал свой посох.

Эйлифир приветствовал Ивара коротким кивком и снова обратил свое внимание на холмы.

— Что-то неладно? — спросил Ивар.

Эйлифир концом лука едва заметно указал на ближайший холм:

— Видишь на вершине груды камней? Там трое, они следят за нами. Тише, не делай резких движений.

— Эйлифир! — У Ивара перехватило дыхание. — Они не одни. Глянь вон туда! — Он хотел было указать, куда именно, но Эйлифир остановил его:

— Знаю. Они появились еще до восхода солнца, и с тех пор я наблюдаю за ними. Если ты спокойно осмотришься, то разглядишь их на каждом холме.

Ивар постарался последовать его совету, затем вполголоса воскликнул:

— Что ж ты нас не предупредил, Эйлифир? И ты сидишь здесь уже несколько часов? Что, если б они напали на нас?

— Я бы разбудил вас, — отвечал Эйлифир.

Ивар разглядывал силуэты соглядатаев и решил, что их должно быть всего около двух десятков, по двое-трое на каждом холме, хорошо вооруженных и готовых к бою. Они не делали угрожающих жестов и не пытались скрыться.

— Кто они? — спросил Ивар. — Огненные йотуны?

Эйлифир кивнул и устроился поудобнее на своем каменном насесте.

— Ну и что же им нужно? — не отставал Ивар.

Эйлифир пожал плечами:

— Мы нарушили границу их владений. Полагая, так или иначе они хотят избавиться от нас, мертвых или живых, огненным йотунам все едино.

Глава 16

огненные йотуны долго и придирчиво изучали пришельцев, прежде чем покинуть свои укрытия и выехать навстречу чужакам. Ивар сосчитал приближающихся всадников — было их двенадцать, закутанных в плащи, с луками и копьями. Всадники остановились, разглядывая Гизура и его маленький отряд. Ивара привели в восторг их кони: выезженные, изящные, с маленькими головами, они били копытами о землю и трясли гривами, выказывая горячий нор.

Гизур поманил Ивара за собой, и они осторожно двинулись навстречу огненным йотунам.

— Будь спокоен и дружелюбен, — едва слышно пробормотал Гизур. — Помалкивай и оставь вранье на мою долю.

Один из возглавлявших отряд йотунов сдвинул коленями бока коня, и тот бросился вперед, позванивая диковинной сбруей.

— Стойте где стоите, нарушители! — прогремел йотун. — Это наша земля, и нечего здесь шнырять да вынюхивать! Я вижу, ты из Гильдии, и если ты ищешь и преследуешь изгнанников, я скажу одно: Йотунсгард своих не выдает!

Другие йотуны поддержали его одобрительным и весьма воинственным ворчанием.

Гизур выразительным жестом поднял обе руки:

— Мы не преследуем ни изгоев, ни кого другого. Я — Гизур из Равенсенда, а мои спутники — попросту искатели захороненных сокровищ.

Вожак йотунов подвел своего фыркающего коня на несколько шагов ближе. Он откинул забрало вороненого шлема, чтобы лучше разглядеть чужаков. Блестящие ястребиные глаза без интереса скользнули по Ивару и впились в замерших позади альвов. Йотун задумчиво погладил бороду, заплетенную в три черные косички:

— Захороненных сокровищ, говоришь ты? Много мы видали таких искателей — главным образом в виде костей, после того как тролли или чародеи получили свое. Если вы хотите, альвы, сберечь свои шкуры и увидеть снова свой бесценный Сноуфелл, лучше поворачивайте назад и бегите, не оглядываясь. Мы, йотуны, дали клятву хранить могильные курганы знаменитых мертвецов. Мы проводим вас к горам, и надеюсь, что у вас достанет здравого смысла не соваться сюда еще раз.

— Тор, послушай-ка меня! — Другой йотун, тощий и сильно смахивающий на волшебника, подъехал к вожаку. Он шептал что-то ему на ухо, а вождь между тем разглядывал пришельцев все более скептическим взглядом.

— Если мне позволено будет объяснить... — начал Гизур, но Тор перебил его.

— Ого-го! — прогудел он. — Искатели сокровищ, надо же! Мой братец Бьярн сказал мне, кто вы такие на самом деле. Вы — изгой, убившие сына Свартара, так ведь? Сплетни доходят даже до Йотунсгарда.

Скапти в волнении приблизился на шаг.

— Все не так, как ты думаешь, — начал он. — Мы вовсе не хотели...

Лицо йотуна расплылось в широчайшей приветственной ухмылке.

— Никого иного так охотно не приветил бы я под своей кровлей! Свартар — враг огненным йотунам. Мы с радостью сделали бы что угодно, только бы помешать его планам. Йотунсгард — приют для изгоев; здесь довольно места для всех, и никто не осмелится преследовать вас. — Сияя улыбкой, он воззрился на ошеломленных альвов.

— Мы рады такому гостеприимству и весьма благодарны вам, — промолвил Гизур. — Сказать по правде, у нас вышли все припасы...

Тор махнул рукой:

— Мы дадим вам все, что нужно. Вы и представить себе не можете, как мы рады помочь убийцам Свартарова сына.

— Так вы позволите нам продолжать поиски? — спросил Ивар.

— Ну конечно! Мы даже поможем вам. Ничто не доставит нам такого удовольствия, как увидеть Глим в надежных руках — руках союзников йотунов. Херйольф, усади наших гостей на своих коней — не могут почетные гости идти пешком до Ульфгримова подворья.

Без особой охоты альвы позволили усадить себя на строптивых йотунский коней. Тор настоял на том, чтобы Ивар сел на его черного жеребца, который тотчас закусил удила и помчался, увлекая за собой всю дикую кавалькаду. Финнвард особенно обрадовался, когда развеселая скачка завершилась в Ульфгримовом подворье без единой сломанной шеи. Путники спешили и с изумлением воззрились на хозяйство Тора. Приземистые торфяные здания были славно сложены и блистали свежеекрашенными крышами. Ивар восхищался стогами сочного сена, упитанным

скотом — овцами, козами, пони. Здесь не было ни лома, ни сора, ни провалившихся крыш, ни больных животных. Подворье было само совершенство. Даже альвы почтительно онемели при виде громадных размеров парадной залы с ее прочными балками из зрелого дерева и двумя огромными каминами.

Тор Ульфгримсон и его брат Бьярн пригласили гостей к столу и с ними несколько дюжин йотунов-соседей, которые явились поглазеть на пришельцев. Стол ломился от кувшинов с элем и яств, которых Ивар в жизни не видывал. Два арфиста развлекали пирующих песнями и стихами, и ни одна тарелка, ни один кубок ни на миг не пустели. Говор, шутки и пение наполняли залу веселым гамом.

Ивар ел и пил до отвала, погружаясь в сонное довольство. Он думал, что никогда не встречал такого гостеприимного хозяина, как Тор, и что никто не может сравниться с йотунами в щедрости и остроумии. Тор и Бьярн улыбались ему так дружески и добродушно, что его начал раздражать мрачный Скапти, который сидел рядом и так ворчал и тревожился, что только чудом не испортил всего торжества.

— Йотуны не будут ласковы без причины, — ворчал Скапти. — Того и гляди, мы дорого заплатим за их приятельство. Ох, лучше бы Гизур увел нас отсюда!

— Что за глупости, Скапти! Разве ты не слышал, что сказал Тор? Он хочет помочь нам отыскать меч.

— Помочь, как же! Такая помощь нам не нужна, — продолжал Скапти в том же духе.

Между тем их мешки набили свертками и флягами, а на всех путников почти силой натяну-

ли новые сапоги. Два дня они отдыхали, принимая дары — новые рубахи, штаны, пояса, — и с сожалением вежливо отказывались от коней, изысканных йотунских доспехов и первосортного оружия.

— Просто не знаю что и думать об этом йотунском гостеприимстве, — вздыхал Финнвард, поглаживая свое округлившееся брюшко с таким видом, словно приветствовал старого друга, вернувшегося из изгнания. — Порой мне чудится, что его даже слишком много. Словно... словно... — Его лицо приняло озадаченное и отсутствующее выражение. — Ох, кажется, у меня сейчас было прозрение. Я подумал... да нет же, это глупо. Разве может у меня быть прозрение?

— Скорее, отрыжка, — с готовностью подхватил Флоси.

— Что ты увидел? — настойчиво спросил Эйлифир.

— А ты в самом деле хочешь это услышать?

Эйлифир серьезно кивнул, и Финнвард выпустил глубокий вздох:

— Ну хорошо. Мне почудилось, будто я увидел эту залу и все подворье совсем по-иному, не так, как видим мы все. Всюду были грязь и уродство, и такими же были йотуны. Они смеялись, но так волки смеются, пряча морды за дружескими масками. Ну разве это не забавно? Смейтесь же, смейтесь, я привык, что надо мной все потешаются. А я все-таки расскажу об этом Гизуру.

— Ну вот, — вмешался Скапти с мрачным удовлетворением, — я же все время повторяю вам, что эти йотуны совсем не такие благородные друзья, как кажутся. Уж если Финнвард что-то почувствовал — значит, правда просто хлещет нас по щекам.

Эгиль и Флоси отказались поверить, что Финн-вард может прозреть что-то, кроме собственной трусости, и по-прежнему ели, пили, принимали йотунские дары и пользовались их гостеприимством, пока не наступил день отъезда. Гизур поднялся рано и суетился повсюду, дважды проверив каждую вещь и нетерпеливо подгоняя спутников. Вид у него напряженный, даже взволнованный, подумал Ивар, и Сила облаком окружала его, едва ли не потрескивая от избытка энергии.

— А теперь слушайте меня, олухи, — повелительно произнес он, созвав к себе спутников. — Мы прощаемся с нашими гостеприимными хозяевами во дворе. Поскольку нас не беспокоили завтраком, я полагаю, они ждут нас именно там. Предупреждаю вас, они, скорее всего, будут настаивать, чтобы мы приняли от них больше помощи, чем нам хочется, и потому я требую, чтобы все, а особенно Флоси, держали рот на замке.

Флоси тотчас разинул рот, собираясь запротестовать, но Скапти его одернул.

Тор и Бьярн ждали их во дворе, а за амбарами и сараями раздавались топот и фыркание коней, сопровождаемые лязгом оружия. Йотуны дружелюбными кивками приветствовали гостей. Тор был облачен в доспехи, и глаза его сверкали от волнения.

— Полагаю, вам пришлось по душе в Ульфгримовом подворье, — прогудел он. — Нет щедрее йотунского гостеприимства в Скарпсее, когда дело касается наших друзей. Оставайтесь в Йотунсгарде, сколько вам будет угодно, а когда закончите ваши дела со Свартаром, вы сделаете нам честь, если выберете здесь кусок земли и поселились с нами навсегда. Здесь довольно земли,

чтобы каждый из вас заложил для себя усадьбу, и мы будем рады назвать вас соседями. Поскольку я здешний вождь, уж я постараюсь, чтобы земля ничего вам не стоила. Так что выбирайте землю, а не сплошные скалы и гейзеры. Добрая земля редкость в Скарпсее, вы же знаете.

— Точно, — пробормотал Скапти. — Как и йотун, которому можно доверять.

— Вы весьма добры, — отвечал Гизур, бросив испепеляющий взгляд на Скапти. — Ульфгримово подворье и впрямь прекрасно — так прекрасно, что в это не слишком верится. Если бы я не был совершенно уверен в вашей искренности и честности, я решил бы, пожалуй, что вы наложили на все хозяйство чары иллюзии. Но мы-то все знаем, что это не так. Такое совершенство не может быть простым творением заклятий.

Ивар увидел, что глаза Тора сузились, а ноздри затрепетали. Бьярн крепче стиснул свой посох. Затем Тор расхохотался:

— Хорошая шутка, маг! Иллюзия, надо же! А впрочем, время идет, и сейчас мы одарим вас последним свидетельством нашей дружбы. — Он послал Ивару милостивую улыбку. — Я отобрал пять десятков моих лучших воинов, и они вместе с нами поскачут к могиле Элидагрима. На лучших конях Йотунсгарда мы доставим вас прямо к кургану, а когда вы будете под защитой пятидесяти йотунов, Лоример и его гномы остерегутся попадаться вам на пути. Это большая честь для Ульфгримова подворья — принять хоть малое участие в том, чтобы этот меч вернулся в мир. Пятьдесят добрых воинов ждут сигнала присоединиться к вам. Что скажешь на это, Ивар, добрый мой друг? — Он даже соизволил положить свою тяжелую руку на плечо Ивару.

Юноша вежливо вывернулся из-под его руки:

— Твоя дружба, Тор, безгранична, но истинный друг никогда не станет причиной гибели другого. На пути нас подстерегают опасности, которых я не пожелаю ни тебе, ни твоим воинам. Я не могу просить тебя погибнуть за нас, Тор.

— Кто говорит о гибели? — воскликнул Тор. — С йотунами вы победите!

— Мы дадим вам все, что нужно, — добавил Бьярн. — Коней, оружие...

— О, мы вам благодарны, — поспешно перебил Ивар, заметив, что Гизур нахмурился. — Однако сам Эльбегаст не счел нужным давать нам коней и воинов, не желая, верно, потерять их, ибо не верил в успех нашего дела.

— Мы добрались до Йотунсгарда безо всякой помощи, — вставил Скапти, хитро и подозрительно поглядывая на йотунов, — и, я думаю, своими силами дойдем до конца. Семеро оставляют меньше следов и привлекают меньше внимания, чем семеро и пятьдесят. А значит, семерым проще добыть и меч, и золото.

— Именно это я и хотел сказать, — с облегчением подхватил Ивар. — Мы благодарны вам за гостеприимство и за предложенную помощь, но дальше пойдем одни. Притом мы же изгой, и если Свартар узнает, что йотуны помогли нам, вас ожидают в недалеком будущем новые приграничные распри.

— Пусть сдохнет Свартар, и плевать на приграничные распри! — вскричал Тор, и глаза его теперь загорелись гневом. — Не помощь мы вам предлагаем! Мы толкуем о союзе, который покончит и со Свартаром, и с Лоримером, и со всяким, кто станет у нас на пути. С поддержкой йотунов вы завоюете весь Скарпсей, от моря до моря, и

настанет конец глупой мелочной возне света и тьмы, огня и льда. Чья-то неоспоримая власть должна наконец навести порядок на этой земле, так почему бы этой власти не быть твоей, скиплинг? Йотуны поддержат тебя до конца. Надо быть глупцом, чтобы упустить такую возможность!

Ивар покачал головой:

— Не хочу я быть владыкой мира, Тор. И не хочу поддержки йотунов.

Бьярн смерил Ивара ледяным взглядом:

— Что, скиплинг, трясешься за свою шкуру?

— Не надо бросаться обвинениями, — вмешался Гизур. — Достаточно сказать, что мы вежливо отказываемся брать с собой йотунов и что у нас нет иных целей, как только уплатить виру Свартару.

— И мы надеемся, — твердо добавил Скапти, — что сможем беспрепятственно двинуться отсюда на юг и что ничья враждебность позднее нас не побеспокоит. Не то чтобы мы опасались сражения — наш ум и сила до сих пор хранили нас в пути, так что мы кое-чего стоим.

Тор стиснул кулаки — казалось, он вот-вот ринется врукопашную.

— Империя брошена на кон, а вы, глупцы, упускаете такой случай! Жалкий ты маг, приятель, где же твоя жажда власти?

Гизур стукнул посохом оземь, высекая предостерегающие искры:

— Жажда власти не входит в число предметов, которые изучают в Гильдии Магов, да и в нашей школе Тулкари тоже.

— Тулкари! — Бьярн схватился за посох. — Знай я это раньше, ты бы не стоял здесь цел и невредим.

Гизур в ответ отвесил ему саркастический поклон:

— Более искусный волшебник понял бы это сразу. Я рад убедиться, что искажения, которые йотуны внесли в магию огня, ничуть не улучшили их искусность. Как ваши заклятия, иллюзии — только глянец, под которым грязь, так и твоя магия — лишь слепое подражание моей. Жесткая старая баранина, которой нас пичкали прошлой ночью, не станет нежнейшей телятиной, как бы вы ни старались представить одно другим, а Ульфгримово подворье под глянцем ваших чар было, есть и будет тем, что оно есть йскони. — Он вытянул руку и быстро произнес несколько слов. Посох мага сверкнул слепящим светом, и мощное заклятие с неистовой силой хлестнуло по скотному двору. Бьярн выкрикнул было противодействующее заклятие, но волшебный ветер легко смел его, слабое и запоздалое.

Заклятие Гизура сорвало с подворья его обманную красоту, как осенний ветер срывает листву с деревьев. Ивар увидел, как облик домов, амбаров, животных улетучивается, развеивается в воздухе бесплотным дымом. Когда ветер и гром утихли, Ульфгримово подворье совершенно переменилось. Нарядные строения сменились примитивными глинобитными лачугами, завшивевшие больные овцы с голодным видом слонялись меж изломанных и кое-как заделанных жердей изгороди. Грязь и кухонные отбросы плескались у самых дверей дома, словно какое-то вонючее море, да и сам дом съежился, напоминая больше коровник.

Изменились и сами йотуны, когда пелена иллюзий спала с них. Они остались рослыми, но вся их пригожесть куда-то сгинула. У Тора оказалась

кудлатая, побитая сединой борода и такие же волосы; зубы превратились в желтые клыки, что делало его милостивую усмешку жуткой гримасой. Бьярн превратился в тощего, иссохшего старика со скупой и брюзгливой физиономией и чудовищно косящим глазом — быть может, от встряски, которую он получил, пытаясь противостоять чарам Гизура.

— Теперь вы видите нас такими, какие мы есть на самом деле! — прорычал он, стискивая кулак и корча отвратительные гримасы. — Наша славная проделка не обвела вас вокруг пальца, но не думайте, что больше не столкнетесь с йотунами! Мы хранили покой этого меча столетиями, и мы должны получить его, когда он вернется на белый свет. И тебя мы заполучим, храбрый скиплинг!

Гизур с посохом наготове встал между ними:

— Скройся, Бьярн, покуда я из жалости не завершил одной молнией бречное твое существование! Самой большой твоей ошибкой было надеяться обмануть мой желудок старой бараниной.

Бормоча угрозы, Бьярн и Тор подталкивали друг друга к дому. Пять десятков йотунов, дожидавшихся приказа, воспользовались удобным случаем и, вскочив на своих захудалых кляч, сломя голову помчались прочь, их грязные лохмотья развевались по ветру. Тор яростно вопил им вслед, но никто из них даже не оглянулся на призыв своего вожака.

Путники торопливо покинули проклятое подворье, почасту оглядываясь. Никто, впрочем, не пытался преследовать их. Когда меж ними и Ульфгримовым подворьем легло наконец приличное расстояние, Гизур объявил привал, чтобы взглянуть в карты.

Финнвард, который просто не мог усидеть, чтобы не пожевать, тотчас начал рыться в припасах, то и дело радостно восклицая:

— Все настоящее! Соленая рыба, баранина, сухари...

— Кто может объяснить мне, что, собственно, такое иллюзия? — вмешался Ивар. — Как действуют эти чары, Гизур?

Маг отдыхал на большом плоском камне, обзревая окрестности.

— Иллюзия — это способ придавать чему-то вид, которого на самом деле нет, — скажем, превратить в красавицу прабабушку тролля. Надо было мне раньше предостеречь вас, да только я не был уверен до прошлой ночи и этой треклятой баранины.

— И у меня, если помните, было прозрение, — с гордостью заметил Финнвард. — Я-то знал, что все там не такое, как кажется.

— Плевал я на твои прозрения! — огрызнулся Флоси. — И на иллюзии тоже. — Он поспешно зарылся в свой мешок, чтобы проверить свертки со съестными припасами, затем критически оглядел свои новые сапоги. — Эта еда настоящая, или все станет ясно, когда уже будем собирать хворост для костра? И как же сапоги?

Гизур взял у Флоси свежий сухарь и с наслаждением впился в него зубами.

— Настоящий, — удовлетворенно заключил он. — Черствый, но сойдет. Скапти, надо бы обследовать сыр и кое-что в бурдюке из козлиной кожи. Если йотуны намеревались отправляться с нами, уж наверное они снабдили нас всем лучшим, что у них было. Ваше счастье, что в Ульфгримовом подворье вы были со мной. Надо бы потребовать с вас наградные за сня-

тие иллюзии — это особое искусство школы Тул-
кари.

Альвы протестующе взревели. Ивар слушал, ус-
мехаясь и перемигиваясь с молчаливым Эйлифи-
ром. Хорошо было снова покинуть чужие страны
и наблюдать, как его друзья схватываются в сло-
весных поединках, обмениваясь приятельскими
подковырками. При этом Эгиль все время подтал-
кивал Финнварда локтем, чтобы тот слушал, как
едко он отбивает Флоси.

— А все же это было прекрасное хозяйство, —
вздыхнул Ивар. — Мою душу оно совсем смутило.
Хотел бы я когда-нибудь обзавестись такой усадь-
бой, только поближе к морю, чтобы ловить рыбу
и собирать в скалах птичьи яйца. А еще я бы охо-
тился за тюленьями и дикими козами в холмах.

— Вот скука-то! — заметил Флоси. — Уж луч-
ше я буду вечно соглядатаем, чем хоть два дня
крестьянином.

— Особенно если из тебя крестьянин такой
же, как соглядатай, — вставил Эгиль и снова под-
толкнул локтем Финнварда.

Так, в наилучшем расположении духа, они про-
вели шесть дней пути. Утром седьмого Гизур на-
ткнулся на частицу древней Путевой Линии и
взволнованно объявил, что она выводит прямо к
Лабиринту. Держа в одной руке развернутую кар-
ту, другой он указывал на безошибочные приме-
ты, которые описал им Даин. Ивар почти наяву
слышал старческий голос кузнеца: «Ищите гору с
тремя большими ущельями, заполненными ледни-
ками. К востоку будет гора под названием Хель-
катла: это вулкан, и над вершиной всегда парит
облачко дыма. Вы признаете ее по грудам лавы
и пепла, которыми она заваливает окрестности.
Есть старая йотунская легенда, что, когда кто-то

является похитить меч, Хелькатла начинает ворчать, донося о грабителях».

Ивар глазел на ледник с тремя отростками-ущельями и на конус Хелькатлы, пока Флоси не считал необходимым привести его в чувство увесистым тычком.

— Ты, надеюсь, не испугался? — спросил он, презрительно усмехаясь. Финнвард и Эгиль сидели рядышком на камне, вид у них был изможденный, но глаза горели от волнения.

Гизур торжественно свернул карту и с довольным видом сунул ее в сумку.

— Ну что ж, теперь мы можем полагаться только на себя. Даин довел нас сюда, но его советы заканчиваются у входа в Лабиринт.

— Как же мы его пройдем-то? — спросил Ивар. — Помнится, Даин говорил, что левые повороты могут привести совсем не туда, куда правые.

— Об этом побеспокоюсь я, — сказал Гизур, извлекая из кармана охапку каких-то загадочных предметов. — Лабиринт основан на магии высшего сорта, такой же древней и таинственной, как великаны, которые некогда возвели и сам Лабиринт. В нем есть нечто такое, чего смертному разуму постичь не дано.

— Мой альвийский разум к этому тоже не стремится, — пробормотал Флоси.

К концу дня путники подошли ко входу в первый круг йотунского Лабиринта. Они стали лагерем у крутой горы, притихшие и ошеломленные пугающим величием и обрывистыми склонами высящегося над ними гиганта. Гора была так крута и недоступна, что лишь нашлепки мха да плети каких-то ползучих растений сумели взобраться на ее склоны. Заглянув в провал входа, они увидели

узкую долину, прихотливо извивавшуюся и исчезающую меж холмов; стояла такая тишина, что слышно было журчанье ручья, бьющего из склона Хелькатлы и в миле отсюда сбегающего в Лабиринт.

Ранним утром отряд вошел в Лабиринт. Флоси кричал, проверяя силу эха, и результаты его ошеломили. Лабиринт, казалось, подхватывал каждый звук и швырял его от утеса к утесу, пока он не становился в десять раз сильнее. После этого путники переговаривались только шепотом. Ивара не покидало странное чувство, что каждое произнесенное ими слово тотчас доходит до центра Лабиринта.

Изнутри Лабиринт напоминал глубокое ущелье. Ивар с тревогой заметил, что впереди и позади ничего нельзя разглядеть дальше полета стрелы — мешали груды камней и скудная растительность.

Гизур часто останавливался, пристально поглядывая вправо и влево. При этом он возился с разными магическими приспособлениями, а Ивар и альвы не отрывали от него глаз. Скоро стало ясно, что ни одно приспособление не действует здесь как положено.

— Что-то не так? — неуверенно осведомился Скапти, видя, что лицо Гизура наливается яростью и глаза горят нехорошим огнем

— Нет, чтоб мне провалиться! — рявкнул Гизур, разбудив эхо. Понизив голос, он продолжал: — Разрази меня гром, я стараюсь изо всех сил, но у этого проклятого Лабиринта своя магия, она сводит на нет все мои усилия. Враждебная магия, чье назначение — свести с ума честного мага школы Тулкарн. — Он с надеждой встряхнул магичку для определения пути, но тот упрямо отказывался описывать положенные ему круги.

Гизур ушел с головой в размышления, сопровождаемые невнятным бормотанием, и наконец извлек из глубин сумки хрустальный шар. Маг заглянул в шар и сердито постучал по нему пальцем, затем обратился к шару с речью, потряс его и в конце концов начал произносить заклинания, призывавшие любую Силу, какая только встретится в пределах действия шара.

— В школе Тулкари ни одна живая душа не откликается, — злился он, — и в Гильдии тоже словца не обронят. Вот и говори потом о губительной лени! Глупее нет занятия, чем пользоваться этими дурацкими шарами, но старый Тулк настаивает, чтобы с ними не расставались, — верно, подглядывает за нами, когда делать нечего, старая перечница! Он все еще требует... Ха! Что это? Сдается, я кого-то подцепил!

Туманная сердцевина шара забурлила клубами дыма. Альвы уставились на шар, точно опасаясь, что он вот-вот взорвется. Ивар подкрался ближе и через плечо Гизура заглянул внутрь. Его мгновенно приковала прихотливая пляска цветов и едва различимых видений. Ему привиделось лицо; губы шевелились, обращаясь к нему с речью, и юноша придвинулся, чтобы лучше разобрать ее. Гизур заметил это и тотчас отдернул шар, быстро сунув его в сумку.

— Ивар, ты спятил! Разве ты не знаешь, что можно потерять разум, заглядевшись в такую штуку?

Растерянно моргая, Ивар покачал головой:

— Нет, не знал — до сих пор. Гизур, я видел кого-то, и он говорил со мной. Я уверен, что он сказал: «Иди налево».

— В самом деле? — Гизур придвинулся к нему. — Это точно? Ты что-нибудь расслышал?

— Нет конечно, но четко почувствовал именно это.

Гизур поглядел на левый поворот. Помолчав, он сказал:

— Мне привиделось то же самое.

— Ну так идем! — воскликнул Флоси. — Что вам еще нужно? Призрак? Гром с ясного неба? Вряд ли старина Элидаgrim рассылает особые приглашения тем, кто явился обчистить его могилу.

Скапти ткнул его локтем в бок:

— Флоси, в тебе уважения не больше, чем в свинье. Разве можно здесь говорить такое?.. Я, собственно, хотел сказать, что нельзя полагаться на неизвестно чьи слова, принимая такое важное решение. Ты уж прости, Ивар, но ведь всем известно, как легко можно подчинить себе мысли скиплинга.

— Так, значит, мне только почудилось, что я кого-то видел? — осведомился Ивар. — Может, нам идти вправо? Таково твое последнее слово?

— Что ты, совсем нет. Мне и стоять-то здесь неуютно, не то что выбирать путь, — мирно отозвался Скапти.

— Я тоже кое-что прозрел, — добавил Финн-вард. — Я не хочу идти ни направо, ни налево.

— Мы могли бы разделиться, — предложил Эгиль. — Послать по обеим дорогам разведчиков, и откуда никто не вернется — значит, там неверный путь. Предлагаю послать туда Флоси.

Они долго спорили, но так и не смогли прийти ни к какому решению. Скорее, дело шло к кулачной потасовке.

— Стойте! — взревел Гизур, когда стычка была в разгаре. — Если так хотите, мы можем сидеть здесь, пока мхом не зарастем. Кто-то должен

принять решение и отвечать за него. Даже маг не в силах всего предусмотреть. Так что довольно грызни, и собирайте вещи, пока Лоример не сделал выбор за нас.

При одном упоминании о Лоримере в этом проклятом месте у Ивара мурашки пробежали по спине, а спорщики, как по волшебству, стихли. Они торопливо взвалили на спины мешки и потуже затянули шнуровку на сапогах.

— Куда идем? — спросил Скапти.

— Влево, — кратко ответил Гизур и зашагал вперед, в такт каждому шагу пристукивая по земле посохом. Прочие не осмелились протестовать и поспешили за ним, держась поближе друг к другу. Флоси несколько раз наступал то на пятки, то на плащ Финнварда, и толстяк резким тоном посоветовал ему держаться подальше.

К концу следующего дня они оказались перед входом во второй круг. Сделали привал: без огня, по приказу Гизура, жевали сушеную рыбу, ягоды и йотунские сухари. Как назло, в довершение всего этого с середины дня моросил мелкий дождь, и сырой промозглый туман прохватил их до костей. Никто, однако, не осмелился пожаловаться на жизнь, хотя Эгиль время от времени бросал как бы невзначай, что, мол, становится сыро. Ивар помалкивал о том, что над правой частью Лабиринта как будто ясное небо. Кроме него заметил это один Эйлифир, который только загадочно пожал плечами и теснее завернулся в свой отсыревший плащ.

Вопреки обещаниям, расчетам и угрозам Гизура, дождь со зловредным постоянством сыпал всю ночь. Занялось пасмурное утро, и путники без промедления устремились во второй круг. Непогода следовала за ними по пятам. Лишь одиножды

Ивар увидел разрыв в тучах — почти перед закатом, когда они добрались до входа в третий круг; но левый поворот увел их от синего неба в опостылевшие объятия измороси. Этой ночью они ночевали в третьем круге. Поскольку за весь день ни разу не увидели солнца, Гизур смягчился и позволил развести костер, так что они, по крайней мере, спали с сухими ногами.

На следующий день добрались до пятого круга. Гизур торжествовал, альвы были полны опасений, а Ивар задумчиво помалкивал.

— Завтра мы будем в центре Лабиринта, — объявил Гизур. — Ничья нога не ступала там с тех пор, как лег в могилу древний король. А потом мы покинем Лабиринт с другой стороны и выйдем на прямую дорогу в пещеру Андвари, к сокровищам. Золото, серебро, алмазы...

— Дракон, — вставил Финнвард.

— Монеты, золотые цепи, венцы...

— И дракон, — повторил Финнвард, уже настойчивей.

— Скипетры, мечи, наручи...

— Клыки, когти, огненное дыхание, — вмешался Флоси, которому всегда доставляло удовольствие смотреть, как Финнвард стонет и трясется от страха. — Ключья, кровь, обутленная плоть...

— Ох, да заткнись ты! — Финнвард отвесил Флоси тумака и огляделся, надеясь, что его смелость была всеми замечена.

— Дракон — это дело Ивара, — сказал Эгиль. — Нам-то о чем беспокоиться? Меня больше заботит, как бы поскорее пройти к центру Лабиринта и добыть меч, а затем и выбраться отсюда. В списке моих забот дракон покуда занимает только второе место.

— Этот Лабиринт — дурное, лихоедейское место, — заметил Финнвард, завершив свои слова глубоким вздохом. Он покачал головой, мучимый недобрыми предчувствиями.

— Что, опять прозрение? Вот мука-то! — простонал Флоси. — Финнвард, ты становишься занудой. Было куда веселее, когда ты пугался всякой треснувшей ветки. Как хлопотно, должно быть, иметь Силу! Вечно подозреваешь недоброе, и никакой тебе радости жизни. Меня вполне устраивает мое нетронутое невежество — без занудной ответственности... — Он еще что-то болтал, но никто его не слушал. И меньше всего Ивар, который смотрел на восток, где различимы были краешек чистого неба и свет заходящего солнца. В тысячный раз рисовал он на песке изображение Лабиринта — шесть концентрических разомкнутых кругов. Прутиком он отмечал путь, которым они шли, а затем, для сравнения, — маршрут с правыми поворотами. Выходило, что у центрального круга два входа: один на севере, другой на юге. Левые повороты должны привести к северному входу. Отчего-то Ивара это тревожило. Север означал холод и зимнюю тьму, и Бирна говорила ему, что там правят тролли, инистые великаны и черные альвы. Но ведь Лабиринт на юге Скарпсея, сказал он себе, и север здесь ничего не значит. Он перечеркнул круги и впился взглядом в землю, хмурясь и размышляя. Гизур никогда не одобрит его замысла, но он просто обязан узнать, что скрывается за южным входом.

Утром Ивар проснулся раньше всех. Была стража Флоси, но он сладко спал, сжимая свой меч, и потому был даже опаснее, чем если бы бодрствовал. Хорошо зная чуткость Флоси; Ивар издали обошел его, держа в руках застывшие от хо-

лода сапоги. Гизур не шевельнулся; он спал тяжелым сном, свернувшись у погасшего костра. Мгновение Ивар глядел на него, думая, что до перехода через Вапнайокулл маг проснулся бы и вскочил от одного шороха плаща Ивара, задевшего мешок Эгиля. Печальное открытие — Сила Гизура все еще не возродилась в прежней мощи.

Чтобы дать понять, куда он отправился, Ивар сложил из камешков знак в виде наконечника стрелы. Острие указывало вправо, на восток. Затем он быстро зашагал прочь и скоро совсем исчез за валунами и кустарником.

Глава 17

ентральный круг, с отвесными неприступными стенами, маячил по левую руку, наполовину скрытый туманом. Ущелье, по которому шел Ивар, было некогда ложем порядочных размеров ручья, пробившего себе дорогу меж острых скальных отрогов. Ивар принужден был смотреть под ноги, и частенько ему приходилось карабкаться вверх по крутым порожкам бывших водопадов и обходить стороной темные лужи.

Он шел всего лишь час, когда впереди замаячил южный вход. Даже издалека Ивар хорошо разглядел, что было по ту сторону входа, — славная равнина, со всех сторон окруженная стенами из черного камня, что поросли мхом и въюнками. Посреди равнины возвышался курган, выложенный по кромке камнями, которые составляли изображение корабля. Ивар никогда прежде не видел такого мирного и покойного места. Он ожидал увидеть здесь какую-то стражу, но могильный курган ожидал его, не проявляя никакой воинственности.

Ивар помчался к последнему входу, воображая, как все рассердятся и удивятся, когда он вернется с мечом. Он не думал, что будет трудно открыть могилу Элидагрима и отыскать меч. Сам Элидаgrim давно уже обратился в прах, говорил он себе, и совсем не страшно раскапывать могилу при свете дня.

Дорога все круче вела вверх, и мох скользил под ногами, так что пришлось Ивару замедлить бег и внимательно поглядывать под ноги, а где и хвататься руками. Подняв голову, он обнаружил, что вход ничуть не приблизился. Наоборот, он словно удалялся, отступая в отроги окружавших его гор. Ивар прибавил ходу, злясь неизвестно на что и прекрасно понимая, что слишком долго он отсутствовал, и Гизур, верно, будет вне себя от гнева. Не сдаваясь, Ивар с трудом пробивался вперед. Чем дальше он забирался, тем труднее становилась дорога.

Наконец он осел на землю, тупо воззрившись на стену шестого круга. Ворота попросту исчезли! Ивар помотал головой, пытаясь убедить себя, что просто каким-то образом их просмотрел. Ущелье перед ним загромождали камни и колючие деревья, и обратная дорога тоже обещала немало приятного. Горестно вздохнув, Ивар начал спускаться. Случайно оглянувшись, он увидел, что вход снова понемногу возникает в отдалении, дразня его видом могилы Элидагрима, надежно укрытой чарами в своем величии.

Он не ошибся, представляя себе гнев Гизура. Маг встретил его на середине обратного пути. Возвращение в лагерь ознаменовалось горячей и бесконечной обвинительной речью, которой Ивар внимал покорно, понимая теперь, как опасно повернуть вспять заклятье на середине его, а ведь именно это он и пытался сделать, пойдя против правил Лабиринта. Он не сомневался, что, если бы забрел немного дальше, уже никогда не сумел бы найти дорогу назад.

— Я совсем забыл о магии Лабиринта, — сокрушенно промолвил он. — Забыл, что это не просто горы.

— Забывчивость есть дорога к смерти, — фыркнул Гизур. — Впрочем, хуже всего то, что ты ушел из лагеря тайком. Финнвард и Скапти решили, что ты покинул нас, оставив одних перед гневом Свартара.

— Прости, — пробормотал Ивар. — Но, во всяком случае, я хотя бы издали поглядел на могилу — там, за южным входом...

Лицо Гизура посерело.

— Могилу? — шепотом переспросил он.

— Я, конечно, не смог до нее добраться, но...

Пальцы Гизура впились в его руку:

— Ты уверен, что, пойдя этим путем, увидел могилу?

— Да, уверен. Зрение у меня неплохое, и я не склонен к игре воображения. Вокруг кургана был каменный круг в форме корабля, а макушка кургана была плоской, как и положено королевским могилам.

Гизур на миг отвернулся, вперив невидящий взгляд в показавшийся как раз впереди лагерь. Альвы явно наслаждались отсутствием мага. Они развели большой костер и ели жареную колбасу — все, кроме осмотрительного Эйлифира, который нес стражу.

— Это что-то значит, Гизур? — спросил Ивар.

Маг ссутулился, и его пальцы, сжимавшие посох, побелели.

— Да. Это значит, что нам придется вернуться. Вот именно, вернуться к самому началу и пойти другой дорогой. Впрочем, погоди... может быть, мы сумеем изменить направление у входа в третий круг. Там был перекресток... Да, я уверен, что если мы вернемся к тому месту, то все исправим. И чем быстрее мы вернемся, тем скорее узнаем это. И еще, Ивар... — маг задержал свой

стремительный шаг, — забудь, что я выговаривал тебе за сегодняшнее своеволие. Если б ты не увидел ворота, мы никогда не смогли бы выбраться отсюда. Может, мы и так не выберемся, но все равно ты был прав, а я — не прав. Так-то, не каждый день ты услышишь от мага подобное признание.

Известие ошеломило альвов, но они были так испуганы, что даже и не спорили. Гизур пояснил, что им предстоит точь-в-точь по собственным следам вернуться ко входу в третий круг, в надежде, что, если они не сойдут с пути, чары не развеются. Альвы собрались с небывалой быстротой и трусцой последовали за Гизуром, спеша поскорее покинуть проклятое место. Впереди находился Скапти, а Ивар и Эйлифир замыкали шествие.

Время от времени Гизур останавливался и сверялся с различными магическими приспособлениями. Неизменно он объявлял ложью все их показания и с раздражением запихивал обратно в карман. Ивар думал, что всякий раз маг становится все озабоченнее, но Гизур ни единым словом не развеял гнетущее и неотвязное предчувствие злого рока.

— Вход должен быть недалеко, — в десятый раз повторял Гизур. — Разрази меня гром, если он не совсем близко!

Но входа не было. Эгиль брел все медленнее, да и тяжелое хрипение Финнварда означало, что далеко он не уйдет. Ивар уже готов был предложить вернуться, когда Гизур заметил впереди вход. Переход, который вчера занял у них несколько часов, теперь обошелся в целый день. Добравшись до ворот, путники плюхнулись на землю и в удрученном молчании созерцали непривлекательный

вид маячившего впереди четвертого круга. Туман залег у самой земли, непостижимо завиваясь спиралями, и воздух припахивал чем-то неприятным. В лучах заходящего солнца картина казалась еще менее отрадной.

— Заночуем здесь, — сказал Гизур. — По крайней мере, здесь сухо и не утонем в грязи по уши.

— Не помню, чтобы эти места были такие... гм, болотистые, — осмелился заметить Финн-вард. — Впрочем, это только лишний раз доказывает, какая у меня слабая память. Верно? — Он вымученно засмеялся, и из глуби четвертого круга отозвался чей-то хриплый крик. Не только Финн-вард ахнул от страха.

— Это всего-навсего лягушки, — проговорил Ивар, когда сердце перестало колотиться.

Никто не ответил. Все глаза были устремлены на тропинку, терявшуюся в сумерках. На этот раз трапеза не принесла обычного успокоения. Путники сгрудились у нещадно коптящего костерка, который разжег Гизур, причем не без труда, и скоро один за другим заснули, уткнувшись друг в друга. Гизур бодрствовал у огня, с головой уйдя в магические книги, и, когда Ивар предложил ему отдохнуть, резко отказался. Ивар дремал и, то и дело просыпаясь, видел, что Эйлифир и Скапти бодрствуют. Совсем стемнело, а Гизур все сидел, листая страницы, исписанные бесконечными рунами.

Настало утро, и отряд храбро углубился в туманные дебри четвертого круга. Не прошло и часа, как земля под ногами сменилась грязью, стремительно превращаясь в гнилую воду и липкий ил.

— Мы не вернемся назад, к центру! — прорычал Гизур, бредущий чуть в стороне от осталь-

ных, пробуя дорогу посохом и яростно поглядывая по сторонам. — Кто или что устраивает все эти шуточки — придется ему разочароваться. Да пусть болотная вода покроет нас с головой, пусть все здешние твари явятся сюда — мы будем идти вперед, назло этим злосчастным чарам!

Финнвард брел, испуская горестные стоны. Он держался за край плаща Эгиля и большую часть пути проделал, зажмурив глаза. Открыл он их, испугавшись, лишь тогда, когда отряд наткнулся на груды поваленных деревьев, преградивших тропу, — их искривленные корни тянулись к путникам, словно стремясь оплести и удержать. На сей раз никто уже не брал на себя труд заметить, что ничего подобного здесь прежде не было.

На их счастье, болото не становилось глубже. Они шлепали по грязи до полудня, но никто так и не проголодался. Вскоре после полудня Флоси обнаружил разрыв в скальной стене и приветствовал это зрелище радостным воплем.

Гизур остановился, хмуро разглядывая проход: — Это не может быть вход. Чем мы ближе к началу, тем шире должны становиться круги. Шли мы, если помните, не так уж быстро. Ворота должны показаться только к закату... или даже к завтрашнему утру.

Альвы непонимающе глянули на него.

— Можно, конечно, пройти мимо, — сказал Скапти. — И тогда придется нам совершить целый полукруг, пока мы не найдем другие ворота на нужной стороне. Если же мы сейчас войдем, быть может, следующий вход вернет нас назад опять в глубь Лабиринта. Должно быть, то, что мы пошли назад, слишком многое изменило, Гизур. Мне это все совсем не нравится.

— Если не сказать худшего! — Эгиль выдернул из болота ногу со звучным «чвяк!». — По мне, так давайте рискнем. Мне обрыдла эта болотная муть. Еще немного — и у меня на ногах отрастут перепонки.

Гизур поглядел на Ивара и Эйлифира:

— Ну, что вы скажете? Идем мы туда или нет?

Эйлифир тотчас кивнул:

— Как бы здесь, в болоте, дела не пошли совсем худо. Болота, как тебе известно, — излюбленное пристанище чародеев, в особенности Лоримера. Я бы не удивился, если б это оказалась та самая трясина, где Регин отыскал Лоримера. — Он говорил шепотом, но слышали его все.

В следующем круге, на вид по крайней мере, было сухо. Путники подошли ко входу и устроили привал, чтобы отдохнуть и просушить у костерка промокшие сапоги. К тому времени настроение у всех было подавленное. Даже Флоси так упал духом, что не мог завязать ссоры. Гизур решил, что у них в запасе еще несколько часов пути, пока совсем не стемнеет, и путники, натянув полусырые сапоги, вошли в третий круг. Здесь было тихо и сумрачно, и ничто как будто не мешало их продвижению. Настороженные и бдительные, они шли через третий круг, пока солнце не исчезло за иззубренным скалистым краем Лабиринта. Поскольку день еще не кончился, у них оставалось время на путь в сумерках — до полной темноты. По счастью, дорога была ровная, и почти везде можно было сыскать подходящее местечко для стоянки. Альвы почти приободрились, и Флоси даже вернулся к своей обычной язвительности.

— Ого! — воскликнул Ивар, указывая вперед. — Глазам не верю... но я вижу ворота!

Все тотчас остановились и впились глазами в скальную стену впереди. Разрыв в ней, достаточно далекий, заволакивала синеватая дымка, но что это за разрыв, было совершенно ясно.

— Нет, — сказал сам себе Гизур, сделав несколько шагов вперед. — Это просто не может быть вход... или выход. Это, видимо, внешние ворота, но ведь вы все помните, что от них до второго круга мы шли целый день. А теперь мы одолели два круга за неполных четыре часа.

Скапти вцепился зубами в кончик бороды:

— Тогда что же делать? Вот он, вход, прямо перед нами. Нельзя миновать его, нельзя оставаться здесь, и никак нельзя возвращаться — тогда мы опять окажемся в центре Лабиринта.

Эгиль скорчил зловещую гримасу:

— Вот так, видно, все здесь и погибали — ходили, ходили вокруг да около, искали нужные ворота и не находили...

— Замолчи! — вскричал Финнвард, обеими руками зажимая уши. — У меня и без твоей помощи достаточно страшных мыслей.

— Тихо! — приказал Скапти, поскольку Эгиль уже пускался в излюбленные разглагольствования о том, что-де корень всех злосчастий — Флоси, убивший выдру. — Флоси, конечно, виноват в том, что нарушил приказ, но нечестно всю жизнь поминать ему это. Особенно если учесть, что ты, Эгиль, ничем его не лучше.

Ивар, не вмешиваясь в спор, двинулся вперед, чтобы поближе приглядеться к воротам. Они странным образом влекли его, и в нем загорелось нестерпимое желание поскорее увидеть, что же там внутри. Ворота почти силой притягивали его, хотел он идти или нет. Вдруг он услышал собственные слова:

— Надо бы взглянуть на них. Уж это-то мы можем сделать?

Гизур нагнал его в тот самый миг, когда оба они увидели, что же находится за воротами. Потрясенные, они глядели внутрь — но не на внешний, самый большой круг Лабиринта, а на самый его центр. В недобрых сумерках он казался еще мрачнее и грознее обычного. Они видели заросшие травой развалины, могилы — несколько больших, длинных и множество маленьких и круглых. Вокруг высились скальные стены, казавшиеся в сумерках каменными великанами, что склонились друг к другу, заговорщически перешептываясь.

— Мы вернулись к самому центру! — ахнул Скапти.

Гизур рывком обернулся к альвам, застывшим с вытаращенными глазами:

— К другим воротам, живо! Нечего глядеть, бегом!

Альвов охватила запоздалая паника, и весь отряд сломя голову помчался к предыдущим воротам, которые находились примерно в полумиле отсюда. Гизур бежал сзади, нещадно подгоняя оставших — чаще всего Финнварда, который пыхтел, хрипел и спотыкался всякий раз, когда выворачивал голову, пытаясь разглядеть, нет ли за ними погони.

Ворота замаячили впереди совершенно неожиданно, но они были не с той стороны. По приказу Гизура все остановились, а он, выйдя вперед, горящими глазами заглянул за ворота.

— Не то, — сказал он хрипло. — Пройдем мимо и посмотрим, что из этого выйдет.

Настороженно держа посох обеими руками, он погнал спутников перед собой. Ивар бросил

взгляд за плечо и увидел в воротах все ту же унылую картину, что была за предыдущим входом. Только сейчас она казалась еще мрачнее и неприветливей.

В молчании спутники шагали так быстро, насколько позволяли сумерки. Туман, поднимаясь от земли, клубился у их колен. Гизур нащупывал дорогу посохом, бормоча заклинания и проклятия, но ни те ни другие успеха не имели. Небольшая холодная луна сияла над вершинами гор, равнодушно взирая с высоты на Лабиринт.

Финнвард протяжно застонал:

— Гизур, мы в западне. Лабиринт хочет, чтобы мы шли туда, где развалины и могильные курганы. Какая-то лиходейская сила мешает нам уйти. Мы никогда не покинем Лабиринт, если не подчинимся ему.

Флоси начал было насмехаться над ним, но Эйлифир остановил его и тихо проговорил:

— Финнвард совершенно прав. Какая бы сила ни управляла Лабиринтом, она желает встретиться с нами в его центре. Быть может, для нас это единственный путь наружу. В центре должны быть два выхода. Если мы войдем в один и выйдем в другой, поворачивая все время только налево, мы выберемся из Лабиринта с другой стороны.

— И начнем все сначала, — прибавил Ивар, невзирая на стоны Финнварда.

Гизур выслушал их и кивнул, соглашаясь, в глазах его разгорался гневный огонь.

— Кто бы ни прибегал к этому презренному обману, заплатит с лихвой за свою наглость! Штопать ему носки в подземельях царства Хель нитками из собственной шкуры! Вперед, мои храбрые воины! Отыщем этого презренного него-

дая и покажем ему, что такое настоящие колотушки!

Они побрели назад, ко входу в центр, едва переставляя ноги от усталости. Без колебаний Гизур первым прошел ворота и остановился на приличном расстоянии от ближайших могильников. Все это место в ширину было не больше полумили, прикинул Ивар, разглядывая за рассыпанными в беспорядке могильниками выход на другой стороне, еле различимый в сумерках. Здесь царило безмолвие, пропитанное скорбью, и болотной сырости было больше, чем он согласился бы стерпеть.

— Осторожно! — крикнул вдруг Гизур, хватая его за руку, и указал на провал в земле, зиявший у самых ног Ивара. — Похоже на шахту или канал для воздуха. Их здесь может быть больше, так что гляди под ноги. Полагаю, это сделали черные альвы — судя по смелости, с какой они провертели дыры на земле Йотунгарда, не говоря уже о таком приятном местечке, как это. — Он вдруг содрогнулся неведомо от какого холода.

Эгиль, Финнвард и Флоси ни на шаг не отошли друг от друга.

— Мы дальше не пойдем, — объявил Флоси. — В этом месте таится зло, Гизур.

— Слушайте! — Маг вскинул руку, и все несколько мгновений напряженно вслушивались в безлюдную тишину, сгрудившись спиной к ледяному ветру. — Никого, во всяком случае, так кажется, — продолжал маг, опираясь на посох. — Ну что ж, поищем прибежище где-нибудь в развалинах и поглядим, что будет дальше. Я готов ко встрече с кем бы то ни было.

— Ты думаешь, это Лоример? — спросил Ивар, нагоняя Гизура.

Маг обходил со своим посохом развалины старой башни, наверху посоха освещая закопченные камни и куски обугленного дерева. От башни осталась лишь стена по плечо человека, и за ней, хотя и с трудом, можно было скрыться от вездесущего ветра. Гизур огляделся и счел, что этого довольно.

— Право слово, Ивар, не рискну угадывать. Во всяком случае, не здесь. Признаюсь, силы, таящиеся в этом месте, для меня совершенно недостижимы. Несомненно лишь, что здесь сокрыто могущественное зло, иначе оно не привлекло бы черных альвов. Быть может, это и есть врата царства мертвых Хель.

— Я боялся и прежде, — сказал Ивар, с несчастным видом оглядываясь по сторонам, — но сейчас, Гизур, я боюсь, как никогда.

— Чепуха, — не слишком убежденно ответил маг. — Это всего лишь древние могильники... быть может. Никто не будет рад ночевке в таком месте, разве что какой-нибудь свихнувшийся любитель старых костей. Мне вот только сырость не по душе. Меня все время трясет от холода.

Путники скорчились под сомнительным прикрытием развалин, а Гизур между тем расхаживал взад-вперед, словно часовой. Эгиль и Финнвард прижались спиной к спине, обнажив мечи, — точь-в-точь два старых пса, что скалят зубы, ощетинив шерсть, надеясь, что одно это сможет их защитить.

— Иди сюда, Гизур, будем ждать вместе, — предложил вскоре Ивар.

— Может, так и лучше, — пробормотал Гизур. Он вернулся к развалинам и сел, привалившись спиной к неровной стене.

Прозвучал тонкий, дрожащий от волнения голос Финнварда:

— Гизур, у меня насчет этого места определенно недоброе предчувствие.

— В этом месте и у капусты было бы недоброе предчувствие, — отозвался Флоси, клацая зубами. — И у меня тоже. Мне чудится, что Лоример и полтора десятка друзей-людоедов уже торчат прямо у меня за спиной.

Гизур раскурил трубку и пыхнул ароматным бодрящим дымом:

— Да, я чувую, что Лоример недалеко. Если он решил бросить нам вызов, он знает, что, только избавившись от меня, сможет добраться до вас. Может, я и не маг Гильдии, но заметьте: то, чего мне не хватает в репутации и дурацких титулах, я с лихвой восполняю простой решимостью. Каюсь, у меня были ошибки, и сейчас я прошу за них прощения. Порой я занимался совсем не тем, для чего меня учили, но, если Лоример полагает овладеть мечом, он должен будет прежде убить меня, а это, я думаю, не так уж легко. Я никогда не прятался от вызова и, с гордостью скажу, никогда не получал платы зря.

Ивар слушал его вполуха. Что-то шептало в его мыслях, все настойчивее, громче и отчетливей, — так звенит колокольчик на шее овцы, которая спускается с холма. Альвы успокоились, речь Гизура их утешила, но сам маг зорко оглядывался по сторонам, и его посох лежал под рукой, на коленях.

Ивар не мог точно сказать, когда шепот превратился в обычный голос. Гизур тоже слышал его — вернее, услышал задолго до Ивара. Затем голос услышали Скапти и Эйлифир и огля-

делись с тревогой. Речь Гизура оборвалась на полуслове.

— Что это? — воскликнул Скапти, вскакивая. Глаза его приятелей широко раскрылись — это значило, что услышали и они.

— Он здесь! — прошептал Флоси, не в силах шевельнуть и пальцем.

— Ивар! — позвал шелестящий голос. — Ивар, я пришел за тобой!

Глава 18

изур и Ивар разом рванулись к portalу, столкнувшись по пути с Финнвардом и Флоси, которые нырнули туда с другой стороны.

— Это Лоример, он пришел за Иваром! — воскликнул Скапти, протискиваясь за Гизуром.

Гизур прочно перекрыл своим телом портал, вглядываясь во тьму и подсвечивая себе наверху посохом.

— Лоример! — крикнул он. — Тебе нужен я!

— Нет! — отвечал голос из темноты. — Это Ивар выколол мне глаз, это он угрожает моим планам захватить Свартаррик! Нет, мне нужен именно он. С тобой, Гизур, я покончу позже. — Темная тень, очерненная мерцающим синеватым венцом, плыла к ним от могильников. — Это я завел вас в самое сердце Лабиринта, средоточие мук и смерти. Что за ирония судьбы! Я одержу величайшую свою победу в том самом месте, где некогда потерпел величайшее поражение, где мое брренное тело затоптали в болото черные гномы Свартара! Мечи и трупы... удивительно, сколько еще неожиданностей таит в себе Лабиринт? — Он взмахнул синевато светящейся рукой. — Отдай мне скиплинга, Гизур, и я пощажу остальных.

— Глупости, Лоример. Ты знаешь, что мы никогда не отдадим его без борьбы. — Гизур отшвырнул Ивара и рыкнул на него: — Сиди и помалкивай, ты, болван!

— Гизур, у меня с ним свои счета! — огрызнулся Ивар. — Я прикончу его за смерть Бирны, и ты меня не остановишь. Один раз мне это уже едва не удалось; сейчас я только закончу дело.

— Уймись! Это же глупо. Пока ты не добудешь меч, я командую этим отрядом, я приказываю, а ты подчиняешься. Вот когда станешь настоящим героем, будешь мной командовать, но не раньше, понял? В последний раз говорю тебе, сядь и уймись!

Обрывок тьмы, говоривший голосом Лоримера, сухо хохотнул:

— Хочу напомнить тебе, Гизур, что ты не в том положении, когда можно торговаться. Ты уже ощутил превосходство сил, владеющих этой стороной центра Лабиринта, и убедился, что они действуют на моей стороне. Вы все забрели сюда, точно мухи в паутину, и не уйдете отсюда, пока я не освобожу вас. Да если б я захотел, я прикончил бы всех, кроме скиплинга!

Гизур только фыркнул:

— Пока я стою между ними и тобой — никогда. Мы запросто выберемся из Лабиринта, когда ты умрешь.

Меч блеснул в призрачной руке Лоримера, и чародей шагнул ближе:

— Это твое последнее слово, Гизур? Отказываешься выдать скиплинга?

Гизур выхватил свой меч и выступил вперед, занеся его над головой. Клинок вспыхнул, точно факел, озарив его лицо и бросив тень на глаза.

— Совершенно верно, Лоример. Ивара ты получишь только через мой труп — и не иначе.

— Что ж, пусть будет так! — Лоример вскинул руку, сжатую в кулак, и метнул в Гизура

ледяную молнию; маг тотчас отразил ее огненным заклинанием. Ночь осветилась зигзагами молний и огненными шарами, и громовое эхо раскатывалось меж призрачных гор. Огненные и ледяные молнии неистово сшибались, а противники стояли не дрогнув, до колен окутанные клубами дыма и тумана от взрывов.

Внезапно все прекратилось. В полной тишине маги долго мерили друг друга взглядами, затем Лоример заговорил:

— Неплохая стычка, Гизур, и, признаюсь, я удивлен. В Ульфгримовом подворье мне сказали, что твоя Сила весьма истощилась и что мне не составит труда уничтожить тебя.

— В самом деле? До чего любезны и обаятельны эти йотуны из Ульфгримова подворья! Мне почти жаль доказывать, что они солгали. Ну что, Лоример, поединок на мечах?

Лоример вскинул меч, засиявший зловещим сиянием светом. Ивар заметил, что его левый глаз замещал камень кроваво-черного цвета, блестящий в сиянии меча.

— Отлично, поединок, если думаешь, что у тебя хватит силенок. Врукопашную и лучшим нашим оружием. И никаких ограничений — биться до смерти одного из нас.

Мечи торжественно соприкоснулись, вызвав водопад сверкающих искр. Затем Лоример угрожающе ринулся вперед, но Гизур отбил удар вспышкой алого света. Со смертоносной скоростью маги наносили и отбивали удары, и ни один не отступал ни на шаг. Воздух был наполнен едким дымом и льдистым лязгом металла о металл.

Поединок начал затягиваться, когда Гизур впервые отступил. Вспышки слепящего света и брыз-

ги искр озаряли могильные курганы, где тени плясали, будто ожившие скелеты, в дьявольском ликовании. Лоример сорвал с себя плащ, и тот взмыл в воздух, точно черная летучая мышь, приземлившись едва ли не на головы альвам, — у тех сердца так и подпрыгнули от страха. Эгиль и Флоси с мечами набросились на плащ и изрубили его в клочья, в безумной радости от собственной отваги.

Бой кипел в опасной близости от черных зевов древних шахт, и Лоример проявлял недюжинную ловкость, стремясь добиться, чтобы Гизур ступил в бездонную тьму.

— Вот твоя смерть! — крикнул он, нанося смертельный удар.

Гизур отпрыгнул вбок, вместо того чтобы инстинктивно шагнуть назад, и это стоило ему скользящей раны на плече.

— На сей раз я задел тебя! — воскликнул Лоример. — Скоро рана станет сказываться, и ты, Гизур, сделаешь смертельную ошибку! Но послушай, что я скажу тебе! Может, эта мысль и придется тебе по вкусу. — Он с явным хладнокровием опустил меч. — Будь моим помощником, Гизур. Сдайся, присягни мне в верности — и останешься жив. Разве это не лучше, чем смерть? Или эти жуткие шахты? Ты знаешь, что там, внизу. Бесконечная пустота, ведущая прямо в сердце земли. Даже великий Гизур не уцелеет в этой бездне. Ты ранен и не сможешь одолеть меня, Гизур!

Гизур зажал рукой черную полосу на плече.

— В тысячу раз лучше забвение, чем хоть один день службы тебе, Лоример! Тоже мне счастье — быть рабом знаменитого друга! Позор на весь мир. Нет, Лоример, твое место в трясине, и там ты

будешь гнить и разлагаться. Мне бы передышку, и уж я позабочусь о том, чтобы ты больше не осквернял землю!

В тот же миг оба швырнули друг в друга свои мечи и вскинули кулаки, творя заклятья льда и огня. Мечи столкнулись посередине, на вершине блистающей арки, и гром возвестил о смещенье сил. Земля задрожала, и в развалинах посыпались камни. Когда небо обрело зловещий сернисто-желтый цвет, Ивар разглядел обоих магов: они схватились над одним из мечей. Затем противники исчезли в клубах дыма, но и за этот миг Ивар успел разглядеть, что Лоример оттесняет Гизура к шахте и краю бездны.

— Гизур в опасности! Поможем ему! — Скапти вскочил на ноги. Чудовищный взрыв потряс желтое небо, и языки пламени взмыли вверх. — Вперед, вы, трусы, наш черед!

Ивар бросился за Скапти, не зная, оттащить ли его назад или вместе с ним броситься на защиту Гизура. Еще один оглушительный взрыв сотряс башню до основания, и стена начала оседать. Прочие альвы бросились искать укрытия. Скапти схватил Ивара за руку и силой увлек его под прикрытие могильника.

— Если все мы погибнем, Ивар, и ты останешься один, все равно доставь виру к Кнуту-ву кургану, что на равнинах Хлидаренда, ко дню зимнего солнцестояния. Обещай, что так и сделаешь! — Ему приходилось кричать во все горло, чтобы перекрыть грохот взрывов и рев огня, пожирающего лед.

— Сделаю! — прокричал в ответ Ивар. — Скорее к Гизуру!

Противники все еще сражались, обмениваясь заклятьями с близкого расстояния. Ивар и Скапти

не успели добежать до Гизура, когда увидели, что посох мага вдруг распался и вылетел из его руки. Кроваво-черный глаз Лоримера блеснул, и чародей с торжествующим хохотом вскинул меч. Но прежде чем он ударил, Скапти храбро бросился на него сзади и отсек руку с мечом — бешено вращаясь, она канула в черноту шахты. С ужасным воем Лоример развернулся к Скапти и Ивару. Гизур схватил свой собственный меч и по самую рукоять вогнал его в тело чародея. Затем он с силой толкнул Лоримера к алчному зеву шахты, давно поджидавшему жертву. Лоример рывком обернулся, с трудом удерживаясь на краю пропасти, и его искусственный глаз вспыхнул. Когтистые пальцы метнулись вперед и вцепились в плащ Гизура в тот самый миг, когда Лоример зашатался и упал.

— Нет! Гизур! — с болью и неверием вскричали Ивар и Скапти, опрометью бросаясь к краю бездны, но было уже слишком поздно. Эхо взрывов и заклятий еще долго гремело в бездонной глотке шахты, с каждым разом все слабее, пока все не стихло. Ивар и Скапти глядели друг на друга, не в силах шевельнуться.

Кто-то, оскальзываясь в грязи, подошел к ним в наступившей темноте, и они очнулись. Это был Эйлифир, а за ним, не отступая ни на шаг, следовали остальные альвы, перепуганные и раздраженные.

— Вы целы? — шепнул Эйлифир. — А где же Гизур? И Лоример?

— Сгинули, — без выражения ответил Ивар. — Свалились в эту ужасную бездну.

Альвы ошеломленно опустили на землю, не в силах оторвать глаз от дымившейся перед ними черной дыры шахты. Луна с неодобрением

выглянула в разрыв нависших клубов дыма и осветила торф, выжженный там, где падали молнии, и обрушенную до основания башню. Финнвард плакал, не стесняясь, и Флоси пытался его утешить.

— Он не применил заклятье бегства? — спросил Финнвард, размазывая по лицу сажу пополам со слезами. — На сей раз он действительно покинул нас навсегда?

— Боюсь, что так, — мягко ответил Эйлифир. — Придется нам идти дальше одним.

— Это невозможно, — с горечью отозвался Эгиль. — Кто мы без Гизура? Шайка олухов.

Ивар поднял глаза от обугленного края шахты. Комочки торфа и мелкие камешки все еще осыпались в безмолвную тьму, пахнущую горелой землей.

— Мы должны идти. Нет смысла оставаться здесь. Гизур прихватил с собой Лоримера, осыпая его заклятьями огня. Сомневаюсь, чтобы еще что-то осталось от древней высохшей болотной мумии. Гизур мог бы спастись, но он избрал... избрал иное. Нельзя допустить, чтобы его смерть оказалась напрасной.

Скапти был так потрясен, что даже не мог держать себя за ухо.

— Лоример так или иначе убил бы его, это-то было ясно. Ну почему не меня схватил Лоример, падая в бездну!

— Лучше бы меня, — горько сказал Флоси. — Ведь все началось с моей вины. Это я убил выдру. Эйлифир встал.

— Негоже так говорить. Гизур мертв, и мы ни в чем не можем себя обвинить. Он знал, что рискует жизнью, когда согласился нам помочь. Я думаю, лучше нам уйти отсюда, на случай,

если Лоримеровы гномы поджидают его неподалеку.

Альвы молча выгребли свои мешки из-под обвалившихся камней башни и двинулись к дальнему выходу. На сей раз с воротами не произошло ничего неблагоприятного; путники прошли через них и остановились по ту сторону, в темноте, чтобы решить, куда идти. Финнвард шлепнулся на камень, делая вид, что ему надо зашнуровать сапоги. Флоси завис над ним, ожидая обычных жалоб. Финнвард зажмурил глаза, хмурясь и что-то бормоча себе под нос.

— Влево, влево, — бормотал он и в изумлении открыл глаза. — Я уверен, что нам следует идти налево, и это небывалый случай, потому что обычно я ничего не могу решить. Я услышал это так же ясно, как если бы голос шепнул мне на ухо.

Флоси с отвращением помотал головой:

— Финнвард, ты, по-моему, совсем спятил, если только было с чего. Голос, надо же! Только послушайте его, несет чепуху, точно выживший из ума старик.

— Нет, Финнвард прав, — сказал Скапти. — Надо идти влево. Через три дня мы благополучно выберемся из Лабиринта. Ты забыл, что Лоример тоже сгинул. На сей раз Лабиринт нас не подведет.

Они шли через круг, насколько хватило сил, а когда совсем устали, на скорую руку разбили лагерь. Эйлифир вызвался первым нести стражу и вскарабкался на торчащий возле лагеря камень, а все прочие улеглись спать. Никто не спал крепко, кроме Эгиля, который от усталости так храпел, что всех извел. Флоси метался и бормотал, словно дрался с кем-то во сне.

Когда наконец наступило утро, Эйлифир отвел Ивара в сторону и с ним прошел назад около полумили — до самого входа в круг. Там он молча указал на землю. Мягкая почва была изрыта копытами пятнадцати-двадцати коней, ехавших направо.

— Спешили, — заметил Эйлифир. — Быть может, они объедут круг и найдут выход на той стороне. Или вовсе не смогут выбраться, если, как мы, забредут в болота.

— А может, они именно болота и ищут, — заметил Ивар, почему-то внутренне содрогнувшись. — Но ведь это глупость, правда? Лоример мертв.

— Да, но насколько? Ты же знаешь, что его уже не раз убивали. Впрочем, ничто не горит так хорошо, как высушенная болотная мумия. В иных краях не всегда наберешь хвороста на костер.

— Что ты на самом деле обо всем этом думаешь, Эйлифир? — Ивар встал лицом к лицу с альвом, меряя его пристальным взглядом.

Эйлифир глядел на него все так же загадочно:

— Думаю, что лучше нам вернуться в лагерь, и поскорее, не то Финнвард изнеможет от страха, что мы пропали навсегда. Разве это не удивительно, как быстро развивается его ясновидение? Порой, чтобы подтолкнуть замешкавшуюся Силу, довольно какого-нибудь несчастья. А Скапти и вовсе изумителен, верно ведь?

Ивар медленно кивнул:

— Ладно, я все понял. Я не буду больше тебя расспрашивать.

— Отлично. Какое счастье! Я и так бы ничего тебе не сказал. — И Эйлифир погрузился в молчание, которого не прерывал уже до конца дня.

Когда они вернулись в лагерь, их угостили водянистой похлебкой из сушеной рыбы и жидковатым чаем. Альвы то подолгу мрачно молчали, то огрызались из-за всякого пустяка.

— Теперь нам конец, — сказал Флоси. — Что мы можем без Гизура? Мы еще и от йотунов не отделались. Они загребут и меч, и Ивара без малейших угрызений совести.

— Меч? — сварливо отозвался Эгиль. — Где это ты увидел меч? Может быть, глаза тебя обманывают, Флоси? У нас нет меча, и я что-то сомневаюсь, что когда-нибудь будет.

— Чепуха, — отрезал Ивар. — Меч здесь, в Лабиринте, а мы просто на неверной стороне. Надо выйти и начать все сначала, чтобы найти южный вход во внутренний круг.

Финнвард покачал головой:

— Вряд ли я смогу заставить себя снова войти в Лабиринт, если счастливо из него выберусь. По правде говоря, меня туда и битюгом не заставить.

Так проходили дни и ночи, проведенные ими в Лабиринте. Последний лагерь был разбит после захода солнца почти под самой внешней стеной Лабиринта. Утром, едва развиднелось, путники поспешили прочь от Лабиринта, не единожды оглянувшись назад. Этот день прошел в поисках безопасной вершины с помощью маятника. Пробовали трое, и из них лишь двоим удалось получить от маятника хоть какой-то положительный ответ. Причем никто не получил два одинаковых результата подряд. Это всех немало огорчило и встревожило. К концу дня стало ясно, что они заблудились. Они пытались вернуться назад по своим же следам среди скал и острых утесов, но положительно не могли припомнить никаких примет.

Даже с высоты уже нельзя было различить огромные витки Лабиринта.

— Мы не можем найти то место, откуда начали путь, — сказал Финнвард после нескольких часов безуспешного поиска дороги назад. — По моему, этот проклятый край попросту переделывает себя всякий раз, как к нему повернешься спиной.

— Или так только кажется, — самодовольно вставил Флоси, — когда в отряде нет настоящего вожака. Что за смысл подчиняться смертному в мире альвов! — Говоря это, он подступил ближе к Ивару, сверля его вызывающим взглядом.

Ивар не отвел глаз. Его терпение было уже на пределе.

— Ты волен покинуть отряд, когда только пожелаешь, — отрезал он, оттолкнув разбушевавшегося Флоси. — Каждый из нас делает то, что от него зависит, — кроме тебя, и если ты не желаешь подчиняться мне, как велел Гизур на случай, если что-то стрясется с ним, — попробуй-ка поладить с черными гномами. Я найду могилу Элидагрима и добуду меч, а если мне не помогут — справлюсь один!

Вместо ответа Флоси с ревом бросился на Ивара. Он боднул его головой, как драчливый козел, и сбил с ног. Сплетясь, они покатались по земле, изо всех сил молотя друг друга кулаками. Тут в драку вмешались Эйлифир и Скапти, сгребли Флоси за первое попавшееся место и окунули в ледяное озерцо, натекавшее под водопадом.

— Это охладит твой пыл, — сердито промолвил Скапти. — Клянусь священными чертогами Сноуфелла и всеми нашими предками в их могилах, что ты, Флоси, самый злобный и невежест-

венный сопляк, какого я только имел несчастье встретить в жизни!

— Теперь вам придется разжечь костер, чтобы я мог просохнуть, — ядовито сообщил Флоси, выбираясь из озерца, — вода так и текла ручьями с его одежды. — Йотуны наверняка его увидят, и на том придет конец бесплодным нашим усилиям.

— Никакого костра, — отрезал Скапти. — Не замерзнешь.

Альвы скорбно поглядывали друг на друга — все, кроме Флоси, который, топая ногами, удалился вылить воду из сапог и отжать одежду.

— Да, — Финнвард испустил тяжкий вздох, — уж теперь-то мы точно пропали.

Скапти грустно кивнул:

— Ни один альв в жизни не заблудится. У всех нас должно быть довольно сил отыскивать путь по маятнику и провидеть картины отдаленных мест. Беда в том, что у нас недостает на все это магии... пока, во всяком случае.

Эгиль мотнул головой:

— У меня ее всегда неостанет. Сейчас, когда погиб Гизур, еще яснее видно, какие мы, в сущности, остолопы. Столько альвов — и ни грана Силы.

— Силы! — возопил, подбегая, Флоси, с которого еще капала вода. — Да вот же он, выход, болваны! Мы просто добудем Силу, точно так же, как и в прошлый раз.

Альвы с раздражением воззрились на него.

— Ребята, — проворчал Эгиль, — у него в голове шарики отсырели.

Флоси метнул на него нетерпеливый взгляд и повернулся к Ивару. Его задиристость превратилась сейчас в оживление.

— Как я уже пытался объяснить, мы легко и просто можем добыть Силу, и я вовсе не имел в виду дурацкую возню с поисками фюльгьи. Удивляюсь, что никто не подумал об этом раньше.

— Да о чем же? — перебил Ивар, опасаясь еще одной стычки.

Сложив руки на груди, Флоси обвел их победоносным взглядом:

— Проще некуда. Призовем на место Гизура другого мага.

Ивар непонимающе уставился на него:

— Как это мы его призовем? Что-то я не видел, чтобы в округе бродили толпы магов, не говоря уже о вывеске: «Маги внаем»!

— Поручи это Эйлифиру, — доверительно шепнул Флоси.

Эйлифир одобрительно кивнул и потер руки, точно показывая, что хоть сейчас готов начать исполнять поручение.

— Это будет совсем не так, как в прошлый раз, — слегка печально заметил Финнвард. — Гизура мы встретили в странноприимном доме, — как нарочно, пересеклись наши дорожки. Он уже слышал о смерти Оттара, и я помню, какое забавное сделалось у него лицо, когда он узнал, что мы и есть те самые изгой. Хотел бы я знать и над чем он тогда хохотал? Мы ведь с тех пор почти не изменились, правда?

Скапти похлопал его по спине и вздохнул:

— Изменились, дружок, и, боюсь, еще сами не знаем как.

Эйлифир, которому не терпелось поскорее послать призыв, начал рыскать по окрестностям в поисках топлива. Набрав хвороста и сухого мха, он уселся дожидаться темноты. Когда время пришло, он разжег костер, и путники сгрудились во-

круг огня, наслаждаясь теплом и обнадеживающим светом. Эйлифир нацарапал в пыли несколько рун и бросил в огонь всякой мелочи: клочки шерсти, перья, кости и щепоть какого-то порошка. Огонь тотчас полыхнул, пыхнув клубом едкого синеватого дыма. Альвы отпрянули, чихая и кашляя, протерли глаза и отодвинулись подальше от огня.

— И это все? — недоверчиво спросил Ивар.

Эйлифир в ответ лишь улыбнулся, пожал плечами и уселся около большого валуна, устраиваясь поудобнее, словно собирался остаться здесь надолго.

— Значит, остается только ждать, — беспокоенно заметил Скапти, дергая себя за ухо. — Интересно только, чего мы дождемся. Наверно, какого-нибудь знака, или же сам маг пожалует к нам. И долго ли ждать? Надеюсь, здесь безопасное место для стоянки. Если только в Йотунсгарде вообще есть безопасные места!

Ночь прошла беспокойно, то и дело все вскакивали на ноги. Перед самым рассветом Флоси высмотрел крупного зайца и вскочил на камень, вопя и размахивая руками в надежде, что это маг, принявший свою фюльгю; заяц, однако, с ужасом глянул на Флоси и большими прыжками умчался прочь.

— Может, это был кролик, — со сдавленным ржанием утешил его Эгиль.

День тянулся невыносимо медленно, и Эйлифир большей частью дремал или стоял на страже. Время от времени альвы расспрашивали друг друга, не чувствует ли кто знака, видения или трепета, возвещающего приближение мага. Флоси неизменно сгнул палец и, подняв его вверх, скучающим голосом сообщал:

— Нет еще.

Вскоре после полудня Эйлифир вдруг сел и склонил голову набок, прислушиваясь. Миг спустя, когда все взгляды уже были устремлены на него, он вскочил и начал собираться, с невероятной быстротой закидывая вещи в мешок. Ивар схватил его за ногу.

— Это зов, Эйлифир? Мы должны сниматься и идти?

Эйлифир взвалил мешок за спину и нетерпеливо кивнул. Все тотчас в величайшей спешке принялись укладывать мешки и натягивать сапоги. Ивар ощутил нетерпение.

— Куда идти? — крикнул он Эйлифиру, нагоняя молчуна и в душе проклиная странное отвращение этого альва к разговорам.

Вместо ответа Эйлифир извлек из кармана маятник и, вытянув его вперед, рукой описал дугу, точно искал нужное направление. Когда он указывал на юго-восток, маятник начал описывать знакомые четкие круги.

— Все готовы? — нетерпеливо окликнул Скапти. — Эй, он даже не собирается нас дожидаться! Чертов своевольник! Эйлифир! Да задержишь ты хоть на минуту!

Эйлифир помедлил, ожидая, пока Скапти вскинет на плечо мешок, и снова помчался вперед, нетерпеливыми жестами призывая их за собой. Он вел спутников по крутым холмам, по каменистым осыпям и завалам, точно охотничий пес, идущий по свежему следу. К исходу дня они спустились с гор в туманную долину, где высились безмолвные каменные колонны и слоистые синеватые холмы перемежались бьющими гейзерами. Дымящиеся озера и странные запахи придавали всей местности непривычный вид, кото-

рый Ивару не слишком пришелся по вкусу. Он крепче стиснул в руке кинжал Бирны и поспешил за упрямцем Эйлифиром, гадая, куда он их заведет.

Впереди возникли две черные башни, напоминающие полуразваленную и покосившуюся арку. Эйлифир вбежал в нее и вдруг замер; его протянутая рука указывала на что-то впереди.

— Нет, вы только поглядите, — едва отдышавшись, выдавил Скапти, когда альвы нагнали и окружили Эйлифира. — Что же это еще может быть, если не знак или что-то важное?

— Бондскарп, он же Бондхол, — промолвил Эйлифир и так поспешно и надежно захлопнул рот, точно боялся, что от него сбежит нужное слово.

Внизу, в ровной туманной долине, возвышался острый, пурпурного оттенка пик, торча, словно штопальная игла, из мягких волн низких холмов и каменного крошева, принесенного ледником.

— Бондхол? — пробормотал Скапти. — Насколько я помню значение этого названия, где-то там должна быть пещера. Я помню, что видел это название на карте Гизура. Мы пришли туда, куда надо. Ставлю жалованье за год, что где-то там есть пещера, в которой живет маг.

— Жалованье за год? — фыркнул Флоси. — А почему бы тебе не поспорить на что-то, над чем стоит хотя бы посмеяться?

Эйлифир уже с немалым шумом спускался вниз по осыпающемуся склону, не отрывая глаз от огромного пика, который лучи заходящего солнца раскрасили мягкими теплыми цветами. Остановился он лишь однажды — когда увидел протоптанную тропу, ведущую в том же направлении. Немного подумав, Эйлифир вывел спутников

на тропу и еще быстрее помчался вперед. Дорожка огибала подножие пика и сворачивала в глубокую синюю расселину, где неожиданно для всех превратилась в цепочку ступеней, высеченных прямо в скале.

— Поразительно! — пробормотал Ивар, не в силах оторвать глаз от ступеней. — Именно нечто подобное и сотворил бы маг. Никто не сможет против его желания подняться по этим ступеням. Пять-шесть защитников запросто остановят здесь целую армию.

Ступени уводили к уступу, который сам вел к другой расселине, и оттуда небывалая лестница тянулась вдоль склона пика, окаймляя головокружительные, почти отвесные скальные стены. Порой она превращалась лишь в цепочку впадин в гладком круглом склоне утеса. Каждую новую трудность Финнвард встречал испуганными поставиваниями и дрожью в коленках, однако не задерживал продвижение отряда.

Последний отрезок лестницы представлял собой узкую, почти вертикальную расщелину. Финнвард заколебался, поглядывая на лестницу и глубоко, отчаянно вдыхая, словно ныряльщик, собирающийся нырнуть в залив, кишаций акулами.

— Ты ведь не боишься, правда? — зловредно поддразнил его Флоси.

— Страх родился вместе со мной, — отвечал Финнвард, — и это чувство тысячу раз спасало мне жизнь. Кто ни разу в жизни не боялся, у того мозги не в порядке.

Тем не менее Финнвард поднялся вверх по расщелине, хотя и медленно, сопя и отдуваясь от напряжения. Флоси было приказано карабкаться вслед за ним и подтолкнуть, если тот застрянет.

Когда они добрались до вершины пика, последний луч солнца, протянувшись над распростертой внизу долиной, зажег самый шпиль Бондскарпа — все еще довольно высоко над их головами. Ступени закончились на широком уступе, с одной стороны отвесно обрывавшемся вниз, с другой — огражденным скалой без единой трещинки. С уступа явно некуда было деваться, кроме как вниз. Путники разочарованно оглядывались — все, кроме Эйлифира, который просто сложил руки, сунув ладони в рукава, и с терпеливым видом прислонился к скале.

— Опять неудача! — воскликнул Флоси, первым обретая дар речи. Он сорвал с плеч потрепанный плащ и принялся топтать его ногами.

— Это еще не все. — Скапти невесело ухмыльнулся. — Прислушайтесь!

Далеко внизу послышался знакомый гам троллей, идущих по свежему следу. Опустив взгляд, в сумеречных тенях путники различили темные уродливые фигуры, кишашие у подножия утеса. Хриплый рев, донесшийся снизу, возвестил, что тролли в погоне за добычей уже начали взбираться по ступеням.

Финнвард со стоном осел на камень:

— Ой, Эйлифир!.. Не хочу сказать ничего плохого... но, может быть, ты все же ошибся?

Эйлифир в ответ лишь довольно легкомысленно пожал плечами. Ивар злобно взглянул на него и отвернулся, чтобы еще раз оглядеть уступ. Он изучил каждую расселину, надеясь, что она приведет к новой цепочке ступеней или в глубь горы, но ничего не нашел.

— Во всяком случае, у нас неплохая оборонительная позиция, — заметил он, бросив взгляд на то, что творится внизу. — И они не сразу сюда

доберутся. А когда доберутся — здесь их встретят наши мечи.

Снизу, совсем неподалеку, донесся скрежет когтей по камню. Все тотчас обнажили мечи, готовясь к схватке.

Вдруг что-то пролетело над самыми их головами, опустилось на осажденных и тут же кругами унеслось прочь, лишь для того, чтобы опять налететь на них. Задев Ивара кожистыми крыльями, оно развернулось и кануло в пустоту.

— Летучая мышь! — нервно пробормотал он. — Должно быть, дух-хранитель этого пика.

— Ух! — Финнварда передернуло. — А она не кусается?

— Почему я знаю? — огрызнулся Ивар и быстро пригнулся, потому что крылатая тварь опять неслась на него.

— Если она вернется еще раз, я ее сам пополам перекушу! — прорычал Эгиль. — А, вот и ты, дрянь! — Он замахнулся на летучую мышь мечом, обращенным плашмя.

Та перевернулась и кожистым свертком шмякнулась на уступ. Пыхнул желтый дым и вдруг, мгновенно разросшись в клубящийся гриб, полыхнул слепящим сиянием. Эгиль отшатнулся. На уступе возникла фигура с посохом, навершие которого так и сверкало. В этом свете путники только и смогли различить что длинный плащ с капюшоном, внушительную белую бороду и несомненно разъяренную физиономию старика.

— Воры и убийцы! — пронзительно завопил он. — Как вы смеете поднимать на меня руку у порога моего же дома? Клянусь всеми страхами мира, я вам покажу, что такое напасть на мага! — Он недвусмысленно грозным жестом вскинул руки над головой.

— Погоди! — воскликнул Ивар. — Так ты маг? Погоди, не надо заклятий, лучше выслушай нас!

Маг заколебался, затем опустил руки:

— Ну? Что вам нужно здесь? Я никого не жду, и меньше всего — таких, как вы. — Он с презрением оглядел их потрепанную одежду и тощие мешки. — То ли изгой, то ли бродяги. А может, вы кланчите милостыню?

Ивар шагнул вперед:

— Нет. Мы ищем мага. Наш друг Эйлифир как будто следовал за каким-то знаком, который и привел нас сюда, на вершину пика. По его названию, Бондхол, мы поняли, что здесь есть пещера, в которой, может быть, живет маг. Ты и вправду живешь здесь и есть ли здесь пещера?

— Есть ли? — задумчиво повторил незнакомец. — Порой я и сам ломаю над этим голову. Твои спутники — альвы, не так ли? А сам ты — скиплинг, верно? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Кажется мне, я кое-что о вас слышал. Вы попали в неприятную историю, потому что убили сына Свартара. Да, уверен, что это именно вы. Лоример преследовал вас, верно? — Его блестящие глаза пристально оглядели Ивара, задержались на кинжале, и тут же маг отвел взгляд.

— Лоример преследовал нас до недавнего времени, — ответил Ивар. — Теперь, надеюсь, мы от него наконец-то избавились. Мы искали помощи мага; ты получил наш призыв?

— О да, я как будто почувствовал что-то вроде зова... но не понимаю, с какой стати вы отправились меня искать. Если б я захотел вас увидеть, я бы сам пришел к вам. — Настала очередь Эйлифира подвергнуться осмотру блестящих

глаз, и черные брови мага сошлись над переносицей.

— Ты подавал знак, — сказал Эйлифир, — и знаешь это.

— Прости его, — поспешно вмешался Скапти. — Он так редко подает голос, что совсем не обучен вежливости. Представь себе, он может не разговаривать день-два, а то и всю неделю. В общем, странный парень. Если это не тебя мы искали, мы охотно уйдем отсюда. Прости, что беспокоили.

— Нет, — ответил маг, — не спешите уходить. Тролли в последнее время совсем распустились. Пора бысыпать им для остротки. — Он протянул свой посох к верхней ступеньке, и Флоси с Эгилем поспешно убрались в сторонку. Почти в тот же миг из расщелины с диким воем выскочил тролль, клацая клыкастыми, покрытыми пеной челюстями. Однако вся его воинственность испарилась, едва он увидел мага; с воплем отчаяния он замер посреди прыжка. Одним кратким ударом молнии маг превратил его в грудку камней, и та же участь настигла двух других троллей, следовавших за первым. Камни с грохотом покатались вниз по расщелине, вызвав немалое замешательство у троллей, карабкавшихся по ступенькам. С визгом и воем они развернулись и шумно ссыпались вниз по склону, не обращая внимания на своих же придавленных собратьев.

— Как я уже собирался сказать вам, — продолжил маг, сохраняя совершенное спокойствие, — всякий враг Лоримера — желанный гость в моем доме; это и в самом деле пещера внутри этого пика. Ступайте за мной, и мы спустимся вниз, где можно будет подробнее поговорить о Лоримере.

— Благодарим тебя, но Лоример мертв, — с удовольствием сообщил Флоси. — Мы видели, как он свалился в глубокую шахту и сгинул.

— Поживем — увидим, — загадочно ответил маг. — Идите же за мной и внимательно смотрите под ноги. Здесь триста двадцать две ступеньки, и одним только богам известно, когда их чинили в последний раз.

Путники растерянно огляделись. Маг поднял посох и произнес одно-единственное слово. В гладкой скале беззвучно возник дверной проем с покрытыми искусной резьбой косяками и древней черной дверью, усеянной пучками мха. Дверь распахнулась, приветливо скрипнув ржавыми петлями и окатив гостей волной затхлого воздуха.

— Я пойду первым и буду освещать дорогу, — сказал маг. — На дверь не обращайтесь, сама захлопнется.

Ивар подтолкнул за магом упиравшегося Скапти, сказав, что сам пойдет замыкающим. Прочие альвы шли неохотно, поглядывая на пляску теней от светящегося шара, который держал маг. Ступеньки в лучшем случае были от долгой службы протерты посередине, и во впадинках сама собой скапливалась влага. Иные ступеньки поросли скользким мхом, а иные и вовсе оказались разбиты, отчего все спотыкались и бормотали ругательства.

Когда наверху с неожиданным грохотом захлопнулась входная дверь, звук был такой, точно разом хлопнула сотня дверей. Ивару вдруг стало не по себе при мысли, что они заперты в горе с магом, о котором ничегошеньки не знают. Он отчетливо помнил, что у двери наверху не было дверных ручек ни с одной, ни с другой стороны.

Когда путники дошли до края лестницы, у них дрожали колени. Еще одна дверь открылась сама собой, разъяснив полумрак отсветом огня. Маг провел их внутрь, дверь захлопнулась — и на ней не оказалось никаких дверных ручек.

Удовлетворенно вздыхая, маг потирал ладони у очага:

— Я послал вперед повеление развести огонь. Давно уже меня здесь не было, а я не люблю возвращаться в холодный нетопленный дом.

Финнвард со вздохом опустился в уютное кресло:

— А не лучше ли было устроить вход у подножия Бондскарпа, а не на вершине? Туда-сюда по ступенькам... — Он устало покачал головой.

— Тогда бы мой дом был чересчур доступен, — заметил маг. — Ну, друзья мои, устраивайтесь поудобнее и расскажите мне, как вас зовут и что привело вас на мой порог.

Ивара вытолкнули вперед говорить за всех, и он поочередно представил каждого, затем поведал, по какой причине пришли они в Йотунгард. Маг кивал, точно все это уже было ему известно. Он внимательно выслушал описание поединка между Гизуром и Лоримером и как они оба свалились в шахту.

— Теперь ты знаешь о нас все, — заключил Ивар. — Нам нужен маг, и похоже на то, что высшая сила привела нас к тебе, пусть даже против твоего желания. Так суждено, ты согласен?

— Мы заплатим, — добавил Скапти, — заплатим, как только добудем золото Андвари, — если именно это тебя останавливает.

Старый маг с силой сжал свои длинные костлявые пальцы. Все его лицо покрывал причудли-

вый рисунок морщин. Наконец он негромко заговорил:

— Скажу вначале о Лоримере, и боюсь, что эти злосчастные вести вас не слишком утешат. Лоример не погиб, друзья мои, и это я знаю наверняка, потому что сам говорил с ним сегодня. Вот откуда я знаю о его падении в шахту. В сущности, я занимался тем, что залечивал раны, которые он получил в этой схватке, и возрождал его в еще большем, чем прежде, могуществе. Думаю, вы уже угадали мое имя. Я — Регин, поднявший Лоримера из болотной могилы.

Глава 19

се как один воззрились на мага с величайшим ужасом. Финнвард в полубомбочном состоянии повис на Эгиле.

Ивар схватился за кинжал:

— Что ж, тогда, я думаю, недолго ждать, пока ты передашь нас в руки своего господина. Ну а что, если мы не пожелаем тихо-мирно подчиниться судьбе? Что, если мы будем сопротивляться?

Регин в отчаянии заломил руки:

— Мне жаль, что я обманул вас, но иного выхода у меня не было! Я слишком хорошо знаю, что Лоример — величайшее порождение зла, живое или мертвое, что когда-либо попирало землю. Поскольку сам я — черный гном, я долго изучал борьбу света и тьмы, огня и льда; вот почему я знаю, что силы огня и света приготовили для Лоримера достойного противника — Он отвесил Ивару легкий поклон. — Пока существуешь ты, существует и возможность, что Лоример будет уничтожен, и с ним все его замыслы.

— Так и будет, если только я неведимым уйду из твоих рук, — холодно подтвердил Ивар. — Мы не намерены покорно ждать, пока явится Лоример и убьет всех нас.

— Тебя Лоример убивать не собирается, — заметил Регин. — Во всяком случае, пока. Но остальных... — Он вздохнул и подкинул в огонь хворостину.

— Мы знакомы с его намерениями, — заверил его Ивар. — Даже если Лоримеру удастся захватить Свартаррик, черные гномы долго его не потеряют. В Лабиринт, за мечом Элидагрима, послал нас именно черный гном.

Регин согласно кивнул:

— Совершенно верно. Королевство Свартара стоит на шатком основании, и вполне понятно, что это тревожит черных гномов. Многие из них ненавидят Лоримера, но знают, что его ничто не остановит. И потому никто не желает открыто выступить против него из боязни, что он в самом деле свергнет Свартара. Ведь тогда Лоример заставит своих противников пожалеть, что они родились на свет.

— Если только доживет сам, — отозвался Ивар. — Раньше или позже, то ты пожалеешь о том дне, когда выкопал его из болота и вдохнул в него жизнь.

— Да ведь я уже об этом сожалею, — поспешно сказал Регин. — Я и не помыслил, что он может оказаться таким властолюбивым и неблагодарным — да, да, неблагодарным ко мне, освободившему его. Я посвятил ему чуть ли не всю жизнь, а теперь он считает, что я его раб. По правде говоря, я сам опасаюсь существа, которое возродил и впустил в мир. Я могущественный маг, и сила моя неоспорима, но я точно знаю, что не смог бы выстоять против Лоримера.

— А мы выстоим, — сказал Скапти. — Ивар уже рассказал тебе о мече Элидагрима. Этим мечом Лоримера можно уничтожить навсегда. Если у тебя кроме Силы найдется и капелька благоразумия, ты отпустишь нас, чтобы мы могли завершить наше дело. Когда вира Свартару будет

уплачена, придет время для Ивара свести счета с Лоримером. И он это сделает, помяни мое слово.

Эйлифир придвинулся, и отсвет пламени очага упал на его лицо.

— Он это сделает, Регин. Пора тебе решать, на чьей стороне ты предпочтешь оказаться, когда Лоример будет уничтожен.

Регин пожал тощими плечами:

— Если бы он узнал, что я его предал, моя жизнь стоила бы не больше, чем пылинка в буре. Почему вы знаете, что неопытный и неумелый скиплинг действительно сумеет уничтожить Лоримера, если всем нам известно, что нет в этом мире существа, способного справиться с бессмертным колдуном?

— Кузнец Даин верил, что я справлюсь, — сказал Ивар. — Старая женщина, моя наставница, готовила меня к чему-то — я не знал к чему, но она говорила, что человек может сделать почти все, на что твердо решится. Лоример убил ее, а я твердо решил ему отомстить. Я ношу ее плащ, а вот это ее кинжал. Это все, что она мне оставила, умирая.

Регин поднялся на ноги и замер у огня.

— Я только маг — хотя и весьма могущественный, — но я не могу в одиночку выстоять против Лоримера. Если б только я мог разрушить свое проклятое творение, я тотчас бы сделал это — но я воскресил его. Я слишком хорошо его знаю. В том, что он непобедим, частично еще и моя вина. Я надеялся использовать его Силу, чтобы укрепить Свартара и черных гномов, а вместо того Свартар изгнал меня и объявил вне закона, когда Лоример восстал против него. Горькое это было открытие — понять, что вместо того, чтобы

помочь Свартару (а ведь я много лет был советником его отца, прежде чем перейти на службу к сыну), я сотворил совершенное орудие уничтожения Свартаррика. — Глаза его вспыхнули, кулаки сжались; казалось, маг говорит еще с кем-то, помимо альвов и Ивара.

— Без сомнения, ты был разумным и сильным советником, — промолвил Эйлифир. — Но сейчас твой черед принимать советы. Отпусти нас, Регин. Я не верю, что ты призвал нас сюда ради того, чтобы изловить для Лоримера.

Регин напрягся и бросил на Эйлифира настороженный взгляд.

— Может быть, — пробормотал он, — может быть. Полагаю, и в самом верном слуге есть капелька предательства. Впрочем, этот разговор бессмыслен, да и опасен. Если я отдам вас ему, я знаю, что буду в безопасности, но... — Он заколебался, и морщины на его лице стали глубже от явной тревоги.

— Но ты знаешь также, что рано или поздно Лоример покончит с тобой, — проницательно добавил Скапти. — Он не стерпит возможного соперника. Ты слишком много о нем знаешь.

— Вот именно, — со вздохом согласился Регин. — Я хотел увидеть вас, чтобы решить, вправду ли ты в силах убить Лоримера. — Он обменялся с Иваром испытующими взглядами. — И я решил, что это должен сделать один из нас: ты — своим мечом, или я — с тайными знаниями о Лоримере. Беда в том, что здесь есть некоторые сложности. Тебе нужен маг, чтобы достичь пещеры Фафнира и Андвари, а мне нужен некий предмет. Иначе... без него... — Он перестал подбирать слова и обвел своих пленников умными, но сомневающимися глазами.

— Без чего? — осведомился Флоси, к которому постепенно возвращалось его врожденное нахальство.

— Если я не получу некий магический предмет, без коего Лоример может запросто одолеть Свартара, я не могу даже и думать о том, чтобы сменить мою нынешнюю относительную безопасность — Он цедил слова задумчиво и осмоторительно. — Если же сей предмет окажется в моих руках, уверяю вас, что судьба Лоримера будет решена — если, конечно, вы поддержите меня со своим мечом Нелепый выходит разговор. Боюсь, вы захотите мне помочь не скорее, чем я вам

— Помочь тебе перерезать наши же собственные глотки? Ну уж нет, спасибочки! — огрызнулся Флоси.

— Чего ты хочешь от нас, Регин? — тихим голосом вмешался Эйлифир — Похоже на то, что ты предлагаешь нам заплатить за нашу свободу.

Регин едва заметно кивнул:

— И за мою тоже. Вам нужен маг, чтобы добраться до пещеры Андвари, а мне нужен этот самый предмет, чтобы справиться с Лоримером. За небольшую плату я пойду с вами.

— Что? — выдавил Скапти — Ты — с нами? Хочешь сказать, что ты будешь нашим проводником?

— Вам понадобятся мои карты и мои советы. Вам понадобится моя помощь, чтобы добыть меч из Лабиринта, который я знаю как свои пять пальцев. — Он серьезно глянул на Ивара, но лицо того оставалось каменно-непроницаемым.

Регин уселся в высоком черном кресле во главе стола и терпеливо дожидался, пока альвы

горячо обсудят его предложение. Альвы же держались так крепко, словно им пытались всучить слепую, глухую и хромую на три ноги клячу. Общее мнение было явно отрицательным, и дело склонялось к отказу, когда Скапти стукнул кулаком по столу и рывкнул, требуя тишины.

— Ну вот, теперь гораздо легче заставить себя выслушать, — заметил он в наступившем угрюмом молчании, оглядев всех альвов по очереди. — Я выскажусь и сяду. Я хотел сказать, что брать с собой Регина — риск немалый. Мы не слишком ему доверяем...

— Не слишком! — воскликнул Флоси. — Мы не верим ему ни на волосок из его бороды, вот как! Да я глаз не сомкну, зная, что этот Регин у меня под боком размышляет о своих колдовских делишках и замышляет воскресить еще одну болотную мумию, не говоря уж о том, чтобы перебить всех нас и украсть меч у Ивара...

— Молчать! — гаркнул Скапти. — Как я уже сказал, мы не слишком ему доверяем, но иного выхода у нас нет. Регин нужен нам, нам нужны его ум и Сила. Все мы знаем, что наша Сила, вместе взятая, способна лишь на шуточки, ошибки да промашки, а это ни к чему не приведет, кроме новых неприятностей. И куда худших, чем те, которых можно ждать от Регина. Он ведь сказал, что тоже хочет уничтожить Лоримера, и я не вижу причины, чтобы такой маг, как Регин, вздумал обманывать таких ничтожеств, как мы. Я считаю, что лучше довериться ему, чем оставаться здесь и ждать прибытия Лоримера.

— Верно, верно! — пробормотал Финнвард, толкая локтем Эгиля.

— Слишком верно, — тотчас отозвался Эгиль, с сомнением хмурясь.

Эйлифир и Ивар переглянулись, и альв едва заметно кивнул. Ивар вцепился в подлокотники кресла, холодным взглядом изучая старого мага. Регин так же изучающе глядел на него, прикидывая, выстоит ли скиплинг против его непобедимого творения. Ивар подозревал, что выводы вряд ли были в его пользу.

— Ну что ж, — сказал он, — возьмем его с собой и будем надеяться на лучшее. Какую плату хочешь ты, Регин?

— О, небольшую, — отвечал маг. — Уверяю вас, вы даже не заметите отсутствия этой вещицы в несметных сокровищах Андвари. Это кольцо, гладкое золотое колечко, на котором начертано несколько рун, и оно куда дешевле прочих колец, которые вы обнаружите в сокровищах. Сам Андвари носит это кольцо и добровольно его не отдаст, но, если кольцо окажется у меня, я уверен, что с ним падение Лоримера станет неминуемо.

— Кольцо Орд, — промолвил Эйлифир. — Всякий чародей с радостью отдал бы жизнь, только бы завладеть им. Если его положить под язык мертвеца, мертвец заговорит.

Финнвард содрогнулся:

— Бр-р! Не хочется мне что-то знать, о чем может говорить мертвец.

Регин чуть улыбнулся:

— И ты, друг мой, не желал бы узнать свое будущее? Узнать, сколько ты проживешь? Умрешь ли богатым или бедным? Мало у тебя будет друзей или много? С таким кольцом ты узнаешь ответ и на эти вопросы, и на многие другие. При том я уверяю вас, что во время путешествия не стану обращаться к черной магии. В сущности, я почти отказался от нее.

Ивар поднялся с кривой торжествующей усмешкой:

— Регин, я припомнил одну небольшую загвоздку. Ты ведь сам сказал, что ты — черный гном, а мы-то существа дневные. Как же можем мы путешествовать вместе, разве что ночью? Нам такое условие не подходит.

Пальцы Регина гладили посох, видимо новый — его навершие еще не было украшено резьбой. Затем маг перевел взгляд на темный угол, где стоял другой посох рядом с плащом и сумкой, висевшей на вбитом в стену крюке.

— Есть несколько путей обойти запрет появляться при дневном свете. Один из самых трудных называется попросту Мука, и на том пути вся тьма изгоняется из Силы того, кто на это отважится. Частенько приходится проходить через Мүку не один, а несколько раз, и часто бывает также, что испытываемый не выдерживает испытания и умирает. Полагаю, что четыре Мүки — самое большее для чародея, решившего очиститься от черной магии. — Регин оборвал свою речь и молча глядел в огонь. Казалось, что пламя просвечивает сквозь него — так белы были его борода и волосы, так скудна была плоть, покрывавшая его древние кости.

— Значит, мы сможем путешествовать днем, — сказал Эйлифир.

— И ты поможешь нам найти меч Элидагри-ма, — добавил Ивар, — и отнять сокровища у Андвари и Фафнира.

Регин кивнул:

— Я сделаю для вас все, что в моих силах, если вы поможете мне убить Лоримера тем, что отдадите мне кольцо, которое носит на пальце Андвари. Не думаю, что вы сделаете глупость и попытаетесь меня обмануть.

— Никогда, — подтвердил Ивар. — Я особенно хочу смерти Лоримера — из-за Бирны.

Регин склонил голову:

— Лоример и кольцо в обмен на меч и сокровища. Такой мы заключим договор!

— Идет, — сказал Ивар. Он и Регин ударили по рукам, то же сделал каждый альв, и договор при всеобщем оживлении был заключен.

Затем Регин позволил себе проявить гостеприимство и предложил гостям очистить кладовую и уложить в мешки все, что ни покажется им пригодным для путешествия. То, что не смогли унести с собой, было съедено и выпито, и такая развеселая работа всем пришлась по вкусу. Ивар тайно следил за магом, отыскивая в нем тень коварства или предательства. Все его чувства протестовали, отказываясь доверяться тому, кто связан с Лоримером.

Эту ночь они провели у Регинова очага, а утром набили животы остатками еды, оставив мышам только крошки.

— Скучная плата за все годы их службы, — заметил Регин. — Что ж, теперь мы почти что готовы в путь. Но сначала... — Он задумчиво огляделся, и Ивар спросил себя, не сожалеет ли маг о своем решении. Затем Регин ударом ноги отшвырнул кресло и с силой опрокинул стол. Он провел рукой по стене, оставив на ней черный, льдистоблестящий подтек. Затем Регин расшвырял по всей комнате мелкие ледяные молнии, разбив на куски стол и скамьи.

Ивар положил руку на рукоять кинжала.

— Похоже, Регин, твои Муки не до конца очистили тебя от магии льда, — заметил он.

— Я дважды прошел Муку, прежде чем решился выйти на солнце, — ответил Регин, любуясь

своей работой. — И понадобится, быть может, еще дважды пройти через это, прежде чем я не смогу делать вот так. — Он махнул рукой, и огромный заряд льда сотряс комнату до основания, выбивая известку из камней очага. Ивар и альвы поспешно укрылись под плащами.

Вскинув посох, Регин коснулся балки над головой. Тотчас по дереву расплзлось голубоватое пламя. Он касался и других вещей из дерева, выжигая пятна на столе и скамьях и покрывая сажей каменные стены. Все заполнилось дымом и пеплом, и в воздухе висел сырой запах тающего льда.

— Ну вот, — с одобрением заметил Регин, — теперь похоже на то, что здесь разыгралась нешуточная битва. А теперь последний штрих, печальное свидетельство того, что Регин, старый слуга, погиб в схватке с врагами, — истаявшие останки несчастного старого черного гнома. — Он снял с крюка плащ, едва глянув на тонкое сукно и богатое шитье, и швырнул его в огонь. Когда плащ совсем обуглился, Регин вытащил его, затоптал пламя и залил плащ водой.

— Испортил такую вещь, — вздохнул Финн-вард, чей плащ был так истерт, что дыр в нем было больше, чем сукна.

— Это убедит Лоримера и его гномов, — отозвался Регин, вытряхивая на пол содержимое сумки и разбивая два хрустальных шара. — Регин, черный гном, чародей, владеющий черной магией, слуга Лоримера, не существует более. — Он швырнул в огонь старый посох, и пламя тотчас охватило его, алчно потрескивая и источая спирали странного дыма. Мгновение Регин смотрел на это, и лишь подергивающееся лицо выдавало его чувства. Затем он поспешно отвернулся, глубоко

вдохнул и крепче сжал свой новый посох. Он заговорил, обращаясь к двери, но прервал заклинание на полпути и обернулся к альвам:

— Эта дверь должна выглядеть так, словно ее расколола огненная молния. Я и сам мог бы с этим справиться, но, если вам угодно принять эту честь, пожалуйста, можете иссечь молниями мою дверь, пока от нее не останется только пригоршня пепла.

Скапти на миг изумился, затем отвесил торжественный поклон:

— Благодарим за честь, Регин. Ну что, ребята, можем мы исполнить эту просьбу, не разнеся на куски макушку горы?

Флоси и Финнвард заколебались, но Эйлифир тотчас сказал:

— Конечно. Начинай заклинание, Скапти.

Прежде чем прозвучало последнее слово заклинания, дверь уже дымилась, а когда Скапти смолк, она, как и было задумано, с ревом занялась всепожирающим огнем; миг спустя брусья рухнули, выпав из железных ободьев.

Регин кивнул, одобрительно покашляв. Альвы приняли гордый вид и, обойдя дымящиеся брусья, направились к лестнице. Когда Регин больше не мог альвов видеть, они захихикали, зафыркали и стали поздравлять друг друга с удачным заклятьем.

Регин воспламенил наверху своего нового посоха, чтобы осветить им путь.

— Полагаю, — сказал он, — вы хотите вернуться в Лабиринт так скоро, как я сумею вас доставить.

Эти слова были обращены к Ивару, который в темноте наблюдал за магом.

— Таково наше соглашение, — заметил Ивар.

— А я не согласен возвращаться в Лабиринт, — заявил Финнвард. — Я скорее бы согласился, чтоб меня подвесили за пятки и забыли на полвека. Да стоит мне только ступить на эту проклятую землю, и я, верно, испущу дух. Я бы даже согласился торчать в этой дыре... прости, Регин, я не хотел тебя обидеть. — Его голос отдавался от стен мрачным эхом.

— Я полагаю, — отозвался Регин, — что вы все могли бы подождать снаружи, пока мы с Иваром отправимся за мечом.

Подозрения Ивара вспыхнули с новой силой.

— Только вдвоем, я и ты, так, Регин? Не уверен, что меня это радует, особенно если вспомнить обо всех этих болотах.

— Если тебе так нужен меч, придется мне довериться, — ответил Регин. — Вот, возьми. — Он протянул Ивару посох.

Ивар взял посох, источавший свет, и без единого слова начал подниматься по бесконечной винтовой лестнице, удивляясь, как это может нравиться жизнь под землей, в вечном мраке, когда можно жить на земле, под ясным небом. Впрочем, напомнил он себе, истинная суть Регина может оказаться столь же мрачной и непостижимой.

Ступеньки тянулись без конца, и Ивар слышал, как позади посапывают Эгиль и Финнвард. Флоси, как всегда, ворчал. Глянув в черноту лестничной шахты над головой, Ивар вдруг как будто разглядел тень, что кралась впереди них, двумя спиралями выше. Поднимаясь дальше, он напряг зрение и окончательно убедился, что впереди по лестнице пробираются не одна, а три тени. Он остановился, и Финнвард с Эгилем, благодарно пыхтя, шлепнулись на скользкие ступеньки, чтобы хоть немного отдышаться.

— Регин, — позвал он, и его голос отдался в темноте зловещим эхом, — впереди нас крадутся три соглядата. Что тебе о них известно?

Старый маг нахмурился и секунду пристально глядел наверх.

— Нет, — сказал он наконец, — их не трое, а пятеро. Подозреваю, что Лоример сказал им тайное заклинание, которое открывает мою дверь. Не знаю, как долго они подслушивали нас, но знаю, что они за это дорого заплатят.

Запахнувшись в плащ, он произнес заклинание. Дым спиралью закрутился вокруг мага, на миг совершенно скрыв его из глаз, затем вдруг что-то пыхнуло — и Регин исчез. Огромная бурая летучая мышь бесшумно взлетела в пустоту, облекавшую лестницу, и исчезла из круга света.

Путники заколебались, но не услышали ничего, кроме тихих звуков мерно капающей воды. Ивар с тяжелым сердцем глянул на посох, все еще пылавший в его руке, и опять начал медленный подъем.

Регин не возвращался. Они поднимались все выше и выше, пока не увидели над головой свет, возвещавший конец лестницы, и там, в дверном проеме, стоял, поджидая их, Регин. Он озираясь, теснее кутаясь в плащ, точно старый нищий перед лицом враждебного мира. Услышав их шаги, он шире распахнул дверь, и тогда стали видны пять темных пятен на пороге.

— Это были черные гномы. Спешили к Лоримеру сообщить, что я его предал. — Регин вздохнул, ступая по мокрым пятнам. — Мои соплеменники, и все же мне пришлось убить их. Станным стал этот мир для одного старого мага, верно?

Сделав это заключение, он запер дверь большим ржавым ключом на цепочке и повесил ее на

шею. Затем маг вздохнул и махнул рукой сверху вниз; тотчас же скала стала совершенно гладкой. Регин взял у Ивара свой посох, загасил пламя и первым начал долгий и трудный спуск с Бонд-скарпа.

К полудню отряд спустился с пика, а на закате они достигли места, откуда был виден протянувшийся внизу Лабиринт, смешение гор и утесов, подернутых туманной дымкой. Прямо перед ними был первый вход. Мгновение путники молча смотрели на Лабиринт, вспоминая свое недавнее бегство, когда они все еще были ошеломлены гибелью Гизура.

— У нас есть еще час, до того как стемнеет, — сказал Регин. — Вы хотите этой ночью разбить лагерь внутри кругов Лабиринта?

— Ни в коем случае! — хором ответили все.

— У нас за спиной удобная лужайка и источник с проточной водой, — продолжал Регин. — Думаю, это место больше подойдет нам для ночлега.

— Еще бы, — явно с облегчением отозвался Скапти. — Эй, Ивар, с тобой все в порядке?

Ивар кивнул, не отрывая взгляда от Лабиринта, и его спутники, спустившись с холма, принялись за обустройство лагеря. Финнвард почти сразу сложил костер и начал греметь горшками, пока Эгиль и Флоси выбирали, где устроиться на ночлег. Ивар, оставшийся на гребне, все еще глядел на Лабиринт. Горькие его мысли неизменно возвращались к Гизуру; со смешанным чувством горя и досады Ивар думал, что уж кто-кто, а Гизур должен был знать, что друг Лоример не умрет навсегда. Регин починил его довольно скоро, судя по всему, и теперь он стал сильнее и еще больше прежнего алчет мести и разрушения. Гизур обрек

их на страшную судьбу — оставив без мага, затерянными в Лабиринте, и меч стал теперь еще более недостижим.

Слабый звук прервал его невеселые размышления. Это подошел Регин и молча уселся рядом на камне. Ивар поглядел на него без особой приязни, но Регин мягко проговорил:

— Не надо казнить себя за гибель друга. Он верил, что делает все возможное для вашего спасения. Нечасто приходится магу отдавать свою жизнь, но уж если приходится — он делает это с яростной радостью.

— Но разве это честно, что Лоример возрожден, а Гизур останется мертвым? — отозвался Ивар. — Отчего ты не применишь свое совершенное искусство, чтобы оживить Гизура, а не Лоримера?

Регин резко потряс головой:

— Не желай другу подобной участи! Други мучаются вечно, пока кто-нибудь не прервет их скитания, и они всегда коварны и злобны. Конечно, порой и они могут пригодиться живым, вот почему существуют чародеи и черная магия. — Он вздохнул, точно тяжесть темных лихиходейских познаний существуют чародеи и черная магия. — Он вздохнул, точно тяжесть темных лихиходейских познаний непереносимым грузом легла на его плечи. — У меня не было выбора, кроме как исполнить приказ Лоримера. Я хотел выжить, чтобы когда-нибудь увидеть его гибель; откажись я — и он убил бы меня, а потом поработил бы другого чародея, чтобы тот исполнил его веление. Он отыскал меня в другом моем доме, Асраудрсоге, где я выполняю большую часть своей работы... — Он выделил последнее слово с отвращением. — И там я облек лихихо-

дейскую суть Лоримера в новое тело, чтобы он мог продолжить свои труды в Свартаррике и при случае уничтожить вас. Ничто его не останавливает.

— И где же, по-твоему, обретается сейчас твоё совершенное творение? — осведомился Ивар. — Полагаю, он уже заметил, что стоит ему стать у нас на пути, как с ним приключаются всякие неприятности. Если не ошибаюсь, не так уж давно кое-кто заменил ему выколотый мною глаз.

Регин теснее запахнул плащ вокруг своих тощих плеч. Ивару казалось, что этот маг стоит одной ногой в могиле, и поделом. А между тем Гизур, храбрый и сердечный, мертв. Регин пристально глядел на него из-под капюшона, точно видел его мысли насквозь.

— Когда Лоример уходил от меня в Асраудр-сбоге, он не соизволил известить своего старого слугу Регина, куда направляется. Быть может, он получил какое-то предостережение и решил больше не преследовать вас. Или же считает, что все вы и так долго не протянете без помощи Гизура.

Ивар фыркнул с мрачным злорадством:

— Так ведь он не знает, что мы наняли тебя на службу. Или, наоборот, радуется такой удаче.

Регин начал набивать старую черную трубку пыльными серыми листьями.

— Или же отправился в Лабиринт, чтобы дожидаться, пока ты, Ивар, придешь туда за мечом. Согласись, приманка великолепная.

Ивар вдруг похолодел, и волосы у него на затылке встали дыбом, когда он представил себе встречу с Лоримером в самом сердце Лабиринта — и на сей раз в обществе того самого

чародея, который некогда в первый раз воскресил Лоримера

Ивар поглядел вниз, где суетились его друзья и Финнвард помешивал что-то в кастрюле, задорно споря с Флоси.

— Тебе меня не отговорить, Регин. Ждет меня там Лоример или нет, а меч я добуду. Но альвы пускай останутся здесь. Мы вдвоем пойдем в Лабиринт — я и ты.

Регин выдохнул несколько клубов едкого дыма. Затем он выколотил трубку о камень и сунул ее в карман. Поднявшись на ноги, он взял посох и проговорил:

— Стало быть, выходим тотчас же.

— Ладно, — хмуро согласился Ивар, — тотчас же. Я скажу Скапти, чтобы ждал нас только восемь дней. Если мы не вернемся через восемь дней — значит, не вернемся никогда.

Скапти этот замысел вовсе не обрадовал, но Ивар настоял на том, чтобы он остался и приглядывал за Флоси. Прочие явно радовались тому, что не придется входить в Лабиринт; Эйлифир, как обычно, держался уклончиво. Ивар простился со всеми и взял с собой небольшой сверток со съестным. Регин без единого слова зашагал ко входу в Лабиринт.

Уже почти стемнело, когда они дошли до первых ворот, и потому Регин и Ивар наскоро и безо всяких удобств устроились на ночлег в первом круге. Регин разжег костерок, чтобы осветить стоянку и согреть чаю. С тех пор как они ушли из лагеря альвов, они не обменялись ни словом.

Когда покончили с чаем, Регин встал и очертил стоянку кругом, бормоча заклятия, отгоняющие зло и охраняющие от врагов. Затем он сел у костерка и глядел, как угасает пламя. Когда от

костра остались только угли, Регин наконец заговорил:

— Скажу тебе только одно: надеюсь, то, что ты найдешь в Лабиринте, тебя не разочарует.

Ивар не ответил. Он свернулся клубком, закутавшись в одеяло, и гадал, что же может его разочаровать, кроме как гибель от руки Лоримера. Эта мысль довольно долго мучила Ивара, но в конце концов он заснул, сжимая в кулаке рукоять кинжала Бирны.

Глава 20

Без постоянной болтовни и воркотни альвов Лабиринт был зловеще безмолвен. Регин и Ивар разговаривали только по необходимости. Регин все время поворачивал налево, и они шли вперед безо всякого труда. Ивар был озадачен; путь по Лабиринту оказался так легок, что сомнения мучили его, покуда на третий день пути они не добрались до внутреннего круга. Они шли с изнурительной скоростью и в сумерках увидали перед собой последние ворота. Подходя к ним, Ивар замедлил шаг. Он ожидал увидеть неверную сторону центра с ее бесчисленными могильниками и предательскими отборами шахт, а потому с трудом поверил собственным глазам, когда в сумеречных тенях предстала его взору могила Элидагрима. Он остановился, не в силах поверить, что это видение не ускользнет от него и не растает в воздухе, как это было в прошлый раз. Запинаясь, он медленно, шаг за шагом приближался ко входу, и, когда наконец подошел совсем близко, «наваждение» не исчезло. Ивар робко перешагнул порог — и снова ничего не случилось. Три дня ожидания, что Лоример вот-вот выскочит из-за первого же валуна, натянули его нервы сильнее, чем струны на арфе.

— Иди же, она не исчезнет, — промолвил Регин. — Я подожду у ворот, а ты иди себе один без моих непрошенных советов.

Ивар так близок был сейчас к исполнению своей мечты, что мог простить и суеверного старого мага, который без конца чертил руны, сулящие удачу, круги для защиты от врагов и бормотал заклинания, отгонявшие лихо.

— Спасибо, Регин. Твой совет не то чтобы непрошен — он теперь ненужен. Этой минуты я ждал с тех пор, как начался наш поход. Это единственная причина, по которой я оказался здесь, в мире альвов. Все, к чему мы стремимся, зависит от этого меча.

Глаза Регина были почти неразличимы в тени.

— Я понимаю, как тебя тянет поскорее уйти, но прежде я должен взвалить на твои плечи ношу самого страшного моего совета. Я долго увлекался изучением мертвецов и хорошо знаю их особенности. Одна из них такова: мертвецы не любят, когда живые уносят что-то из их могил. Они ведь не только смертный прах, пойми. Дух Элидагрима все еще витает над древними костями и бывшей плотью. Думаешь, он будет рад, когда ты заберешь его драгоценный меч? Скорее всего, он наложит на тебя проклятье, и оно будет преследовать тебя до конца твоих дней. Уверен ты, что хочешь заплатить за Глим именно такую цену — весь остаток жизни быть гонимым духом мертвеца? Для вас, скиплингов, наш мир — ничто. Наши битвы — не ваши битвы.

Ивар покачал головой:

— Ошибаешься, Регин. Это уже и моя битва. Я не могу покинуть ее, не опозорив имя и память Бирны и не превратившись в ничтожного поддѣца. Отчего ты пытаешься сделать мое дело труднее, чем оно есть? Гизур старался мне помочь, а ты, кажется, стремишься меня остановить? Регин, не пытайся смутить меня или вынудить передумать.

Пришел я в этот мир, не зная, на что иду, но теперь — дело иное.

— Ну что ж, — со вздохом проговорил Регин, — тогда удачи тебе.

Ивар кивнул, не оглядываясь назад. Все его внимание было теперь приковано к могильному кургану. Юноша двинулся прямо к нему, пробираясь по болотистым низинкам и мелким каменистым холмикам. Он приближался, и курган словно рос, принимая внушительный вид погребения, подобающего великому королю. К тому времени, когда Ивар дошел до каменного круга, окаймлявшего основание кургана, ночь сгустилась вокруг, и тьму едва разгонял только огонек костра, который развел у входа Регин, ожидавший Ивара. Серп луны проливал слабый и бледный свет на курган, высившийся перед Иваром. Юноша пригляделся, и ему привиделись призрачные купола дюжины курганов, которые — он мог бы поклясться — не были видны при свете дня. Сердце у Ивара заколотилось — Лабиринт опять принимался за старые свои шутки. Он бочком, осторожно отошел прочь, не сводя глаз со странных курганов, затем торопливо зашагал назад, к костру Регина, говоря себе, что день, что ни говори, более благоприятное время для того, чтобы забираться в могилу. Он перебрался через два холма, всякий раз с вершины замечая свет костра; но когда Ивар перебрался через третий холм, он ничего не увидел. Ивар был совершенно уверен, что шел напрямик по собственным следам, но все, что он мог разглядеть, — совершенно незнакомая каменная пирамидка и глубокие тени, в которые ему как-то не хотелось забредать.

— Регин! — позвал он негромко и долго стоял, ловя напряженным слухом покашливание или треск хвороста, пожираемого огнем. В такую

ясную, безветренную ночь самый слабый звук разносится далеко.

Однако то, что он услышал, никак не относилось к Регину, — странное беспорядочное пощелкивание и шуршание доносились из могильника, что высился позади него. Ивар рывком развернулся и с ужасом обнаружил, что забрел в самую гущу призрачных могильных курганов. Шорох и царапанье становились громче, доносясь уже со всех сторон, словно какой-то зверь прокапывал себе путь наружу. Ивар смел только надеяться, что это зверь, а не что-то похуже. Он осторожно двинулся назад, к большому кургану, который казался сейчас совсем далеким; тем не менее через считанные секунды Ивар обнаружил, что карабкается вверх по его крутому склону. Изнутри доносились все те же беспокойные звуки. Ивар замер, думая, что этот шум неожиданным образом напоминает ему чертог, полный народу; все смеются, разговаривают, и время от времени через невнятный гомон пробивается заунывное пение арфы. Казалось, что в могилу вместе с Элидагримом ушло целое войско, навеки скрывшись под милой их сердцу и родной землей Скарпсея, чтобы охранить своего короля и его меч.

Ивар глубоко вздохнул и пошел вокруг кургана в поисках каменной перемычки, которая должна была отмечать ход. Под ногами продолжал раскатываться лязг и скрежет, и все громче становились невнятно бормочущие голоса.

И все же они звучат не так громко, чтобы заглушить крик, говорил сам себе Ивар. Он еще может воззвать к Регину за помощью... вот только ему до смерти не хотелось делать это. Мелькнуло подозрение, что Регин, быть может, повинен в появлении призрачных могильников. Ивар знал, что

у него слишком тонкое чувство направления, чтобы вот так просто заблудиться в темноте в сотне шагов от входа. Чтобы избавиться от Ивара, Регину проще всего сделать так, чтобы он заблудился в Лабиринте.

Он обошел курган и прекратил поиски входа. Ниже, в тумане и лунном свете, маячили вершины шести небольших круглых курганов. Ивар с дрожью отшатнулся — этот вид совсем не пришелся ему по вкусу. Внезапно вспышка света привлекла его внимание, и на миг он решил, что это Регин отправился искать его. Ивар испытал гораздо большее облегчение, чем мог бы себе признать, — и тут бледный отсвет разросся до размеров костра, вспыхнул ледяным голубоватым светом. Ивар оцепенел, но какой-то трезвый голос в мыслях отметил, из какого кургана исходит свет, и подсказал, что в старых преданиях о сокровищах частенько упоминается таинственный голубой свет, проявляющийся во тьме.

Голубой свет становился все ярче и шире, куда не превратился в кольцо, пылавшее вокруг кургана. Голубой отсвет исчез, сменившись завесой пляшущих языков оранжевого пламени. С бьющимся сердцем Ивар осторожно шагнул ближе, ожидая ощутить волну жара. Однако огонь хоть и угрожающе потрескивал, но не обжигал. Ивар медленно подошел к самому огню и остановился вплотную. Осторожно протянув руку, он коснулся пламени — и ничего не случилось. Рука даже не нагрелась. Пламя расступилось перед ним, точно раздернули занавески, и его взору открылось то, что прежде было закрыто. Это был обшитый внакрой корабль с высоким носом и кормой, украшенными резными фигурами, которые словно корчились и плясали в отблесках пламени.

Корабль был нагружен: груз составляли золотые и серебряные сосуды и прочие, более скромные жертвы — скот, свиньи, псы и конь в полном военном облачении. Под пышным балдахинном возлежали тела мертвого короля и его супруги, а с ними — слуги, которые пожелали сопровождать Элидагрима на его смертном пути. Тление совершенно не коснулось их. Казалось, что Ивар видит погребальное сожжение Элидагрима, погибшего в битве с огненными йотунами. Щедрое погребение всеми чтимого короля и его погибших воинов, совершенное оставшимися в живых воинами Элидагрима, пока окрест бродили, торжествуя победу, огненные йотуны, замыслили свое и плели заклать, чтобы никто не мог отыскать место, где успокоились Элидаgrim и его меч.

Ивар шагнул вперед, за занавес из пламени, чтобы лучше разглядеть мертвого короля. Тот лежал покойно и гордо, облаченный в доспехи, и отсвет пламени играл на его золотистой бороде и шлеме. Одна рука лежала на груди, и рядом с ней лежал меч, выдвинутый из ножен, точно был готов к тому, что вот-вот рука господина выхватит его и подымет на защиту Сноуфелла. Отблески огня мерцали на серебристом металле, завораживая Ивара, маня его подойти ближе и насытить свой взор этим зрелищем. Ивар подкрался к борту корабля, коснулся его — и обнаружил, что на ощупь он как настоящий. Дивясь собственной отваге, Ивар перебрался через борт и подполз к погребальному ложу короля. Там он скорчился и замер, покуда не оцепенел так, что едва мог двигаться. Он заучивал наизусть сложный узор на рукояти и знаки, врезанные в тонкий длинный клинок, почти сокрытый в ножнах искусной и одновременно простой работы. Несколько раз он

протягивал руку, чтобы коснуться меча, но всякий раз тут же отдергивал ее, передумав. Коснуться Глима означало, быть может, мгновенную гибель в огне, или пробуждение древнего заклятия, или же появление сотни разъяренных драутов, поклявшихся защищать от грабителей могилу Элидагрима.

Ивар так долго сдерживал дыхание, что голова у него закружилась; и вот наконец он тронул клинок пальцем. Металл был на ощупь холоден как лед. Юноша вздохнул, стараясь успокоиться, и сжал в ладони рукоять. Медленно и осторожно высвободил меч из мертвых пальцев Элидагрима, с особым вниманием пронеся оружие мимо золотого шлема. Вдруг со странной легкостью меч остался в его руке, и тогда Ивар увидел, что сверкающий клинок сломан почти у самой гарды и обломок его торчит из ножен.

Ивар почти без сил опустился на скамью погребального корабля и сидел, неподвижно глядя на обломок меча в своей руке. Согнуть или сломать меч героя — всегдашняя часть погребального ритуала. И почему только до сих пор ему ни разу не пришло в голову, что меч может оказаться сломан и ничья рука уже не сможет владеть им!

После долгих терзаний Ивар поднялся, нерешительно сжимая в руке меч. Медленно, с большим сожалением он начал возвращать меч на место, где ему и надлежало быть. Что-то в бледно-сером лице царственного мертвеца напомнило ему Бирну. Ивар точно знал, что Бирна посмеялась бы над ним и презрительно бы фыркала, узнай она, что он отказывается от меча после того, как прошел к нему такой долгий путь. Ничего она так не презирала, как бесплодные усилия. Ивар долго и задумчиво рассматривал меч. Теперь, когда потря-

сение и разочарование его поблекли, он подумал, что меч, быть может, удастся перековать. Даже если и нет — пусть меч останется при нем талисманом, подкрепляющим отвагу. В конце концов, это ведь тот самый меч, о котором все говорили, будто его нельзя добыть из могилы Элидагрима.

Он вынул из рук Элидагрима ножны и обломок меча. Затем последний раз взглянул на мертвого короля, гадая, будет ли герой разгневан тем, что скипpling унес его меч. Ивар отсалютовал Элидагриму обломком Глима и осторожно двинулся назад, неспешно спустившись с борта корабля. Едва его ноги коснулись земли, как жаркий пламень, громко треща, охватил корабль и весь его груз. Ивар шарахнулся прочь. Миг спустя пламя исчезло, и с ним корабль — не осталось ни углей, ни закопченного камня. То и дело оглядываясь, Ивар обогнул основание длинного кургана и поспешил ко входу. Серпик луны цедил свой бледный свет куда щедрее, освещая ему именно ту дорогу, по которой он хотел идти, и именно ту картину, которую он хотел видеть. Мелкие курганы исчезли бесследно, и мертвецы не бормотали и не шуршали больше в своих могилах. Прямо перед Иваром горел костерок Регина — маяк, хорошо видимый и в полумиле.

Когда Ивар вернулся, Регин стоял у костра. Не успел Ивар войти в круг света, как старый маг нетерпеливо окликнул его:

— Нашел ты его? Принес ты его с собой?

Ивар, не отвечая, присел на камень у огня. Он поглядел на Регина и понял: маг знал, что меч сломан. Ивар положил ножны на колени и наконец ответил:

— Конечно принес. Не мог же я дойти до конца и вернуться ни с чем. Я уверен, что ты знал

о мече все, но почему-то не сказал мне, что он сломан. Была ли у тебя тайная причина сделать так, чтобы я запутался в темноте среди могильников?

Регин вздохнул:

— Разве ты согласишься мне, — согласишься, что мои намерения чисты? Никогда и ни за что. Ты охотнее всего делаешь именно то, что я пытаюсь тебе отсоветовать. Сколько живу, не встречал никого упрямей скиплингов. Впрочем, быть может, именно благодаря своему упрямству ты выжил до сих пор в Скарпсее. — Он перевел взгляд на меч в ножнах и покачал головой в безмерном удивлении. — Незадолго до того, как я прошел первую Муку, мне было видение корабля Элидагрима, и тогда я понял, что в смутные времена не будет надежды на мирное будущее, если не перековать сломанный меч. Поведай же теперь, как удалось тебе пройти сквозь пламя к кораблю и не сгореть заживо?

Ивар, безмолвно изучавший рукоять Глима, поднял глаза на мага:

— Просто прошел — и все. Я даже жара не почувствовал, покуда корабль не вспыхнул пламенем и не исчез. Когда я увидел, что меч сломан, я почти решил не брать его из могилы.

Регин только ахнул:

— Говорю же, в жизни не видывал такого упрямства! Магический меч сам идет к тебе в руки, а ты, видите ли, «почти решил не брать его»! Да с чего ты взял, что у тебя вообще был выбор?

Ивар в ответ только что-то раздраженно проворчал, роясь в своем мешке в поисках чего-нибудь съедобного. Потом он устало оперся спиной о камень и закрыл глаза, вытянув ноги к огню. За маленьким кругом света затаилось черное без-

молвное сердце Лабиринта, но сейчас оно казалось странно опустевшим и лишенным покрова тайны. Ивар глядел на длинный курган, размышляя об Элидагриме и его воинах, и о том, как их погребли много веков назад, и о том, как Элидагрим веками ждал, когда он сможет передать свой меч тому, кто продолжит борьбу против темных сил, сразивших его. Ивар чувствовал, что Элидагрим не станет преследовать его ревнивой мстью. Куда больше пугало его величие дела, которое принял он на свои плечи, взяв в руки меч. Теперь его обязанность — перековать меч и сражаться им, как сражался бы сам Элидагрим.

— Меч должен быть перекован, — сказал он вслух. — Это и будет следующее испытание, верно? Справишься ты с этим, Регин?

Глаза Регина расширились в неподдельном ужасе:

— О нет, только не я! Я рожден черным гномом, от природы творением тьмы, и я не осмеюсь даже коснуться этого клинка! Никогда я не смогу очиститься настолько, чтобы иметь дело с альвийским мечом, да еще магическим.

— Но его ведь создал Даин, черный гном, — задиристо бросил Ивар. — Отчего же ты не можешь коснуться этого меча?

Регин всплеснул руками:

— Да оттого, что Даин, творя этот меч, имел в виду таких, как я! Тронь я Глим — и сгорю, точно сухой лист в огне или как мотылек в пламени лампы. Сила моя велика и удивительна, но не настолько, чтобы распутать чары Даина. Если ты найдешь того, кто сумеет перековать меч, Лоример падет к твоим ногам. Ты сможешь повелевать всем и вся — стоит только захотеть.

Ивар пристально разглядывал меч:

— Так или иначе, я найду способ его перековать.

— Не сомневаюсь, — отозвался Регин.

Ивар лег и попытался заснуть. Рука его сжимала меч, точно тот мог раствориться в воздухе. Стоило ему заснуть, как он почти сразу просыпался. И все время Регин неизменно сидел рядом, точно жалкий дряхлый ворон, открывал покрасневший глаз и бросал украдкой взгляд на Ивара, а потом быстро зажмуривался.

Бледным ранним утром они отправились в обратный путь. Ивар шел по оставленным им же следам, напряженный и настороженный, как всегда.

— Уверяю тебя, — сказал наконец Регин, — мы не забредем в болота, и ничто не преградит нам путь, так что перестань так косо на меня поглядывать. Ты все никак не простишь мне, что я не могу переделать твой меч?

— Я подозреваю, что ты смог бы, если б только захотел, — хмуро ответил Ивар. — А Лоример не захочет, чтобы меч был перекован.

— Фафнир тоже, но ведь это же не значит, что я — защитник драконов. Я разорвал свою связь с Лоримером и связал себя с тобой и твоими приятелями-альвами — довольно странная замена, если хочешь прожить подольше.

— Так ты перековал бы Глим, если бы мог?

— С радостью. Нельзя победить дракона сломанным мечом. А теперь выходит, что тебе пока что его нечем побеждать.

Ивар помрачнел и в таком настроении пребывал весь остаток дня. Он не произнес ни слова, пока они не остановились на ночлег и не закончили своей жалкой трапезы из черствых сухарей и вареной вяленой рыбы. Регин устроился подремать у огня, точно сон должен был усми-

рить возмущение его желудка такой скудной пищей.

К закату следующего дня они увидели впереди лагерь альвов. На сей раз стражу там несли как надо. Флоси поднял тревогу, а Финнвард принялся раздувать огонь, точно вознамерился поджарить целого быка.

Флоси, вскарабкавшись по холму, выбежал им навстречу и первым делом спросил:

— Где меч? Вы добыли меч?

— Потом, потом, — ответил Ивар, который ощутил вдруг такую усталость, что едва держался на ногах, когда доковылял до лагеря. Он шлепнулся на чей-то тюфяк и закрыл глаза.

Флоси нетерпеливо приплясывал вокруг, во все горло призывая Эгиля и обмениваясь руганью со Скапти. Эйлифир и Скапти выжидательно переводили взгляд с Ивара на Регина.

— Ну, так что же стряслось? — спросил Скапти, дергая себя за ухо и уже готовясь грызть кончик бороды.

— Мы устали, — ответил Регин, присаживаясь на камень так осторожно, словно стал на сотню лет старше. — Дайте нам отдышаться, и Ивар все расскажет.

— Все? — Скапти остро поглядел на Ивара. — Что, плохие новости?

Все затаили дыхание — даже Флоси, который ожесточенно отпихивал Финнварда, чтобы тот не мешал смотреть.

— Ну, не совсем, — садясь, устало отозвался Ивар. Он начал рассказывать о том, как вместе с Регином шел к центру Лабиринта. Говорил он откровенно, ничего не пропуская, в том числе и своих подозрений насчет планов Регина. Старый маг даже не дрогнул и не протестовал. Ивар

описал курганы и охваченный огнем погребальный корабль, его роскошный груз и богатые доспехи Элидагрима. Альвы, зачарованные, глотали каждое его слово, а Финнвард, у которого мурашки побежали по спине, забыл помешивать похлебку.

Наконец Ивар вынул меч в ножнах, который до сих пор прятал под плащом, и заключил:

— Вот он, Глим, меч Элидагрима, с которым связаны все наши надежды, символ нашего могущества и успеха. — Все захлопали в ладоши, и тогда Ивар одним быстрым движением вырвал из ножен обломок меча. Альвы задохнулись от ужаса, и лица их мгновенно посерели.

— Сломан! — воскликнул Скапти. — Мы обречены! Свартар и Лоример уничтожат Сноуфелл!

В тишине, источавшей черное отчаяние, прозвучал голос Эйлифира:

— Быть может, мы сумеем перековать меч с помощью нашей Силы.

— Да ни за что! — прорычал Эгиль, мотая головой. — Наше положение было почти безнадежным, еще когда мы не знали, что меч сломан. Ну а теперь «безнадежно» — это еще мягко сказано!

— Бьюсь об заклад, — со злостью вставил Флоси, — что старый Данин хихикает теперь себе в рукав, потому что послал нас за сломанным мечом, — а впрочем, он наверняка не надеялся, что мы вообще уцелеем. Пора бы нам понять, что все черные гномы будут держаться Свартара, точно пивка — кожи. — И он свирепо уставился на Регина, который спокойно глядел на него, покуривая трубку.

Мгновение альвы стояли молча — слышно было лишь, как Финнвард помешивает похлебку.

Затем молчание прервал Регин. Он выколотил трубку о камень, сунул ее в карман и, с кряхтением поднявшись, сказал наконец:

— Лучше бы кто-нибудь стал на стражу. О мече мы поговорим завтра, когда хорошенько отдохнем, — это всем нам не помешает.

Ворча и вздыхая, альвы разбрелись кто куда. Финнвард предлагал похлебку, но никто ею не соблазнился.

Утром Ивар созвал совет.

— Вопрос один, — начал он, — как убить Фафнира сломанным мечом?

— Хороший вопрос, я бы сказал, — пробормотал Флоси.

— Нас могли убить не единожды, — продолжал Ивар. — По-моему, за этим безумным предприятием таится и цель, и разумный замысел, так что остается упорно продолжать свое дело, и мы победим. Нас не уничтожил Лоример, не заездили до смерти ведьмы, не сожрали тролли — всякий раз мы спасались в последнюю минуту; и если мы не сдадимся, то спасемся и на сей раз. Я уверен: стоит нам опустить руки и сдаться — и произойдет нечто ужасное. На мой взгляд, сейчас перед нами такой выбор. Мы не можем вернуться к Эльбегасту и просить его о помощи, как бы нам этого ни хотелось. Наш выбор — между жизнью и смертью, и под жизнью я разумею — идти дальше к своей цели. Давайте проголосуем. Кто хочет умереть, поднимите руки.

Альвы потрясенно уставились на него. Даже Регин чуть шире приоткрыл глаза. Все поспешно прижали руки к бокам.

— Никто? Ну а кто хочет жить?

Тотчас взлетели все руки до единой. Ивар торжественно сосчитал их, прибавив и свою.

— Что ж, неплохо, но если вы и вправду хотите выжить, надо примириться с кое-какими неудобствами. Не ныть, не тащиться позади, есть и спать ровно столько, сколько нужно. Не спать на посту и подчиняться приказам точно и быстро, без всяких споров. Признать вожаками тех, у кого больше Силы. Прежде всего, я считаю, это Регин, затем Эйлифир, Скапти и я.

Скапти поднял руку:

— Прости, Ивар, я не спорю, но не могу согласиться с тобой. Ты — прежде всего, а уж потом Регин и мы с Эйлифиром. Сломан меч или нет, а ты все равно герой, и альвы, и маги должны тебе подчиняться. Может, ты и не маг, как Регин, но у тебя есть собственное могущество. Только настоящий герой мог прийти в этот мир безоружным, чтобы предпринять отчаянный поход с шайкой таких ничтожеств, как мы. Ты наш вождь, Ивар, не Регин и никто из нас. Думаю, что все со мной согласятся. — И он обвел всех суровым взглядом, на случай, если кто-то решится протестовать.

Однако даже Флоси помалкивал. Все как один торжественно кивнули.

— Отлично, — продолжал Скапти. — Ивар, мы за тобой до конца. Мы пойдем за тобой даже в пасть Фафниру.

И опять все кивнули, хотя упоминание пасти Фафнира не слишком их подбодрило. Ивар был доволен и даже слегка обескуражен успехом своего совета. Эгиль и Финнвард тотчас сели точить мечи, обсуждая, какие жизненно важные органы дракона лучше поразить в будущей схватке. Веселое пение точильных камней скоро наполнило все окрестности, сопровождая не слишком аппетитные рассуждения о том, как лучше распороть дракону брюхо.

Регин открыл сумку и извлек свернутые в трубочку карты:

— Надо бы нам нанести на карту наш путь до Дрангарстрома по этим неизведанным местам. — Он начертил треугольник между Йотунсардом и Свартарриком. — Полагаю, где-то здесь скрывается Андвари. Чем более опасны и недоступны места, тем скорее мы его разыщем. Нельзя же, в конце концов, груды сокровищ и взрослого дракона держать где попало. Я знаю, что большая часть Дрангарстрома не отмечена на моей карте, поскольку никто еще не возвращался оттуда живым, чтобы описать эту реку. Однако я уверен, что если мы все время будем двигаться на северо-восток, то в конце концов уткнемся в Дрангарстром. Гляньте на карту, и вы поймете, почему я так уверен, что Андвари скрывается именно здесь. Вверх по реке равнины Свартаррика и Хлидаренда, самые знаменитые поля битвы и могильники во всем Скарпсее. Каждый год, когда возвращается солнце и снег тает, а то еще и вулкан вскроется под ледником, потоки вод омывают эти равнины. Могилы размываются, кости воинов и золотые украшения смываются в притоки и главное русло Дрангарстрома. Все, что нужно старине Андвари, — ждать, и рано или поздно кольца, монеты, золотые шлемы сами приплываю к нему в руки. Вообразите, какие сокровища он уже накопил! — Глаза Регина холодно блеснули.

— И вообразите дракона, который стережет каждую монетку, — добавил Финнвард.

Мысли о сломанном мече куда меньше мучили Ивара, когда отряд вышел в путь, направляясь на северо-восток. Дорога вела по местности, мрачнее которой он до сих пор не видел. Казалось, огненное сердце земли здесь совсем близко от

поверхности — везде кипели озера и горячие ключи, дымились гейзеры, а кое-где под землей перекачивался грозный рокот. Тут и там бурлили болота — точь-в-точь котлы кипящей грязи. Две горы источали смрадный дым, тянувшийся на целые мили, и солнце просвечивало сквозь него, точно гневный, налитый кровью глаз. Ивару становилось не по себе в его тусклом свете, и он все оглядывался, опасаясь, что за ними погоня. Будь только свет посильнее, а дым пореже, он мог бы наверняка убедиться, следят за ними или нет.

На второй день пути по Погребу Муспелля, как называли огненные йотуны это славное местечко, Ивар разглядел наконец позади какое-то движение. Всадники ехали в том же направлении, что и они, вдоль отдаленных холмов, небольшими отрядами и довольно быстро. Затем почти все они исчезли, и лишь несколько всадников преследовали чужаков, не скрывая своего приближения.

Регин долго разглядывал их в старую подзорную трубу.

— Огненные йотуны, — проговорил он с обреченным вздохом. — Они не позволят уйти живыми и невредимыми тем, кто ограбил могилу Элидагрима.

Глава 21

львы сбились вокруг Регина и Ивара, испуганно поглядывая на далеких всадников.

— На сей раз мы точно попались, — с мрачным удовлетворением заметил Эгиль. — В этих горах засело, должно быть, не меньше тысячи йотунов. И все из-за сломанного меча, который ни на что не годится.

— Цыц! — прикрикнул Скапти. — Йотуны вот считают, что годится.

Ивар обернулся к Регину:

— Ты выбирал эту дорогу, Регин. Если на нас нападут, рассчитывать придется только на твою защиту. В этих альвах огня маловато, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Тебя может ожидать сюрприз, — заметил Регин, выгнув одну бровь. — Эти альвы могут куда больше, чем сами подозревают.

— Мы-то? — Флоси недоверчиво оглядел Эгиля и Финнварда.

— Ну, — сказал Ивар, — как бы там ни было, а ты лучше приготовь заклинания, молнии... или что там еще... чтобы отбить нападение йотунов.

— Не тревожься, — сухо ответил Регин, — приготавливаю.

Горы вокруг становились все круче и точно сужались к единственному разрыву в их массивной цепи, где ледники столетиями прокладывали себе путь на равнины, лежащие по другую сторону гор.

Ручьи, сбегавшие с крутых склонов, сливались во внушительных размеров реку, которая с грохотом ниспадала на каменистое дно глубокой сумрачной долины. Далеко внизу, вобрав в себя еще несчетное количество ручьев и пробежав много миль, эта река впадала в пенные широкие воды Дрангарстрома и с ним добегала причудливым путем к морю.

Ивар не стал вести отряд слишком низко в долину. Остановившись за валом из осыпавшихся камней, путники разглядывали утрюмые утесы, за которыми шныряли йотуны.

— Йотуны впереди, йотуны позади — словом, йотуны со всех сторон, — мрачно заключил Ивар. — Не знаю, как мы сумеем выбраться отсюда, разве что чудом. Если бы мы все умели принимать облик фюльги, мы еще могли бы проскользнуть у них под носом, но среди нас трое, совершенно к этому не способных. Помните, как Гизур истощил свою Силу, помогая вам перебраться через Вапнайокулл? Нельзя, чтобы Регин рисковал тем же.

Позиция у йотунов была — лучше не придумаешь. Они разместились у единственного выхода из долины, где утесы сдвигались ближе и долина превращалась в узкое, забитое камнями ущелье. Йотуны надежно закупорили его лучниками, засевшими по обе стороны ущелья, а снизу вход закрывал отряд всадников. Крик с вершин предостерег йотунов, что добыча приближается, и теперь они заняли свои места, наложив стрелы и натянув луки с безошибочно убийственным стуком гладкого, отточенного к битве оружия.

Беглецы, как могли, укрылись за каменным валом. Прошло несколько секунд, и вперед медленно выехали три всадника, в знак мирных намерений подняв над головой оружие. Двое из них

были одеты, как волшебники, а третий оказался Тором из Ульфгримова подворья — он ехал верхом на костлявой кляче, которая, судя по всему, последний раз сытно поела года два назад.

— Привет вам, осквернители могил! — насмешливо прогромыхал Тор. Добыли вы меч Элидагрима, обманщики и воры?

Ивар настороженно вскинул голову:

— Добыли, Тор, и не отдадим его, если этого ты добивался, устроив нам смертоносную западню. Попробуешь задержать нас — тебе же хуже.

Тор уверенно покачивался в седле — пестром и штопаном-перештопаном, с торчащими хвостиками потрескавшейся кожи.

— Вот как? А мои волшебники говорят, что ты лжешь. Мы знаем точно, что ваш маг Гизур погиб в Лабиринте. Кто же теперь ваш советчик и защитник? В Йотунсгарде нет магов Гильдии, только чародеи да волшебники-йотуны, а они вам вряд ли захотят помочь. Что это за коротышка в черном плаще, откуда вы его выкопали? Говори, чужак, если хоть на волос заботишься о своей шкуре.

Регин знаком велел Ивару помалкивать.

— Не называй мое имя, или мы потеряем огромное преимущество перед Лоримером, — прошептал он. — Я не раз имел дело с огненными йотунами, оставь мне все переговоры, ладно?

Ивар, хмурясь, кивнул:

— Только не заключай с ними никаких соглашений, даже если так привык иметь с ними дело.

Регин укоризненно глянул на него и на удивление громко обратился к Тору:

— Так ты здесь, Тор из Ульфгримова подворья! Да, мне все известно и о тебе, и о твоих родичах. Я знаю также, что твои соседи-йотуны не слиш-

ком тебя любят. И сюда они явились только для того, чтобы помешать тебе самому украсть меч, ты же явился удостовериться, что этого не сделает никто другой. Сами вы все не кто иные, как воры и обманщики, лжецы и мастера иллюзий, так что вся ваша брань к вам же и относится!

Эгиль сдавленно гоготнул и одобрительно хлопнул Регина по спине:

— Ну ты им и сказал, старый лис!

Тор нацелил на них копьё и попытался погнать вперед коня, но тот лишь удрученно переступил и потянулся за пучком травы. Тогда Тор с яростью обернулся к волшебникам, и все трое шепотом совещались. Затем Тор проревел:

— Мое право угрожать, не ваше! Если не отдадите меч, мы прихлопнем вас, точно мух! Если же хотите пожить еще немного, презренные воры и предатели, выдайте нам скиплинга с мечом, и я позволю вам уйти с миром. Я, Тор, сын Ульффрима, сказал! — Он дернул бедную клячу за поводья и ударами пяток вынудил ее немного продвинуться вперед.

— Ха! — пробормотал Эгиль, наклоняясь к Регину. — Этот алчный мешок с кишками, похоже, мечтает сам воспользоваться могуществом Глима!

— Ни за что! — прокричал Ивар поверх каменного вала. — Ни меня, ни меча ты не получишь, Тор! Только сунься к нам, и первым попробуешь силу Глима!

Тор и маги снова пошептались. Затем Тор подъехал поближе, нещадно колотя коня пятками по бокам.

— Покажите мне меч! — потребовал он.

— Нет, — отрезал Регин. — Еще шаг — и мы испелим тебя.

Тор откинулся в седле:

— Кто это меня испепелит? Эти никчемные альвы, что ли? Все они трусы и ничтожества, и порази ты меня громом на месте, если я не прав! — Он загоготал так, что эхо раскатилось между скал.

— Мы тебя предупреждали! — прокричал Регин.

Тор замолотил пятками по ребрам коня и призывно махнул рукой своим советчикам, которые опустили копыя и целеустремленно двинулись вперед.

Тор еще самодовольно ухмылялся, когда Скапти поднялся на одно колено и прицелился в нападавших.

— Ничтожества! — прокричал он. — Трусы! Никчемные! — И с последним словом, собрав Силу, обрушил на них ослепительный просверк молнии; гром загрохотал так, что у всех заложило уши. Кони отпряли, приседая и сбрасывая всадников на землю; те кое-как поднялись и пустились наутек, а за ними, злобно оглядываясь, с топотом удирал Тор.

— Чудесно! Замечательно! — восклицал Флоси, хлопая по спине Скапти. — Великолепно! Они, верно, решили, что это гром среди ясного неба! Хо, глядите, они все еще бегут!

— Ну да, за подкреплением, — ворчливо заметил Регин. — Неплохо, Скапти, но я бы хотел, чтобы ты оставил игры с молниями на мою ответственность. Такие неуклюжие фокусы даются мне без малейших усилий. Не хотел бы я, чтобы ты сделал промашку со своей новообретенной Силой.

Скапти кивнул, но вид у него был довольный.

— Здорово у меня вышло, а? Немного поупражняйся, и я бы мог в сорока шагах подпалить им усы.

— Не сомневаюсь, — сказал Регин, — но лучше упражняться с теми, кто не сможет в ответ испепелить тебя.

Ивар следил за постыдным бегством своего врага Тора. Его поражение, как видно, привело в ярость прочих йотунов. Они окружили Тора, вопя и размахивая руками. Мгновение спустя другой вожак вскочил в седло, сзывая добровольцев для атаки. Наконец около дюжины йотунов набрались духу и подъехали на безопасное расстояние, чтобы приглядеться к врагам и поймать двоих бесхозных коней. Третий конь, злосчастная кляча Тора, воспользовался случаем избежать полной мучений жизни и, свалившись, испустил дух. Новый вожак храбро доскакал до трупа клячи и с важным видом стал натягивать лук.

— Сделай же что-нибудь! — повторял Флоси, требовательно тыкая Регина под ребра.

Не обращая внимания на его грубости, Регин наблюдал за приближающимися йотунами.

— Отпустим немного веревку, а потом вздернем их как следует, — сказал он внешне спокойно, но глаза его при этой мысли засверкали.

Йотуны вопили оскорбления врагам, попутно подбадривая руганью друг друга, покуда не оказались на расстоянии полета стрелы. Тогда они обрушили на противника ливень стрел. Едва пропела первая тетива, Регин проговорил заклинание, и все стрелы, достигая определенной высоты, тотчас вспыхивали огнем, так что на землю осыпались лишь угольки да оплавленные наконечники. Йотуны взволнованно загалдели, и кое-кто даже повернул коней, собираясь удариться в бегство, но вожак несколькими хорошо рассчитанными угрозами удержал их. Снова они вскинули луки и рванули вперед, готовясь осыпать беглецов стрелами.

На сей раз Регин сотворил магический порыв ветра, который отшвырнул стрелы прямо на йотунов. Те с воплями и воем бросились на землю, получив лишь несколько мелких ран, которые только распалили их ярость и отвагу. Сменив луки на топоры и мечи, они выстроились нестройными рядами, набирая бешенства для третьей атаки. С ревом ярости йотуны ринулись к вершине холма, на котором засели враги. На бегу они грозно размахивали оружием.

Регин преградил им путь. Чернобородый йотун замахнулся на него, точно косец, срезающий пересохшую камышину; но когда меч был уже занесен, готовый разрубить Регина надвое, тот поднял руки и проговорил заклятие.

Не было ни грома, ни яростных просверков молнии, но атакующих отшвырнуло — так стайку мух наотмашь отшвыривает увесистая ладонь. Чернобородый йотун и его сверкающий меч исчезли, и Ивар обнаружил, что лежит навзничь, моргающими глазами тупо уставясь в серо-желтое небо.

— Вставай, Ивар! — велел Регин. — Скорей! Некогда отдыхать! Один из этих волшебников был Бьярн, сын Ульфгрима, большой мастер иллюзий и обманов, и, насколько я его знаю, худшее еще впереди.

— Да пошли они все! — самодовольно отозвался Флоси. — Мы со всеми справимся, верно, Скапти? Тридцать или триста — какая разница?

Побежденные йотуны, рассыпавшись по двое-трое, ковыляли назад, к своим позициям. Нескольких раненых пришлось нести, но убитых как будто не было. Этот позор, казалось, усмирил даже самых отчаянных вояк. Никто больше не призывал йотунов в бой, а Тор сын Ульфгрима и его родичи хранили угрюмое молчание.

Наконец появилась четвертая волна атакующих. На сей раз это были трое длиннобородых йотунов, которые неспешно шли через долину к укреплениям беглецов. Они остановились на приличном расстоянии, и один из них приветственно поднял руку.

— Покажись нам, колдун! — крикнул он. — Мы не знаем, кто ты, но сила твоя похвальна. От чего бы нам не уладить этот вопрос разумно, чем осыпать друг друга молниями и заклятиями?

— Разумная и искренняя речь, — отвечал Регин, предусмотрительно не высываясь из-за камней под стрелы лучников. — Судя по этой речи, вы поняли, что, если будете и дальше задерживать нас, вам не избежать многих несчастий. Никто и ничто не помешает нам пройти через эту долину и спуститься вниз, на равнины. Советую вам поосторониться, иначе смерть вам!

Другой волшебник выступил вперед, и Ивар сразу признал долговязую костлявую фигуру Бьярна из Ульфгримова подворья.

— Терпение наше иссякает, — проговорил Бьярн своим скрипучим голосом. — Ты не хочешь показаться нам, как сделал бы это всякий заслуживающий доверия маг, зато так плюешься оскорблениями и угрозами, точно тебя вскормили серой. Хотел бы я узнать, какого рода ты маг, кроме того, что выступаешь против законов Йотунсгарда. Мы уже видели кой-какие твои штучки, но они нас не слишком впечатлили. Может, ты скорей мошенник, чем маг? Я вызываю тебя доказать, что ты способен на большее, чем прикончить старую клячу и разогнать шайку трусов. Ну-ка, порази меня молнией! Убей меня сейчас же, если сможешь, — я тебе позволяю! — Он протянул вперед руки, показывая, что не станет ни сражаться, ни даже защищать себя.

— Убей, убей его! — взволнованно воскликнул Флоси. — Тебе повезло!

Регин выступил из-за камня, сжимая в руке посох.

— Регин, — одернул было его Ивар, — ты же не выступишь против всех троих! Убьешь одного, а два других прикончат тебя! Не глупи, Регин!

Маг словно не слышал его. Он оперся на посох, и несколько минут Регин и его противники изучающе разглядывали друг друга.

— Не стоит устраивать такое представление, Бьярн, сын Ульфгрима, — сказал наконец Регин. — Надо быть совершенным ничтожеством, чтобы поднять руку на такого шута, как ты. Насколько мне известно, этот скиплинг, альвы и нанятый ими маг уже были в твоих руках, и ты упустил их. Надеюсь, что ты до конца своих дней не простишь себе такой промашки.

Бьярн схватился за посох:

— Кто ты такой? С виду ты черный гном. Разве не предательство — служить убийцам сына Свартара?

— Я чародей, а мы живем по собственным законам, и нам нет дела ни до Свартара, ни до кого иного, пока он первым не заденет меня. — Регин говорил, прикрывая лицо капюшоном.

— Чародей? — Еще один волшебник шагнул вперед. — Что же ты предаешь Йотунсгард, где всегда почитали чародеев и черную магию? Веками ждали мы того, кто раскроет тайны меча Элидагрима и приведет нас к тому, чтобы править всем Скарпсеем, а ты предпочел позволить, чтобы низкорожденный скиплинг захватил в свои руки мощь, которая по праву принадлежит йотунам! Мы бы сделали тебя королем. Тебя обвели вокруг

пальца. Сколько золота обещали тебе за службу? Мы дадим вдвое больше.

— Всего лишь малое колечко из сокровищ Андвари, — холодно отвечал Регин, — и иной платы мне не надобно. Эти альвы не грозили сделать меня королем, взвалить на меня тяготы ненужного богатства или нежеланной власти, и за это я им благодарен. Да не люблю я болтать попусту. Если вы требуете, чтобы я показал вам свое искусство, ничего иного мне не остается, как только бросить вам вызов. Либо убирайтесь отсюда все до единого, либо я вызываю всех троих на поединок, который и решит, уйдем мы отсюда или нет.

— Всех троих? — повторил Бьярн, и волшебники обменялись озадаченными взглядами, точно не веря удаче; впрочем, тут же в этих взглядах блеснуло подозрение. — Ты хочешь стать один против нас троих? — Бьярн по-волчьи оскалился.

— У вас разве ушей нет? — огрызнулся Регин. — Или недостаточно силы, чтобы правильно понять меня?

Вместо ответа Бьярн направил свой посох на Регина и метнул в него ледяную грохочущую молнию. Регин легко отразил удар и в ответ швырнул огненную молнию в волшебников. Они остановили ее своим заклятьем и ответили дождем ледяных игл. Регин взмахом руки оградил себя стеной из пламени, и лед с шипеньем истаял. Там, где пролился дождь, трава почернела, точно облитая ядом.

Маги продолжали обмениваться заклятьями, точно упражняясь в волшебстве или развлекая благодарных зрителей. Время от времени противники высказывали похвалу особо удачному заклинанию. Альвы начали обмениваться своими суждениями и воплями подбадривали Регина, словно все

это было затеяно лишь для того, чтобы развлечь приятелей после сытного обеда.

Но вдруг характер поединка изменился: три волшебника один за другим метнули в Регина три заклятия. Регин отразил их и ответил подряд несколькими огненными заклятиями, но ни одно не задело волшебников. Они возвели вокруг себя кольцо мерцающего синего пламени, точно желая показать, что тоже не чужды огненной магии.

Следующее заклятие йотунов не долетело пятидесяти футов до Регина. Мгновение оно дымилось и извивалось, а затем вдруг ожило. Пять белых волков, сверкая глазами и скаля клыки, бросились на Регина. Маг уничтожил их, и они сгорели жарко, как смолистые дрова.

Волшебники-йотуны предложили отдохнуть и посоветоваться, и Регин благородно согласился. Он сел на камень, чтобы отдышаться, и оглядел своих спутников.

— Недурно для пожилого новичка, — криво усмехнувшись, заметил он. — Если б я не лишился почти всей магии черного гнома, я уже заколотил бы всю эту компанию на пятьдесят футов под землю.

— Может, нам помочь тебе? — осведомился Скапти, озабоченно дергая себя за ухо. — Эти ледяные стрелы порой падали чересчур близко.

— Когда мне понадобится помощь, я сам об этом попрошу, — резко ответил Регин.

Ивар наблюдал за волшебниками: те, усевшись поудобнее, пустили по кругу фляжку. Он покачал головой, подумав, что ни один поединок в мире скиплингов не тянулся бы так лениво, с перерывами на отдых и питье.

Регин снова занял свое место, сухо кивнув Ивару, который поглядел на него так хмуро и

подозрительно, точно его защитник был одним из йотунов.

— Готов ты начать? — осведомился Бьярн с легким поклоном.

Регин поклонился в ответ:

— Готов. Надеюсь, вы поберегли напоследок лучшие ваши заклятия. Эти простенькие фокусы, несомненно, милы, но, друзья мои, этого недостаточно, чтобы напугать меня.

— Прискорбно слышать, — отозвался Бьярн, и в течение получаса магии, как и прежде, обстреливали друг друга заклятиями. Затем волшебники-йотуны сотворили дымовую завесу, которая скрыла их совершенно. Регин тотчас насторожился. Все с волнением вглядывались в облако дыма — кроме Финнварда, у которого вид был на редкость озадаченный.

— Я чую что-то странное, — пробормотал он, оглядываясь на долину, на путь, которым они пришли сюда. — Боюсь, нам перекрыли дорогу к отступлению.

— Да помолчи ты, Финнвард! — фыркнул Флоси. — Что ты смыслишь в боевой тактике?

— Я только знаю, что, если бы кто-то забрался к нам за спину, нам бы было худо, а йотунам хорошо, — отвечал Финнвард упрямо.

— Пускай Регин ломает над этим голову, — вставил Эгиль.

— Но я почти уверен... — начал Финнвард.

Регин прервал его шумным порывом колдовского ветра, который разорвал завесу дыма и унес клочья прочь. Все как один подались вперед, высматривая, что делают волшебники.

— Смотрите! — вскричал Финнвард дрожащим от ужаса голосом, и путники, рывком развернувшись, воззрились на возникшее перед ним зрели-

ще. Три огненных столба, извиваясь и обретая облик, перегородили долину.

— Огненные великаны! — воскликнул Регин, перекрикивая рев и треск пламени, и тут же очутился между спутниками и огненными чудищами, размахивая посохом и швыряя молнию за молнией.

Ивар нырнул под защиту большого камня и выглядывал из-за укрытия, щурясь оттого, что сверкание глаз великанов слепило нестерпимо. С виду они напоминали йотунов, но ростом вдвое выше самого высокого дерева, какое Ивар видел в жизни, и покрыты латами, блиставшими, точно солнце. Лица их тоже сверкали, а волосы колыхались, точно пламя костра. С громоподобным ревом один из великанов поднял руку и метнул огненный шар в Регина, который казался до того сухим и хрупким, что его мог бы смести один яростный порыв ветра.

Регин отразил удар и метнул три огненных шара, взорвавшихся дымной зеленью. Перед мощью и сверканием великанов усилия Регина казались так же ничтожны, как искры, брызнувшие из горящего в очаге хвороста. Флоси завопил, призывая к отступлению и отчаянно уворачиваясь от огненного шара, осыпавшего их пламенными брызгами.

— Успокойтесь! — призвал голос Регина, почти не видного за плотной завесой дыма. — Помните, йотуны — мастера иллюзий и обмана. Не отступайте... — Грохот взрыва оборвал его на полуслове, и Ивар с ужасом глянул на Скапти.

— Он погиб! — прошептал он.

Обрывок горячей ткани, точно черная бабочка, опустился на руку Скапти, и тот отпрянул:

— Значит, мы обречены! Вернемся к остальным! Надо собраться всем вместе!

В сумятице огня и черного дыма они кое-как доползли до впадины, где скорчились альвы. Лица

их почернели от сажи, сверху непрерывно сыпались угли, от которых приходилось отмахиваться, как от пчел.

— Кажется, Регин погиб! — крикнул Скапти, изо всех сил прихлопнув уголек, который прожег ему рукав. — Нам осталось отступить, сдаться или отомстить. Великаны поджарят нас, точно горсть каштанов!

— Прежде чем бежать, отомстим! — прохрипел Финнвард. — Скапти, Эйлифир, вперед! Отплатим им за бедного старого Регина!

Они начали произносить заклинание, но обрывали себя на полуслове. Хриплый голос прорвался через рев и грохот огненных заклятий:

— Бедному старому Регину еще не пришел конец. Слишком я жесткий для жаркого!

Регин вполз в укрытие, изрядно обожженный. В одной руке он все еще держал посох, прижимая локтем к боку свою сумку, а другой рукой непрерывно отряхивался от раскаленных углей и сажи, которыми осыпали их огненные великаны. Скапти и Ивар схватили его и оттащили в местечко побезопасней, а Финнвард и Эгиль безуспешно старались отряхнуть его от сажи. Регин вырвался и вскочил, восклицая:

— Некогда, некогда! Йотуны почти одолели нас!

Воздев руки к небу, он пропел заклинание, и на них обрушился ливень. Задымленный воздух слегка очистился, и за клубился туман — это йотуны обращали воду в пар. Регин тотчас метнул в них подряд несколько молний, которые они с легкостью отбили, продолжая неуклюже двигаться вперед. Затем по какой-то пагубной случайности одна молния отразилась от нагрудника огненного великана и, рикошетом пролетев над головой, уда-

рила в самую середину впадины, где укрылись путники. Огненный шар прокатился по дну впадины и замер у самых ног Флоси, дрожа и выплевывая огонь и явно собираясь вот-вот взорваться. Все застыли, обездвиженные неотвратимостью гибели. Затем Эгиль прынул вперед, вытянув перед собой руки, и то же сделал Флоси. Вместе они схватили смертоносный шар и вышвырнули его из впадины, далеко за каменный вал. Не успев коснуться земли, шар взорвался почти над самыми их головами и осыпал их ливнем раскаленных искр.

Регин первым поднялся с земли и с недоверием в глазах оглядел окружившие его недоумевающие лица.

— Все ли целы? — выдохнул он. — Должно быть, заклятие оказалось с изъяном. Такое случается один раз на тысячу, чтобы огненный шар вовремя не взорвался. — Трясущимися руками он сотворил очередное заклятье, чтобы замедлить продвижение огненных великанов, и при этом все время оглядывался через плечо на Эгиля и Флоси.

Те все еще сидели, остолбенело глядя друг на друга и не веря собственным глазам. Их руки до локтей светились сиянием, оставшимся после прикосновения к огненному шару, бороды и волосы встали дыбом, потрескивая от избытка энергии. Через несколько секунд все это исчезло.

— О великие пылающие саламандры! — Скапти мертвенно побелел от страха. — Регин, что с ними стряслось? С ними все в порядке?

— Не знаю, — ответил Регин, помаргивая воспаленными красными глазами. Теперь он еще больше прежнего напоминал Ивару старого и дряхлого черного ворона. — Я просто никогда не видел, чтобы вот так, руками хватали огненный шар. Эй, парни! Как дела?

Эгиль медленно помотал головой и поглядел на обожженную шаром траву.

— Немного трясет, — сообщил он, косясь на свои ладони, по-прежнему розовые и не обугленные до костей. — Понять не могу, почему я живой. Даже ни одного волдыря, — изумлялся он, качая головой и вздыхая.

Флоси ни на кого не обращал внимания. Он поднял руки вверх, растопылив пальцы. На кончике каждого пальца горел маленький огненный шарик. Когда Флоси шевельнул пальцами, это выглядело так, словно он чертит пламенем в воздухе. На лице его был восторг. Он указал на огненных великанов, которые опять начали изрыгать угли и сажу, и огромный огненный шар, свистя, пронесся над долиной и ударился в нагрудник среднего великана.

— Флоси! — воскликнул Скапти, негодуя и изумляясь.

Флоси одарил его блаженной ухмылкой:

— Я обрел Силу. В жизни не пугался так, как когда этот шар подкатился к самым моим ногам. Меня словно молнией поразило. Я почувствовал, как ожила каждая частичка моего тела, и понял, до чего же мне дороги все эти частички и как я хочу, чтобы они вот в таком виде продолжали существовать. Я понял, что должен сделать что-то сверхнеобычное. И сделал!

— Мы сделали это вместе, — уточнил Эгиль. — Похоже, я тоже обрел Силу, и это удивительно. Я всегда думал, что слишком стар для этого. Стар и неповоротлив. — Он торжественно приподнял Финнварда в воздух на несколько дюймов, просто чтобы убедиться, что это не сон, и решительно помотал головой. — Ну, теперь придется нам всем драться с этими проклятыми йотунами.

Смрадное дымное дыхание огненных великанов затемняло небо. Чудища мерно брели вперед, испепеляя своим ужасным жаром всю зелень. От их опаляющих взглядов на траве оставались выжженные полосы, а кустарник занимался огнем. Молнии и заклятия Регина ненадолго остановили их, и великаны подходили все ближе, пока осажденные не стали задыхаться.

— Сосредоточиться! — проорал Скапти, перекрывая грохот и рев огня. — Заклятие! Любое! Раздел десятый, если только удастся!

Ивару было не до того, чтобы сосредоточиться, — он задыхался от дыма и давился сажей. Он поднял воспаленные глаза к скалам, покрытым йотунами, — те издалека наблюдали за битвой. Теперь они показывали в небо и явно взволновались. Ивар невольно тоже поглядел вверх. Регин, ожив, схватил его за руку.

— Сумасшедшие альвы! — прохрипел он. — Они всех нас уничтожат!

Он толкнул Ивара на землю, пытаясь прикрыть его своим плащом. Ивар успел заметить, что в небе растет окаймленное пламенем черное пятно, с неимоверной скоростью приближаясь к земле. В тот миг, когда Ивар открыл рот, чтобы предостерегающе закричать, огненное чудовище пронеслось с ревом над самыми их головами и, волоча за собой шлейф пламени, оставлявший черный след на земле, устремилось к огненным великанам.

Глава 22

глушительный взрыв потряс землю, и, хотя Ивар едва не задыхался, с головой укрытый плащом Регина, вспышка нестерпимо яркого света ослепила его. Горы содрогнулись от удара, и вниз посыпались камни, грохоча еще сильнее в наступившей тишине.

Регин вскочил и, держа наготове посох, шарил вокруг безумным взглядом. Ивар осторожно выглянул из-за камня и не увидел огненных великанов — только дым и зола кружились водоворотом над обустроенной землей там, где они стояли, шагах в пятидесяти от укрытия путников. Йотуны, прикрывавшие выход из долины, торопливо улепетывали прочь, кто верхом, кто пешком, — большинство коней, обезумев от ужаса, разбежалось. В считанные минуты поле битвы совершенно опустело, и остались только семеро путников, которые выползли из укрытий, точно закопченные ящерицы.

— Да, вот это было особенное зрелище, — пробормотал Ивар. — Регин, если это и есть образчик твоих способностей, я тебя от души поздравляю.

Регин сердито помотал головой:

— Не смей обвинять меня в таком погроме. Я сделал все, что в моих силах, чтобы обуздать вас, несчастные вы безумцы. Я бы справился с огненными великанами и без помощи господ альвов.

— Что-то долго ты с ними справлялся, — ухмыльнулся черный от сажи Флоси.

— Но мы ведь только пытались помочь твоему заклятию, — с несчастным видом заметил Скапти. — Ты хочешь сказать, что эта штука — уж не знаю, что там было, — не твоего колдовства дело?

— Конечно нет, — отозвался Регин. — Я полагаю, что это была комета. У меня не было времени досконально ее изучить.

— А я всегда увлекался астрономией, — заметил Флоси. — Я хотел проверить, удастся ли нам обрушить на головы этих проклятых йотунов падающую звезду и разнести их в клочки; ну и это у нас почти что вышло, верно? Может, мы и взяли высокогато, но эта штука сделала свое дело.

— Вы промахнулись примерно на пять миль, — сердито уточнил Регин. — Прямое попадание превратило бы это ущелье в кратер, а нас в ничто. Да кем это ты себя считаешь, чтобы связываться с такими опасными явлениями, как падающие звезды? Каждый год сотни подобных тебе олухов погибают, перейдя пределы отмеренной им Силы, и мне кажется, молодой человек, что в этом списке ты будешь на первом месте, если только я не дам тебе несколько ценных советов. Ну-ка, отойдем в сторонку и побеседуем с глазу на глаз.

— Это о чем же? — подозрительно осведомился Флоси.

— О Силе, магии и правилах, которым должен подчиняться всякий благоразумный волшебник. — Регин крепко взял Флоси за плечо и, что-то строго выговаривая ему на ходу, увел его прочь.

В следующие два дня Флоси, к тайному удовольствию Ивара, держался на редкость тихо. Должно быть, Регину удалось внушить ему толику разумного страха, то есть сделать то, что до сих

пор не удавалось никому. Ивар знал, что у Флоси язык чешется похвастаться своей новообретенной силой, но он и слова о том не проронил. Более того, Флоси не щеголял своим искусством и даже не пытался заговаривать о перемене облика, хотя, должно быть, умирал от желания узнать, какая у него фюльгья. Изменения во Флоси были равно поразительны и диковинны. Прежнее безудержное легкомыслие сменилось созерцательным молчанием. Со спутниками он стал чуть повежливее, а на Регина взирает с неприкрытым почтением.

Перемена в Эгиле была не такой разительной. Главной его усладой стало придумывание сотен шуточек и мелких проказ, точно у шкодливого мальчишки. Когда он наконец решился овладеть фюльгьей, то удалился ото всех и несколько часов просидел на большом камне. Превращение произошло не сразу, но наконец Эгиль добился своего — и получил огромное наслаждение от вида Финнварда, который стряпал завтрак, когда огромный черный козел потерся о его спину изогнутыми рогами. Затем Эгиль со зловредным блеваньем ускакал прочь и вскоре вернулся, уже в своем собственном облике и чрезвычайно довольный своими достижениями.

Неделя путешествия по неизведанному краю меж Йотунсгардом и Свартарриком вернула каждого в привычное состояние — по крайней мере с виду. Ивар следил за Регином, выискивая признаки предательства. Они обнаружили древнюю Путевую Линию, что их слегка обнадежило, но даже эта смутная радость истерлась со временем. Регин заметил, что бо́льшая часть звеньев в цепочке магии этой Линии разрушена и мертва, и это не слишком радовало в краю, населенном троллями. Тысячи небольших долин и ущелий

были идеальным местом для засады, хотя Регин все время повторял, что здесь они в безопасности, потому что тролли здесь редки, — в этих местах почти не встречались путешественники или поселенцы, которые обыкновенно становились добычей троллей. Почти все время над землей висел туман, и когда ветер дул с востока, Ивару чудился запах моря. На шестой день пути туман на несколько часов поднялся, и путники увидали на востоке смутные синие очертания гор, за которыми, судя по слухам, находились знаменитые пещеры великой реки Дрангарстром. Следующие три дня они шли к горам Дрангар, которые, казалось, не приближаются ни на шаг. Но вот постепенно путники стали различать рощи, укрывавшиеся в складках гор. Скалистые пики, веками глодаемые ветром и дождем, вырастали из холмистых гряд.

Вечером накануне десятого дня пути они стали лагерем в сумрачной долине, окруженной отвесными скалами, в горах Дрангар. Издалека доносился низкий бормочущий ропот, точно река в своих глубоких чертогах перебирала струны неведомой арфы.

Два дня путники карабкались вверх по горам, затем целый день спускались вниз и лишь тогда наконец увидели реку. С высокого гребня они заглянули в глубокую теснину меж отвесных лавовых нагромождений, на дне которой бурлила и кипела река, омывая валуны размером с дом; она не удовлетворилась тем, что пробила себе путь в недрах такого могучего кряжа, как горы Дрангар, но еще и стремилась догрызться до самого земного нутра. Серповидный берег из черного песка был завален грудями выброшенных водой обломков дерева, точно отмечавших, до каких границ доходит река в половодье.

— И как только можно решиться переправляться через такое? — понизив голос, проговорил Флоси. — Да ведь здесь слилась половина рек Скарпсея! Вы только послушайте, как грозно она шумит.

Регин покачал головой:

— Остается лишь надеяться, что нам никогда не придется переправляться через Дрангарстром.

— Куда мы двинемся теперь? — спросил Ивар. — Вверх по течению или вниз?

Регин указал вверх по течению и ничего не стал объяснять, когда Ивар пытался выпросить, почему он принял именно такое решение. Сказал он лишь одно:

— Если бы пещера Андвари была южнее, йотуны давно бы разграбили ее. А впереди нас ждет лишь неведомое.

Он вел отряд, не сверяясь с картами и пользуясь только несколькими загадочными предметами, трогать и разглядывать которые не позволял никому. Ивар шел за ним по пятам, следя за каждым его движением. Дорога, извиваясь, вела вниз, к реке, и в этот вечер путники разбили лагерь на крупном черном песке, выкрошенном из лавовых скал Скарпсея. Эгилю выбор места стоянки особенно не пришлось по вкусу, и он долго ворчал на сырость, просачивающуюся сквозь песок влагу и ломоту в суставах.

Регин вычертил их маршрут, и все решили, что их опять ждет путешествие по огромному лабиринту. Река то и дело прокладывала себе новые русла, оставляя по пути островки и песчаные косы, и бежала дальше, извиваясь в переплетении бесчисленных рукавов и притоков. Регин решил вести отряд вдоль старых, пересохших русел, при каждом повороте перебираясь через песчаные ко-

сы, чтобы сократить расстояние. Это выйдет быстрее, чем если продвигаться по гребню горной гряды, тем более что не известно, удастся ли им еще раз найти удобный спуск к реке.

Отвесные мрачные стены речного каньона действовали на всех подавляюще. Порой ущелье сужалось до ширины в две руки, не больше, и становилось таким глубоким, что на дне его стояла вечная полночь, лишь высоко вверху брезжил слабый свет. Финнварду особенно не нравились эти узкие места, несколько раз он едва не застревал в трещинах, промытых водой. Приходилось перебираться через огромные валуны, то и дело преграждавшие путь, а это было нелегко, и притом довольно часто им встречались глубокие озерца.

Все хором сетовали на трудности пути.

— По крайней мере, легче идти, — заявил наконец Скапти, твердо обрывая этот ворчливый хор опасений.

— И нас трудно заметить, — сухо добавил Ивар.

— Только не сверху, — со знанием дела возразил Финнвард. — Если нас заметят сверху, мы окажемся в мышеловке.

— Сверху! — воскликнул Флоси, чья самоуверенность постепенно возвращалась, хотя и во многом лишилась своей зловредности. — Ты что, Финнвард, боишься птичек?

Финнвард загадочно улыбнулся:

— Флоси, летать умеют не только птицы.

Флоси открыл было рот, чтобы огрызнуться, но тут же со стуком его захлопнул.

— Ты имел в виду дракона? — осведомился он минуту погодя.

Финнвард старательно делал вид, что ему куда интереснее сидеть на камешке, отдыхая, и шарить

в поисках кусочка сушеной рыбы. Лицо у него было лукавое.

— Дракон? А кто это здесь упоминал дракона?

— У тебя прошлой ночью были дурные сны, — заметил Эгиль. — Забавно было смотреть, как ты сбрасывал с себя плащ и одеяло и вопил во все горло, что мы горим живьем. По-моему, надо бы тебе добавлять в стряпню поменьше перца.

— Или ты слишком близко пододвинул ноги к огню, — ухмыляясь, вставил Флоси.

Финнвард, не обращая на них внимания, повернулся к Эйлифиру, который за эти дни не пророчил ни слова.

— Запомни мои слова, Эйлифир: прошлой ночью мне снился дракон, и недолго осталось до того момента, когда мы увидим его наяву.

Эйлифир глубокомысленно кивнул, а Флоси и Эгиль захихикали. Эгиль фыркнул:

— Не сомневаюсь, что нынче ночью над нашими головами будет витать запах жуткого... несварения желудка. Или подпаленного носка.

В этот день они пересекли три высокие косы, осторожно пробираясь по каменной насыпи вверх к песчаной вершине, а затем так же осторожно и медленно спускаясь вниз, к речному ложу. К вечеру предостережение Финнварда уже вылетело у всех из головы, кроме Ивара, который первым заступил на стражу и изо всех сил старался не заснуть. Он разглядывал ясное звездное небо, но ни зрением, ни слухом не различал никаких признаков приближения дракона. Когда Эйлифир явился сменить его, Ивар напомнил ему о необходимости посматривать, не появится ли дракон, и с радостью отправился на боковую. Утром он проснулся от раздраженного голоса Эгиля, который шпынял Финнварда за дурацкие кошмары, что привиде-

лись ему минувшей ночью. Финнвард, ничуть не смущаясь, помешивал себе утреннюю похлебку, безуспешно пытаясь выловить из нее куски.

В этот день они перебрались еще через четыре косы и так устали, что не в силах были продолжать путь, хотя до темноты оставалось еще несколько часов. Лагерь разбили в небольшой расщелине с песчаным дном, где со склона сбегал ледяной ручеек, впадая в реку. Впереди виднелся песчаный берег шириной с хороший выгон, весь заваленный горами плавника, сильно напоминавшего старые кости. В темный предутренний час Скапти разбудил Ивара — была его очередь нести вторую стражу. Юноша сидел, дрожа от холода и зевая, глядел на залитый лунным светом просторный берег и прислушивался к свистящему храпу Эгиля, спавшего рядом, и к царапанью и писку речных крыс в камнях над его головой. Ивар затаил дыхание и долго глядел вверх, пытаясь приметить юрких тварей. Когда он наконец опустил взгляд, перед ним стоял Регин — возник, точно ниоткуда. Ивар едва удержал испуганный вскрик и притворился, что широко зевает.

— А, это ты, — сказал он лениво, — ты застал меня врасплох, Регин.

Регин осмотрел горы, высящиеся над рекой, затем внимательно поглядел вверх и вниз по течению в ущелье.

— Гусь топтался по моей могиле, и теперь я не могу заснуть.

Ивар уловил в словах Регина тень недоброго предчувствия.

— Я не видел никого, — отозвался он, — кроме разве что речных крыс и парочки сов. Впрочем, можешь сам посидеть со мной и прислушаться, если тебе от этого станет легче.

— Благодарю, присяду. — Регин уселся неподалеку, по уши завернувшись в плащ. Глаза его обшаривали темноту ночи, и посох лежал на коленях, под рукой.

Ивар втянул носом сырой запах, который исходил отсыревший плащ Регина, и еле подавил дрожь. Маг пахнул так, словно до того долго лежал в старом сундуке в погребке. Ивар обнаружил, что вспоминает ночь, когда он схватился врукопашную с Лоримером, вспоминает запах и ощущение жесткой, дубленой кожи чародея, веками отмокавшей в болотной воде и торфе, а сейчас сохранявшейся в растворе мести и ненависти.

Он подскочил, услышав тихий шорох, — но это только Регин вытянул поудобнее ногу.

— Совсем не гнется, — пробормотал он. — Жесткая, точно нога старого оленя, которую обглодали собаки... — Он осекся и прислушался. — Слышишь?

Ивар ничего не слышал и честно в этом признался.

Регин поднял палец вверх, призывая его помалкивать:

— Сейчас услышишь. Ну хотя бы уши у меня не состарились.

И действительно, Ивар услышал слабый звук. Похоже было, что не то бурлит вода, не то кипит огромный чайник. Регин схватил его за руку и ринулся к лагерю. Бурление усиливалось, переходя в рев. К изумлению Ивара, небо начало отливать смутным светом, точно наступал восход. Альвы пробудились от истошного крика Регина и повскакивали, хватаясь за оружие, затем поспешно бросили его и бегом пустились под укрытие нависающего над рекой берега. Флоси задержался, дожидаясь Регина.

— Ивар! Беги туда! Это Фафнир! — кричал Регин, подталкивая Ивара к каменному козырьку. Вещи в спешке были разбросаны по песку, и Ивар никак не мог разглядеть меча Элидагрима.

— Меч пропал! — отчаянно вскричал он, поскольку в свете, который излучал приближающийся дракон, уже было видно как днем.

— Забудь о мече! Беги, беги! — кричал Регин, и в этот миг показался дракон, едва не задевая в полете стены каньона. Был он огненным и слепящим, словно комета, огромным, как корабль викингов, и раскинутые огромные крылья напоминали паруса. Смертоносная маленькая голова на длинной извивающейся шее предшествовала свтящемуся телу с огромным брюхом, а замыкал это зрелище длинный колючий хвост. Звук, который издавал дракон, напоминал смесь рева чересчур разгоревшегося костра и деловитого металлического лязга кузницы, перемежаемых резким треском хлопающих крыльев. Гигантский зверь с громом пролетел над самыми их головами и вдруг развернулся, точно учуял пришельцев, устремился вниз, решив еще раз облететь ущелье.

Регин толкнул Ивара к реке.

— Беги в воду! — закричал он, указывая на мелкий рукав реки, завернувший в сухое русло. Ивар побежал к нему по широкой песчаной полосе.

Дракон, грохоча, опустился к ущелью, его крылья едва не задевали скальные стены. Ивар увидел, как голова чудища мечется из стороны в сторону, и в тот же миг отчетливо понял, что дракон ищет взглядом именно его. Кровь застыла у него в жилах, и ноги едва повиновались ему. Он слышал испуганный крик Флоси, затем увидел Регина — тот мчался вниз по берегу, слева от него, то и дело останавливаясь и посылая дракону угрожающие

жесты. Огненный шар ударил по чешуе чудовища, привлекая его внимание к бегущей внизу человеческой фигурке. Теперь дракон навис почти над самой головой Ивара, и по земле плясали оранжевые отсветы, а пасть чудища изрыгала клубы едкого черного дыма.

Следующее, что помнил Ивар, — он лежал лицом в воде, задыхаясь, и что-то тяжелое придавило его сверху, мешая подняться. Оранжевое свечение дракона проскользнуло над ним и устремилось вниз по берегу, за бежавшим Регином. Маг швырнул еще один огненный шар, и вдруг огромный сгусток пламени опалил песок с громким шипением, и фигурка Регина исчезла. Ивар раскрыл рот, задыхаясь, точно выброшенная на берег рыба. Он выглядывал мага, но увидел лишь обугленный лоскут, улетающий прочь в бешеном вихре пламени. Дракон удалялся вверх по течению, испуская вопли и клубы дыма.

Ивар столкнулся со спины неведомую тяжесть и, сев на песок, устоял в лохматую, почти волчью морду огромной гончей. У пса была острая лукавая морда и озорные золотистые глаза Флоси.

— Флоси, это ты? — пробормотал Ивар. — Какая замечательная фюльгя! Никогда бы не подумал, что в твоей душе сокрыты такие высоты благородства. Спасибо, что спас меня. Как жаль, что у тебя не хватило времени спасти бедного старого Регина. — Он скорбно взглянул на выжженное пятно на песке, и пес ответил ему безутешным воем.

Альвы возвращались на берег осторожно, прячась в тени и вздрагивая при малейшем звуке. Они тотчас начали с облегчением болтать, радуясь тому, что Ивар уцелел. Но вдруг Финнвард воскликнул:

— Флоси — пес! Клянусь всеми потрохами магов! Как же справится с ним моя кошачья фюльгя? Не говоря уже о зайце Скапти. Ну и злющая же зверюга! Уф! — Он так и сел от неожиданности, когда пес забросил лапы ему на плечи и со злорадным усердием облизал его лицо.

— А где Регин? — спросил Эйлифир, прерывая долгое молчание.

— Мертв, — с тяжелым вздохом ответил Ивар, и тотчас всеобщее ликование стихло. — Он выбежал на берег, чтобы отвлечь от меня дракона, а потом я помню только, что Флоси сидел на мне, опрокинув меня в воду. И миг спустя дракон испепелил Регина вместо меня. Боюсь, что моя судьба — быть причиной гибели магов.

Мгновение все потрясенно молчали, и тогда прозвучал голос Флоси:

— Он был единственным наставником, которого я полюбил. Я мог бы столькому научиться у него!

Они собрали разбросанные по берегу вещи и пошли искать другое убежище, на случай, если дракон прилетит опять, а Эйлифир и Флоси тем временем торопливо искали обутленные останки мага. Но так ничего и не нашли.

Глава 23

обрав рассыпанные впопыхах вещи, путники нашли себе приют в небольшой скалистой пещерке ниже по реке; там оказалось довольно сыро, потому что через пещерку протекал ручей, но, невзирая на это, они были благодарны судьбе и за такое убежище. Ивар без труда отыскал меч и в пещере все время держал при себе ножны с Глимом; впрочем, никто из них не мог еще настолько успокоиться, чтобы заснуть. Едва успели они устроиться в нищенском своем жилище, как вернулся, испуская громкие вопли, Фафнир, сверкавший еще больше прежнего — блистала каждая чешуйка от носа до колючего хвоста. Он облетел покинутый лагерь и испепелил его одним огненным плевком. Затем дракон взлетел на вершину большого утеса посреди реки и уселся там; кончик его хвоста со свистом хлестал черную воду. Голова дракона настороженно раскачивалась на длинной шее, ноздри с фырканием втягивали воздух, выдыхая язычки пламени. Путники едва осмеливались дышать.

Дракон испустил пронзительный громкий крик, что эхом раскатился по всему речному каньону, заглушив даже извечный рев Дрангарстрома. Затем Фафнир заговорил, и от его могучего грохочущего голоса мышцы у Ивара обмякли, точно студень.

— Я — Фафнир, великий и могучий! Кто осмелится ступить в мои владения, сгинет! Эта река

и все ее золото принадлежат мне, и никому иному! Я сильнейший из сильных, могущественнейший из могущественных! Внемли мне, земля, и дрожи!

Если земля и не дрожала, то уж альвы точно тряслись вовсю, а Финнвард заткнул себе рот кончиком капюшона Эгиля, чтобы не завывать от страха.

Фафнир еще немного помешкал на утесе, издавая тяжелые скрежещущие звуки, похожие на кашель, затем взлетел, тяжело затрепав крыльями, с железным лязгом, в клубах едкого черного дыма.

— Улетел, — со вздохом шепнул Эйлифир.

Финнвард позволил себе обреченно застонать.

Ивар с отчаянием стукнул кулаком по каменной стене пещеры:

— А у меня для боя с ним только сломанный меч, а Гизур и Регин мертвы!..

Ответом ему было угрюмое молчание. Затем Эйлифир прокашлялся и сказал:

— Я полагаю, что мы можем перековать меч Ивара с помощью своей Силы.

Скапти раздраженно покачал головой:

— Эйлифир, ты грезишь наяву. Мы на это не способны.

— Смогли же мы наколдовать комету, — не сдавался Эйлифир. — Значит, сможем и переплавить меч.

— Кратер мы едва не наколдовали на свои головы, а не комету, — проворчал Эгиль. — А что, если бы мы ошиблись и вышло бы совсем не то, что нужно? Другого раза нам бы судьба не предоставила. Остались бы без Ивара, и дело с концом.

— Я и вообразить себе не могу, какие чары вплетены в этот меч. — Скапти содрогнулся.

— Может, мы сумеем украсть какой-нибудь меч у Андвари, — предложил Флоси. — Я имею в виду — может быть, Ивар...

Эйлифир покачал головой:

— Нет меча, подобного Глиму, а ради Глима Ивар и был послан в этот мир. Нам нужен Глим — только он.

Альвы безрадостно покосились на Эйлифира. Ивар разглядывал сломанный меч, покоившийся в ножнах.

— Но ведь вы могли бы хоть попытаться?..

— Ивар, — взволнованно ответил Финнвард, — ты же нас знаешь. Непременно что-нибудь вышло бы не так, а мы меньше всего хотим подвести тебя именно сейчас, когда дело близится к развязке. Может, и впрямь спокойнее всего стащить меч у Андвари?

— Нет, — оживился Скапти, — лучше всего украсть золото, когда Фафнира не будет в пещере. Кто-нибудь отвлечет его, а остальные доберутся до золота и набьют мешки под завязку. В добрый сноуфеллский заплечный мешок можно запросто уложить пол-Скарпсея. Был у меня дядя, так тот носил за спиной все свое хозяйство — включая шесть рыбачьих лодок и кнорр...

Обсуждение плавно перешло в спор о том, действительно ли альв может засунуть в свой заплечный мешок целый кнорр. Впрочем, спать, так или иначе, никому не хотелось, и они просидели до зари, болтая и жуя сухари, которые, само собой, требовалось запивать горячим чаем.

Когда небо посветлело, более мешкать в пещере было незачем. В начале дня путники обнару-

жили не слишком большой водопад и несколько часов истратили на то, чтобы вскарабкаться к нему и выяснить, скрывается ли за ним пещера. Пещеры они не нашли, и дело кончилось тем, что они промокли насквозь под водопадом. Тем не менее никто не жаловался. С утрумой и неотступной решимостью путники продолжали брести вверх по реке. Когда солнце стало клониться к закату, Ивар поймал себя на том, что поглядывает в небо, — привычка, которую он перенял у Финнварда.

— Вернется Фафнир нынче ночью? — напрямик спросил его Ивар.

Финнвард, прищурив глаза, глянул вверх:

— Думаю, да. Он знает, что в его владениях чужаки.

Они отыскиали для ночлега пещеру с низким сводом и поглубже заползли в нее. Затем собрали камни и выложили заградительный вал, который должен был скрыть отсвет костра, а при случае — спасти от огненного плевка, если Фафнир все же их обнаружит.

Была стража Эйлифира, когда появился Фафнир. Ивар проснулся от леденящего вопля дракона, разносившегося над рекой. Фафнир, описывая круги, опустился к речному каньону, ревя и выдыхая пламя, пронесся над их укрытием и улетел дальше, вниз по реке. Долго стояла тишина, затем дракон вернулся, фыркая, гремя и хрустя крыльями. Он долго летал над головой, испуская вопли и фыркая, точно в разочаровании, что не обнаружил пришельцев. Затем уселся на утесе и разминал голос, вопя непрерывно целых полчаса, и наконец разразился все той же громогласной речью:

— Я — Фафнир, великий и могучий! Кто осмелится ступить в мои владения, стинет! Эта река

и все ее золото принадлежат мне, и никому иному! Я сильнейший из сильных, могущественнейший из могущественных! Внемли мне, земля, и дрожи.

Он долго сидел, ворча и откашливаясь, потом снялся с утеса, громко хлопая крыльями, и улетел вверх по реке. Едва альвы совершенно уверились в том, что дракон исчез, Финнвард развел огонь и вскипятил чаю, горько сетуя на отсутствие печки.

— Ничто так не укрепляет силы, как масляный пирог, — объявил он и наговорил еще много всякой чепухи, явно для того, чтобы поднять настроение своих спутников.

— Как же меня тревожит этот меч, — проговорил Ивар, подперев кулаком подбородок. — Во сне я вижу, как бросаю вызов Фафниру, а когда обнажаю меч, в руках у меня оказывается вот этот обломок. Или вдруг обнаруживаю, что в руке у меня игрушечный меч, а Фафнир, гогоча, гонится за мной, тянется когтями и клыками... Может быть, у меня тоже пророческие сны?

Эйлифир покачал головой и задумчиво сказал:

— Мы — альвы высшего ранга, мы одарены Силой и прошли испытание. Я считаю, что мы можем перековать меч для Ивара.

— Высшего ранга? — переспросил Эгиль. — Скорее, я бы сказал — никакого. Разве нет?

Он развлекался тем, что мучил Финнварда сотней мелких проказ — щипал его за нос, швырял в него камушки и превращал ложки в змей; все эти выходки Финнвард сносил со стоическим молчанием.

— Вот теперь, как никогда, нам нужен Гизур или Регин, — проговорил Ивар, воткнув в песок

обломок меча и уставившись в него с яростью во взгляде. — И за это Гизур умер, а Регин погиб, стараясь отвлечь дракона от меня. А что проку? Выходит, что я — причина нынешних наших несчастий и будущей гибели. Наверно, мне бы следовало первым пойти в пещеру и первым умереть, если уж так суждено.

Эйлифир покачал головой, а Скапти сказал:

— Все это чепуха, Ивар. Наберись терпения, и пускай события идут своим чередом. Ты же видишь, Финнвард спокоен.

В самом деле, Финнвард мирно спал, используя Эгиля вместо подушки.

Ивар поднялся:

— Выйду-ка я наружу. Вдруг Фафнир вернется, а на страже никого. — Он знал, что Фафнир после своей вызывающей речи вряд ли вернется. Вероятно, таков уж был драконий обычай, ритуал, исполнявшийся ежегодно из года в год.

Вздыхая, он взобрался на большой камень и присел в тени, созерцая звезды и терзаясь своим разочарованием в мече. Затем его мысли перешли к Лоримеру, и Ивару стало не по себе. Впрочем, Лоример неизменно появлялся в его мыслях, как ни старался Ивар от него отделаться. Он пытался убедить себя, что Лоримера нет и не может быть поблизости — он засел в Асраудрсбоге или же вовсе отказался от намерения их преследовать. Однако ощущение черной безнадежности оставалось так неотвязно, что Ивар уныло гадал, не передалась ли и ему частица Финнвардова ясновидения.

Он почувствовал себя еще неувереннее, когда наконец вернулся в пещеру и увидел, что Финнвард не спит и сидит у гаснущего костра, поджидая его.

— Знаешь, Ивар, это странно, но я думаю о Лоримере, — сразу же сказал он. — Просто не могу удержаться, чтобы не ломать голову, где он и что замышляет.

Ивар тяжело опустил ся рядом и воззрился на сломанный меч.

— Боюсь, что мы это узнаем не так уж не скоро, — мрачно проговорил он. — Ты ведь у нас провидец, почему бы тебе не попробовать выяснить это с помощью своей Силы?

— Я попробую, — торжественно ответил Финнвард и вышел из пещеры, чтобы заступить на стражу.

Укладываясь спать, Ивар вынул из ножен кинжал Бирны и положил его в изголовье. Плотная фигура Финнварда, стоявшего на чеку у выхода из пещеры, слегка его приободрила.

Следующий день принес новые мучения. Радовало Ивара лишь одно: если Лоример и впрямь идет за ними по пятам, ему тоже приходится нелегко, даже в сопровождении гномов. Идти по высохшим руслам было мучительно тяжело, а мелкий дождь, казалось, вечно моросит в здешних горах. Путники все больше падали духом.

Чем ближе был заход солнца, тем чаще начинали они заглядывать в каждую расселину и трещину, выискивая местечко, где можно переночевать, а заодно и спрятаться от Фафнира. Наконец они заползли под каменный карниз и кое-как устроились в камнях. Они устали до полусмерти, не говоря уже о том, что промокли до костей. Обследовали еще один водопад, и опять — ни гнома, ни дракона, ни золота, хотя пещера казалась такой многообещающей...

Глотая похлебку из сушеной рыбы, он думал о Регине и о том пиршестве, которое устроили они

из его припасов в ночь, когда покидали Бонд-скарп. Ивар чувствовал себя немного виноватым оттого, что прежде не скрывал своего недоверия к Регину. Сейчас, вспоминая минувшие события, Ивар понимал, как страшно рисковал Регин, обратившись против Лоримера, и как мало он этим выигрывал.

Ивар содрогнулся — мысли о Лоримере были нежеланны вдвойне в таком гнетущем месте. Альвы с унылым видом пытались хоть как-то просушить одежду и почти все время помалкивали. Казалось, у них отнимала отвагу одна мысль о том, какое громадное дело им предстоит совершить. Дождь, судя по всему, решил скрасить их тоскливое настроение и остаться с ними на века.

— Подбросьте-ка дров в огонь, — проговорил кто-то. — Я промок насквозь и жутко замерз.

Финнвард машинально подбросил в огонь несколько веток — и лишь тогда спохватился.

— Кто это? — прошептал он. — Кто это сказал?

Альвы, завернувшиеся в плащи и одеяла, обижено глядели на него и молчали. Финнвард начал медленно поворачивать голову, страшась того, что увидит позади. Ивар рывком обернулся — и увидел фигуру в лохмотьях, опиравшуюся на посох. Тотчас в его руке сверкнул кинжал Бирны. Альвы повскакивали, хватаясь за оружие и делая различные знаки, отгоняющие зло.

Оборванец предостерегающе поднял посох.

— Ничего не скажешь, теплая встреча, — проговорил он. — Два дня назад я едва не изжарился живьем, защищая вас, а вы уже успели меня позабыть.

Разинув рот, они глазели на удивительное видение.

— Да это же Регин! — хором вскричали они, радостно отшвыривая прочь плащи и одеяла.

— Чтоб мне лопнуть! — воскликнул Скапти. — Приятель, вид у тебя ужасный. Что же с тобой стряслось?

— Мы думали, что ты мертв, — добавил Финнвард.

— Может, так оно и есть, — заметил Эгиль. — Разве может живой так жутко выглядеть?

Регин устало опустил на мягкое одеяло. Его плащ и одежда превратились в обугленные лохмотья, длинная борода и волосы сгорели почти что начисто. Кожа кое-где отливала розовым и сморщилась, точно на месте залеченной раны. Брови выгорели почти целиком — остались лишь несколько клочков, придававших Регину выражение озадаченной ярости.

— Благодарю за доброту, — сказал он Финнварду, который протянул ему полную миску рыбной похлебки. — Дракон ошпарил меня вблизи, и на два дня я был пойман заклятием бегства. Но если бы я его не применил, бедный старый Регин превратился бы в горку пепла и обугленных костей. Заклятия бегства, как вам известно, порой превращаются в самые настоящие ловушки, и, каюсь, мне потребовалось целых два дня, чтобы снять с себя это заклятие. Одежда моя сильно пострадала, потому что целых два дня я ползал по каналам для воздуха в золотых копиях черных альвов, но, в общем и целом, старый маг невредим, за что бесконечно благодарен судьбе. — Он постучал посохом по земле, привлекая внимание к обугленным пятнам, въевшимся в посох, и печально погладил щетину на подбор-

родке, — щетину, которая некогда была его бородой.

Альвы едва могли дождаться, пока Регин покончит с трапезой, чтобы засыпать его вопросами. Наконец он отставил миску и начал набивать трубку. Когда всеобщее нетерпение дошло до предела, он наконец соизволил ответить на все вопросы.

— Что касается пещеры Андвари и дракона, — сказал он в заключение, — я думаю, она не так уж далеко. Нынче ночью, перед самым заходом солнца, тучи на миг разошлись, и я разглядел далеко вверх по течению абрис гор. Горы эти отмечают конец низинных мест и начало возвышенностей, которые Свартар зовет Хлидарендом. С отвесных скал ниспадал туманный каскад воды, почти сокрытый в тучах. Я видел его только миг, но я почти уверен, что там и завершатся наши поиски.

Альвы завопили и заплясали, молотя друг друга по спинам и исполняя прыжки и кульбиты, которые сделали бы честь бродячим акробатам. Скудная пища, изорванные плащи, прохудившиеся сапоги, усталость — все забылось в одно мгновение. Ради такого события каждый получил по добавочной порции рыбной похлебки.

Фафнир появился около полуночи, ревя и вопя в совершенной ярости. Он описывал круги прямо над головой и дважды метнул в них огонь, — несомненно, дракон хорошо знал, где они спрятались, и теперь пытался так или иначе до них добраться. Покружив над ними, он опустился на противоположном берегу реки. Долгое время дракон шипел и кашлял, прежде чем повторить слово в слово свою громогласную похвалбу. Альвы уже с меньшим страхом внимали его яростному реву,

хотя Финнвард по-прежнему нервно жевал кончик капюшона Эгиля.

Фафнир плевался пламенем, пока его чешуя не засияла багровым отсветом и изо рта и ноздрей не повалил густой черный дым. Постепенно пламя появлялось все реже, и Ивар хорошо слышал, как тяжело колышутся бока дракона, точно сотня старых и скрипучих кузнечных мехов.

— Воры! — рычал Фафнир. — Р-ра-а! Гр-рабители! Труссы, р-ра-а! — Он завершил тираду клубом удушливого дыма и на сей раз долго мешкал, прежде чем окончательно подняться в воздух и улететь.

Альвы подползли к краю карниза, наблюдая за отлетом дракона.

— Кашляет он как-то нездорово, — отметил Эгиль. — У меня был двоюродный дедушка, который кашлял точно так же, и ему не исполнилось еще ста девяноста двух лет, когда он превратился в мешок с костями.

— Фафнир — старый дракон, — согласился Регин. — Должно быть, дыхательные пути у него почти разрушены — ведь он столько веков дышал огнем. Когда-то он наводил немалый страх на белых гномов, живших выше по реке, но потом много столетий уже никто его не видел. Подозреваю, что он только тем и занимается, что летает туда-обратно вдоль реки и шумит себе там, где его никто не может услышать.

Скапти озабоченно дергал себя за ухо:

— Дракон есть дракон, даже если он старый и у него дыма больше, чем огня. Так или иначе, это будет чудом, если нам удастся убить его.

Ивар глядел, как Фафнир красной искоркой исчезает во тьме. Если бы только удалось перековать Глим, участь дракона была бы решена. Он

обиженно покосился на Регина, который с загадочным видом глядел в огонь.

Регин поднялся еще до рассвета, развел большой костер и вскипятил воду для чая.

— Если встанем пораньше, то успеем сегодня осмотреть водопад, — отвечал он на сварливый вопрос Эгиля.

Флоси зевнул, дрожа от холода.

— Ага, и Андвари радостно нас встретит и пригласит поест с золотых тарелок и выспаться на пуховых перинах. — Он встряхнул Финнварда и принялся шнырять вокруг, изрядно всем надоедая.

— Это куда больше похоже на жизнь соглядтая, — заметил Скапти, потирая руки над теплом огня. — Выслеживать дракона — разве может быть задание важнее! Это будет наш звездный час.

— Если только прежде не наступит обеденный час для Фафнира, — сурово отозвался Эгиль, разыскивая свои сапоги. — И как бы нам не попасть к столу в качестве главного блюда...

В этот день они шли быстро, изредка ненадолго останавливаясь, чтобы передохнуть, и почти не разговаривая. Очертя голову бросались они к каждому повороту русла или новому препятствию, надеясь, что за ним окажется водопад. Русло превратилось в скопление гигантских валунов, громоздившихся здесь и там, а река с привычным ревом неслась по узкому руслу посреди каньона. На каждом выступе скапливалась лужа липкой влаги, все было пропитано сыростью и холодом. Ноги у них скользили, пальцы покрылись ссадинами, и настроение все ухудшалось. Рев воды мешал разговорам, но Ивар и так знал, что у всех на уме только одно — найти

подходящее убежище, где их не достанет огненное дыхание Фафнира. Ивар криво усмехнулся, безуспешно пытаясь согреть посиневшие от холода руки.

Незадолго до заката они едва переставляли ноги. Путники брели по уступу, выдававшемуся над бушующей водой, горячо надеясь, что уступ не исчезнет окончательно. Он и так уже угрожающе сузился, хотя начинался так многообещающе. Прижавшись носами к скале, они медленно и осторожно продвигались вперед, направляясь все выше и выше, к неведомой судьбе.

Ивар шел впереди. Благодарение богам, уступ перестал сужаться, и юноша мог даже различить, куда ведет их этот путь. Выше были еще скалы, с виду часть какого-то плато.

Уступ завершился небольшой впадиной в лавовой скале, куда они, хоть и с немалым трудом, смогли забиться все. Прямо над головой, через узкую расселину в крутом скате, футах в тридцати выше пробивалось закатное солнце. Альвы посадили Ивара к отвору, и он замер на мгновение, поглядывая на синий лоскут неба над головой. Затем Ивар, помогая себе руками и ногами, пробрался к расселине, и наконец ему удалось высунуть голову наружу. Он увидел лавовый язык, отмытый дождями, поросший клочками мха и травой. Подняв глаза, Ивар посмотрел на скалу высотой в сотни футов, которую со всех сторон окружили другие скалы, так что солнце не могло надолго задержаться над той точкой, где Ивар выглядывал из расселины. Он обводил взглядом окрестности — и наконец увидал водопад, который, пенясь, спадал со скалы и с грохотом рушился вниз стеной белоснежной легчайшей пены. Крутящиеся вихри воды обращались в туманную

пыль, даже не достигнув дна пропасти. За обманчиво легкой завесой водяной пыли едва проступали очертания входа в пещеру.

Ивар наконец-то осознал, что снизу ему что-то нетерпеливо кричат. Он выбрался из расселины и лег, не отрывая глаз от водопада.

— Нашли! — прокричал он в расселину и, не удержавшись, торжествующе гикнул: — Вот она, пещера Андвари!

Глава 24

огда путники подползли к краю лавового подножия и заглянули вниз, они увидели песчаную бухточку, окруженную черными лавовыми скалами, от времени гладкими и мрачными. Водопад, грохоча, низвергался в глубокую бездну, точно вознамерился пробить себе дорогу к самому сердцу земли. Его струи постепенно вымыли большую и глубокую чашу в скале ниже уровня пещеры. Снизу подымался туман, заполняя влажной взвесью песчаную бухточку, когда серебристая завеса воды с шипением падала вниз.

Спуститься вниз с лавового языка было легче легкого. Все еще слегка ошеломленные собственным успехом, путники подошли к краю провала и глядели вниз, на подножие скал. Оно было полусотней футов ниже, и черную скалу покрывали зеленые потеки плесени. Бурлящая вода давно проточила себе выход в главное русло, образовав мост, выгибавшийся над водяными струями. Мост этот вел к узкому уступу, который выводил к большому карнизу над подножием скалы. Грубо высеченные опоры для рук и ног открывали ход вверх, к основной пещере.

Одного только взгляда им оказалось достаточно, чтобы осознать, что находится перед ними. Может, там восседает сам Андвари и поглядывает сейчас на них из своей пещеры. Они поспешно отступили и вернулись к лавовым скалам. Оказав-

шись на безопасном расстоянии, в ущелье, они начали фыркать, хихикать и, в знак высшего ликования, осыпать друг друга тумками.

Ивар оглянулся и только сейчас заметил то, что до сих пор по глупости упустил из виду. Утопая наполовину в песке, неподалеку высились огромные ворота из изъеденного временем дерева — этого топлива скиплингу хватило бы на месяц, и еще осталось бы. Створки поросли мхом, и, полуоткрытые, они так и застыли навеки в толще черного песка. Но не сами ворота были причиной того, что Ивар содрогнулся от осознания всеобщей глупости, а длинные следы на песке от волочившегося драконьего хвоста. Следы тянулись от каменного подножия, куда вскарабкались путники из речной бездны, и исчезали за воротами. Альвы попросту прошлись по этим следам, даже их не заметив, между тем как за воротами мог притаиться дракон.

— Лежать, глупцы, и тихо! — приказал Регин. — Это просто чудо, если они нас еще не заметили. Драконы особенно сильно разъяряются, когда кто-то тревожит их сон. Вот-вот из этих ворот может вырваться ревущий от злости Фафнир!

Они глубже забились в ущелье и затаили дыхание, прислушиваясь и ожидая худшего. Однако, хотя они прождали до той поры, пока небо не залил кровавый отблеск заката, ничто так и не показало, что они замечены.

— Не думаю, что он появится именно сейчас, — наконец сказал Ивар. — Еще пару часов мы будем в безопасности — только не в этой расщелине. Надо бы найти убежище понадежней. И пока вы будете этим заниматься, Скапти, Регин и я наведемся в пещеру.

Флоси порывисто вскочил:

— Я тоже хочу идти, можно я пойду?.. Ну пожалуйста...

Ивар никогда прежде не слышал, чтобы Флоси говорил: «Пожалуйста!» Юноша был так потрясен, что разрешил Флоси идти с ними. Тут же он начал сожалеть, что поспешил, но брать свои слова назад было уже поздно. Пока Флоси зашнуровывал потуже сапоги и осматривал меч, Ивар и Скапти договаривались, где встречаться после похода в пещеру.

Регин повел их по черному песку к огромным вратам. Они с величайшей осторожностью обогнули бухточку, прижимаясь к скалам, и сбоку подкрались к самым вратам. Гигантские прочные створки под слоем мха покрывала искусная резьба.

Коридор за вратами тускло освещал свет, падавший из щели между створками, и воздух был пропитан странным запахом, смесью гари и разложения. Стены были изукрашены почти стершейся резьбой. Пол из песка и гальки под ногами пришельцев постепенно подымался вверх, точно в любую минуту мог превратиться в ряд ступеней. Песок заглушал их шаги, когда они неторопливо шли вперед, к смутному пятну света.

Коридор вывел в громадную пещеру, чьи своды подпирали каменные колонны. На входе в пещеру с тихим свистом ниспадала завеса воды, придавая свету бледный водянистый отлив, розовый от закатных лучей солнца. В смутном свете видны были изломанная резьба и полуобрушенные балюстрады. Каменная лестница вела вверх, к другим огромным вратам. Ивар шагнул было туда, но Регин резко одернул его и кивнул на вход в пещеру, дав знак помалкивать.

Небольшая сгорбленная фигурка сидела скорчась на самом краю, зачарованно глядя сквозь завесу падающей воды. Длинные, совершенно белые волосы человечка стекали по его плечам, борода лежала на сдвинутых костлявых коленях, узловатые руки были покрыты наростами. Он глядел на воду как зачарованный. Вдруг человечек чуть распрямился и поспешил к опорам для рук, высеченным в скальной стене. Миг — и он совершенно исчез из виду.

Вскоре он вернулся, втащив себя в пещеру на длинных тощих руках. Он присел на корточки; вода струями текла с его волос, бороды и лохмотьев, пока он разглядывал добычу. Это был золотой наруч — подобные вещи можно было встретить только в очень древних собраниях драгоценностей.

Андвари ловко выжал бороду и затрусил к небольшой горке золота: монеты, рукоять меча и прочие мелкие предметы, которые он сегодня выудил из реки. Затем он вернулся к обрыву и снова уселся там, словно дряхлый и несчастный нищий, зачарованно глядя в гремящую под ним воду.

Соглядатаи молчали, не шевелясь. Наконец солнце кануло за скальную стену, и в пещере потемнело. Андвари встал, потянулся и, нагнувшись, стал собирать свою дневную добычу. Согнувшись под ее тяжестью, он заковывал в темноту и начал подниматься по избитым ступенькам. Не обменявшись ни словом, соглядатаи двинулись за ним, как тени, следя за гномом из-за полуобрушенных балюстрад.

Лестница завершилась широкими двустворчатыми дверями с большими ручками в виде колец. Андвари с усилием потянул за одно кольцо и проскользнул в образовавшуюся щель, из которой

брызнул оранжевый отсвет огня; затем створка была поспешно прикрыта.

Ивар следовал за Андвари почти до самых дверей. Он осторожно толкнул створку, решив, что они не заколдованные и откроются, когда он того пожелает. С величайшей осторожностью Ивар приоткрыл дверь. Флоси, опустившись на колени, заглянул в щель и сделал знак Ивару открыть дверь пошире.

Чертог, в который они заглядывали, носил следы погибшего величия. Драпировки свисали с высокого потолка, точно старое, прогнившее тряпье, стены позеленели от сырости, и мебель грудами рухляди громоздилась по углам. Все это взгляд Ивара уловил в одно мгновение, а затем все его внимание привлекла картина в центре чертога. Гора блистающего золота возвышалась над крохотной фигуркой Андвари, который сидел в шатком кресле посреди залежей сказочных сокровищ, в беспорядке рассыпанных по полу. Он ел сырую рыбу, кутаясь в рванный и грязный плащ. Затем гном поднялся, глянул на какие-то нехитро сработанные небольшие стрелы и миниатюрную лодочку и уставился на дверь, точно ожидая кого-то.

— Это ты, Имп? — Босые ноги зашлепали к двери. Соглядатаи, скользнув внутрь, скрылись за драпировками. — А мне казалось, дверь я закрыл. Ничто не напоминает так о старости, как шныряющий повсюду юный сорванец. Эх, болван, не надо было вытаскивать его из реки. О нет, нет, нет, надо было, мой милый Имп, сокровище мое несносное, благослови его боги и разрази гром. Да, мы рады, что спасли его, рады, как всегда.

Старый гном закрыл дверь и мгновение сердито глядел на нее. Ивар, словно зачарованный,

не мог оторвать глаз от уродливого создания с морщинистым, хмурым, обсыпанным волосатыми родинками лицом. Один глаз Андвари почти ослеп оттого, что постоянно был скошен, другой — широко раскрыт в горьком негодовании. Мгновение гном тревожно озирался в хаосе около двери, затем заковылял прочь, сдвинув щетинистые брови.

— Старею, старею, — бормотал он. — И здесь ужасно холодно, клянусь чем угодно. — Он поглядел на груду золота с надеждой, словно это была груда углей, и крикнул громче: — Я говорю, здесь похолодало! Фафнир! Ты что, оглох, старый чайник?

Груда золота зашевелилась, и из нее поднялась чешуйчатая голова и с отвращением зевнула. Дым курился из драконьих ноздрей и из пасти, между розовым языком длиной примерно в ярд и грозным частоколом острых желтых зубов. Фафнир выпрямился, вытягивая длинные когтистые лапы почти к самым ногам Андвари, и выгнул спину, едва не достав до потолка и заматавая золото колючим хвостом.

— И что же я, по-твоему, должен делать? — осведомился он, восхищенно разглядывая когти на правой передней лапе.

— Если не можешь хотя бы согреть пещеру, то тебе здесь и делать нечего! — отрезал Андвари. — Что за прок в драконе, если от него и тепла-то не дождешься! Я ведь только ради обогрева тебя держу, хотя ты и здорово разленился за последнее столетие-два. Только в нынешние дни я получаю куда больше дыма, чем огня. По-моему, ты постарел, Фафнир, ужасно постарел.

Фафнир встряхнулся, рассыпав дождь из золотых монет, застрявших в его чешуе:

— Уж не старше тебя. Я дышу, дышу теплом, пока вся зала не задымится, словно очаг, а в твоих старых костях все равно лед вместо костного мозга. Имп открывает двери настежь, пока я насквозь не промерзаю, а ты еще удивляешься, почему в пещере холодно!

— Это дело другое. Я помню, что закрыл дверь. — Андвари огляделся в полумраке, освещенном лишь приглушенным сиянием Фафнировой чешуи. — Здесь вот-вот могут появиться воры. Ты не перетрудился, охраняя сокровища.

— Чушь! Я так никого и не видел прошлой ночью. Говорю тебе, я испепелил мерзавцев, во всяком случае кого-то из них. Если они сегодня снова будут шнырять вокруг, уж я понагоняю на них страху!

Фафнир проволоч к дверям свое объемистое брюхо, клацая и лязгая, точно грудa доспехов. Соглядатаи ускользнули с его пути и затаились.

Андвари следовал за драконом, пронзительно крича:

— Слушай, наглый кусок пепла и саж! Ты найдешь этих грабителей и оттонишь их от моих сокровищ! Вот именно, моих, потому что так оно и есть! Это я ныряю в реку за каждым кусочком золота, и я скорее побросаю его назад в воду, чем позволю кому-то взять хоть кусочек! Это и к тебе относится, да еще как!

— Сдохнешь ты когда-нибудь, старый карлик? — огрызнулся дракон и, переваливаясь к дверям, с ненавистью взмахнул хвостом. Вдруг он замер, приняхиваясь, и соглядатаи, затаившиеся за валом из старых кресел, похолодели.

— Я за версту чую запах альвов, и именно сейчас я, сдается, его почувствовал. И твой бесценный Имп здесь ни при чем.

— Подумаешь! Да ты не учуял бы и полсотни магов, даже если б они восседали прямо у тебя на носу. Чушь! Пошевеливайся, старый чайник!

Андвари с яростью захлопнул двери за драконом и заковылял назад к своему шаткому креслу и скудной трапезе, что-то злобно ворча себе под нос и трясясь от озноба в своем грязном и рваном плаще.

Ивар бесшумно отворил двери толчком. Миг — и они сбежали вниз по ступенькам и пересекли пещеру. Добежав до выхода, они услышали, как Фафнир пыхтит, отдувается и гремит крыльями. С небывалым усилием он наконец оторвался от земли и с грохотом взмыл в небо. В клубках смертоносного огня и дыма Фафнир поднялся выше — точно взошло чудовищное черно-красное солнце — и полетел зигзагами вниз вдоль речного каньона, выискивая добычу.

Когда он исчез из виду, с гребня горы неподалеку подал им знак Эйлифир. Разведчики, стараясь держаться так, чтобы не попасться на глаза Фафниру, если ему взбредет в голову вернуться, вскарабкались на скалу, где поджидал их Эйлифир.

Все альвы, забившись в небольшую расщелину, ждали их возвращения с крайним нетерпением.

— Ну, видели вы что-нибудь? — горячо вопрошал Скапти. — Видели золото?

— Еще как! — воскликнул Флоси с воодушевлением. — Золото! Целую гору золота, на которой клубочком свернулся Фафнир, точно кошка в лукошке; а посреди золота восседал старый Андвари и охранял его с грудой ржавых мечей. Веселенькое дельце, ничего не скажешь! Если б мы воровали золото монетку за монеткой под самым носом у Андвари, который зорек, как полсотни

орлов, столетие-полтора мы бы на это истратили. Я уж не говорю о Фафнире, а он размером с корабль, когти у него точно серпы, а зубы — ножи. Я и представить себе не мог, что он такая громадина. Глаза у него размером с круглый шлем, не меньше.

— Ну-ну, ты преувеличиваешь, — заметил Регин, хладнокровно набивая свою трубку. — Фафнир стар, очень стар. Это видно по тому, как много он выдыхает дыма. Драконы к старости теряют почти весь огонь и дымят, точно старые печи. Его не так-то трудно будет прикончить.

Ивар медленно покачал головой:

— Все его тело покрыто металлическими пластинами с полфута толщиной, а кроме когтей и зубов у него есть еще ядовитый шип на кончике хвоста. Его не так-то легко убить, особенно без Глима. Может быть, нам напасть на него, когда он будет спать, и всем разом покончить с ним?

Альвы с неподдельным ужасом уставились на него.

— Но для того, чтобы убить дракона, нужна особая Сила, — пробормотал Финнвард. — Сила у нас, конечно, есть, но совсем не такая!

— Но ее довольно, чтобы наколдовать комету, — напомнил Ивар. — Разве ее не хватит, чтобы справиться с драконом?

Скапти энергично покачал головой:

— Убивать драконов — это занятие для героев, а не для пожилых альвов, которые едва только осознали смутные пределы своей Силы. Это тебя, Ивар, судьба избрала для такого подвига.

— Ну так пусть судьба и позаботится о том, чтобы мой меч был перекован, если ей, конечно, хочется, чтобы вы все-таки заплатили виру! — сердито огрызнулся Ивар.

Воцарилась мрачная тишина; все сидели молча, уткнувшись подбородками в колени. Постепенно все взоры обратились к Регину, который потягивал трубку, не сводя глаз с водопада.

— Пора Регину поломать над этим голову, — решительно объявил Скапти. — Если хочет получить кольцо Орд, пускай поработает мозгами.

— Постараюсь, — вздохнул Регин. — Да только сейчас я в таком же затруднении, как и вы.

— Мы можем перековать меч, — шевельнувшись, произнес Эйлифир. Ни у кого не хватило сил возражать ему.

Они расположились на ночлег в небольшой пещере среди скал. Там было тесно и дымно, но, по крайней мере, сухо и подальше от глаз Фафнира. Ивар, стоявший первую стражу, видел огненный полет дракона и чуял его смрадное дыхание. Наконец Фафнир, хлопая крыльями, вернулся к водопаду и с оглушительным шлепком плюхнулся на землю. Из укрытия Ивар слышал, как дракон отдувается. Долгое время Фафнир валялся, точно грома чешуи, постанывая и подвывая, и шкура его, раскалившись от перегрева, отливала жарким алым светом. Ивар жалел, что у него нет меча, — вот сейчас бы самое время атаковать Фафнира! Наконец дракон грузно поднялся на лапы и заковылял к пещере. Струи воды, ниспадавшей с карниза, шипели, попадая на его раскаленную чешую. Остаток ночи прошел спокойно.

На следующий день, пока у всех еще была жива в памяти злоба и мощь Фафнира, начался совет. Они долго спорили, и наконец Регин вскочил, схватившись за посох и оглядывая спутников воспаленными красными глазами.

— Вижу я, остается только одно, — заявил он. — Любой ценой перековать меч Элидагрима.

Только он способен убить чудовище. Клянусь, я это сделаю, даже если поплачусь жизнью!

— Нет! — тотчас воскликнули хором Скапти и Эйлифир. Скапти встал и зашагал взад-вперед, нещадно терзая ухо.

— Эйлифир говорит, что мы сами можем перековать меч. Не знаю, прав он или нет. Но мы не хотим, чтобы этот меч стоил кому-нибудь жизни, — я разумею Регина. Довольно и одного погибшего мага. Так чего же вы ждете, парни? Флоси, ты ведь ученик Регина; скажи нам, какой нужен огонь, чтобы расплавить Даинов металл.

Флоси обвел взглядом круг напряженных лиц:

— Вы и вправду думаете, что мы с этим справимся? Хватит у нас на это выучки? Вспомните, ведь я был так глуп и легкомыслен, что убил выдру вопреки приказу.

Ивар извлек обломки Глима из ножен:

— Я думаю — справитесь.

— И я, — добавил Регин. — Я не смогу помочь вам, но знаю, что у вас достанет Силы.

— Значит, мы это сделаем! — яростно вскричал Финнвард, схватив за руку Скапти и хлопая по ладоням остальных. Даже старый ворчливый Эгиль просиял и потирал руки, точно ему не терпелось приступить к работе.

— Прежде всего надо перевести руны, — сказал Регин. — Эйлифир, как ты разбираешься в рунах?

— Сносно, — ответил Эйлифир, взяв обломки и соединив их, чтобы прочесть руны.

Флоси оглядел пещеру и объявил, что она вполне подходит для кузни, а прочие с ним тотчас согласились.

— Либо нас разорвет на кусочки, — жизнерадостно заметил он, — либо мы задохнемся от

жары, но по крайней мере один из нас должен дотянуть до того, чтобы вручить Ивару готовый меч. Может, это будет и последнее наше свершение, но, клянусь Одином и Астардом, наилучшее.

Все спустились в кузню, кроме Ивара и Регина, и взяли с собой меч. Регин едва мог усидеть на месте.

— Если бы я только достаточно очистился, чтобы им помочь!.. Но, боюсь, клинок расколется, если в нем будут мои чары. Что ж это они так тянут? Еще даже огня не развели.

После долгого молчания, когда в пещере все еще не зажегся огонь, у Регина так истощилось терпение, что он уже готов был ворваться в кузню.

— Как долго! — бормотал он, обеспокоенно поглядывая на солнце, склонявшееся к закату. — Они уже должны были завершить заклинание. Не может быть, чтобы оно тянулось так долго, Ивар. Чует мое сердце, что-то неладно!

В этот самый миг слабый алый отсвет окрасил камни пещеры. Становясь все сильнее, он превратился в поток глубокого красного света, изливавшегося из кузни и рассеивавшего сумерки. Даже Фафнир старательно облетел стороной это место, отправляясь на ночную охоту.

Ближе к рассвету Скапти растолкал Ивара и сообщил, что меч залит в форму и теперь охлаждается. С наступлением дня завел свою песню молот и пел, не уставая, пять дней. Когда один альв уставал, его тотчас сменял другой, пока меч не стал от рукояти до острия дивно тонким, совершенно прямым и гибельно острым.

К полудню шестого дня альвы вышли из пещеры, закопченные, измазанные сажей, но торжествующие. Скапти протянул Ивару меч в ножнах.

— Ты первым обнажишь новый Глим, — промолвил он. — Надо бы сказать речь, но так уж и быть, пощажу вас всех и забуду об этом. Ну вот он, Ивар, твой меч. Он немного больше прежнего и без украшений. Когда ты убьешь Фафнира, мы запечатаем на нем дракона и всю историю меча. Обнажи его, Ивар, и испытай.

Ивар медленно вынул из ножен длинный изящный клинок. Он был красив простой и строгой красотой, точно луч солнечного света, в котором пляшут пылинки. Рукоять осталась такой же, как в ту пору, когда мечом владел Элидаgrim.

— И он не сломается, — пробормотал Ивар, то ли спрашивая, то ли утверждая. В горле у него стоял комок восторга, смешанного со страхом. Меч в его руке казался хрупким, как камышинка, и небывало легким.

На закопченных лицах альвов блеснули довольные ухмылки.

— А ты попробуй, — радостно хихикнул Эгиль.

Ивар, холодея от боязни и надежды, поднял меч обеими руками. Клинок отозвался шепотом, когда он опустил его, и с чистым ясным звуком врезался в валун. Брызнули каменные осколки, но Глим не растрескался и не погнулся. Ни царапинки не было на его блистающем лезвии, зато валун рассыпался в крошево.

Альвы не завопили от восторга, а лишь заушмылялись и закивали, точно эта сцена их ничуть не удивила. Регин торжественно пожал им руки, одному за другим, поздравил и высказал свое восхищение.

— Но это еще не все, — продолжал Флоси. — Тебе ведь нужен щит, чтобы заслониться от огненного дыхания Фафнира. Щит, который не расплавится и не сгорит. — Он вручил Ивару блестя-

щий щит из легкого металла и скромно поклонился. — Я сделал его сам, — добавил Флоси, покуда Ивар любовался щитом.

Наконец наступило неизбежное молчание. Все смотрели на Ивара с нетерпением и некоторой опаской.

Вопрос, которого избегали все, задал Регин:

— Ну и когда же ты намерен вызвать Фафнира на бой?

Ивар в прошедшие дни вряд ли думал о чем-то другом.

— Я встречусь с ним на закате, когда он выползет из пещеры.

— Сегодня вечером? — с дрожью в голосе осведомился Финнвард.

— Да, — сказал Ивар, — сегодня вечером. Чем раньше, тем лучше. А теперь, если вы не против, я хотел бы побыть один. Пока не придет время.

Глава 25

ставив спутников, Ивар вышел из пещеры и спустился на песчаную арену у подножия водопада. Там некуда было бы уйти от Фафнира; с одной стороны высились отвесные скалы, с другой — зияла пропасть, в которой ярилась река, изрыгаясь из тесноты каменной чаши у подножья водопада. У Ивара мелькнула мысль, что, если его меч не справится с работой, придется ему выбирать между гибелью в огне или в воде.

Он стал так, чтобы, когда дракон выползет из пещеры, первым попасться ему на глаза. Наблюдая, как солнце медленно сползает к западу, Ивар сжимал в руке кинжал Бирны и думал обо всех приключениях, которые привели его сюда, на это место. Думал он и о родителях, оставшихся в Безрыбье, — узнали ли они о том, что он исчез из дома Бирны. Скорее всего, решил он, люди сочли его и Бирну жертвами какого-нибудь несчастья — то ли они в темноте свалились в расщелину, то ли их убили разбойники. А еще он думал о Гизуре.

Ждать ему пришлось не долго. Едва небо потемнело, как появился дракон. Он кашлял и отфыркивался сажей, болезненно моргая своими светящимися глазами. Тяжело вздыхая, Фафнир выбрался из пещеры и остановился, протирая глаза тыльной стороной чешуйчатых лап. Для пробы он выдохнул облачко пламени и тут же так

закашлялся, что Ивару оставалось лишь надеяться, что дракон задохнется до смерти, и дело с концом. Густой черный дым сочился из-под чешуи чудовища.

Ивар обнажил меч и шагнул вперед из-за укрытия меж камней:

— Добрый вечер, дракон.

Фафнир изумленно фыркнул и широко раскрыл глаза. Футах в пятидесяти от него, у самого порога его жилища, стоял какой-то ничтожный человечешка, который держался оскорбительно и угрожающе. Ворчание вырвалось из самой глубины груди Фафнира, и смертоносный хвост заметался.

— Знаешь ли ты, кто я? — прогремел он. — Я — Фафнир, сильнейший среди сильных и могущественнейший среди могущественных! От моего голоса трепещет земля! Как осмелился ты пробраться в мои владения? И что тебе здесь нужно?

Фафнир принял величественную позу, наполовину распустив крылья и изогнув когтистые лапы, а шею выгнув так, что голова почти касалась груди.

— Мы пришли за золотом, — отвечал Ивар, вытянув перед собой меч. — Оно по праву принадлежит мертвым альвам или же, во всяком случае, живым, которые употребят его во благо. Нам нужно золото, чтобы укрепить мир между льёсальвами и черными гномами.

— И ты думаешь, мы отдадим вам золото ради блага народов, до которых нам нет никакого дела? — с ворчанием осведомился дракон.

— Это сделать проще, чем убивать тебя, — отвечал Ивар, взмахнув мечом. — А я непременно убью тебя, если ты попытаешься преградить нам дорогу к золоту.

— Боюсь, что этот бой окажется неравным. Такую мелочь я мог бы запросто прикончить одним ударом.

Ивар закрутил меч над головой, и тот пропел уверенную и властную песнь.

— Неравного боя не будет, не надейся! Этот меч принадлежал Элидагриму, а теперь он мой и дан мне именно для этого поединка. Будешь ты защищать золото, Фафнир, или позволишь нам забрать его миром?

Фафнир слегка умерил свой воинственный пыл:

— Да стоит ли золото того, чтобы за него погибать? Пускай себе старый Андвари платит за него своей жизнью, если уж ему угодно каждый день рисковать ею, прыгая в ледяную воду за каждой монеткой. Если хочешь, забирай это золото прямо сейчас. Кликни своих друзей, чтобы вышли из укрытия, и забирайте золото. — Дракон неуклюже развернулся, показав Ивару колючий гребень брони на спине.

— Я думаю, у моих друзей хватит здравого смысла не показываться тебе на глаза, — ответил Ивар. — Не такие мы глупцы, чтобы верить слову дракона. Ты уже пытался нас убить, даже не потрудившись узнать, кто мы такие и что нам нужно, и потому я сильно сомневаюсь, что ты отдашь нам золото без боя.

Фафнир глянул на него через плечо:

— Для меня это золото — хлам, не больше. Мне нет дела до него, я на нем только сплю, и это не самое мягкое в мире ложе. Все, что я хочу, — чтобы меня оставили в покое, так что зови сюда своих друзей, если тебе и впрямь так нужно золото.

— Нет. Я тебе не верю. Решим это дело вдвоем, Фафнир: уйти или погибнуть; и мне нет дела до того, что выберешь ты.

Фафнир испустил тяжелый дымный вздох и расправил крылья, точно собираясь взлететь. Затем стремительно, как молния, со щелчком взметнулся его колючий хвост, вооруженный смертоносным шипом. Ивар едва успел нанести удар и отпрянуть прочь. Кончик хвоста был отрублен, и из раны хлестнула ядовитая кровь. Дракон пронзительно взревел и развернулся к Ивару, изрыгая огонь и дым. Ивар отразил пламя щитом Флоси и, метнувшись к дракону, врубился в огромную заднюю лапу Фафнира, как терьер хватает за ногу коня. Массивная чешуя была разрублена одним ударом, который рассек и сухожилия, а Ивар бросился прочь в тот самый миг, когда дракон повернулся, чтобы схватить его. Эта рана замедлила движения дракона, но подхлестнула его ярость. Дым и огонь, бурля, хлестали из его пасти, чешуя отливала вишнево-красным цветом гнева. Каждую его атаку Ивар успешно отражал, а Фафниру доставалось лишь несколько серьезных ран и множество мелких. Он попытался ударить Ивара когтистой лапой и потерял несколько когтей.

Ивар прятался за щитом от бушующего вокруг пламени. Глаза его слезились от дыма, на одной руке появился небольшой ожог, но больше ничего серьезного. Фафнир попытался отдышаться, бешено глядя на Ивара, из его зияющих ран сочился дым. Он был на диво вынослив. Рана на груди, для другого смертельная, у него лишь исторгла фонтан огня и как будто ничуть его не ослабила.

После двух новых стычек Ивар начал гадать, что же еще нужно сделать, чтобы убить дракона. Фафнир только смеялся над своими ранами и попытался зубами ухватить меч. Ивар вовремя успел отдернуть руку с мечом и не дать дракону

проделать эту штуку. Ничего не оставалось, как погибнуть, — или быть убитым драконом, или рекой. Фафнир уже несколько раз пытался прижать Ивара к обрыву, под которым бесновалась река, но Ивар счастливо избежал этой угрозы и, храбро бросившись на Фафнира, отогнал его назад. Меч, казалось, сам сражался в его руке, точно Элидагрим незримо вел его. Ивар знал, что его отяжелевшая рука не может полностью владеть мечом.

Фафнир снова помешкал, хрипя и булькая, и через плечо украдкой глянул на обрыв, оказавшийся теперь за его спиной. Тотчас же Ивар осознал величайший ужас, который дракон испытывал перед водой. Суженными, горящими ненавистью глазами Фафнир впился в Ивара и прорычал:

— Это наша последняя схватка, мой вороватый болтливый приятель. И ты, и твой проклятый меч очень скоро упокоитесь на дне Дрангарстрома!

Ивар не ответил, и тогда дракон обрушил на него ливень огня, так что щит раскалился и его почти невозможно было держать; но Ивар не бросил щита, а, держа его перед собой, подступал к дракону. Фафнир был зажат между ним и рекой.

Дракон тотчас же разгадал его намерения. Очертя голову он с яростью бросился на Ивара, скрежеща когтями и кляца зубами в отчаянном бешенстве. Ивар не отступил, сознавая еще яснее, чем прежде, что мечом управляет не только его сила, и дивясь тому, как ловко и проворно отбивает меч атаки Фафнира.

В конце концов Фафнир начал отступать. Он сделал еще несколько отчаянных бросков, которые Ивар, продвигаясь вперед, легко отразил. На-

конец Фафнир остановился на краю обрыва, ревя в последнем вызове и хлеща себя хвостом по бокам. Вода, бурлившая внизу, вплескивалась так, что брызги долетали до его раскаленной чешуи и с шипением испарялись, точно на горячих углях, а это еще больше разъярило Фафнира. Приняв оборонительную позицию, он без конца поливал Ивара пламенем, — не понятно, откуда оно бралось, думал Ивар. Пламя волнами накатывалось на него, обжигая кожу там, где она не была прикрыта одеждой. Щит, который он сжимал в руке, стал вдруг невероятно горячим, таким горячим, что удержать его было невозможно, и Ивар, отшвырнув щит, увидел, что он почти расплавился. Тогда он занес меч, словно дротик, над головой и изо всей силы метнул в разинутую пасть Фафнира. Меч проткнул огнедышащую глотку, и Фафнир завизжал и отшатнулся, безуспешно пытаясь когтями выдернуть меч. Сверкающее острие Глима пронзило его хребет и вышло наружу.

Испустив предсмертный пламенный рев, дракон перевалился через край обрыва. Раскаленный металл оглушительно взревел, опускаясь в ледяную воду, — и дракона не стало. Волны едкого пара всколыхнули ночной воздух, и наступила бездонная, мертвая тишина.

Альвы поспешно спустились со скал и нашли Ивара на краю обрыва — он лежал ничком, без чувств, почерневший от копоти.

— Живой, — прошептал Регин, все еще дрожа. — Снесите его в пещеру за водопадом. Надо поскорее залечить эти страшные ожоги.

Ивар пробудился с первыми лучами солнца и долго лежал, глядя, как солнечный свет играет в серебре водяной завесы. Альвы все еще спали. Регин сидел на замшелом камне, с посохом в

руке и сумкой у ног, и всматривался во тьму пещеры.

— Я потерял меч, — сказал Ивар, и в пещере, наполненной шорохами и перестуком капель, его голос казался еще более жалким и несчастным.

У Регина был такой изможденный вид, точно он за эту ночь прожил десять лет.

— Не важно, — сказал он. — Главное, что ты жив. В последние мгновения огонь едва не поглотил тебя. Щит попросту расплавился в твоей руке.

Проснулся Флоси, и вид у него был изрядно потрепанный.

— Может, мы сумеем достать меч из реки, — предположил он без особой надежды.

— Нет, — покачал головой Регин. — Река ниже подножия водопада бурлит, точно котел. Кто нырнет туда, тотчас утонет.

— Так, значит, Фафнир мертв? — спросил Ивар, желая окончательно в этом удостовериться.

— Мертв, как прошлогодний лист, — заверил Скапти. — Ты ловко придумал загнать его в реку, но, когда щит расплавился, я, признаться, решил, что тебе конец.

— И меча больше нет. Теперь ты никогда не изобразишь на нем дракона, Скапти. — Ивар при одной этой мысли едва не заплакал.

— Зато дракон убит, — заметил, зевая, Финнвард, и глаза его заблестели от волнения. — Теперь между нами и золотом только одно препятствие — Андвари. Высохший сучок и тот мог бы больше помешать нам. Как ты себя чувствуешь, Ивар? Твои ожоги зажили, ты сможешь идти?

Ивар поглядел на свои ладони. Там, где прошлой ночью чернели страшные рубцы и волдыри, сейчас розовела новенькая, здоровая кожа. С

изумлением поднеся руки к лицу, Ивар оглядел альвов.

— Не знаю, как вы это сделали, — проговорил он, — но это лучшая альвийская магия, какую только вы творили до сих пор, и у меня нет слов сказать, как я вам благодарен.

У альвов был довольный вид. Эйлифир вежливо кашлянул:

— Чепуха. Давай не будем говорить об этом, ладно? Финнвард, Эгиль и Скапти просто умирают от желания взглянуть на сокровища.

Двери чертога были плотно закрыты и, судя по всему, заперты изнутри. Альвов это не смутило; они начертали на песке какие-то руны, прочли заклинание, и двери с протестующим визгом распахнулись настежь. Водянистый свет хлынул на грудь сокровищ и зажег ее сиянием.

— Э-гей! — крикнул Скапти. — Есть здесь кто?

Жалкая фигурка бочком, точно краб, выбралась из тени.

— Как... как поживаете? — испуганно морщась, прохрипел Андвари. — Я думаю, это вы убили моего дракона. Правду сказать, я вам почти благодарен: он стал с недавних пор страшной обузой. Теперь он мертв. Что вы хотите сделать со мной? Бедный старый Андвари не причинит вам зла. — Ломая руки, он попытался заискивающе улыбнуться, но получилась только жуткая гримаса.

— Я уверен, ты знаешь, что нам нужно, — ответил Ивар, оглядывая сокровища.

Андвари с отчаяньем кивнул:

— Так я и знал. Что ж, забирайте, разве может остановить вас дряхлая развалина? Сокровища принадлежат вашим мертвым предкам, и злосчастье

преследовало меня с тех пор, как я начал собирать их. Надеюсь, теперь то же злосчастье последует и за вами, — добавил он вполголоса, снова прячась в тени.

Альвы принялись укладывать сокровища в свои мешки — гордость Сноуфелла, которые точно глотали груз, почти не прибавляя в размерах. Когда с этим делом покончили, уже заходило солнце, и спины у них ныли. Мешки и сумка Регина угрожающе распухли.

Андвари бродил по опустевшему чертогу, и глаза у него хитро поблескивали.

— Все забрали, до последней монетки, — скорбно протянул он. — Добычу многих столетий запихнули вы в свои мешки и ничего не оставили бедному старому Андвари. И даже Фафнира не будет здесь больше — лежит себе, бедолага, с мечом в горле где-то на дне реки. Даже кусочка золота не оставили мне утешиться!

Флоси с усилием взвалил мешок на спину и проворчал:

— Еще за несколько столетий ты наберешь столько же золота, и притом не придется делить его с драконом. Мы тебе еще и службу сослужили.

Андвари покосился на Регина, который бродил по пещере, заглядывая в каждую расселину.

— Что же вы не уберетесь? — прошипел он. — Забирайте мое золото и прочь отсюда. Золото и драконы! Я бы и хотел избавиться от них, да куда там! Все это золото рано или поздно приплывет ко мне — река смывает его с ваших ратных полей, вымывает из северных могил. Это золото приносит несчастья! Унесите, унесите его, покуда я не сошел с ума! — Он запустил пальцы в нечесанные волосы, стиснув кулаки, и почти вопил, безумны-

ми глазами неистово следя за Регином. Вдруг он попытался удрать, но Регин приказал Флоси схватить его. Старик вопил и лягался, но Флоси легко подавлял слабое сопротивление одряхлевшего тела.

Регин хмуро поглядел на Андвари:

— Здесь осталось еще одно сокровище, и я хочу получить его. Отдай мне кольцо, что ты носишь на пальце.

— Как? Вот такое маленькое колечко? — Андвари невинно заморгал здоровым глазом и поспешно сунул руку за спину. — Да это же безделушка. Неужели она так тебе нужна? Гляди, какие вы уже добыли сокровища. Там есть перстни с камнями величиной с птичье яйцо.

Регин покачал головой:

— Мне нужно кольцо, которое ты носишь на пальце.

Андвари оскалился:

— Ну, это уже просто невыносимо! Я стар и почти безумен, но кое-что еще соображаю. Это кольцо не значит для вас то, что для меня. Неужели нельзя оставить мне хоть одну золотую вещь, чтобы было чем утешиться на старости лет?

— Ты не хуже меня знаешь, что это за кольцо, — сказал Регин. — Это кольцо Орд, и оно должно исполнить свое разрушительное предназначение. Отдай его.

Андвари лягнул Флоси и начал вопить и вырываться. Флоси крепко ухватил его и несколько раз встряхнул с такой силой, что тело бедолаги брякнуло, как мешок с костями, но Андвари продолжал вопить и отбиваться. Флоси схватил кольцо и сорвал его, едва не прихватив с ним и палец. Он отдал кольцо Регину, и Андвари, злобно шипя, шагахнулся прочь.

— Что за дикая алчность! — брызгал он слюной. — Не оставить мне даже золотого колечка! Ничего, дружочки мои, я вам тоже кое-что уготовил! Вы обидели меня, и я налагаю проклятье на все это золото. Проклято оно в ваших руках и в руках всякого, кто посмеет овладеть им, и несчастья будут преследовать того, кто возьмет его себе, покуда он не избавится от золота. И неудачи будут идти по пятам за тем, кто носит на пальце это кольцо, пока все золото опять не вернется ко мне, а до этого еще очень, очень далеко, если мне придется ждать, покуда река размочит все могилы. И еще — пока это золото в ваших руках, берегитесь драконов! Я налагаю проклятье своим собственным именем, Андвари, чтоб вам никогда его не забыть! Чума и мор на ваши головы! Тьфу!

Они ушли, оставив Андвари вопить и трясти в гнев кулаками. Проклятие альвов не тревожило — они ведь добывали золото для Свартара, и долго оно в их руках не задержится. Регин надел кольцо Орд на палец, и оно сияло в солнечных лучах, пока гном разглаживал на колене карту и глядел на север, вверх по течению. Он начертил путь на равнины Хлидаренда с остановкой в Асраудрсбоге, чтобы пополнить припасы. Все время, пока маг обсуждал с альвами маршрут, Ивар неотрывно следил за водопадом, различая ссутуленную фигурку Андвари, который шнырял в тени, не спуская с них глаз. Когда путники начали подъем, огибая подножие водопада, Ивар заметил, что Андвари прыгнул в воду под водопадом, и в тот миг, когда он долетел до воды, блеснул и исчез серебряный блик, точно рыба чешуя. Ивар на миг задержался, чтобы оглянуться на песчаную бухточку, где он сражался с Фафниром. Острая боль

отчаяния пронзила его сердце, когда он вспомнил о своем мече, Глиме, что покоился сейчас в глубокой черной пасти реки или, увлекаемый течением, вот-вот должен был застрять меж каких-нибудь подводных камней, чтобы так или иначе стигнуть навеки.

Их путь по гористому спуску в Хлидаренд означал мучительное карабканье по почти отвесным откосам и скалам. Дух захватывало, когда они видели, как далеко внизу под ними разворачивается во всей своей красе Дрангарстром со всеми потоками, вплетавшимися в него, точно нитки в моток пряжи. Путники часто останавливались, чтобы успеть оценить красоту этого зрелища, — хотя и главным образом потому, что мешки были на редкость тяжелы и неудобны. Кое-где приходилось поднимать их на веревках, после того как кто-нибудь с самой проворной фюльгьей карабкался вверх и перебрасывал веревку через опасное место. Мешки с золотом, как почти сразу обнаружилось, никак не хотели сопровождать их в перемене облика, и Ивар мрачно думал, что это, должно быть, и есть первое из несчастий, которые сулил им Андвари.

Юноша настороженно ожидал несчастий, следя за каждой досадной мелочью, которая грозила разрастись в непреодолимое препятствие, но альвы, напротив, пребывали в наилучшем расположении духа. Они шутили, смеялись и, карабаясь на скалы, напевали песенки, а то и устраивали друг другу проказы. Регин, в отличие от них, шел так быстро, словно хотел поскорее избавиться от сокровищ. Он не принимал участия в глупых шутках альвов, и Ивар, все еще угрюмо тосковавший о потере Глима, отдыхал душой в его мрачном обществе.

Гора, по которой они взбирались, завершилась наконец мешаниной лавовых обломков и зарослями кустарника. Путники добрались до вершины как раз вовремя, чтобы успеть наспех разбить лагерь прежде, чем совсем стемнеет. Альвы были так измотаны, что и чаю не захотели, а просто повалились рядом со своими увесистыми мешками и заснули мертвым сном — все, кроме Эйлифира, который сам себя назначил стоять стражу. Ивар тоже крепко спал, и его мучил сон со старым Андвари, который, размахивая кулаками, выкрикивал свое ужасное проклятие. Сон был так явствен, что Ивар проснулся и сильно удивился, обнаружив, что лежит на вершине горы, залитой лунным светом, а не в полумраке пещеры. Он прислушался к ворчанию реки в каменистом русле. Если бы он встал, то, верно, увидел бы, как вода, бурля, низвергается в каменную чашу под водопадом Андвари.

Ивару мучительно захотелось пить, и, не в силах удержаться, он встал. Неподалеку от лагеря, с заснеженной вершины соседней горы сбегал ручеек. Дрожа от холода, Ивар напился и только тогда заметил, что заря уже недалеко. Он уже तोпился назад, к своему теплому одеялу, когда заметил, что кто-то карабкается снизу к вершине горы. Ивар едва не поднял тревогу, тотчас подумав о Лоримере, но тут узнал тощую и сгорбленную фигуру Андвари. Старик был шагах в двадцати от него; он кутался в плащ, прижимая к груди какой-то сверток. Миг спустя он увидел Ивара и, хрипло, испуганно вскрикнув, нырнул в кусты. Ивар бросился было за ним, но тут же остановился, удивляясь, с какой стати его должен беспокоить злосчастный старый гном. Он вернулся в лагерь и, разбудив Финнварда, рассказал ему об

Андвари — на случай, если старик будет шнырять вокруг, пытаясь похитить хотя бы часть отнятого у него золота. Затем он попробовал заснуть, но не мог и глаз смежить — ему все чудился насмешливый хохот, точно Андвари наслаждался своим проклятием.

В последующие дни путники дошли наконец до границ неизученных земель, и безымянные горы на карте сменились горами, которым, по крайней мере, успели дать название. Река несколько раз исчезала под землей, что позволило им перейти русло и взять восточнее, к Асраудрсбугу. Оттуда они собирались отправиться прямо на север — в Свартаррик.

Ивар больше не видел Андвари, но это не убедило его в том, что старый гном не следует за ними по пятам. Регин тоже как будто чувствовал себя неловко на бескрайних равнинах Хлидаренда, изредка рассеченных реками, могильными курганами или волнистыми грядами низких холмов. Ивар втайне радовался тому, что они далеко обходят курганы и разрушенные крепости на вершинах холмов, которые обозревали некогда отвоеванную землю подозрительными прорезями бойниц. Увы, на ночлег они остановились чересчур близко от развалин такого форта, потому что лишь там можно было с грехом пополам найти укрытие.

Регин стоял на страже. Все уже заснуло, а он бродил вокруг лагеря, вглядываясь во тьму и прислушиваясь. Его беспокойные шаги разбудили Ивара, который молча присоединился к магу.

— Снова гусь прошел по моей могиле, — шепотом проговорил Регин. — Лоример ищет меня, и я знаю, что он потребует выдать ему золото, меч и тебя. Боюсь, что дело дойдет до поединка,

а моя новая Сила еще не настолько окрепла, чтобы принять этот вызов.

— Альвы помогут тебе. Они хорошо овладели своим искусством.

Регин помолчал, размышляя.

— Если дело дойдет до сражения, многие из нас погибнут, может, и все. Если мы попадем в плен, всегда можно бежать... но от смерти еще никто не убегал.

Ивар ушел, оставив мага бормотать себе под нос, и улегся спать. Однако, поскольку на страже был именно Регин, опасения и подозрения сражались в нем со здравым смыслом. Он знал, что Регин до сих пор не совершил ничего, что указывало бы на предательство; напротив, он несколько раз едва не погиб, спасая их. И все же Ивар не доверял ему.

Ивар закрыл глаза, и волны сна заколыхали его. Вдруг его разбудило странное тихое царапание. Оказалось, что это Регин острием посоха чертит вокруг него и бормочет себе под нос заклинания. Ивар успокоился: он уже привык к манере Регина неизменно чертить магические круги и произносить заклинания, отгоняющие зло. Заклинание длилось дольше обычного, и Ивар успел задремать. К тому времени, когда Регин завершил круг, Ивар уже спал, и все же какая-то частица его разума бодрствовала, следя за старым магом. Регин оперся на посох и одобрительно кивнул сам себе.

Ивар проснулся незадолго до рассвета, и пробуждение было не из приятных. Пронизывающий холод напомнил ему, что недолгое лето движется к концу. Он зевнул, удивляясь тому, что Финнвард еще не бренчит чайником. Приподнявшись на локте, Ивар огляделся, не проснулись ли остальные,

но увидел только комья подмерзшей земли и седые угли костра. Регина нигде не было видно, а присмотревшись, Ивар понял, что исчезли и мешки с золотом.

Ивар вскочил с криком:

— Золото! Исчезло!

Он бросился поднимать спящих альвов, оглянулся — и не заметил никакого движения. Ивар отшвырнул изодранный плащ, которым всегда укрывался Скапти, — под плащом никого не оказалось. Лагерь словно покинули в спешке, взяв только необходимое. И нигде не было видно ни Регины, ни альвов.

Глава 26

Отчаянное положение ужаснуло Ивара, затем лишило дара речи. Он вскарабкался на холм, чтобы обозреть окрестности, но это лишь усилило ощущение одиночества. Не зная, что делать, он собрал разбросанные вещи альвов: старые плащи, горшок, тупой нож, которым Флоси размешивал чай, и мешочек с твердым сыром и черствыми сухарями. Ивар с отсутствующим видом грыз сухарь, уже всерьез и хладнокровно размышляя о случившемся.

Первое, что пришло ему в голову, — что все это дело рук Регина. Он заколдовал альвов и чарами перенес их отсюда вместе с золотом, бросив Ивара одного, без припасов и почти безоружного, и зная, что долго он один не продержится.

Далее, отсутствие следов борьбы подсказало Ивару другую мысль, которая так потрясла его, что он вынужден был сесть, чтобы не лопнула голова. Быть может, альвы попросту бросили его, когда добыли золото и Ивар стал им не нужен. «Но они ведь мои друзья, — сказал он себе. — Разве могли они так внезапно перемениться?»

Ивар обошел лагерь, перебирая в уме самые противоречивые решения этой загадки. Если Лоример схватил их всех ночью, почему же он, Ивар, уцелел и при этом даже не проснулся? Уж он-то знал, что Финнвард в таком случае поднял бы невыносимый шум... Ивар долго стоял, разглядывая место, где Регин чертил вокруг него круги и зна-

ки. Затем он поднялся по склону холма к камню, на котором восседал Регин, неся стражу. Несколько раз Ивар обошел вокруг камня в поисках любого следа, который мог привести его к разгадке. Ничего. Он оперся на камень, чувствуя всю горечь поражения. Единственным утешением было то, что всходило солнце и под его лучами таяла изморозь на черном камне.

Вдруг глаза Ивара остановились на черточках, нанесенных на камень явно чьей-то рукой. Пока таяла изморозь, знаки проявлялись четче, и наконец он разобрал целую фразу, начертанную остроконечным руническим письмом Регина: «Асраудрсбог — восток». Направление указывала стрела. Пока Ивар глазел на надпись, гадая, уж не привиделось ли ему все это, знаки, подобно изморози, истаяли в лучах солнца.

Ивар потряс головой. Вправду ли это написал Регин? А почему бы не Лоример? Лоример, не найдя его, заподозрил неладное, решил, что Регин его, Ивара, где-то спрятал. Быть может, эта надпись должна привести его прямо в когти Лоримера. Или же это послание оставил Регин для Лоримера... но тут Ивар опять помотал головой и отбросил все измышления. Это послание — единственный ключ к загадке, а значит, он пойдет по этому следу.

Сделав сверток из того, что попало под руку, он отметил для себя несколько ориентиров в восточном направлении и твердым шагом двинулся к Асраудрсбогу.

Тремя днями позже Ивар понял, что пришел в нужное место, когда раздвинул какой-то буйно разросшийся кустарник и, шагнув прямо в грязь, тотчас утонул в ней по лодыжки. Высвободив ноги, он отступил в кусты и огляделся, выискивая

признаки того, что это именно Асраудрсбог. У Регина здесь должен быть дом или башня, где он живет, — как он сам говорил, лаборатория. Ивар перебежал от куста к кусту, все больше углубляясь в болото, пока не увидал, что посреди трясины маячат развалины какой-то древней, полузатонувшей крепости. Гать, насыпанная из земли вперемешку с камнями, без особого успеха пыталась сдержать наступление болота, зато по ней можно было, не замочив ног, пройти к округлой башне, которая одна только из всех строений крепости, судя по всему, осталась обитаемой. Трясина окружила огромный дом, еще одну башню и кучку небольших торфяных хижин. Бесчисленные лягушки тянули ночную песнь, и тучи кровожадных комаров с надеждой зудели над головой Ивара, присматривавшегося к круглой башне. В одном из ее узких окон мерцало красное свечение, и ноздри его учуяли запах дыма. Ивар подполз ближе к гати и затаился в ожидании темноты.

Когда, по его мнению, достаточно стемнело, он поднялся, твердо решив рискнуть всем, только бы заглянуть в освещенное окошко. Готовясь к стремительной перебежке через гать, он уже собирался сорваться с места, когда вдруг дверь башни распахнулась, плеснув красным светом чуть ли не самым его ногам. Огромная тень заслонила дверной проем, и Ивар отступил в темноту, не сомневаясь, что эта тень не может быть никем иным, как только Лоримером.

Мгновение Лоример вглядывался в посеребренную луной темноту, затем вернулся в башню. Скоро он появился снова, волоча за собой большой сверток. Лоример дотащил его до середины гати, швырнул наземь и стоял, разглядывая его.

Сверток слегка и неуклюже развернулся, и в нем оказался изрядно взъерошенный Регин, связанный по рукам и ногам. Теперь он еще больше походил на какого-то старого ворона, который ранен и схвачен врагами, но все равно не сдается.

— Не хочешь ли еще что-нибудь сказать, Регин? — осведомился Лоример. — Я ведь предлагал тебе возможность выжить. Погром, который ты учинил в Бондхоле, ни на йоту меня не обманул. Если б я захотел, давно бы уже схватил тебя и уничтожил этих злосчастных альвов.

Регин пожал плечами со всем достоинством, которое можно было не растерять в таком унижительном положении:

— Чепуха. Тебе нужны были сокровища и кольцо Орд. Теперь ты их получил — но только Ивара и Глим тебе не видать как своих ушей.

Лоример нетерпеливо фыркнул:

— Может быть; зато у меня в руках пятеро альвов. По крайней мере одного из них я заставляю сказать, где прячется скиплинг. Надеюсь, эта мысль будет терзать тебя, когда ты потихоньку будешь издыхать в болоте. Уверяю тебя, для них эта беседа окажется не слишком приятной.

— Ты от них ничего не узнаешь. Я один знаю, где Ивар, а поскольку я скоро умру, тебе его никогда не сыскать — покуда в один прекрасный день он не вспорет тебе мечом брюхо.

В кармане Лоример одобрительно захихикал Грус:

— И я буду при этом! Благословен будь скиплинг, и благословен будь меч!

— Заткнись! — рявкнул Лоример. — Тебя бы отправить в трясины вслед за этим предателем. Всем вам назло я очень скоро завладею Свартарриком — скорее, чем вы предполагаете.

— Ты получишь королевский скипетр — осиновый кол в сердце, — отозвался Регин. — Мне остается только сожалеть, что я не доживу до этого дня.

— Вот это маг, который мне по сердцу! — воскликнул Грус. — И в самом приятном смысле этого слова.

Лоример яростно зарычал, грубо схватил Регина и швырнул его с гати в топкую болотную грязь. Затем он посохом потыкал Регина, желая убедиться, что он никак не сможет выбраться на гать. После этого чародей развернулся и поспешил назад, к башне, сопровождаемый насмешливым хохотом Груса.

Когда дверь захлопнулась, Ивар подкрался вперед и, раздвинув ветки, увидел Регина, который хладнокровно сидел в болоте со связанными за спиной руками и уже по пояс ушел в трясину.

— Регин! — позвал он. — Это я, Ивар! Не пытайся вырваться, не то тебя засосет еще быстрее. Я вытащу тебя, если сможешь протянуть подольше.

Регин едва слышно вздохнул:

— Ивар, уходи отсюда немедленно. Того и гляди, Лоример выйдет из башни и схватит тебя. Не рискуй собой, чтобы спасти это никому не нужное бречное тело. Я знаю, что ты должен думать. Верно, ты считаешь, что я оставил это послание, чтобы завести тебя в руки Лоримера. Клянусь тебе, я и не подумал, что он притащит нас именно сюда. Он содержит альвов в старом доме к югу отсюда. Помогите им бежать, и, быть может, вам всем вместе удастся вернуть золото. Лоример хранит его вот в этой башне. Беги же, чего ты ждешь?

Ивар стаскивал с себя плащ и сапоги:

— Хочу подползти к тебе и перерезать веревки на руках, чтобы ты помог мне выволочь тебя из трясины. Ты спас меня от Фафнира, ты помещал Лоримеру схватить меня, а я собираюсь спасти тебе жизнь, что бы ты там ни говорил.

Регин только вздохнул:

— Если тебя схватят, я очень сильно рассержусь, Ивар.

— Меня не схватят. — Ивар содрогнулся, плащмя скользнув в теплую воду, чтобы болото меньше засасывало его. — Как тебе удалось спасти меня в ту ночь, когда Лоример напал на лагерь?

— Я скрыл тебя чарами, и Лоример попросту тебя не заметил. А еще одно заклинание накрепко тебя усыпило. Бьюсь об заклад, что ты не услышал ни звука. Альвы, эти безумцы, сдались не так-то легко.

Ивар задохнулся, чувствуя, что глубже ушел в трясины, но тут же высвободился. Вокруг стояла немыслимая вонь болотной слизи и гнили. Наконец он добрался до Регина и перерезал его веревки кинжалом Бирны.

— Куда спокойнее попросту умереть, — пробормотал Регин. — Я уже как-то свыкся с мыслью, что мне больше не надо беспокоиться об этой проклятой вире.

— Не будь дураком! — прорычал Ивар. — Где мы отыщем сейчас другого мага? Сомневаюсь, что сыщется охотник доделывать твою работу. — Он выдернул край плаща Бирны, подвязанного к его поясу. — Теперь держись за плащ, и я тебя вытащу.

Он пополз к твердой земле, зажав в зубах край плаща. Ощущение камней и сухой почвы под

ногами привело его в восторг. Упершись в камень, Ивар начал тащить плащ на себя.

— Бесполезно, — сказал наконец Регин.

— Молчи! Тяни за плащ и не выпускай. Я обмотал конец плаща вокруг камня, так что тебя не засосет глубже — только бы сукно выдержало. — Ивар втайне мечтал о крепкой веревке и крепком пони в придачу.

С мертвой хваткой болота справиться было нелегко. Регин тянул плащ, пока тот не превратился в крученую веревку — и все как будто без толку. Наконец трясина громко, с явным отвращением чмокнула, и Регин проворно выбрался на берег.

Они пожали друг другу руки, посмеиваясь, с ног до головы облепленные болотной грязью.

— А теперь надо убираться отсюда, и побыстрее, — прошептал Регин. — Завтра он узнает, что я спасся. Ступай за мной, я знаю, где можно спрятаться.

— А как же золото? — спросил Ивар.

— Золото? Что же, по-твоему, нам двоим пойти к Лоримеру и потребовать, чтобы он вернул нам золото? При нем здесь целая шайка черных гномов, которые рыскают по окрестностям, а потом, пока что я сыт по горло Лоримером.

— Регин! Знаешь ли ты, сколько дней осталось до Свартарова Суда? Всего лишь пять! Нам нельзя терять времени.

Регин только вздохнул:

— Может быть, ты все же согласишься подождать хотя бы до рассвета?

Ивар не успел ответить — в башне поднялся шум. Они слышали, как Лоример рычал и сыпал проклятиями, затем дверь вдруг распахнулась, и наружу хлынули, размахивая оружием, черные гномы. Ивар и Регин нырнули в сомнительное

укрытие низкорослого кустарника и оттуда продолжали наблюдать за происходящим.

Последним из двери выскочил Лоример, который все еще кричал и размахивал посохом. К чести черных гномов, надо сказать, что они довольно ловко спасали свои головы от сокрушительных ударов посоха. Проворно убравшись с дороги Лоримера, они помчались по гати и едва не наступили на Ивара и Регина, но даже не заметили этого.

— И без скиплинга не возвращайтесь! — ревел Лоример вперемешку с бесчисленными угрозами и ругательствами. — Если мы не поймает его, уж лучше сразу сдаться на милость Свартара и смиренно ожидать его приговора! Проклятый скиплинг! Я прикончил бы его голыми руками, если бы не меч! Проклятье!.. Пошевеливайтесь, вы, черви в мясе Имира!

Когда гномы исчезли из виду, Лоример продолжал шагать взад-вперед по клочку твердой почвы перед башней. Наконец он рявкнул:

— Готи! Кусок лентяя, сторожишь ты золото или нет? Андвари, чего доброго, стащит его у тебя из-под носа. А уж если ему это удастся — ты пожалеешь, что пришел на этот свет!

Лоример широкими шагами вошел в башню и захлопнул за собой дверь. Регин вздохнул, ежась от озноба:

— А теперь — прочь отсюда! Надо убираться, пока на нас не наткнулись, — с этим-то ты согласен?

— Там, внутри, их только двое, — отозвался Ивар. — Если бы с нами были альвы, мы бы с этими двумя в два счета справились.

— В два счета погибли бы все до единого, — фыркнул Регин, схватил Ивара за руку и, держась

у самого края дамбы, повлек его за собой, прочь от башни. — Здесь бродят толпы черных гномов, — бормотал он, — и еще две пары следов никто не заметит, особенно если они закончатся вот здесь. — Регин ступил в воду и нетерпеливо поминал за собой Ивара. — Ну, не мешкай. Я здесь все ходы знаю. Здесь, под водой, есть старая каменная тропа. Иди за мной, да побыстрее, и без плеска.

Через густые камыши, скрывавшие их от случайного взгляда из башни, Регин и Ивар побрели к руинам древнего дома, почти до карнизов печально утопавшего в грязи и воде. Регин вскарабкался в окно и исчез в полной темноте. С тяжелым сердцем Ивар глядел ему вслед, дрожа в промокшей насквозь одежде и морщась от вони стоячей воды и торфа.

— Не сказал бы я, что это лучшее в мире убежище, — пробормотал он со злостью. — Регин! Куда ты делся?

Тихий всплеск донесся из темноты, и голос Регина отозвался:

— Заберемся на чердак, оттуда легче за ними наблюдать. Где-то здесь, в углу, сохранились остатки лестницы. Эх, когда я был еще молод, в те дни, когда Свартар только взшел на престол, здесь было такое славное местечко! Никто из нас тогда и не помышлял, что Асраудрсбог превратится в развалины, тонушие в трясине.

— Зато это наилучшее пристанище для старого одинокого чародея, — заметил Ивар, протискиваясь в окно. С отвращением окунулся он в черную воду под окном, решив, что это совмещение дома с болотом — чья-то не совсем удачная затея. Внезапно нога его соскользнула по склизкому дну, и он, бултыхаясь и молотя руками воду, погрузился по шею.

— Потише! — сердито предостерег Регин. — Держись поближе к стенам. Чем дальше от них, тем глубже.

Ивар отплевался от болотной воды и пробрался к Регину. Они отыскиали лестницу — вернее, то, что от нее осталось, — и взобрались на чердак. Пол под ногами угрожающе прогибался и скрипел под их тяжестью, зато из маленького оконца был отлично виден фасад башни.

— И что теперь? — раздраженно осведомился Ивар. Вода смыла с него почти всю болотную грязь, но мерзкая вонь осталась.

— Радоваться, что мы спрятались там, куда черным гномам и в голову не придет заглядывать, — отвечал Регин. — Когда рассветет, мы выберемся отсюда и поищем альвов. Полагаю, Лоример держит их под охраной в развалинах древнего форта на холме. Там отличная темница.

— Темница? Но как?.. — Ивар осекся. С дальней стороны болота донесся протяжный, дрожащий крик. От такого крика волосы на затылке встают дыбом и ладони покрываются холодным потом.

Ивар схватился за кинжал Бирны, сожалея, что так поспешно отдал Эйлифиру его меч. Не сравнить с Глимом, но все же сейчас с ним было бы спокойнее.

Дверь башни распахнулась с таким грохотом, что Регин вздрогнул. Из башни вышел Лоример, сжимая в руке меч, мерцавший бледно-голубым светом. Он огляделся и прокричал:

— Покажись, трус! Ты не будешь с воплями шататься по округе! Убирайся, или я тебя прикончу!

Крик послышался снова, и Ивара передернуло. Постепенно унылые вопли превратились в зловещие протяжные слова:

— Мое зо-олото-о! Отдай его, Лоример, или проклянешь тот день, когда взя-ал его-о! Река верне-от золото! Золото-о и драко-оны! Лориме-ер! Прокля-атие на тебя, Лориме-ер! — Жуткие вопли Андвари звучали так гулко, точно он кричал со дна колодца.

Лоример ответил яростным воплем и принялся обстреливать тьму ледяными молниями. Вопли Андвари смолкли.

— Попал! — объявил Лоример. — Готи! Ты не спускаешь глаз с золота?

— Слежу вовсю, — отозвался весьма мрачный голос. — Ты бы лучше не швырялся своими молниями куда попало. Если мои солдаты вернутся со скиплингом, ты можешь попасть в них. Не понимаю, отчего тебя так беспокоит какой-то там дряхлый белый гном. Конечно, лучше бы он отравлял жизнь не нам, а этим проклятым альвам.

— Зо-олото-о! Зо-олото-о! Много золота за Оттара! — опять завел унылый голос.

Лоример рывком развернулся и прислушался. Затем стремительно шагнул к краю гати.

— Что за чушь ты мелешь? — прогремел он. — Кто такой Оттар?

— Сын Свартара, ты, болван! — словоохотливо отозвался голос из темноты. — Его убили совсем не альвы. Его убил ты, Лоример! Я видел то, что видел, и знаю то, что знаю.

Лоример со свистом втянул в себя воздух:

— Тогда, старик, ты сам решил свою судьбу. Я не успокоюсь, пока не убью и тебя!

Андвари издевательски захохотал:

— А не хочешь купить мое молчание золотом? Отдай мне мои сокровища, и я не скажу Свартару, что его сын жив и здоров. Я нашел его, Лоример, и не дал ему погибнуть, как ты замышлял, на

смертоносных камнях Дрангарстрома. Отдай мне золото, и Свартар ничего не узнает!

Ивар так и пристыл к месту. Затем очнулся и с силой потряс Регина:

— Ты слышал? Слышал? Оттар не...

Регин в один миг заставил его замолчать. Лоример в ответ оглушительно взревел от ярости и снова принялся обстреливать болото ледяными молниями. Несколько молний разорвались у самых стен дом, отчего все строение сотряслось, осыпая куски торфа. Затем Лоример вбежал в башню и захлопнул за собой дверь.

Андвари время от времени снова принимался вопить, перемежая свои монологи зловещим хихиканьем. Несколько раз Лоример выскакивал из башни и осыпал окрестности ледяными молниями, которые не причинили Андвари ни малейшего вреда.

Регин торжествовал:

— Счастье изменило Лоримеру, Ивар, я знал, что так будет, с той минуты, когда он отнял у меня кольцо Орд! Теперь проклятье Андвари на нем.

Лоример метнул во тьму еще одну молнию и начал угрюмо расхаживать вокруг башни — черная тень среди теней. Вдруг он бегом сорвался по гати к тому месту, где бросил в болото Регина. Он долго шарил посохом в трясине, пытаясь обнаружить тело мага, и наконец зашагал обратно, бросая по сторонам яростные взгляды.

— Регин! — рычал он. — Я знаю, что ты здесь! Кто помог тебе спастись? Твои предатели-сородичи? Скиплинг? Тебе это не поможет, слышишь? Золото у меня! С ним я куплю все битвы и королевства! Смерть тому, кто станет на моем пути!

Покричав и поярившись еще немного, Лоример рывкнул:

— Готи! Долго еще до рассвета?

— Часа два, — был ответ. — А что?

— Пора в путь, — отвечал Лоример, утрюмым взглядом окинув болото. — Кроме того, мне пришла в голову мысль, которая, быть может, спасет все дело. А ты понесешь золото.

— Я, один? Прошу прощения, но это не под силу одному черному гному. И как же мои воины? Я не могу их бросить.

Лоример грубо засмеялся:

— Не думаю, что увижу их снова, разве что они поймают скиплинга, а в это я не верю. Он был здесь, и недавно, это уж точно. Регина нет в болоте — кто-то его вытащил. Я нашел только обрывок веревки. Что-то я засомневался в верности моих славных черных гномов, которые в последнее время начали ворчать и даже пытались покинуть меня, если вспомнить одного несчастного и то, что с ним случилось. Выйди-ка из башни, Готи, дружок, и поговорим как следует.

Готи осторожно выбрался в темноту:

— Нет, Лоример, мы по-прежнему верны тебе, хотя дела идут все хуже, особенно с тех пор, как удрали альвы. Неплохо придумано — постараться не столкнуться с ними, только я не представляю, как мы вдвоем сможем унести все золото.

— В самом деле? — отозвался Лоример и поднял руки, произнося заклинание. Готи подозрительно оглянулся, но было уже поздно. Когда туман рассеялся, Лоример обвязывал веревкой шею рослого коня, который в ужасе озирался. Хохотнув, Лоример привязал веревку к кольцу, вбитому в стену башни именно для такой цели, и принялся навьючивать мешки на спину коня.

— Регин! — прошептал Ивар. — Неужели мы дадим ему уйти?

— У него моя сумка и посох. Или ты думаешь остановить его в одиночку? Мы ведь знаем, куда он собирается везти золото, ну так пусть себе везет. Все мы — Лоример, ты, я, золото, Свартар и изгой — встретимся через пять дней у Кнута Кургана в день Свартарова Суда.

— Что? С какой стати Лоример поступит именно так? По-моему, если дать ему уйти, мы никогда не увидим ни его, ни сокровищ.

— Глупости, Ивар. Обычный человек удовольствовался бы королевским кушем — но не Лоример. Дадим ему немного форы и двинемся следом. Он не сможет двигаться быстро с этим перегруженным бедолагой. — Регин кивнул на окошко. В предутреннем свете они увидели коня, который стоял, растопырив ноги, пока Лоример приставлял на вершине тюков сумку Регина. Затем он как следует встряхнул груз, чтобы проверить, как он закреплен, отчего несчастный конь едва не свалился. Лоример отвязал веревку и повел коня по гати.

— Ну? — Ивар нетерпеливо толкнул Регина. — Когда мы пойдем за ним?

Регин страдальчески вздохнул:

— Как только найдем Скапти и других. Гномы Лоримера держали их в форте неподалеку отсюда.

— Ты применил заклятие, чтобы меня не схватили, правда? Я даже не проснулся, когда гномы схватили вас всех. Я... спасибо тебе, Регин, — неловко добавил он.

Регин натянул на голову мокрый капюшон и встряхнулся:

— Кто-то же должен был остаться на свободе, чтобы спасти остальных, верно? А сейчас нужно

выбираться отсюда, пока сырость не добралась до моих суставов. О золоте не тревожься — оно сведет нас всех вместе, пойдем мы за ним или нет. — Он вздохнул, глядя вслед удаляющейся фигуре Лоримера и сокровищам, которые покачивались в тюках на спине ковыляющего коня.

В свете зари они выбрались из болота. Ивар настороженно озирался, опасаясь возвращения черных гномов, но Регин смело вышел на гать, нетерпеливо маня за собой Ивара. Он распахнул дверь башни и, не обращая внимания на протесты Ивара, заглянул внутрь.

— Ха! — воскликнул он с неожиданной радостью. — Вот он, мой посох! Я надеялся, что Лоример в спешке позабудет о нем, так оно и вышло, — вот он, лежит, где лежал. — Он схватил посох обеими руками, глаза его торжествующе сияли. Потом маг начал шарить по комнате, которая имела такой вид, точно ее уже обшарили как следует, и вернулся с несколькими ломтями черного хлеба и куском изгрызенного мышами сыра.

— Да пойдем же! — в четвертый раз воззвал Ивар, пока Регин продолжал обшаривать свое бывшее жилище. — Регин! Мы теряем время. Чем дольше мы будем мешкать, тем хуже может прийти альвам. Неужели нельзя погодить с этим занятием?

Регин свернул в трубку несколько карт и сунул их в старую потертую сумку, извлеченную из заплесневелого сундука. Он подбирал какие-то мелкие предметы. Одни отбрасывал, другие прятал в сумку. Наконец Регин в последний раз встряхнул сумку и с гримасой сожаления заглянул внутрь.

— Эти орудия я выбросил десять лет назад как ненужные, — сказал он, закрывая сумку. — Наде-

юсь, в них еще остались кое-какие чары и мы не придем на Суд с пустыми руками.

— Это, конечно, ободряет, — начал Ивар, — но уверен ли ты...

Что-то просвистело мимо, когда он стоял в дверном проеме, одной рукой придерживая открытую дверь, и перед изумленными глазами Ивара в косяке появилась стрела, войдя в дерево по самый наконечник. Древко в серых перьях еще дрожало. С поразительным присутствием духа Ивар захлопнул двери, задвинул засовы и лишь тогда закричал:

— Регин, нас окружили!

Он метнулся к узкому окну и осторожно выглянул наружу:

— Проклятье! А у нас ни лука, ни стрел, чтобы защищаться!

Глава 27

еще несколько стрел ударились о дверь и наружные стены. Ивар до сих пор не заметил нападавших, но всякий раз, когда он подходил к окну, стрелы оцарапывали камень в угрожающей близости от него.

Регин подобрался к окну и отважился выглянуть наружу.

— Кто осмелился нападать на мага в его собственном доме? — сердито прокричал он. — Назовите себя и скажите, чем я вас обидел, или мне придется огнем ответить на ваши стрелы!

После недолгого молчания откликнулся чей-то голос:

— Эй там, в башне! Есть среди вас Регин, бывший чародей?

— Да, это я. А вы кто? — спросил Регин, делая Ивару знаки утихомириться. Ивар между тем отыскал огромное, довольно грозное на вид старое копьё и занял позицию у самой двери.

— Кто еще с тобой? — прокричали в ответ. — Лоример?

— Нет конечно, — отвечал Регин, выглядывая из бойницы. — Если вы, невежды, черные гномы и ищите своего господина, я скажу вам, куда он делся. Он отправился с золотом к Кнутову Кургану, потому что пятеро альвов-изгоев сбежали, а он их боится до смерти. И я уверен, что сейчас они уже спешат сюда и прикончат всякого черного гнома, который заступит им дорогу.

— В самом деле? Мы не боимся никаких альвов-изгоев. Регин, негодяй ты старый, чтоб дракон прижег тебе язык, — это же я, Скапти! Я только хотел убедиться, что это действительно ты и Лоримера нет поблизости. — Скапти, прятавшийся за остатками древней стены, выступил из укрытия. — Как тебе удалось спастись? И что стало с Иваром?

Ивар распахнул дверь и шагнул на порог, не выпуская из рук ржавое копьё:

— Я выловил Регина из болота — Лоримеру вздумалось половить лягушек на живца. И с какой же стати вы едва из меня дух не вышибли своей стрелой?

Альвы выскочили из укрытий и по гати бросились к Ивару и Регину, тотчас окружив их и засыпав сотнями вопросов, да еще вдобавок награждали их тычками, выражая так свою радость и удовольствие от встречи.

— Тихо! — гаркнул Ивар, перекрывая их болтовню. — У меня для вас важнейшая новость, и касается она прежде всего Флоси. Слушайте внимательно! Прошлой ночью, пока мы следили за Лоримером и его гномами, мы слышали вопли и причитания Андвари о сокровищах... и об Оттаре. Лоример ругался с ним, и я слышал своими ушами, как Лоример сказал, что это он подстроил убийство Оттара. Он поймал мальчика и бросил его в Дрангарстром, чтобы тот погиб и никто не смог бы его найти; а потом Лоример устроил так, чтобы ты, Флоси, выглядел убийцей Оттара. Но кое-кто спас Оттара, и был это старый Андвари. Я слышал, как он сам говорил об этом. Регин, Флоси, помните, что мы видели тогда в пещере Андвари? Игрушечные лодочки и стрелы из плавника.

Флоси медленно осел на землю:

— Так Оттар жив? И я убил обыкновенную выдру? Значит, это Лоример убедил Свартара, что мы убили его сына. И все это время я совершенно напрасно считал себя убийцей, несказанно мучился и жизнью рисковал не единожды — а все потому, что Лоримеру понадобилось ради своих грязных замыслов кого-то подставить под удар? Хуже того, я видел, как страдают мои друзья, и считал, что это все по моей вине, а сейчас оказывается, что все страдания были напрасны... — Флоси сжал кулаки, и глаза его вспыхнули. — Лоример заплатит за все, и я совсем не имею в виду виру. Мы отправимся к Свартару и скажем ему, что Оттар жив и потому мы ничего ему не должны. Но сначала я хочу поймать Лоримера, повесить ему на спину тюки с золотом и при первой же возможности утопить его в Дрангарстроме.

Альвы поддержали его с воинственным пылом.

— На карту поставлена наша честь, — напыщенно объявил Финнвард. — Мы не позволим Лоримеру украсть наше золото, даже если оно нам не нужно.

— Быть может, Андвари согласится отдать Оттара, если вернуть ему сокровища, — возбужденно добавил Скапти. — Тогда мы отдадим Свартару сына и наплюем на проклятую шкуру выдры!

— Ну так поспешим вдогонку за Лоримером! — воскликнул Эгиль. — Наше оружие и наша Сила при нас. Мы справимся, парни!

Регин наблюдал за альвами, покачивая головой:

— Лоример рано или поздно появится у Кнутова Кургана. Как я уже говорил, мельницы судьбы мелют сейчас особенно тонко. Мы сбережем время и силы, если отправимся туда прямо сейчас.

— Нет, — мрачно сказал Флоси, и все согласились с ним. — Сначала нагоним Лоримера и отберем золото.

Когда, ко всеобщему удовольствию, на все вопросы были найдены ответы, путники двинулись по следу Лоримера; вел их Регин, который зоркими глазами высматривал следы и творил rozpoзнающие заклинания там, где след Лоримера исчезал на кремнистой почве. По пути Флоси описал Ивару их довольно бурный побег из темницы в крепости на холме и последующее бегство черных гномов. Когда рассказ Флоси становился чресчур уж цветистым, Финнвард добавлял свои замечания. Эйлифир помалкивал, но вид у него был явно довольный.

К концу дня стало ясно, что Лоример обнаружил погоню. Он прилагал куда больше усилий, чтобы скрыть свои следы, и применял всякие хитроумные уловки, чтобы сбить преследователей со следа. Регина, однако, не обманули ложные следы и ловушки, которые оставлял за собой Лоример. В одну такую ловушку едва не попался Финнвард — он заметил с виду безвредного зайца, бившегося в силках, из которого вышло бы неплохое тушеное мясо.

— Не трогай! — велел Регин в тот миг, когда Финнвард уже хотел схватить животное. — Не известно, какие могут быть в нем чары.

Финнвард ужаснулся и отпрянул.

— Не грусти, Финнвард, — утешил его Эгиль, — может, у него мясо жесткое.

Эту ночь они провели впроголодь, разделив между собой три ломтя черствого хлеба и запив его холодной водой.

На следующий день Лоример повернул к северу, и альвы начали готовиться к предстоящему

разговору со Свартаром. Регин заверил их, что его слова в их защиту будут вполне весомы.

— Даже если у Лоримера в этой игре все козыри? — удивился Ивар.

— У Лоримера нет Отгара, — отвечал Регин. — Только Андвари знает, где его искать. Но я когда-то был советником Свартара и его отца. Мое слово должно стоять больше, чем слово Лоримера.

— Как бы то ни было, — заметил Эйлифир, — а ведь именно ты поднял Лоримера из йотунгардских болот, и вряд ли Свартар будет тебе за это благодарен.

— Не говоря уже о том, что ты отрекся от магии черных гномов ради магии Эльбегаста, — прибавил Ивар.

Регин поежился на холодном осеннем ветру:

— Может быть, может быть. Но как бы ни было мое положение невыгодно, все же я стараюсь. Если мои слова не убедят Свартара, то лишь потому, что в сердце его поселилось зло и он больше жаждет мести, нежели справедливости.

В этот же день, чуть позже, след Лоримера стал явно поворачивать к югу, а альвы помрачнели еще больше. У них осталось слишком мало времени, до того как Лоример скроется вместе с вирой в неизведанных землях Йотунгарда. В эту ночь они точили мечи и натягивали на луки новую тетиву. Финнвард и Флоси вяло переругивались, главным образом для того, чтобы развлечь остальных, но Ивар чувствовал лишь мрачное беспокойство.

— У нас есть еще два дня, — ободряюще проговорил Скапти. — За два дня многое может случиться. Мы успеем поймать Лоримера, отнять зо-

лото и доставить его к Кнутову Кургану. Судя по карте, Кнутов Курган не так уж далеко отсюда — около двадцати миль, а это от силы день пути.

Регин кивнул, но вид у него был встревоженный:

— Дай-ка мне мою сумку, Флоси. Хочу еще разок поглядеть на карту.

Флоси сидел по другую сторону костра, лицом к Регину, и с тупым изумлением смотрел куда-то поверх его плеча.

— Флоси! — громче окликнул Регин, но Флоси не шевельнулся. Регин вдруг резко обернулся и вскочил, хватая посох, отчего все прочие повскакали с мест, тоже хватаясь за оружие.

— Клянусь пламенем Муспелля! — задыхаясь, прошептал Скапти. — Что это, Регин?

Край равнины на севере был словно охвачен алым яростным пламенем. Густая завеса дыма подымалась к небу, затмевая ранние звезды и окрашивая восходящую луну в цвет крови.

— Свартаров Суд, — с трепетом произнес Регин. — Гномы Свартара зажигают тысячи костров на курганах, подавая знак отдаленным селениям, что настала ночь перед Свартаровым Судом.

— Так я ошибся в расчетах на два дня! — взвыл Скапти и, выхватив покрытую зарубками палочку, лихорадочно принялся считать зарубки

Эгиль мрачно вздохнул:

— Мне никогда не было по нраву это название. Свартаров Суд, надо же! Как бы эта ночь правосудия не стала последней в нашей судьбе.

Они вскарабкались на какие-то камни и с соты присматривались к угрюмо пылающим вдалеке на севере кострам. Каждый холм и курган озаряло зловещее пламя.

— Что ж, — сказал Регин, — пора решать. Идти ли нам к Свартару, требовать его правосудия и показать ему истинную закалку подданных Эльбегаста — или весь остаток жизни скрываться от гнева Свартара?

После подавленного молчания Финнвард сказал:

— У меня закалка точно у ржавого чайника, но думаю, что мы должны предстать перед Свартаром, как подобает истинным альвам.

— Пока Лоример исчезнет в Йотунсарде с золотом, — мрачно добавил Флоси.

Костры пылали всю ночь; наутро небо на севере все еще заволакивал дым. Путники шли на север, не сворачивая, и к закату дошли до курганов, без труда смешавшись с толпой черных гномов, которые спешили к месту Суда. Зрелище уплаты — или неуплаты — виры давало Свартару хорошую возможность показать прилюдно свое толкование закона. Когда солнце зашло, черные гномы развеселились, распевали песни и передавали по кругу глиняные кувшины — точь-в-точь дружеская компания альвов. Они поставили шатры и привязали пони вокруг курганов — исключая Кнутов Курган. Вокруг огромного королевского кургана расположились лагерем воины Свартара. На вершине кургана пылал кроваво-алым отсветом множества огней шатер самого Свартара.

Изгой с тяжелым сердцем бродили от одной компании к другой, низко надвинув на лица капюшоны — точно шайка бродячих оборванцев, которые смешались с праздничной толпой в надежде, что кто-нибудь накормит их или примет на службу. Ивар каждое мгновение ждал, что их вот-вот схватят и грубо потащат на Суд, хотя во-

круг Кнутова Кургана царило праздничное легкомыслие.

Регин бродил в толпе, оценивая ситуацию, и наконец обратился к одному из воинов, что шатались тут и там среди веселящихся соплеменников. Он что-то пошептал на ухо гвардейцу, и тот поспешил к Кнутову Кургану, все время оглядываясь через плечо на Регина и его спутников.

— Я сказал ему, что у нас послание для Свартара, — пояснил Регин, — и что мы хотим передать его лично Свартару. Никто не передумал? Другого случая спастись уже не будет.

— Я не передумал, — сказал Флоси, который весь день хмурился, терзаемый гневом невинно обвиненного.

— Если я не передумал, — тихо добавил Финнвард, — то уже никто не передумает.

Скоро вернулся гвардеец с двумя своими соратниками. Они холодно оглядели альвов, и те ответили бесстрашным взглядом.

— Свартар ожидает вас, — с натянутой вежливостью проговорил первый гном и повел их за собой к шатру; два других гнома замыкали шествие.

Они поднялись по крутому склону кургана под нарастающую суматоху среди глядевших на это гномов. В костры на соседних вершинах подбросили хвороста, и отсветы пламени еще ярче осветили Кнутов Курган.

Свартар вышел из шатра. Это был крепкий красивый гном с роскошной черной бородой, и одежда на нем была богатая, почти щегольская.

— Итак, вы вернулись, — шагнув вперед, произнес он вместо приветствия. — Не думал, что вы осмелитесь еще раз показаться мне на глаза. Где

же золото? Не верится мне, чтобы вы так нагло заявили сюда без виры.

Скапти вышел вперед:

— Мы вернулись, Свартар, и не следует обращаться с нами, как с изгоями или убийцами. Мы ничем не заслужили твоего гнева. Оттар жив; сейчас он у Андвари, белого гнома, что живет близ Дрангарстрома. Истинный убийца бросил его там, надеясь, что мальчик умрет, но Андвари спас его.

— Я убил обычную выдру, — добавил Флоси, — а не чью-то фюльгю. Сними с нас печать изгнания. Лоример, а не мы повинны во всех этих кознях.

Даже тени удивления не промелькнуло в резких чертах Свартара, и глаза его подозрительно блеснули.

— Говорите, мой сын жив? Благовидная сказка, ничего не скажешь. Веками мог бы я обшаривать Дрангарстром и не найти Оттара! Кто-то должен ответить за это преступление, чтобы обитатели Скарпсея не разучились уважать гнома Свартара. Без сомнения, эту сказку придумал для вас хитрый старый предатель Регин. Не выйдет! Покажите мне сына или золото, и тогда, быть может, я прислушаюсь к вам.

— Мы сказали тебе правду, — проговорил Регин. — Однако вижу я по тебе, весть о спасении сына тебе не внове, и теперь мир в Скарпсее продается с торгов тому, кто предложит наивысшую цену. Сколько запросили с тебя, Свартар?

Свартар бросил на него негодующий взгляд:

— Ты забыл, Регин, что ныне я — король черных гномов, а не мальчишка, который был твоим учеником? Я требую хоть немного почтения к себе, если ты вообще на это способен.

Регин скрестил руки на груди:

— Пока тыставляешь себя таким дураком — нет, не способен. Каковы условия Лоримера, Свартар?

— Условия? — высокомерно отозвался Свартар. — Лоример не ставил никаких условий. Его золото пойдет в казну Свартаррика, сын вернется ко мне, а Лоример покинет пределы моего королевства. Ну что, Регин, можешь ты побить эту цену? Если нет — кто-то должен заплатить за похищение Оттара.

— А Лоример в конце концов выйдет героем, — проговорил Регин. — Хитро придумано. — Не понимаю только, как ты можешь верить, что он действительно уйдет из твоих владений. Лоример алчет Свартаррика и так просто от него не откажется.

Свартар пожал плечами:

— Ну так я дам ему кусочек Свартаррика, незначительный лоскут земли к северу от Сноуфелла. С тобой, Регин, я не стану об этом советовать. Ты был советником моего отца, но мне ты не советник.

— Чего еще требует Лоример? — осведомился Регин.

— О, безделицу, — отвечал молодой Свартар, метнув беспокойный взгляд на Ивара. — Я никогда не верил болтовне о мече Элидагрима. С какой стати им суждено владеть одному только скиплингу? В конце концов, меч есть меч, и больше ничего.

Лицо Регина потемнело от гнева:

— Ты думаешь, мы отдадим Ивара и меч и на том дело кончится? Для чего еще, по-твоему, нужен Лоримеру этот меч, как не для того, чтобы захватить Свартаррик?

Свартар бешено глянул на него и зашагал вперед и назад:

— Не думаю, Регин. Ты всегда был старым и угрюмым занудой. Лоример уйдет на север, и этого ему хватит. В крайнем случае он обратит свои взоры на Сноуфелл. Проклятье, да ведь у него в руках Оттар и золото; что еще могу я сделать, кроме как согласиться на его условия? Свартаррик, вне сомнения, сумеет постоять за себя, и я верю, что Лоример поймет, как бессмысленно нападать на меня, даже с этим беспокойным мечом из могилы. — Он слегка повысил голос, бросая тревожные взгляды за спину, на шатер.

Скапти едва сдерживался:

— Если ты считаешь себя вправе так легко распорядиться судьбой Ивара, что ты намерен делать со всеми остальными? Без сомнения, и об этом подумал за тебя Лоример.

Надменность Свартара слегка увяла, и в глазах проглянул испуг:

— Спроси лучше у него самого.

Полог шатра отодвинуло сияющее наверхие посоха, который сжимала рука, поблескивавшая гладким золотым колечком Андвари, и из шатра к ним шагнул Лоример.

— Я все слышал, — произнес он своим обычным, холодным и сухим голосом. — Ты вел себя верно, Свартар. Придет день, когда ты порадуешься, что был верен мне. Что касается последнего вопроса — я отвечу вот этим. — Он обнажил меч и поднес его пылающее острие к самым их глазам. — Я беру себе скиплинга и Регина. Прочие исполнили свое предназначение — помогли скиплингу найти меч. Не знаю, с какой стати они должны еще обременять нас.

Альвы тотчас обнажили мечи и приготовили заклятья. Ивар сказал:

— Одну причину я тебе назову, Лоример. Бирна. Ты убил ее, и я заставлю тебя заплатить за ее смерть.

— И Гизур, — добавил Скапти. — Ты, Лоример, так легко от нас не избавишься.

— Я ждал, что вы будете сопротивляться, — ответил Лоример. — Может, броситесь на меня все разом, и покончим с этим? Где твой славный меч, скиплинг? Пора тебе узнать, что я могу подчинить себе даже силу Глима.

— Если ты так могуществен, — отозвался Ивар, — то мог бы давно уже узнать, что я потерял меч в битве с Фафниром. Он покоится где-то на дне Дрангарстрома.

Лоример на миг заколебался.

— Потерял! — прорычал он. — Проклятое упрямство скиплингов! Надо было мне оставить при себе золото, а Оттар пусть бы стал наследником Андвари. Зачем еще, по-твоему, я явился сюда? — Он угрожающе шагнул к Свартару.

— Договор есть договор! — воскликнул тот, отступая. — Не моя же вина, что меч сгинул; тебе не в чем меня винить. В конце концов, он ведь больше никому и не достанется. Вот твои пленники, делай с ними все, что захочешь, но ты должен вернуть мне сына — и золото. Я дам тебе еще земли, чтобы восполнить потерю меча. Отмена приговора к изгнанию стоит куда как много, помни об этом, Лоример.

— И ты уже присвоил себе кольцо Орд из сокровищ Андвари, — заметил Регин. — Оно так же ценно, как меч. Довольствуйся кольцом и отпусти всех, кроме меня. Мое брненное дряхлое тело вряд ли тебе пригодится, но я подчинюсь всему,

что ты ни придумаешь для меня, — только отпусти их.

Лоример только презрительно фыркнул:

— Что мне за дело до земли или изгнания? Даже убить тебя не доставит мне особого удовольствия. Что я хочу и намерен получить...

Угрюмый вопль во тьме, за кругом костров, прервал его на середине фразы:

— Зо-олото-о! Зо-олото-о! Проклятье золота на Лоримере! Когда-нибудь оно все вернется ко мне, все, до последнего колечка, и река сгложет твои кости, Лоример!

Свартар рывком обернулся, прислушался:

— Это он? Это Андвари?

— Да, это Андвари, — подтвердил Лоример, склоняя голову набок и прислушиваясь. — Я велел ему прийти сюда с Оттаром, чтобы передать тебе сына, но, похоже, его путешествие было напрасно.

— Ложь! — воскликнул Флоси, но Скапти и Эйлифир быстро оттащили его назад и утихомирили. Свартар был так возбужден, что, казалось, ничего и не услышал.

— Не отсылай его, Лоример! Мы ведь можем договориться, правда? Назови любые условия... почти любые, и я соглашусь! Чего еще ты хочешь? Золота? Титул? — Андвари завопил снова, уже с другой стороны, и Свартар беспокойно завертелся, не обращая внимания на попытки Регина успокоить его.

Лоример как будто смягчился:

— Сделай меня своим главным советником, и я еще сегодня ночью отдам тебе Оттара и золото.

— Идет! — крикнул Свартар, хлопнув его по ладони. — Эти гномы — мои свидетели. Идем же!

Регин дернул его за рукав:

— Ты не понимаешь, что творишь? Если что-то случится с тобой, ты же попросту ставишь Лоримера регентом до совершеннолетия Оттара, и что тогда будет с твоим сыном после твоей смерти? Свартар, нельзя соглашаться на это...

Свартар и не глянул на него:

— А что сделать с этими пленниками? Скажи, и все будет исполнено. Далеко ли Оттар и золото? Надо ли брать коней?

Лоример с любопытством осмотрел впившихся в него гневными взглядами альвов:

— Мы пойдем пешком — это недалеко. Что до этих изгоев, возьмем их с собой. Я за ними лучше пригляжу, чем эти болваны. — Он ткнул посохом одного из Свартаровых гвардейцев, и тот живо отпрянул. — Прикажи им всем оставаться здесь, покуда мы не вернемся.

Свартар отдал приказ командиру гвардейцев, который принял это с самым несчастным видом. Когда Лоример погнал пленников к берегу реки, Ивар оглянулся и увидел, что командир, качая головой, спорит с несколькими своими воинами.

Речные утесы были недалеко — грохот Дрангарстрома доносился даже до Кнутова Кургана. Лоример бдительно шагал позади, сжимая в руке сияющий посох. Вопли Андвари служили им ориентиром, и Свартар шел на звук, спускаясь по тропе, которая вела, прихотливо извиваясь, к самой воде. Тропа время от времени превращалась в узенький уступ, с двух сторон неприятно обрывающийся в бездну.

Лоример остановился, когда они спустились почти до конца, и указал вперед, на песчаную бухточку, почти скрытую нависшим склоном скалы. Подойдя, пленники узнали свои сноуфелловские мешки и сумку Регина, раскрытые так, что золото

каскадом брызнуло на черные камни, холодно мерцая и переливаясь в лунном свете. Ивар услышал, как Свартар восхищенно ахнул.

Свартар торопливо разглядывал и перебирал сокровища, покуда Лоример высился над ним неподвижно, точно изваянная из мрака статуя. Наконец Свартар отбросил изукрашенный драгоценными камнями венец и обратился к Лоримеру:

— Отлично, Лоример. Здесь довольно золота, чтобы купить Северный Удел. Отдай мне сына — и купишь вечные права и привилегии моего первого советника. Ну же, Лоример, чего ты ждешь? Жестокая это была шутка — похитить Оттара и вынудить меня счесть его мертвым, но я с радостью прощу тебе ее, как только ты вернешь мне Оттара. — Он неуверенно смолк. Ветер, налетавший с реки, колыхал полы плаща Лоримера. Воздух наполнился водяной пылью, которая, разлетаясь от камней, разрывала черный шелк речной глади и оставляла пенные белоснежные раны. Лоример холодно и сухо засмеялся:

— У меня нет Оттара, и я никому не могу его отдать. Ты обманул сам себя, Свартар. Как легко попался ты в мои сети! Проще простого теперь побросать в Дрангарстром ваши безжизненные тела, а затем я возьму власть в свои руки у Кнутова Кургана. Сомневаюсь, чтобы кто-то посмел протестовать! Что до Оттара — пусть себе остается, где он есть, кормится сырой рыбой вместе со старым Андвари, пока я до него не доберусь.

— Нет! — Свартар обнажил меч, и то же сделали альвы. — Теперь я понимаю, как сглупил из-за Оттара, но гном не может умереть, не сопротивляясь до последнего.

— Что же ты не слушал меня? — с горечью упрекнул его Регин.

Лоример захохотал, вскинув меч:

— Ему бы это не помогло, Регин! Ты же знаешь, я всегда добиваюсь, чего хочу... если не считать меча, который покоится на дне Дрангарстрома. Быть может, ваши кости и меч Элидагрима в один прекрасный день разделят холодное неуютное ложе меж подводных камней...

Над ухом Ивара просвистела стрела, — это Эйлифир стремительно вскинул лук и спустил тетиву. Стрела вонзилась прямо в грудь Лоримера и вмиг запылала. Чародей пошатнулся, скорее от неожиданности, чем от боли, и принялся сбивать с себя пламя. Свартар воспользовался случаем и опрометью бросился к тропе. Альвы попрятались в укрытиях и обстреливали Лоримера, хотя их стрелы только раздражали его, не причиняя серьезного вреда. Он ответил ледяной молнией и еще одну метнул по тропе вслед Свартару. Регин и Флоси сотворили огромный огненный шар, но Лоример отбил его. Чародей бросился к тропе, без труда отмахиваясь от стрел и огненных молний. Он приближался, и в редкие мгновенья затишья был слышен его злобный смех.

— Он даже не замешкался! — воскликнул Скапти. — Придется нам отступать, если не хотим получить по ледяной стреле в горло! — Он пригнулся, и еще один смертоносный удар выбелил инеем камни вокруг них.

Вдруг сверху, с тропы, на Лоримера обрушился такой ливень стрел, что чародей вынужден был укрыться. Альвы со всех ног помчались вверх по тропе, а со скалы прокричали:

— Свартар, мы здесь! На скалах Богтвир полсотни добрых воинов! Поднимайся к нам!

Ивар дернул Регина за плац:

— Свартара нет впереди, Регин!

— Да вот же он! — оглянувшись, вскрикнул Финнвард. — Верно, потерял тропу! Смотрите, он идет вдоль берега!

— Пойду за ним, — решительно сказал Ивар, отменяя протесты Регина. — Что за важность, убьют меня сейчас или нет? Золото мы уже добыли, а меч потерял навеки. Я в отряде самый ненужный.

— Неправда! — крикнул Финнвард. — Если ты погибнешь, нам конец! Задержи его, Регин!

Но Ивара уже не было — свернув с тропы, он пробирался по камням вниз, а его друзья тем временем двинулись навстречу Лоримеру. Тот спрыгнул на песок и притаился за камнем, выжидая. Гномы со скалы осыпали его стрелами, но ни одна не задела его. Отряд изгоев занял подступы к тропе, и яростная огненная магия альвов успешно удерживала Лоримера в пределах бухты.

Ивар перебежал узкую полосу черного песка, ошупью находя дорогу в темноте. То и дело он наступал на застывшие ручейки льда, а порой приходилось огибать валуны в опасной близости к воде.

Он встретил Свартара раньше, чем ожидал, — гном с опаской пробирался назад вдоль подножья скалы. Замерев, Свартар окликнул:

— Кто там? Это ты, Лоример?

— Это Ивар, скиплинг, — отвечал Ивар. — Мы спасем тебя от Лоримера. Богтвир и альвы удерживают его у подножия тропы, чтобы ты успел взобраться на скалу.

— Скиплинг! Ты пришел спасти меня? После того как я так низко поступил с тобой? Ох, каким же я стал глупцом с тех пор, как исчез Оттар! Идем, парень, поторопимся, пока кого-нибудь из моих воинов не ранили или убили там, на

тропе. До чего же глупо я заблудился! Я потерял дорогу — вообрази только, я, король черных гномов, так испугался, что ничего не видел при лунном свете! — Он с легкостью пробирался вдоль речной скалы, увлекая за собой Ивара через труднопроходимые места и попутно делая замечания насчет костлявости людей и альвов, которая ни в какое сравнение не идет с замечательными, коренастыми и дородными фигурами гномов.

— Вот он, злобная тварь! — прошептал вдруг Свартар, втаскивая Ивара под защиту большого камня, — они увидели Лоримера, который все еще отбивался от огненных заклятий, отвечая на них смертоносными ледяными стрелами.

— Я думаю, мы можем подняться по камням к тропе вон оттуда, — шепнул Ивар, указывая на склон, по которому он недавно спустился.

Они добрались туда, не замеченные Лоримером, и начали подъем. Вдруг Лоример разглядел их и метнул в них молнию. Свартар и Ивар на миг распластались в узкой впадине, затем двинулись дальше. Второй удар разделил их — Свартар увернулся от него и продолжал карабкаться вверх, а Ивар прижался к уступу, пережидая, пока стихнет ледяная ярость молнии. Глянув вверх, он убедился, что Свартар благополучно добрался до тропы, где засело полдюжины его воинов, но Лоример, как видно, избрал именно Ивара для особого наказания. Ивар вскарабкался к другому укрытию, а чародей обстреливал его ледяными молниями, не обращая внимания на стрелы и останавливаясь лишь для того, чтобы отбить удары огненных заклятий. Укрытий в крутом склоне становилось все меньше, и метания Ивара привели только к тому, что он вынужден

был спуститься на песчаную полосу вдоль реки. Ивар обнажил кинжал Бирны, медленно отступая.

Увидев Ивара, Лоример снова захохотал. Он сунул меч в ножны и, воздев руки, запел заклинание. У Ивара в запасе было лишь несколько пустяковых знаков, отгоняющих зло, но он понимал, что Лоримеру они помешают, как мухи моржу. Пятясь, Ивар сознавал, что настал миг, когда он не может спастись.

Глава 28

Ваклинение Лоримера завершилось порывом ледяного ветра, и Ивар, скорчившийся за камнем, изумился, обнаружив, что все еще жив. Осторожно выглянув из-за камня, он увидел, что Лоример сотворил инистого великана, чтобы тот отвлек на себя альвов и гномов, защищавших подножие тропы. Инистый великан был подобен ожившей буре, его смертоносный взгляд хлестал по скалам, дыхание обрушивалось на врагов порывами ветра и льда. Рев и вой чудовища раскатывался в узком речном ущелье оглушающим эхом. Стрелы и огненные шары схлестнулись с ветром и ледяными молниями, и разгорелась такая битва, что шум ее должен был доноситься до Кнутова Кургана.

Лоример начал приближаться, и Ивар метнулся к другому камню. Голубое пламя извивалось вокруг сверкающего меча чародея.

— А теперь наконец разберемся с отмщением за Бирну, — презрительно проговорил Лоример. — Зрелище твоей смерти доставит мне небывалое наслаждение. Каким-то образом ты, ничтожество, ухитрился расстроить мои тончайшие замыслы и нанести урон моей непобедимой мощи. Я не забыл ни выколотого глаза, ни унижения у Рингкнипа в Драугаркелле, и меньше всего я склонен забыть падение в шахту, в сердце Лабиринта. Ты оскорбил и унизил меня бесчисленно, и за это я покончу с твоей брэнной и настырной жизнью. Одним

своим присутствием в мире альвов ты оскорбляешь его, и я не успокоюсь, пока не смою это оскорбление твоей смертью.

Ивар заметил, что у него остается все меньше места для отступления.

— Ты сам — живое оскорбление мира альвов, — огрызнулся он. — Уйду я — придут другие, и кто-нибудь отыщет другой меч, который уничтожит тебя. Ты и так уже наполовину побежден, Лоример, — с тех пор как Регин отрекся от чернокнижия ради магии льёсальвов. Он поклялся уничтожить тебя, и если я умру — то умру, зная, что рано или поздно Регин отыщет способ загнать тебя в трясину и вбить в твое сердце осиновый кол!

Лоример яростно взмахнул своим мечом, и клинок злобно загудел:

— Я сохраню твою голову и каждый день буду слушать твои угрозы и оскорбления — и хохотать до упаду!

Ивар оглянулся на реку, грохотающую почти у него под ногами. Опять ему предстояло выбирать между двумя смертями, и он знал, что именно изберет.

Лоример, казалось, вмиг прочел его мысли и с бешеным натиском ринулся вперед, стремясь убить или тяжело ранить Ивара прежде, чем тот достигнет воды. Ивар перепрыгнул через бурлящий поток и приземлился на плоском большом камне, окруженном кипением пены. Он оглянулся посмотреть, что делает Лоример, — в тот самый миг, когда чародей прыгнул вслед за ним, занеся меч. Ивар метнулся к другому камню, черному и скользкому, с трудом успев отыскать на маленьком выступе местечко, где можно было вцепиться хотя бы пальцами. Вдруг нога его соскользнула, и

мощное течение реки повлекло его за собой, пытаясь оторвать от ненадежного захвата. Вода была холодна, как смерть, и тысячи страшных видений тотчас затопили сознание Ивара: пороги, водопады, гремящие пучины, где река ныряет под землю, чтобы продолжать свой губительный труд в темноте... и даже Андвари, который вылавливает из воды его череп, и тусклый глаз глядит на него с блеском узнавания.

Рука Ивара соскользнула с выступа. Лоример взвыл от ярости и восторга, и река ответила ему безумным ревом.

Вдруг что-то железной хваткой сомкнулось вокруг запястья Ивара. Чьи-то руки тянули, толкали его и наконец выволокли из воды на камень. Ивар хрипло дышал и отплеывался — он едва не задохнулся от водяной пыли, когда рука соскользнула с камня. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой круглое мальчишеское лицо, облепленное мокрыми волосами.

— Как ты? — тяжело дыша, спросил спаситель.

— Замечательно, — просипел Ивар. — Кто ты такой?

— Не время для расспросов! — каркнул из-за плеча хриплый шепот. Это был Андвари, его белая борода струилась в воде, точно обесцвеченные водоросли. — Возьми и выбирайся на берег, пока эта болотная падаля не удрала!

Холодный металл блеснул в воде и вспыхнул, когда Ивар коснулся его.

— Меч! — выдохнул Ивар. — Андвари, ты нашел меч!

— Подумаешь, хитрость! — проворчал старый гном. — К нему был приколот целый дракон. Поспеши за Лоримером, а мы последуем за тобой.

Андвари прыгнул с камня, рассекая воду всплеском и мерцанием серебряной чешуи. Перед глазами Ивара мелькнули хвост огромной рыбыны и гибкая фигурка нырнувшей следом выдры.

Ивар с трудом поднялся на ноги и увидел через поток чернильно-черной воды Лоримера. Чародей не разглядел Андвари и Оттара, потому что Ивара втащили на камень с противоположной стороны.

При виде Ивара Лоример испустил торжествующий вопль и занес меч, готовясь к прыжку. Ивар взметнул над головой Глим, от которого брызнуло сияние, и Лоример оцепенел. Затем он рывком развернулся и, перепрыгнув на берег, бросился бежать туда, где сражался инистый великан. Ивар с воинственным кличем прыгнул следом. Лоример только раз оглянулся и не стал мешкать. Он пробежал мимо инистого великана, который уже наполовину растаял и оплыл, но все еще бушевал и метал в защитников тропы пригоршни льда и снега. При виде Лоримера гномы и альвы дружно закричали и удвоили магический натиск на великана. Огромный огненный шар, едва не подпаливший бороды гномам на скалах, наконец рассек гиганта, превратив его в черную лужу. Лоример отбил несколько стрел и огненный шар, ни на миг не замедлив бега к песчаной бухточке, где Свартар разглядывал сокровища Андвари.

Ивар задержался лишь для того, чтобы уверить друзей в том, что он невредим, и показать им меч. Вниз по тропе хлынули гномы, собираясь вокруг своего короля и бывших пленников, которые стали теперь союзниками и героями. Толпа, размахивающая топорами, стекалась в бухточку, стремясь изловить Лоримера и отдать его Ивару на расправу. В своем вдохновлении гномы ворвались бы прямо в глубокую тень, падавшую на песок от

скального карниза, — но Ивар вдруг замер. Золото, которое Лоример так легкомысленно рассыпал по песку и камням, исчезло бесследно. Следы тянулись прямо в тень под скалой — словно по песку волокли что-то тяжелое.

— Лоример! — окликнул Ивар. — Теперь я готов посчитаться с тобой — ты же сам и бросил мне вызов совсем недавно. Выходи, Лоример, встретить свою судьбу лицом к лицу и примиришься с тем, что вернешься в болото!

Ответом ему был лишь странный шорох, сопровождаемый шипением. Регин, протиснувшись между Свартаром и Боггвиром, подбежал к Ивару.

— Ивар, лучше нам отойти, — горячо прошептал он. — Ты же знаешь, таиться — не похоже на Лоримера, если только он не задумал какую-то пакость. У меня мрачное предчувствие.

— Отступать? — гневно отозвался Свартар. — Гномы никогда не отступают.

— Сделаем, как скажет Регин, — отрезал Ивар, жестом приказывая гномам отойти назад. — И ты уйди, Скапти. Этот бой — между мной и Лоримером.

Все попятились, протестуяще ворча, и рядом с Иваром остался только Свартар — ни протесты Регина, ни уговоры Ивара на него не подействовали.

— Да, да, я знаю, что я — король и жизнь моя драгоценна, — отвечал он, яростно сверкая глазами, — но Лоример нанес урон моей чести. Если я не помогу тебе убить его, я никогда не обрету снова веру в себя. Здесь на карту поставлена честь всего Свартаррика. Если узнают, что я прятался, точно трус, и позволил сражаться за меня юнцу-скиплингу...

Ивар краем глаза уловил какое-то движение и рывком развернулся. Нечто похожее на змею,

извилистое и длинное, рванулось к ним по песку стремительно и гибельно, как молния. Ивар не успел вмешаться, как «змея» обвилась вокруг ноги Свартара и рванула его к пещере, прятавшейся под карнизом. Ивар бросился следом и одним скользящим ударом меча рассек щупальце. Пронзительный визг — и из темноты вывалилась колышущаяся груда, маленькая злобная головка нацелилась для смертоносного удара. Свартар отпрянул в сторону, но тварь разинула пасть и, злобно свистя, выдохнула облако ядовитых брызг.

— Лингорм! — закричал Регин. — Ивар, беги!

Лингорм двинулся вперед и выбросил еще одно щупальце — извиваясь, оно рванулось к Ивару, и он, рубанув, медленно начал пятиться. Свартар зашатался, задыхаясь от яда и стирая с кожи жгучие капельки. Не сводя с него злобных глаз, лингорм всколыхнулся, извиваясь, как змея, и изготовился к новой атаке. Регин метнул в него огненный шар, но тварь тотчас отразила его своим заклятием.

— Лоример! — выдохнул Ивар, и чудовище тотчас обернулось к нему, с шипением разева пасть.

— Верно, Лоример, — произнесло оно голосом чародея, знакомо, сухо посмеиваясь и угрожающе свивая и развивая кольца щупалец. — Я слышал, скиплинг, как ты призывал меня рассчитаться. Готовься к смерти — либо я удушю тебя щупальцами, либо ты задохнешься от яда. Ну что, поблекла слегка твоя отвага при виде такой великолепной фюльги?

Ивар отразил молниеносный удар щупальца, пытавшегося оплести его. Глим отсек щупальце с радостно-мстительным гулом и куда скорее, чем Ивар мог бы даже шевельнуть рукой. Голова лингорма метнулась к Ивару, брызгая ядом, и он от-

прянул, успев не вдохнуть смертоносные брызги. Лоример, презрительно шипя, тоже отступил и скрылся в пещере.

Гномы тотчас набросились на своего короля, оттащили его в безопасное место и принялись смазывать волдыри, вздувшиеся от яда.

— Надеюсь, твое замечательное чувство чести удовлетворено, — проворчал Регин. — Когда все закончится, ты сможешь похвалиться весьма благородными шрамами.

— Честь Свартаррика поставлена на карту, — процедил Свартар сквозь стиснутые зубы. — Не знать мне покоя, пока это чудище не убьют и не изрежут на тысячи кусков!

— Мы тебя не пустим, — твердо сказал Боггвир. — Мы тебя, если надо, к камню привяжем, да простит нас твое королевское величество. Не позволим мы тебе безумствовать. Эй вы, двое, приказываю вам стеречь короля! — добавил он, обращаясь к паре особенно дородных гномов.

Ивар наскоро держал совет с альвами неподалеку от пещеры. Финнвард и Эгиль дрожали и посмеивались — их пьянило предвкушение близкой опасности.

— Кто-то должен пойти в пещеру за Лоримером, — сказал Флоси. — Я понимаю — кто-то, кроме Ивара. Нельзя отпускать его одного. Предлагаю себя — я отлично вижу в темноте.

— Я позади не останусь! — с обидой воскликнул Скапти.

— И я, — подхватил Боггвир, непрошеным вмешиваясь в их разговор. — Никто и никогда не скажет, будто черные гномы изменили себе и отказались сразиться с лингормом. — Он уже украсил свои доспехи отрубленным щупальцем лингорма, которому, несомненно, суждено было

оставаться родовой реликвией, пока не рассыплется в пыль.

Ивар покачал головой:

— Лучше мне идти одному. И пускай все держатся на безопасном расстоянии на случай, если чудище выползет. Вам и так тогда хватит развлечений.

— Пойдем все вместе, — предложил Эгиль. — У каждого из нас свои счеты с Лоримером. Не загребай себе всю славу, Ивар. Нам она тоже понадобится, когда вернемся в Сноуфелл, — чтобы достойно отправиться на отдых.

Зная, что спорить бесполезно, Ивар вздохнул и сдался. Боггвир велел принести факелы; и пока они дождались огня, кто-то вдруг закричал:

— Свартар пропал!

Боггвир рывком развернулся и впился взглядом в пещеру:

— Что мы за дураки! Болтали здесь, а он тем временем проскользнул мимо! — Он обнажил меч и побежал к пещере, а за ним по пятам мчались Ивар и альвы.

— Эйлифира тоже нет, — прошептал Скапти, когда они замешкались на пороге пещеры. — Должно быть, пошел за Свартаром.

Пещера была не глубока, не просторна — не пещера, а скорее грот в каменном сердце скалы. Пол под ногами был неровный и грязный, словно здесь когда-то протекала вода. Они пробирались от одной груды камней к другой, всматриваясь в темноту при свете принесенных по приказу Боггвира факелов. Ивар уловил ноздрями порыв свежего воздуха и чуть-чуть успокоился, решив, что Лоример, вероятно, бежал через другой выход.

Они повернули за угол пещерного хода, и вдруг вспышка света, неожиданная в полной тьме, оше-

ломила их. Ивар отпрянул назад, оттолкнув тех, кто шел за ним следом. Осмелившись выглянуть из-за поворота, он окинул взором сумеречную залу, освещенную лунным светом, который лился через отверстие высоко вверх; к этому свету то и дело прибавлялись слепящие вспышки. Ивар распознал знакомый едкий запах огненных молний, а волны холода, видимо, исходили от залятый льда. Присмотревшись, он различил Эйлифира и Свартара — они скорчились за скудным прикрытием нескольких больших валунов. Лингорм забился в дальний угол пещеры и время от времени высовывал оттуда змеиную голову, чтобы выплюнуть облако яда или заряд льда. Почти сразу он заметил новых врагов и испустил пронзительный воинственный вопль.

Голос Лоримера загрохотал, отдаваясь эхом от стен пещеры:

— Ага, вы все же явились сюда, чтобы умереть вместе! Что за глупцы! Ты особо огорчил меня, Регин. Ты мог бы далеко пойти, если б стал моим помощником, и даже скиплинг и меч могли бы нам пригодиться, если б только вы осознали, что ваше предназначение в жизни — быть орудиями в руках великих — таких, как я.

— Ты умрешь, Лоример, — отвечал Регин. — И, полагаю, очень быстро. Настал твой час, Ивар. Не бей его в голову — у лингорма это не самое уязвимое место. Если хочешь сразу его прикончить, целясь в сердце.

Ивар глядел на груды извивающихся черных щупалец, гадая, где у этой твари может быть сердце. Он двинулся вперед — друзья следовали по пятам — и скоро добрался до Эйлифира и Свартара. Оба откровенно радовались, что к ним подоспела помощь.

— У меня есть золото, скиплинг, — проговорил Лоример. — Я ведь знаю, как скиплинги любят золото. Мы поделим сокровища, только обрати свой меч против гномов и альвов, чтобы мы могли уйти. Это золото сделает тебя могущественнее, чем мечтал Свартар в самых своих алчных снах. Я обещаю тебе все, чего ты ни пожелаешь, скиплинг, — золото и власть.

— А где же золото? — обратился Ивар к Регину, не спуская глаз с лингорма.

— Скорее всего, проглотил, чтобы унести и спрятать где-нибудь, — пояснил Регин. — Но это золото должно вернуться к тем, кому оно принадлежит по праву, — реке и Андвари.

— Никогда! — завизжал лингорм, выскакивая из своего укрытия. Альвы подняли мечи и луки и шагнули вперед. Черное щупальце метнулось к Финнварду, и Ивар, прыгнув к нему, начисто отсек смертоносную мерзость. Увертываясь от колотящих по воздуху щупалец, он ухитрился нанести удар в тело лингорма и отскочить прежде, чем его задело щупальце или осыпали ядовитые брызги.

— Ты его ранил! — торжествуя воскликнул Флоси, который помог Финнварду отбиться и все еще красовался, гордясь собой. — Прикончи его, Ивар, прикончи! Из его шкуры мы наделаем сотню пар башмаков, а из черепа смастерим тебе пивную кружку! А глаза и зубы...

Эту речь прервал Лоример, который выскочил из укрытия, хлеща воздух щупальцами и изрыгая из пасти яд. Его враги отступали перед смертельным бешенством твари, понимая, что не рискнут подобраться к ней слишком близко, чтобы нанести удар. Ивар отступал последним, держась подалеже от ядовитых брызг, которыми целило в

него чудовище, дразняще близко от хлещущих щупалец, которые уже большей частью превратились в культы стараниями его меча.

Вдруг через завесу яда прорвалась голова лингорма, и на миг Ивар заглянул прямо в убийственно сверкавший глаз Лоримера. Затем Глим нанес по голове чудовища сокрушительный удар, который прикончил бы любое другое обычное существо. Лингорм издал придушенный вопль и отпрянул, дав возможность Ивару нанести еще один весомый удар. Тварь на диво ловко увернулась, и Ивар успел насчитать в мускулистых боках лингорма семь опухолей — это были набитые золотом мешки и сумка Регина. Затем лингорм скользнул вверх по скальной стене пещерного зала и устремился к верхнему отверстию.

— На скалы! — закричал Ивар. — Не дадим ему уйти!

Они выбежали из пещеры, испугав ожидавших снаружи гномов, и поспешно бросились вверх по тропе на вершину скалы, где гномы, видевшие появление Лоримера из пещеры, с радостью поделились своими впечатлениями с Иваром. Чудовищная тварь скользила по скалам, направляясь к востоку, когда Ивар и бежавшие за ним альвы и Регин перехватили ее. Ночь подошла к концу, и в тусклом свете зари фюльгья Лоримера оказалась еще более жутким зрелищем.

Лоример замер, с ненавистью взирая на них единственным целым глазом. Он яростно шипел, но облачка яда были уже куда мельче прежнего. Черная жесткая шкура и обрубки щупалец сочились темной кровью.

Помня о битве с Фафниром, Ивар безжалостно оттеснял лингорма к реке, как он ни хлестал хвостом, ни шипел и ни плевался.

— Пришел тебе конец, Лоример, — хрипло проговорил Ивар. — Я поклялся, что убью тебя за Бирну, и теперь ты умрешь.

Лингорм с трудом бросился на него, шипя и клацая зубами; у него уже не хватило сил отбить звенящий удар меча. Тварь зашаталась, балансируя в опасной близости от края обрыва.

— Он умирает! — торжествующе воскликнул Финнвард, храбро рубанул чудище по хвосту и тут же отскочил.

— Я умираю, но еще не умер, — прохрипел голос Лоримера. — Наноси смертельную рану, скиплинг. Сражение с тобой истощило меня.

Извивающиеся кольца щупалец дрожали, злобная расплюснутая голова без сил клонилась к земле. Ивар не колебался; метнувшись вперед, он раз за разом погрузил Глим по самую рукоять в бледное брюхо лингорма. Тварь содрогнулась с воплем, яростно заметаившись. Одно из уцелевших щупальцев обвилось вдруг вокруг запястья Ивара, пытавшегося выдернуть меч, и Лоример проревел:

— Великие не умирают в одиночку!

Собрав все последние силы, он покатился к краю пропасти, по кровавому следу волоча за собой Ивара.

Альвы закричали от ужаса и вцепились в извивающиеся щупальца лингорма, тщетно пытаясь помешать ему перевернуться в пропасть вместе с Иваром. Предсмертные судороги отшвырнули прочь Скапти и Эйлифира, но Финнвард, Эгиль и Флоси повисли на лингорме, точно решили погибнуть вместе с ним.

Ивар тотчас оценил обстановку. Один миг — и он выхватил кинжал Бирны и рассек жесткое щупальце. Ивар отпрянул в безопасное место, во все горло крича цепким альвам, чтобы они отпус-

тили лингорма. Альвы метнулись прочь, и тело лингорма, безвольно скользя по краю обрыва, перекатилось вниз и, уже безжизненное, кануло в алчно ревущую реку. Прежде чем исчезнуть в воде, труп на миг застрял, когда рукоять меча зацепилась за трещину в камнях, взрезав черную кожу, — и ливень золота хлынул из разреза, звонко зацокав по скале. Затем тело лингорма накренилось и рухнуло вниз. Подбежав к краю обрыва, альвы успели увидеть, как черная громада твари с плеском ударилась о воду, разбрызгивая золото, слепяще засверкавшее в лучах новорожденного солнца. Река с жадностью схватила свою добычу и осторожно пронесла ее мимо камней, затем охватила и увлекла прочь.

— Он снова сгинул, — устало проговорил Ивар. — Меч, который поразил двух чудовищ.

Свартаров Суд и правосудие вершилось в эту ночь на вершине холма над рекой. Праздничное настроение достигло еще большего подъема, когда гномы узнали поразительные вести о гибели Лоример от руки героя-скиплинга. Самым, пожалуй, радостным событием было возвращение Оттара — его привел Андвари, который вцепился в ладошку мальчика мертвой хваткой и хмуро косился на костры и всеобщее веселье, покуда не отдал своего юного подопечного Свартару, и никому иному. После того он бы с охотой скрылся и вернулся на свою любимую реку, но Свартар удержал его и торжественно наградил великолепной золотой цепью и медалью, которую следовало носить на шее, а также богатой одеждой. Андвари изо всех сил старался скрыть свою величайшую радость, но здорово перепугался, когда Свартар

пожаловал ему ранг коричневого гнома со всеми положенными этому рангу благами и привилегиями.

— И это еще не все, — продолжал Свартар, когда Андвари снова безуспешно попытался улизнуть. — За все те годы, что ты верно охранял сокровища Дрангарстрома, и за спасение моего бесценного сына Оттара я предлагаю тебе насовсем поселиться в чертогах Свартхейма и стать главным хранителем моей сокровищницы.

Андвари покачал головой и даже энергично встряхнулся всем телом:

— Благодарю тебя за предложение; уверен, что у тебя хранятся дивные сокровища, и это в самом деле очень щедрое предложение. Но, видишь ли, я знаю каждый кусочек золота в моей сокровищнице так хорошо, словно нахожусь среди старых друзей, а твоя сокровищница была бы домом, полным чужаков. Я должен вернуться к водопаду и дожидаться там, покуда вода принесет назад все мои сокровища, монетку за монеткой, колечко за колечком, и я выловлю их из реки, бедняжек. Да и не умею я держать себя в роскошных замках, среди полчищ народу; нет, нет, мне совсем это не по душе. Отпусти старого Андвари назад, в его пещеру, и он будет век тебе благодарен. — Скрипучий голос Андвари срывался, когда он озирает море окружавших его дружеских лиц гномов. Он переминался в смущении с ноги на ногу, точно ему не терпелось поскорее удрать в пещеру.

Оттар, стоявший рядом с отцом, метнулся к Андвари и остановил его. Маленькая смуглая ладошка протиснулась меж искривленных пальцев старого гнома, и Оттар заглянул в его морщинистое лицо:

— Но ведь ты еще придешь навестить меня, правда? Так весело было резвиться в реке и мчаться вниз по течению с водопадов! Обещай, что мы еще сделаем это!

Губы Андвари сложились в улыбку, такую редкую на его лице. Он хитро заморгал и, озираясь, прошептал:

— Конечно, конечно, только не говори об этом никому. Прощай, Имп!

— Но погоди! — вскрикнул Скапти, однако Андвари уже исчез. — Гром и молния! Я хотел узнать, как же он нашел Оттара. Из старого скупердяя лишнего слова не выдавишь.

— Я расскажу, как это случилось, — раздался чистый голос Оттара. — Я бродил по болотам в озерном краю, где и началась вся история. Вокруг шнырял Лоример, явно замышляя недоброе, и я решил проследить за ним, приняв свою фюльгю. Увы, вопреки приказам. Стыдно сказать, но я удрал от наставников... — Он виновато оглянулся на отца. — Я начал следить за Лоримером. Я и представить себе не мог, что он узнает меня в облике выдры, но так и вышло, и он поймал меня. Он долго нес меня, через ужасный холод и чародейские ветры, пока мы не достигли огромной реки, — где, как сказал Лоример, я должен был умереть. Он бросил меня в воду, и я, верно, утонул бы, если бы не удалось выбраться на большой камень посреди реки. Там я просидел целых два дня совершенно один. Я ужасно проголодался, а вокруг все плавала большая рыба и поглядывала на меня. Мне хотелось поймать ее и съесть, но теперь я рад, что не мог сделать этого, потому что это был Андвари. Наконец он взял меня с собой в пещеру, и мы подружились. Мы долго жили вместе, а потом забрали золото, и это вернуло

меня отцу. Ох, отец, я знаю, что был непослушен и принес тебе столько горя, и мне ужасно стыдно.

Свартар кашлянул и покивал, держа руку на плече Оттара, словно хотел удостовериться, что его сын в самом деле жив и здоров.

— Я чувствую себя таким негодяем оттого, что ограбил старика, — вздохнул Флоси. — Хорошо бы, он поскорее получил назад все свое золото. Но вот чему я больше всего рад — так это тому, что убил простую выдру, а не Оттара. Вы и представить себе не можете, как я рад!

Свартар вынул из-под плаща сверток и, встряхнув его, показал всем шкуру выдры.

— Я сохраню ее у себя, — сказал он. — Эта шкура едва не стоила мне жизни и королевства. Пусть же она напоминает мне, чтобы я не принимал поспешных решений и не давал овладеть собой бешеному своему нраву. Подумать только — я едва не развязал войну с моим старым другом и союзником Эльбегастом! Когда вернетесь в Сноуфелл, друзья, передайте ему мои извинения.

Вдоволь попраздновав и наслушавшись поздравлений и восхвалений, путники покинули Свартаров Суд. На прощанье Свартар одарил их новой одеждой и семью крепкими пони, и они двинулись на север. Когда они остановились, чтобы в последний раз глянуть на Дрангарстром, Ивар безмолвно простился с Глимом, утешая себя, что в один прекрасный день меч окажется в сокровищнице Андвари, а там, без сомнения, он будет больше к месту, чем в Безрыбье.

Весь путь, почти до самого Сноуфелла, он все время думал о Безрыбье. Мысль об опустевшей хижине Бирны странной болью пронзила его серд-

це. Казалось, минула целая жизнь, а между тем прошел всего лишь год с тех пор, как Ивар покинул родные края. Он знал, что должен вернуться.

Альвы шумно протестовали и уламывали его остаться. Только Регин держался в стороне и задумчиво хмурился.

— Регин, скажи ему, ведь в Безрыбье он только попусту расточит сам себя! — в отчаянии воскликнул Финнвард. — Как он может даже помышлять о том, чтобы снова ловить рыбу и пасти скот? Послушай, Ивар, я видел твое будущее — тебе не избежать богатства и счастья, и если ты вернешься, то когда-нибудь станешь именитым вождем и полководцем, так что лучше уж оставайся здесь с нами, этот мир куда рискованней и интересней. Если хочешь, мы отыщем для тебя еще одного дракона.

— У меня на Белом Холме остались еще кое-какие дела, — отвечал Ивар. — Бирна все еще направляет мою жизнь. Если сумею, я хотел бы продолжать ее дело. Ее смерть оставила пустоту в мире, и я хочу применять ее целительное искусство, чтобы лечить больных и раненых альвов. Дом Бирны — врата между двумя мирами, и эти врата должны оставаться открытыми. Ты бы мог мне помочь, Регин.

Регин покачал головой:

— Я еще слишком мало искушен в белой магии и не смогу многому научить тебя. Нет, тебе нужен разумный наставник, знающий и многоопытный, и я точно знаю, кто именно. — Он извлек из своей сумки черный кожаный кошель и протянул его Ивару.

С недоверчивым видом Ивар заглянул в кошель — и вскрикнул от ужаса, едва не выронив его:

— Да это же Грус! Ты, верно, шутишь, Регин?
Грус взбудораженно захихикал:

— Лоример выбросил прочь старого бедного Груса, иначе бы он не кончил так плохо. Я, конечно, старый лиходея, но, поверь мне, Регин нагнал на меня такого страха, что я дрожу всем телом, если можно так сказать. Я не направлю тебя на ложный путь. О травах и целительстве я знаю все. Я, видишь ли, собирал всю магию у себя в голове.

Ивар затянул кошель и сунул в свою седельную сумку:

— Думаю, я должен поблагодарить тебя, Регин. Грус послужит мне напоминанием о вещах, которые я предпочел бы забыть. Ну что же... пожалуй, я решился. Когда ты сможешь отослать меня на Белый Холм?

Регин уткнулся в карту:

— Врата неподалеку отсюда... милях примерно в пяти.

— Так скоро? — задохнулся Финнвард. — А я-то надеялся хотя бы доказать тебе, что пеку лучшие в Сноуфелле масляные пироги. Ты представить себе не можешь, как я мечтаю снова получить тихую, спокойную должность. Я уже не раз доказал себе, что могу сражаться при необходимости, но все же предпочитаю, чтобы полем сражения служила кухня. Не все мы созданы для того, чтобы ковать мечи да воевать с драконами. — Он покосился на Флоси, который по возвращении в Сноуфелл собирался пойти в ученики к кузнецу.

Как ни медленно они брели, а пять миль закончились на диво быстро, и в конце концов Ивар был готов отправиться на Белый Холм. Из центра каменного круга он глядел на уныло вытянутые лица альвов:

— Вам всем повезет, я уверен. Скапти, я знаю, что Эльбегаст когда-нибудь поймет, какой ты отличный предводитель, и отдаст под твое начало лучшее свое войско. Эгиль, я надеюсь, что ты выберешь какое-нибудь здравомыслящее занятие...

— Мне бы больше подошли домик с садиком, — со вздохом отозвался Эгиль. — Бо-ольшим садиком — чтобы вместить всех желающих послушать мои любимые байки. Скромнее некуда, верно?

— А ты, Эйлифир... — Ивар поглядел на молчаливого альва и покачал головой. — Я так и не разгадал тебя, знаю только, что впереди у тебя приключения еще чудесней прежних.

Эйлифир торжественно пожал ему руку:

— Как-нибудь вернись и разыщи меня — и мы испытаем такое, что Фафнир покажется ягненком. В мире много неизведанных мест, Ивар, и если уж мне предстоит их изведать, ты мог бы ко мне присоединиться. — И он улыбнулся, все такой же таинственный и загадочный.

— Как всегда, я последний, — заговорил Флоси и, шагнув вперед, пожал руку Ивару. — Ну вот, Ивар, теперь тебе станет легче — я перестану тебя раздражать. Ужасно несправедливо, что ты уходишь именно тогда, когда я наконец почти тебя полюбил; только не надейся, что так легко от меня избавишься. Я буду часто навещать тебя, а если не поостережешься, то в один прекрасный день поставлю себе кузню где-нибудь в мире скиплингов, как это сделал один из Даинов. Прощай, Ивар.

Ивар обернулся к Регину, всей душой желая извиниться за свои прежние подозрения, — но обнаружил, что не в силах вымолвить ни слова.

— Ну ладно, — грубовато сказал Регин, обеими руками сильно пожимая руку Ивара. — Спасибо

тебе за то, что избавил меня от рабства у Лоримера. Думаю, мы оба будем довольно часто пользоваться вратами на Белом Холме. Если я тебе понадобится, позови меня вот этим. — Он положил в ладонь Ивара небольшой сверток, запечатанный воском. — Прощай. Удачи тебе, Ивар.

Он вскинул руку в прощальном жесте, и тотчас холмы и утесы Сноуфелла стали таять в тумане. Голова у Ивара закружилась, он покачнулся, точно земля завертелась под его ногами. Глянув вниз, он заметил, как что-то рыжее опрометью метнулось к нему, и мягкая тяжесть с размаху ударила его в грудь. Ивар повалился наземь, что было как нельзя кстати — так у него кружилась голова.

Миг спустя сварливый голос вывел его из оцепенения:

— Ну вот мы и дома. Давай-ка поскорее примемся за свои травы и вонючие снадобья. Надобно признать, что приятно оказаться так близко от моей дорогой могилы.

Ивар сел, моргая, и тотчас узнал голос Груса, и зеленые холмы, и замшелые утесы Белого Холма. Ниже на холме паслись овцы, и залив пересекала рыбацья ладья. Он поднялся, ощутив на плечах плащ Бирны, славную защиту от весеннего холода, и зашагал вниз, к распадку меж холмов, где стоял ее сложенный из торфа домик; к его величайшему облегчению, с домом ничего не случилось. Внутри лежал толстый слой непотревоженной пыли.

— Вот теперь мы действительно дома, Грус, целы и невредимы, — проговорил Ивар, водружая Груса на почетное место на верхней полке, откуда тот мог надзирать за порядком и брюзжать насчет пыли и уборки.

Ивар развел огонь в очаге и поставил греться воду для чая. Тоскливое желание призвать Регина слегка ослабело, но ему все еще доставало подначек Флоси и добродушных колкостей Финнварда.

Печальные размышления Ивара внезапно прервал Грус:

— Снаружи у двери кто-то есть. Смотри, Ивар, будь поосторожней. Опасную ты избрал для себя работенку — хранить врата в мир альвов.

— Помолчи, Грус. Ты меня не запугаешь

Тем не менее Ивар с опаской приоткрыл дверь, чтобы выглянуть в щель. Что-то мягко, но решительно толкнуло дверь снаружи, и в дом вошел огромный рыжий кот, который приветствовал Ивара вежливым: «Мр-р-рау-у!» — и начал, громко мурлыча, тереться об его ноги.

— Финнвард? — Ивар опустил на колени, не веря собственным глазам.

Кот ответил протяжным мяуканьем и отправился подробно обследовать домик. Завершив обследование, он устроился на коврик перед очагом и зажмурил глаза с таким видом, словно был намерен никогда больше не пускаться в путь.

М. СЕМЁНОВА
Волкодав

В «Волкодаве» читатель найдет и захватывающий сюжет, и сцены схваток, описанные со знанием приемов рукопашного боя, и романтическую любовную линию, но «Волкодав» Семеновой — нечто большее, чем очередной роман в жанре героической фантастики

До сих пор Мария Семенова выступала как автор исторических романов и научно-популярных работ о викингах и древних славянах. Вот почему и придуманный ею мир в некотором роде совершенно реален. Следя за головокружительными приключениями персонажа, чьим именем названа книга, читатель утолит не одну лишь жажду неизведанного и опасного, но и получит весьма цельное представление о жизни народов, очень напоминающих древних славян и их соседей. В этой книге нет набивших оскомину эльфов и гоблинов, на ее страницах воскресает наша, славянская, «волшебная реальность». В ней живет и сражается последний воин из рода Серого Пса, имя которому Волкодав.

За шесть месяцев книга выдержала четыре переиздания и продана общим тиражом свыше 150 тысяч экз.

М. СЕМЁНОВА
Валькирия

Роман «Валькирия» относится к популярному, но, увы, редкому теперь историко-приключенческому жанру. Только открыв книгу, сразу же погружаешься в удивительный мир наших далеких предков — славян, мир суровый и чистый, населенный искренними, сильными, мужественными людьми. Можно смело сказать, что до Семеновой никто не писал о древних славянах так увлекательно и достоверно. Их жизнь, полная сражений, веры, страсти, описана так убедительно, что начисто забываешь о тех веках, что нас разделяют.

Лот № 124

576 с. В переплете 12,5Х20
Цена с учетом почтовых расходов
16 300 р.

Лот № 123

464 с. В переплете 12,5Х20
Цена с учетом почтовых расходов
14 250 р.

Ник Перумов известен как автор ставшей бестселлером трилогии «Кольцо Тьмы». Это свободное продолжение «Властелина Колец» Толкина вызвало много споров и сделало Перумова одним из самых читаемых сегодня писателей-фантастов.

Лот № 135

Ник ПЕРУМОВ
Летописи Хьёрварда
В 3 книгах

Читателей ждет таинственный континент Хьёрварда, где среди зеленых холмов текла размеренная жизнь эльфов, гномов и людей. Но бросив вызов могущественным Богам, вышли на поединок с ними Волшебник и его ученик. Эта борьба раскачала устои мира и открыла дорогу хаосу.

И упали с небес плотоядные звезды, и открыл глаза Властелин Мрака. Захватывающая, почти детективная интрига романа, сложное переплетение судеб героев, любовь, которая оказывается порой сильнее мечей и магии, сделают эту книгу интересной для многих читателей.

Роман «Земля без радости» из этой трилогии выдвинут на соискание сразу трех престижных литературных премий — Беляевской, «Странник» и «Интерпресскон».

В переплете 12,5Х20 Цена за 3 тома
с учетом почтовых расходов —
45 900 р.

Для того чтобы получить заинтересовавшие вас книги, необходимо заполнить почтовую открытку, указав в ней номер лота, название книги, имя автора, количество необходимых вам экземпляров, и послать ее по адресу: 109033, г. Москва, а/я 66, «Книжная лавка».

Не забудьте указать свой обратный адрес.

Предварительной оплаты не требуется. Книги будут высланы наложенным платежом сразу после получения вашего заказа.

Литературно-художественное издание

Элизабет Бойе
УЧЕНИК ВЕДЬМЫ

Легенды Скарпсея
Летопись первая

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректор
Анастасия Келле-Пелле

Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано к печати с оригинал-макета 25.04.96.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Сенчури.
Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 24,36. Изд. № 54. Заказ № 296.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Это было время, когда тайными тропами
несли сокровища в свои кладовые черные гномы.
Это было время, когда по глубоким ущельям
прятались кровожадные тролли.

Это было время,
когда из неприступных твердынь
выходили на битву со Злом славные витязи.
Это было время, когда слагались

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ